

КАЗАКИ.

ДОНЦЫ, УРАЛЬЦЫ, КУБАНЦЫ, ТЕРЦЫ.

Очерки изъ Исторіи и стародавняго казацкаго быта въ общедоступномъ изложеніи, для чтенія въ войскахъ, семьѣ и школѣ.

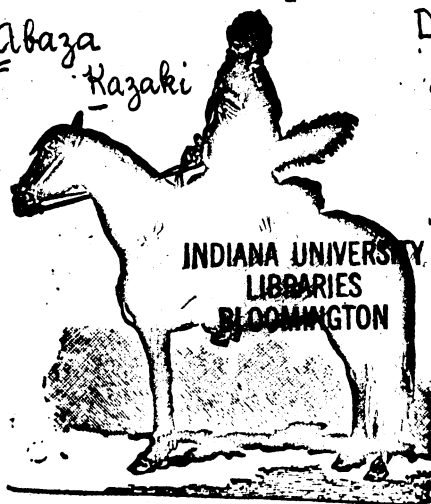
СЪ РИСУНКАМИ И ВИНЬЕТКАМИ.

2-е изданіе, исправленное и дополненное
СОСТАВИЛЪ

К. К. Аваза.

*К. К. Аваза
= Казаки*

*DK 35
. A 3*

Изданъ В. Березовскій

С.-Петербургъ. Колокольная, собствен. домъ, № 14.
1899.

SK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Донцы.

	стр.
I. Казачьи шурты и добываніе Азова	3
II. Какъ донцы жили и воевали въ старину	17
III. Казацкая вольница	29
IV. На царской службѣ	44
V. Трудные годы	58
VI. Въ осадахъ и на штурмахъ	73
VII. Въ погѣ	83
VIII. Станичный бытъ донцовъ	99
IX. Какъ донцы постояли всѣмъ войскомъ за русскую землю	114
X. Заграничные походы и возвращеніе на Донъ	130
XI. Донцы на Линіи	149

Уральцы.

I. Какъ собиралось Яицкое войско	163
II. Яицкая Линія	179
III. Пугачевская смута	190
IV. Подвиги екатерининскихъ войскъ и забвеніе винъ казачьихъ	203
V. Уральцы у себя дома	217
VI. Трехдневный бой подъ Иланомъ	227

Кубанцы.

I. Войско «вѣрныя» черноморцевъ	139
II. Черноморская Кордонная Линія	252
III. Полузѣловая служба	267
IV. Пластуны	279
V. «Горѣли, сгорѣли, а не сдались!»	289

Терцы.

I. Гребенское войско и Терское	299
II. Какъ они жили и отправляли Государеву службу	310
III. Кавказская Линія	320
IV. Лѣвый флангъ и Правый флангъ	331
V. Лабинцы и Хоперцы	345
VI. Султанцы	356

ДОНЦЫ.

ADDITIONAL

I.

Казачьи юрты и добываніе Азова.

С. Давыдовъ III

Воросшіе густыми камышами берега «тихаго» Дона, его безчисленные островки, обиліе рыбы и дичины, достатокъ въ лѣсѣ и степное приволье — все вмѣстѣ манило къ себѣ изъ Руси бѣдняковъ, бездомовишकों, на житье на вольное, на ка-

шачьес. Тутъ всегда была надежда на наживу: въ степяхъ паслись табуны погайцевъ, но Волгѣ ходили караваны съ хлѣбомъ, съ солью, съ воинскимъ запасомъ; степью проѣзжали московскіе и турецкіе послы съ богатыми подарками; наконецъ, подъ рукою вѣчно шумѣло синее море, по берегамъ котораго стояли въ красѣ и зелени завѣтные города: Трансзонты, Синогы, Царградъ, Кафа, Керчь. И подобно тому, какъ на низовьяхъ Дигъпра осыло Запорожское братство, такъ же и на низовьяхъ Дона скопчалась вольница, получившая впоследствии названіе «великаго войска Донскаго». Неизвѣстно, гдѣ именно поселились первые удалыцы; но когда число ихъ умножилось, они укрѣпились въ городкѣ Раздоры, въ 120 верстахъ отъ турецкой крѣпости Азова, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Донецъ сливается съ Дономъ. Вообще, казачьи городки ставились всегда въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу или за болотомъ,

Slavic

на островѣ или между густыхъ камышей. Облюбовавъ мѣстечко, обвѣсивъ его частоколомъ или плетнемъ, а снаружи присыпали изъ небольшой канавы землю—вотъ и вся защита. Окружная мѣстность называлась юртомъ. Казацкимъ жильемъ служили шалаши, а не то землянки. Ничего въ этихъ городкахъ не было заманчиваго для хищныхъ сосѣдей; ихъ строили такъ, чтобы «не играть на нихъ вражеской глазъ». — «Пускай, говорю, прадѣды дощовъ, бусурманы жгутъ наши городки, мы въ недѣлю выстроимъ новые, и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы строить повые». Первымъ поселенцамъ случалось по нѣскольку мѣсяцевъ скрываться въ степи, по балкамъ, кормиться одиѣми ягодами да пить изъ лужъ водицу. Многіе погибали отъ нужды, многіе—въ одиночныхъ схваткахъ. Вольная казачья дружина росла и крѣпла попомогу, пока сплотилась въ «великое» войско. Зомли въ ту пору казачки по пахали: припольная степь служила имъ пашней, а добыча—единственной жатвой. Въ то время, какъ с... ватага сторожила на Волгѣ суда, шедшія сверху, другая пробиралась степью къ русскимъ окраинамъ, третья ловила ногайскихъ коней, или же рыскала въ закубанскихъ мѣсахъ. Особенно усилились казачки съ тѣхъ поръ, какъ свести дружбу со своими братьями—запорожцами, или, какъ ихъ звали на Дону, черкасами. Запорожцы хаживали на Донъ въ одиночку, являлись цѣлыми ватагами; они указали донцамъ новый, болѣе прибыльный путь для добычи—«сшнее» море. И стали тогда казаки съ двухъ сторонъ громить Крымъ, полошить турецкіе берега. О тѣхъ и другихъ пропала по христіанскимъ землямъ слава, какъ объ истыхъ ратоборцахъ и ненавистникахъ невѣрныхъ. Подобно запорожцамъ, донцы сдѣлались передовой стражей своего отечества: тѣ берегли Польшу и Украину, эти—Москву.

Московскіе государи, начиная съ Ивана Васильевича, по прозванію Грознаго, поняли казачью силу; они начали ласкать казаковъ, награждая ихъ то подарками, то милостивымъ словомъ, а попозже—и царскимъ жалованьемъ. Въ то время, какъ росла казачья слава, умножалось и богатство донцовъ. Изъ бездомныхъ, оборванныхъ голышей казаки становились обладателями большихъ сокровищъ; дотолѣ безлюдныя, глухія степи, гдѣ рыскали лишь волки да перелетали стадами пугливыя

дрофы, покрылись табунами лошадей, стадами скота, оберегаемыми невольниками разных стран и народов. Это были достояние казаковъ.

Однажды пришла на Донъ большая ватага запорожцевъ и осталась здѣсь навсегда, поселившись поближе къ Азову, и также на берегу Дона, среди зарослей густого камыша. Это мѣсто получило названіе Черкасскихъ юрть, а позже—Черкаскаго городка, или просто Черкаска. Донцамъ пришлись по душѣ та беззабѣтная отвага, которою отличались запорожцы. Эти безтрепетные люди, кажется, ничею и никого не боялись, кромѣ Господа Бога да его свитыхъ угодниковъ. Зато не любились ихъ разгульная жизнь. Запорожець ни во что ставилъ и свою жизнь, и раздобытую кровью конѣйку, тогда какъ донцы стали домовиты, начали конить про черный денекъ. Въ Черкасскомъ городкѣ шла гулянка съ утра до вечера, съ вечером до утра; въ Раздорахъ—всегда было тихо, даже какъ-то угрюмо. Молодежи это не нравилось, и она стала чаще да чаще навѣщать своихъ сосѣдей, что повело къ умноженію населенія и скоро казаки совсѣмъ покинули Раздоры. Черкаска сдѣлалась главнымъ городомъ, населеніе его смѣшалось съ татарами, греками, особенно по причинѣ частой женитьбы на невольницахъ. Однако буинья головы не сидѣли на мѣстѣ. Цѣлыми ватагамъ онѣ рыщутъ по бѣлому свѣту, при чемъ удалестью и жаждою наживы заводятъ ихъ такъ далеко, какъ, быть можетъ, имъ недумалось. Они покоряютъ, русскому царю цѣлые народы, прошкаютъ въ далекія, никому невѣдомыя окраины, и тѣмъ самымъ указываютъ путь мирному переселенцу-землепалцу купцу или промышленнику. Такъ, въ концѣ царствованія Ивана Васильевича Грознаго, старшина Качалинской станицы Ермакъ Тимофеевъ, вмѣсто того, чтобъ охранять границу от Астрахани до р. Дона, появился разбойникомъ на Волгѣ. Он навелъ страхъ не только на проѣзжихъ купцовъ, но и на вселулы кочевниковъ, подвластныхъ царю. Движеніе по Волгѣ прекратилось; всѣ пути между Москвою и Астраханью были перехвачены. Послѣ того Ермакъ вышелъ въ море, гдѣ повстрѣчалъ заморскихъ пословъ; онъ живо съ ними расправился, суда ихъ потопилъ, а добычу присвоилъ. Грозный царь осудилъ Ермака, съ четырьмя его подручниками, въ томъ числѣ

Ивана Кольцо, на смертную казнь. Тогда казаки, спасаясь от царскаго войска, бѣжали на Каму, откуда братья Строгоновы вырядили ихъ на завоеваніе Сибири. Въмѣсто плахи, Ермакъ Тимофеевичъ прославилъ себя и свою дружину, какъ завоеватель Сибири. Онъ же положилъ начало сибирскому казачеству. Другая буйная ватага, потерпѣвъ крушеніе судовъ на Каспійскомъ морѣ, осѣла въ устьяхъ Терека, откуда ее не могли выпнать ни кумыки, ни тавлипцы: это терекіе казаки. Третій атаманъ, сказываютъ, Нечай, выбрать для своей дружины въ 800 человекъ привольныя мѣста по Яику, пыгыни-вему Уралу, гдѣ обиліе рыбы послужило главною приманкой и причиною обогащенія уральскихъ казаковъ. Какъ на Дону, такъ же въ Сибири, на Уралѣ и на Терекѣ казаки не сидѣли осѣдло, а искали новыхъ мѣстъ для поселенія, новыхъ путей; слабыхъ сосѣдей они покоряли, сильныхъ доразали въ тропетѣ частыми набѣгами. Правда, эти задирательства служили помѣхой доброй сосѣдской дружбѣ между Москвою и мусульманскими державами. Жаловался много разъ крымскій ханъ, грозился турецкій султанъ, стоили русскіе украинскіе города, раззоренные грабежомъ и пожаромъ. Изъ Москвы писали тогда увѣщанія, а подчасъ и угрозы, смотри по вышѣ. Однажды царь Михаилъ Федоровичъ прислалъ такую грамоту: «Въ море на грабежъ не ходите и тѣмъ Нашъ съ турецкимъ султаномъ не ссорите. Послушаетесь, тѣмъ службу свою приую Намъ, покажете... Если же, наче чашія, и послѣ сего Нашему дѣлу съ турками какую поруху учините, опалу на васъ наложимъ, въ Москву для ласки никогда васъ не приедемъ, пошлемъ на васъ рать, велимъ на мѣсто вашего Раздора вставить свою крѣпость, изгонимъ васъ съ Дона и вмѣстѣ съ султаномъ не позволимъ вамъ воровать, какъ пыгы воруете. Странитесь моего гнѣва, съ азовцами неукоснительно помиритесь...» Донцы мало внимали угрозамъ, говоря въ кругу: «Мы кѣрны Бѣлому царю, но что беремъ саблюю, того не отдаемъ даромъ». Вмѣстѣ съ запорожцами они ограбили и сожгли Воронежъ, убили тамошняго воеводу, въ томъ же году пограбили гурецкія суда, послѣ чего выжили Трапезонтъ и Синопъ. Въ другой разъ казаки раззорили возлѣ Цареграда монастырь Іоанна Предтечи. Султанъ Амуратъ выслалъ противъ нихъ цѣлую

флотилію, которая захватила семь казачьихъ струговъ. На допросѣ казаки, не убоясь смерти, объявили, что они люди вольные, ходить на войну по своей охотѣ, а царскаго указа на то не имѣютъ. Ихъ предали лютой казни. Черезъ два года казаки уже пытались взять Керчь, но, потерпѣвъ неудачу, пограбили окрестности и овладѣли Карасубазаромъ, гдѣ получили знатную добычу.

Вскорѣ послѣ того, а именно въ 1636 году, большая ватага, тысячи въ четыре запорожцевъ и украинскихъ казаковъ, пробиралась въ Персію, въ надеждѣ тамъ поселиться. На Дону ихъ задержали: «Зачѣмъ вамъ, братья, искать далекаго счастья? Мы имѣемъ запасу довольно, возьмемъ съ вами Азовъ и будемъ свободно ходить и на Синеѣ море, и на Черноѣ море; тамъ въ одинъ походъ мы добудемъ зипуновъ больше, чѣмъ вы соберете въ Персіи за 10 лѣтъ».

Давно стоялъ Азовъ бѣлымъ въ глазу у казачества. Пока крѣпость находилась въ рукахъ турокъ, они не могли развернуть своихъ крыльевъ. Азовцы горко стерегли морской путь, и, какъ увидимъ дальше, много надо было удали, еще больше хитрости, чтобъ проскользнуть мимо крѣпости. Овладѣть Азовомъ, стать хозяевами этой твердыни, сдѣлалось заветной думой донцовъ. Они не загадывали о томъ, сдѣлаютъ ли удержаться, — имъ лишь бы взять его, и въ этомъ дѣлѣ помочь казакамъ счастливый случай: запорожцы согласились остаться.

Въ ту же зиму были разосланы по всѣмъ городкамъ повѣстки, чтобы казаки готовились на поискъ, а кто не явится, тому не будетъ ни суда, ни расправы. Ранней весной, какъ только прошла «крыга» (ледъ), оба берега покрылись конными, въ то время какъ ишіе казаки спускались на стругахъ, послѣняя къ монастырскому городку, въ 7 верстахъ отъ Черкасса, гдѣ обыкновенно собирались для промысла. Составился кругъ. Вышелъ войсковой атаманъ и пригласилъ казаковъ взять Азовъ. «Любо, любо!» отвѣчали, какъ одинъ, тысячи голосовъ. Походнымъ атаманомъ выбрали Михаила Татаринова, и тотчасъ снарядили въ Москву «легкую станицу», т. е. посольство, извѣстить царя о выступленіи «всеволокаго» войска Донскаго. Подъ Азовъ. Азовскій паша на этотъ разъ

как-то проглядѣть; турки безопасно смотрѣли на сборы и приготовленія казаковъ. Имъ, конечно, не приходило въ голову, чтобы конное войско, безъ артиллеріи, безъ осаднаго парка и инженерной, могло затѣять такое нестаточное дѣло, какъ приступить къ крѣпости, окруженной высокими каменными стѣнами и башнями, вооруженной пушками, защищаемой храбрѣйшей турецкою пѣхотою! Казаки надѣялись взять Азовъ печальнымъ нападеніемъ, почему держали свое намѣреніе въ тайнѣ; къ несчастію, въ это самое время имъ довелось провожать турецкаго посла, который гостилъ у нихъ проездомъ въ Москву. Хитрый грекъ, Ома Кантакузенъ, подарилъ старинныя расшитыя золотомъ шпунды, обласкать остальныхъ кавказцевъ и на званомъ пиру, когда развязались языки, съумѣлъ вынытать тайный умыселъ. Зорко стерегли казаки всѣ пути, однако Кантакузенъ и тутъ ихъ перехитрилъ, переславши напѣтъ грамоту. Въ крѣпости начался суевѣ, установка орудій, сборъ защитниковъ—увидѣли тогда казаки, что они обмануты. Посоль былъ задержанъ; въ день побѣдоносца Георгія, послѣ молебна, казаки сѣбно выступили всѣмъ войскомъ подъ Азовъ, имѣя при себѣ только четыре фальконета.

Крѣпость приготовилась къ защитѣ. На высокихъ ея стѣнахъ уже стояло 4 тысячи янычаръ; тончай, или артиллеристы, расхаживали съ зажженными фитилями у своихъ длинныхъ, чудовищныхъ пушекъ. Казаки нисколько не смутились. Отважный Татаринновъ прежде всего распорядился занять устье Дона, а также всѣ пути, ведущіе къ Азову—изъ Крыма, съ Кубани, отъ Ногаевъ; послѣ того, какъ крѣпость была обложена, казаки повели къ ней подступы. Между ними находился какой-то нѣмецъ Югангъ. Онъ взялся подорвать стѣну при помощи подкопа. Послѣ долгой и трудной съ непривычки работы, нѣмецъ вдругъ объявилъ, что онъ ошибся. Заложили новый подкопъ, а, между прочимъ, окрестности казацкаго тора покрылись татарскими наѣздниками: то была помощь осажденнымъ туркамъ. Степь оживилась, началась перестрѣлка; съ обѣихъ сторонъ ежедневно выѣзжали одиночные всадники показывать свою удалъ. Вскорѣ и это наскучило. Запорожцы, привыкшіе вершить свои дѣла сразу, налетомъ, стали роптать. Азовцы надъ ними смѣялись: «Сколько подъ Азовомъ ни стоять,

а ево какъ своихъ ушей вамъ не видать!» кричали они со стѣнъ. Не стерпѣли казаки, ринулись на приступъ. Однако ихъ отбили. Но имѣя артиллерію, не зная правилъ осадной войны, казаки понадѣлись на счастливый случай; теперь извѣдавъ неудачу, стали падать духомъ; особенно брашились заморожцы. Дѣйствительно, конца осадѣ не предвидѣлось. Въ это самое время казачьимъ разбѣдамъ удалось перехватить грамоты турецкаго посла, въ которыхъ онъ подробно доносилъ о бѣдствіяхъ Азова и просилъ у султана помощи. Гонца, по обычаю того времени, пытали. Онъ показавъ на толмача, что вся бѣда идетъ отъ него, что онъ чародѣй и заклинаетъ христіанскому войску худой конецъ. Разсвирѣбѣннѣе казаки убили Каштакузона, какъ Іуду предателя, и утопили его толмача, какъ лихого колдуна. Чтобы очистить лагерь отъ волшебныхъ чаръ, они отслужили торжественное молебствіе, окропили святой водой таборъ—и успокоились. На третьемъ мѣсяцѣ осады смысленный пѣмецъ довелъ свое дѣло до конца. Подкопъ быть готовъ. 19 іюля, на развѣтъ, казаки, выслушавъ молебенъ защитнику Азова Іоанну Крестителю, раздѣлились по отрядамъ и двинулись съ разныхъ сторонъ на приступъ. Къ полудню вся крѣпостная стѣна была въ жестокомъ огнѣ; пушки не умолкая гремѣли, огромныя каменные ядра взрывали землю; сквозь облака пыли и густого бѣлаго дыма сумрачно глядѣло багровое солнце. Тамъ, наверху, между зубцами каменной стѣны, янычары, въ униоеніи побѣды, выкрикивали позорную брашу, а внизу съ шумными криками надвигались съ разныхъ сторонъ казачьи дружины... Вдругъ, какъ «молнія великая», сверкнувъ подъ стѣною огонь, потомъ что-то треснуло, влетѣли глыбы земли, камней—часть стѣны обрушилась. Дружно гикнули тогда отборныя сотни, засѣвшія въ своемъ укрѣпленіи напротивъ подкопа, и, какъ одинъ человекъ, подъ начальствомъ самого атамана, ринулись на проломъ. Это были отважнѣйшіе изъ отважныхъ, «рыцари-казаки», какъ они себя величали. Разсѣянные по всей стѣнѣ, обманутые ложными атаками, турки не оказали имъ сопротивленія. Все поле покрылось бѣгущими азовцами, но лишь немногимъ счастливцамъ удалось избѣжать кровавой мести за насмѣшки, за погибшихъ братьевъ, за томленія долгой осадой. Башни и крѣпкій замокъ продержались

еще дня три или четыре, пока противъ нихъ не направили турецкія же пушки; затѣмъ ни одного турка не осталось въ Азовѣ.

Нѣкогда богатый генуэзскій городъ, Азовъ запустѣлъ подѣ властью турокъ. Его прекрасныя зданія почернѣли отъ времени, полуразрушились; христіанскія церкви были обращены въ мечети, по пустымъ улицамъ и площадямъ бродили тысячи голодныхъ собакъ. Очистивъ городъ отъ труповъ, казаки праздновали повоселье. Пируя на площадяхъ, подѣ открытымъ небомъ, они похвалялись, что достали Азовъ «своимъ разумомъ и дородствомъ», что, разоривши гнѣздо невѣрныхъ, освободили отъ нихъ христіанскую землю. Всю доставшуюся добычу снесли въ одно мѣсто и поровну раздѣлили; драгоценныя же парчи и сосуды были отправлены въ монастыри, чтобы тамъ молились за упокой убиенныхъ и здравіе живыхъ. Старую церковь Іоанна Крестителя казаки освятили вновь, потомъ приступили къ сооруженію новой, во имя св. Николая Чудотворца. Азовъ былъ объявленъ вольнымъ христіанскимъ городомъ; вскорѣ явились сюда купцы изъ Кафы, Керчи, Тамани; открылась торговля, христіанское населеніе спѣшило съ разныхъ концовъ занимать пустыя турецкія дома. Казаки, незнакомые дотогѣ съ порядками городской жизни, зажили припѣваючи.

Царь Михаилъ Феодоровичъ, хотя и попенялъ казакамъ за самовольную расправу съ турецкимъ посломъ, однако не лишить ихъ своихъ обычныхъ милостей. Когда же явился въ Москву новый посолъ отъ султана, царь отвѣтствовалъ, что казаки вольные люди, воюютъ на свой страхъ, а если султанъ захочетъ, то можетъ и самъ ихъ унять. Русское государство лишь незадолго передъ тѣмъ стряхнуло самозванцевъ; оно едва успокоилось отъ безначалія и смуты, почему не имѣло ни силъ, ни охоты начинать изъ-за отдаленной крѣпости войну съ грозными силами турокъ. Въ ту пору турки были воинственны, сильны и страшны для всей Европы. Борьба съ ними являлась подѣ силу лишь однимъ казакамъ— дерзкимъ, изворотливымъ, нападавшимъ врасплохъ, исчезающимъ какъ вихрь. Такая война утомительна: она истощаетъ силы, вѣчно держитъ врага въ страхѣ. Въ открытомъ же бою турки со своими анычарами и спагами, т. е. коннымъ войскомъ, были

непобѣдимы. Конечно, они не могли оставить Азовъ въ рукахъ казаковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе безпроязвительно проходили теперь въ Черное море, берега котораго огласились страшными воплями ограбленныхъ и замученныхъ жертвъ. Султанъ былъ занятъ войной въ Персіи, потому онъ умеръ, и такимъ образомъ прошло три года, прежде чѣмъ турки подступили къ Азову. Зато они располагали громадными силами, точно собрались на завоеваніе дѣлой страны. Говорили, что въ осадномъ корпусѣ находилось 6 тыс. наемныхъ мастеровъ изъ разныхъ земель—для веденія подкоповъ, сниманія плановъ, постройки укрѣпленій, мостовъ и т. п.; главную же боевую силу составляли 20 тыс. янычаръ, столько же снаговъ, 40 тыс. татаръ да черкесовъ, а всего около ста тысячъ. Въ началѣ іюня 1641 года вошелъ въ устье Дона турецкій флотъ и выгрузилъ осадную артиллерію: тутъ было болѣе ста пушекъ проломныхъ, 70 мелкихъ съ мортирами, великое число снарядовъ, изобиліе пороху. Черезъ 2 недѣли Азовъ былъ обложенъ отъ рѣки до моря, на протяженіи 40 верстъ. Казаки съѣли въ осаду. Ихъ было всего около семи тысячъ, правда, самыхъ безстрашныхъ, готовыхъ на все. Въ первый же день явилось въ крѣпость трое пословъ отъ трехъ турецкихъ военачальниковъ: отъ сераскира Гуссейна, отъ крымскаго хана и янычарскаго аги—съ предложеніемъ сдать крѣпость и получить за то 40 тысячъ червонныхъ. «Все равно, говорили послы, вамъ, казакамъ, никакъ не извернуться; вы здѣсь какъ въ западнѣ. Бѣлый царь отъ васъ отказался, помощи себѣ изъ Москвы не чайте». Войсковой атаманъ Петровъ отвѣчалъ за всѣхъ: «сами волею своею взяли мы Азовъ, сами и отстанвать его будемъ; помощи кромѣ Бога ни отъ кого не ожидаемъ, прельщоній вашихъ не слушаемъ и не словами, а саблями готовы принять васъ, незваныхъ гостей!» На другой же день 30 тыс. лучшихъ турецкихъ войскъ, прикрывшись иноземцами, бросились на приступъ; они потеряли 6 тыс. и со стыдомъ отступили. Сераскиръ заключилъ на два дня перемиріе при чемъ платилъ тѣмъ же казакамъ за cadaго убитаго мусульманина по червонцу.—Такъ началась достопамятная защита Азова, напоминающая столь же доблестную защиту христіанскими рыцарями города Родоса. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сражались братья-

воины, истонные враги мусульманъ, сражались въ маломъ числѣ, но съ такою стойкостью, съ такимъ мужествомъ, что привели въ удивленіе весь христіанскій міръ. И если начать сравнивать, кому приходилось горше, то, конечно, казакамъ, потому что за рыцарями уже тогда утвердилась вѣковая слава ихъ доблестей: они были богаты, хорошо вооружены, имѣли отличное, приспособленное къ воинскому дѣлу, устройство; наконецъ, за ихъ борьбой участливо слѣдила вся христіанская Европа, тогда какъ казаки бились на далекой окраинѣ Московскаго государства; многіе и не вѣдали, что они были за люди.

Турки насыпали вокругъ крѣпости высокій валъ; казаки сдѣлали вылазку, взяли этотъ валъ, подорвали его и прогнали непріятеля. Тогда турки позади перваго вала насыпали другой, до высоты стѣнъ, втащили болѣе сотни орудій, послѣ чего открыли безостановочную пальбу, продолжавшуюся 16 дней подъ-рядъ. Крѣпостныя стѣны были сбиты до основанія. Казаки для своей защиты устроили вторую линію обороны; по разрушеніи ея—третью и наконецъ—четвертую. Тамъ, сидя въ землянкахъ, они продержались до конца осады. Но они не ждали, пока появятся на валахъ турецкіе бунчуки, а шли навстрѣчу непріятелю подкопами; послѣ каждаго взрыва очередная сотня кидалась на вылазку, побивала оглушенныхъ враговъ, пока поспѣвала къ нимъ помощь. Турецкіе подкопы всегда натыкались на подземныя работы казаковъ, и тутъ послѣдніе брали верхъ, потому что заранѣе готовились къ встрѣчѣ. Сераскиръ, видя безуспѣшность бомбардировки, сталъ ежедневно посылать войска на приступъ. Всегда готовы и къ этому, казаки встрѣчали турокъ мѣткими пулями, потомъ кидались въ сабли, рубились, не уступали ни шагу; во время приступовъ атамагъ зорко слѣдилъ, не ослабѣла ли гдѣ защита, и посылалъ туда немедленно помощь. Въ самомъ пылу боя появлялись на облитыхъ кровью валахъ казацкія жены; онѣ подавали помощь раненымъ, кормили голодныхъ мужей, подносили бойцамъ оружіе, порохъ; онѣ же копали подъ выстрѣлами рвы, таскали на валы землю; въ послѣднюю минуту казачки шли горячую смолу и кипятокъ на головы штурмующихъ. Болѣе трехъ подѣлъ турки штурмовали ежедневно—и покинули. Они потеряли почти половину пѣхоты, разстрѣ-

ляли всё снаряды, порохъ; къ тому же сераскиръ поссорился съ крымскимъ ханомъ, который не хотѣлъ посылать на валы свое конное войско. Отъ недостатка кормовъ въ турецкомъ лагерѣ открылся моръ на людей и падежъ на лошадей; гниющіе трупы заражали воздухъ нестерпимымъ смрадомъ. Сераскиръ послалъ въ Царьградъ просьбу, чтобы ему разрѣшили отложить покореніе Азова до будущей весны, но вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія получилъ суровый приговоръ: «Возьми Азовъ, или отдай свою голову». Прошло нѣкоторое время, пока его снабдили всёми необходимымъ для продолженія осады. Казаки пемного отдохнули; они успѣли даже получить изъ Черкаска помощь — и людьми, и припасами, такъ что, когда сераскиръ возобновили бомбардированіе, защитники также безтрепетно стояли на своихъ валахъ. Страшное разрушеніе нанесли тяжелые снаряды, по 2, по 3 пуда каждый, разметавшіе въ прахъ всё городскія постройки; лишь одиноко среди пустырей стояла церковь во имя Іоанна Крестителя. Говорили, что ликъ Предтечи ежедневно орошался слезами. Заступничество небесныхъ силъ ободряло изнемогающихъ борцовъ, добрая половина которыхъ уже полегла на вылазкахъ или на приступахъ. И все-таки казаки сохранили настолько силу духа, что дѣлали по ночамъ вылазки, заманивали непріятеля притворнымъ отступленіемъ, наводили его на подкѣпъ, а послѣ взрыва снова кидались впередъ съ безумной отвагой. Однажды они уложили такимъ способомъ болѣе тысячи снаговъ. Послѣднія двѣ недѣли осады сераскиръ днемъ штурмовалъ, вечеромъ открывалъ на всю ночь пальбу по развалинамъ крѣпости. Какъ-то туркамъ удалось овладѣть однимъ бастіономъ. Казаки, получившіе въ этотъ самый день подкрѣпленіе въ 300 ч., ударили на враговъ такъ быстро, съ такою смѣлостью, что тѣ сразу опѣшили и побросали оружіе. Бастіонъ снова перешелъ въ ихъ руки.

И турки, и казаки надорвали свои силы въ такой продолжительной и упорной борьбѣ; наступали ея послѣдніе дни; кому-нибудь — туркамъ или христіанамъ — надо было уступить... И тамъ, и здѣсь приходилось одинаково худо. Уцѣлѣвшіе еще отъ побойщъ, израненные, истомленные казаки еле передвигали ноги; одни умирали на ходу, пробираясь въ свои землянки; другіе засыпали вѣчнымъ сномъ, прислонившись къ насыпи.

Пуще всего изводила ихъ цынга, эта неизбѣжная спутница тѣсноты и голодовки. И въ лагерѣ сераскира было не лучше, особенно съ наступленіемъ холодовъ и непастья. Сырой, пронзительный вѣтеръ пробиралъ до костей непривыкшихъ азіатовъ, закутанныхъ въ свои дырявые плащи, босоногихъ и голодныхъ Крымскій ханъ давно увелъ своихъ татаръ домой. Турки болѣли, мерли какъ мухи. Въ отчаяніи сераскиръ приказалъ испытать послѣднее средство: насадили на стрѣлы грамотки, въ которыхъ обѣщали каждому казаку по тысячѣ талеровъ, если будетъ сдача крѣпость, и спустили эти грамотки въ крѣпость. Турки напрасно ждали отвѣта.

«Басурманское прельщеніе» не подѣйствовало. Но о томъ думали тогда казаки: они готовились испить смертную чашу, въ послѣдній разъ снѣпиться и умереть въ объятіяхъ враговъ, дорого продавши свою жизнь.

Наступалъ праздникъ Покрова. Полуживые защитники собрались вокругъ, выслушали прощальныя грамоты царю Михаилу Федоровичу и патріарху Филарету Никитичу, гдѣ, между прочимъ, было прописано: «да простятъ ихъ, непотребныхъ и ослушныхъ рабовъ; да простятъ великіе государи ихъ вину и помянутъ души ихъ грѣшныя». Послѣ этого казаки цѣловали крестъ и евангеліе на томъ, чтобы при смертномъ часѣ стоять за одно, попрощались другъ съ другомъ, и, отдавши по три земныхъ поклона передъ иконами угодника Николая да Іоанна Крестителя, покинули крѣпость. Они изготовились принять смерть, достойную прославленныхъ героевъ древности.

Еще не успѣло обозначиться хмурое октябрьское утро, когда казаки, перепрыгивая черезъ рвы и сползая по насыпямъ, какъ дикія кошки, незамѣтно окружали непріятельскій стань... Тамъ было тихо, словно поклонники пророка всѣ вымерли: ни оклика, ни шороха. Вотъ вползли казаки на послѣднюю насыпь, разомъ, по знаку атамана, выпрямились, взмахнули саблями—и остолбенились: лагерь оказался пустъ, ни одного турка, лишь голодные собаки гдѣ-то грызли за покинутую кость... «Въ уторопь» пустились казаки за турками, настигая ихъ у самаго моря, когда они садились на суда, и, «въ припоръ ружья», открыли по нимъ бѣглый огонь. Въ суматохѣ враги спѣшили поскорѣе уплыть, при чемъ тѣснились, топтали, топтали

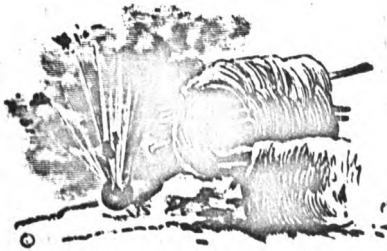
другъ друга и погибали; казаки, столкнувъ послѣднихъ въ воду, схватили большое султанское знамя да шесть малыхъ знаменъ; большая часть осадной артиллеріи, которую не успѣли нагрузить, также имъ досталась.

Столь постыдно закончили турки четырехмѣсячную осаду Азова, потерявъ болѣе половины своей многочисленной разноплеменной арміи. Правда, и казаки потеряли много, но зато выиграли больше, чѣмъ потеряли: въ нихъ стали уважать силу и доблесть; ихъ перестали считать шайкой разбойниковъ, промышлявшихъ грабежомъ. За казакими съ этой поры утвердилось названіе, которое они сами себя придумали: «Великое донское войско», въ которомъ быть своей войсковою урядъ, свои обычаи, и сохранилась дѣдовская слава, переходившая изъ рода въ родъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго событія вѣзжала въ Москву «знатная» станица, или большое посольство, изъ 24-хъ казаковъ, особенно отличившихся при защитѣ Азова, съ есауломъ Порошинымъ и походнымъ атаманомъ, Наумомъ Васильевымъ. Войско донское просило великаго государя прислать воеводу для принятія крѣпости, «ибо имъ, казакамъ, защищать Азова не съ чѣмъ». Станица была принята съ честью; всѣ казаки допущены къ рукѣ. Ихъ наградили по окладу великимъ жалованьемъ, чествовали и угощали во все время пребыванія царскимъ издивеніемъ. Между тѣмъ, боярская дума разсуждала о казачьемъ дѣлѣ. Станичники доказывали всѣ выгоды удержанія Азова; они ссылались на то, что пока Азовъ быть за ними, татары ни разу не осмѣлились воевать русскія окраины. Казаки говорили, что они готовы стоять вѣрой и правдой, но безъ царскихъ войскъ имъ не сдержатъ Азова, потому что отъ великой нужды и истомы оголодала, обнищала до того, что не могутъ снарядить себя даже на морской поискъ. Дума присудила, а царь указалъ послать на Донъ дворянина Желябужскаго съ подьячимъ Башмаковымъ осмотрѣть крѣпость на мѣстѣ. Кромѣ мпловивой грамоты, царь пожаловалъ казакамъ въ награду за ихъ службу 5 тыс. рублѣй деньгами; кромѣ того, обѣщавъ прислать по весгѣ хлѣбное жалованье, съѣстные запасы, пороху, свинцу, 200 поставовъ сукна. «А вы, атаманы, писавъ царь, службу свою, дородство и храбрость къ нашему царскому величеству довершите и своей чести и славы не те-

райте, а на нашу царскую милость и жалованье будто надежны».

Прошло два года послѣ достопамятной защиты Азова, когда казаки получили царскій указъ покинуть Азовъ, возвратиться по своимъ куренямъ или же отойти на Донъ, «кому куда пригодно будетъ». Изъ страха войны съ турками, Московское государство отказывалось такимъ образомъ содержать въ отдаленной крѣпости свой гарнизонъ. Тогда казаки вывезли оттуда всѣ запасы, артилерію, снаряды, подкопали уцѣлѣвшія башни и стѣны; затѣмъ, оставивъ небольшой отрядъ, перешли съ чудотворной иконой Іоанна Крестителя на Махингъ островъ, что противъ устья Аксая. А въ томъ же году появились въ виду Азова 38 турецкихъ галерей. Казаки бывшіе въ крѣпости, немедленно взорвали подкопы, и турки принуждены были раскинуть палаты на различныхъ одной изъ сильнѣйшихъ своихъ крѣпостей. Мустафа-паша, начальствовавшій флотомъ, за неимѣніемъ чего лучшаго, обнесъ городъ частоколомъ, а изъ барочнаго лѣсу подѣлалъ казармы. Нѣсколько позже туркамъ пришлось возстановить крѣпость, хотя далеко не въ прежнемъ видѣ—ту строили гонгуэзцы, мастера этого дѣла—съ тѣмъ, чтобы черезъ сто лѣтъ, послѣ двукратной защиты, навсегда отъ нея отступить въ нашу пользу.

II.

Какъ донцы жили и воевали въ старину.

ни имѣли своей особенный урядъ, во многомъ схожий съ запорожскимъ, простой и приспособленный къ ихъ воин-

скому быту. Съ весны они обыкновенно собирались въ главный городъ и располагались большимъ станомъ, что носило названіе «главнаго» войска. Здѣсь казаки вольными голосами избирали войсковую старшину: войсковою атамана, въ помощь ему двухъ есауловъ и для отписокъ — дьяка, или войсковаго писаря. Есаулы вѣдали войсковые доходы; они же приводили въ исполненіе приговоры круга. Кругомъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ казаковъ, которые обыкновенно сходились гдѣ-нибудь въ чистомъ полѣ или возлѣ войсковой избы. Приговоръ круга считался окончательнымъ: ему подчинялся самъ атаманъ. Въ случаѣ же разномыслія по какому-нибудь важному дѣлу казаки прибѣгали подъ руку царя; тогда его воля исполнялась безпрекословно. Шумны, зачастую драчливы, были сборища казаковъ; но, по первому слуху о неприятелѣ, въ

войскѣ водворялся порядокъ, наступала тишина; смолкали самые озорливые я, подѣ страхомъ немедленной расправы, подчинялись выборному начальству. Двойная цѣпь пикетовъ и дальніе конные разъѣзды зорко охраняли войско, стоявшее подѣ Черкасскомъ. Этотъ городокъ, затопляемый водой, былъ почти недоступенъ для непріятельской конницы, не имѣвшей артиллеріи. Какъ только получалось вѣрное извѣстіе о появленіи непріятеля—со стороны ли Дона или отъ Украйны—нѣсколько сотенъ, съ походнымъ атаманомъ впереди, неслись напрямикъ, черезъ степи, въ тылъ противнику, сторожили его на перевозахъ, ожидали у бродовъ, налетомъ отнимали добычу и невольничковъ. Самые дальніе наѣзды казаки совершали ночью, шли по звѣздамъ, нападали во время бури или суроваго непастья, когда врагъ меньше всего ожидаль нападенія. Пока онъ опомнится, пока соберется, удалцы уже скрылись во тьмѣ, съ табунами лошадей, съ прелестными плѣшицами. «Казакъ шель въ травѣ, вровень съ травой», говорили въ старину: высокій ковыль, кустарникъ, оврагъ, плетень—всѣмъ укрывался казакъ, не брезгалъ ничѣмъ. Вожакъ, что шель впереди, узнавалъ по слѣду не только, въ какую сторону прошель непріятель, но когда именно—вчера-ли, третьяго дня, и во сколько кошей. Переправляясь черезъ рѣки, казаки, подобно татарамъ, клали сѣдло съ выюкомъ на «салу», или небольшой плоть изъ камыша и, привязавши его къ лошадиному хвосту, сами цѣплялись за уздочку. Такимъ способомъ они пероплынали самыя большія рѣки. Выряжались въ походъ налегкѣ: кромѣ сухарей ничего не брали; одѣвались бѣдно, вооружались ручными пиццалами, копьями, саблями; въ большихъ походахъ возили съ собою фальконеты: длинныя малокалиберныя орудія, стрѣляющія со станковъ свинцовыми ядрами отъ 1 до 2 ф. вѣсомъ. Отрядъ обыкновенно раздѣлялся на сотни и пятидесятки, подѣ начальствомъ выборныхъ парочито для похода есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ. Смотря по надобности, казаки сражались коннымъ строемъ или же пѣшию. Если случалось имъ бывать окруженными, они быстро смыкались, батовали лошадей и отстрѣливались изъ-за нихъ до тѣхъ поръ, пока хватало пороху или же пока непріятель, наскучивъ осадой, отходить прочь. Нападали же казаки всегда лавой, т. е.

длиннымъ разомкнутымъ строемъ, при помощи котораго они охватывали противника съ фланговъ, заскакивали ему съ тыла; за первой лавой слѣдовала другая, потомъ третья... Рѣдко кто могъ устоять, слышавъ гикаше, завидѣвъ грозно оцѣтшившіяся казацкія пики. При одновременномъ участіи конницы съ пѣхотой, послѣдняя становилась посрединѣ, при своихъ орудіяхъ, а конница на обоихъ флангахъ. Въ этомъ случаѣ пѣшіе казаки стрѣляли залпами, послѣ чего кидались въ рукопашную. Такова была простая, безхитростная тактика казаковъ, рассчитанная на вѣрную удачу надъ противникомъ, съ которымъ имъ приходилось встрѣчаться въ открытомъ полѣ: погаями, татарами, калмыками или иными кочевниками русскихъ окраинъ. Тотъ же противникъ, появляясь въ предѣлахъ казачьихъ поселеній, всегда встрѣчалъ сопротивленіе, съ какой бы стороны онъ ни зашелъ. Вѣстовая пушка или колоколъ возбуждали тревогу: станичный есаулъ, схвативъ знамя, скакать съ нимъ по улицамъ и зычнымъ голосомъ призывать населеніе на защиту стѣны. Старики, жены, подростки—спѣшили отогнать коней и стада въ камыши, чтобы тамъ перосидѣть тревогу; лодки затоплялись въ воду, все прочее имущество закрывалось въ ямы. Особенно часто схватывались казаки со своими ближайшими сосѣдями, азовцами. Тутъ они прядирались къ каждому пустому случаю, чтобы уцѣпить «размиръ». Напримѣръ, азовцы, поймавши гдѣ-нибудь на промыслѣ казака, остригутъ ему усы и бороду; немедленно начиналась война. Бывали случаи, что въ день заключенія перемирія происходили и разрывы. Казаки нисколько не дорожили миромъ, потому что война доставляла имъ «випуны», т. е. кормила ихъ; мало этого: война обогащала ихъ, прославляла по чужимъ землямъ. Частыя войны и вѣчно тревожная жизнь порождали въ казакахъ удачу. Удальцы нискогда не пероводились на Дону. Задумавъ погулять, или, какъ тогда говорили, «поохотиться», казакъ выходилъ къ станичной избѣ и, кидалъ вверху шапку, выкрикивалъ: «Атаманы-молодцы, послушайте меня! На Сино море, на Черное—поохотиться!» а не то: «На Кубань на рѣку за лсыремъ!» значить, за плѣнными; шюгда выкликали: «На Волгу-матушку рыбки половить!»—однимъ словомъ, куда кому вздумалось. Охотники всегда находились; въ атакъ согласія,

они также кадали вверху свои шапки, послѣ чего шли въ складчину въ кабакъ, гдѣ пили водку и выбирали походнаго атамана. Въ назначенный день партія выступала, пѣшая или конная, смотря по уговору. На такіе промыслы выходили небольшими партіями: рѣдко въ 50 чел., больше 5—10, иногда вдвоемъ, ходили даже въ одиночку. И при всемъ томъ «охотники» положили сосѣдей, угоняли табуны, скоть, брали ясырей, женъ, дѣтей, домашній скарбъ—все, что попадало подъ руку. Иные охотники прославили свое имя подвигами, о которыхъ говорилъ весь Доугъ. Таковъ былъ, напр., Краснощековъ. Рассказывали, что однажды онъ встрѣтился въ кубанскихъ лѣсахъ съ знаменитымъ джигитомъ, по прозванію Овчаръ, также вышедшимъ поохотиться. Богатыри знали другъ друга по общей молвѣ, искали случая гдѣ-нибудь сойтись—и встрѣтились. Краснощековъ издали узналъ соперника и поклялся «не спустить съ руки яснаго сокола». И горець почувалъ звѣря издатка. Онъ лежалъ надъ обрывомъ рѣки, облокотясь на землю, глядѣлъ прямо на трещавшій передъ нимъ огонекъ. Казалось, онъ не замѣчалъ, что хлещетъ дождь, что свищетъ буря, что близокъ его врагъ; онъ лишь украдкой косилъ глаза, чтобы во-время схватить ружье. Краснощековъ живо сообразилъ, что ему не подойти на выстрѣлъ своего короткаго ружья. Онъ вдругъ исчезъ. «Тишкомъ и ничкомъ» проползъ казакъ, сколько было нужно, и только успѣлъ выставить въ сторонкѣ свою шапочку-трухмонку, какъ мѣткая пуля сбила ее прочь. Тогда онъ поднялся, подошелъ къ Овчару, да «въ припоръ» ружья и убилъ джигита наповаль. Рѣзвый аргамасъ, богатое ружье остался въ награду счастливому охотнику; было тогда ему, чѣмъ похвастаться! На Дону, какъ и вездѣ, охотники любили хвастнуть. Охота на звѣря шла своимъ чередомъ. Особою была въ чести, такъ называемая, «большая охота», въ которой принимало участіе почти все войско. Тысячи конныхъ и пѣшихъ казаковъ отправлялись за атаманомъ въ курганамъ «Двухъ братьевъ», поподалеку отъ Черкаска. Атаманъ, окруженный лучшими стрѣлками, становился на курганѣ; обширное займище оцѣпляли казаки. Три выстрѣла изъ пушки означали начало охоты. Въ тотъ же мигъ раздавались въ цѣпи громкіе крики, брань, свистъ, трескотня, отъ кото-

рыхъ поднимались оглушенные звѣри. Тамъ, гдѣ-нибудь изъ трупцобы, вставалъ дикій вепрь. Просѣкая густые камыши своими страшными клыками, онъ выносился на лугъ, гдѣ его тотчасъ окружали лучшіе наѣзники. Разъяренный звѣрь кидался то въ одну, то въ другую сторону, пока его не пригвоздятъ пиками. Въ другомъ мѣстѣ мечется злобная гѣна, юстя заходя изъ закубанскихъ лѣсовъ: звѣрь лютый, даромъ шкуры не отдастъ, и казаки это знаютъ: глядятъ за ней въ оба. А вонъ тамъ, по окраинѣ луга, песется казакъ, приподнявъ тяжелый чекапъ: онъ, вѣрно, гонить степную бродягу, стараго волка. Ощетишлся звѣрь, озирается, щелкаетъ, но не одобровать ему—казачій конь все ближе, ближе... Взмахнулъ наѣзникъ и раздробилъ хищнику голову. Но ничего не можетъ быть красивѣе, когда съ быстротою стрѣлы несется по займищу легкая быстроногая сайга. Не жалѣеть наѣзникъ коня, самъ пригнулся, плетъ только свищетъ, но куда! далеко! Завидя то, вихремъ спустился съ кургана войсковой есаулъ, взялъ наперерѣзъ, и только взмахнулъ правой рукой, какъ задрожала красавица, почувавъ на шеѣ роковую петлю. А вотъ и самъ атаманъ, наготовивъ ружье, зорко глядитъ въ даль: чувствуетъ, что его молодцы подняли въ трупцобѣ могучаго барса... Съ полсотни трусливыхъ зайцевъ, прижавъ уши, мочутся по займищу, попадаютъ подъ копыта, заскакиваютъ въ тенета или погибають подъ казачьей плотью. — Охота кончена. Атаманъ, отменно довольный, зоветъ къ себѣ на пирь, «отигъ дать дичинки». И долго гуляютъ казаки, пока не обойдутъ всѣхъ удачниковъ, т. е. кому посчастливилось вернуться съ добычей.

Запорожцы, эти витязи моря, не только указали путь къ турецкимъ берегамъ, но сами стали вожаками, сами были впереди. Сыны Дона такъ же неустрашимо переплывали бурное море, такъ же внезапно появлялись среди мирнаго населенія, вторгались въ дома, жгли, грабили, убивали, нагружались добычей и такъ же безслѣдно исчезали въ синихъ волнахъ моря. Ученики во многомъ дошли до своихъ учителей: они одинаково были безжалостны къ юности и старости, знатности и бѣдности; они лишь не брезгали прекрасными плѣнницами, на которыхъ послѣ женились. Суровые запорожцы не

щадли ничего, да и добычу они хватали лишь для того, чтобъ дома ее прогулять.

Казакъ также сами готовили для себя челны, обыкновенно изъ липовыхъ колодь, которыя распилывали пополамъ; середину выдалбливали, съ боковъ прикрѣпляли ребра, а по обоимъ концамъ—выгнутые кокоры. Для большей устойчивости эти неуклюжія посудины обвязывались пучками камыша. Когда изготовленные такимъ образомъ челны качались у берега, ихъ нагружали запасомъ прѣсной воды и казацкою сигѣдью: сухарями, просомъ, толокномъ, сушенымъ мясомъ или соленой рыбой. Затѣмъ все воинство собиралось къ часовнѣ помолиться Николаю Чудотворцу, оттуда—на площадь, гдѣ пили прощальный ковшъ вина или меду. На берегу еще выпивали по ковшу и, наконецъ, ражживались въ лодки, по 40—50 чел. въ каждой. Удальцы выглядятъ оборванцами: они въ самыхъ старыхъ зипунникахъ, въ дыривыхъ шапкахъ; даже ружья у нихъ совсѣмъ ржавыя. Это не даромъ, а по примѣтѣ: «На ясномъ желѣзѣ глазъ играетъ»,—такъ говорили бывалые. Дружнымъ хоромъ грянули казаки: «Ты прости, прощай, тихій Донъ Ивановичъ», и, взмахнувъ веслами, стали удаляться... Съ дерзкой отвагой проходили казаки мимо азовской крѣпости, у которой всегда на-сторожѣ плавали турецкія галеры; поперекъ Дона была протянута тройная желѣзная цѣпь, укрѣпленная концами на обоихъ берегахъ, гдѣ возвышались каменные каланчи съ пушками. Перекрестный картечный огонь могъ расщепить въ какихъ-нибудь $\frac{1}{4}$ часа всю казацкую флотилію; но у казаковъ имѣлись на этотъ счетъ свои сноровки. Въ темную, бурную ночь съ ливнемъ или въ непроглядный туманъ они хитрясь переволакивались черезъ цѣпи, послѣ чего прокрадывались мелководными гирлами прямо въ море. Иногда они пускали сверху бревна, которыя колотились объ цѣпи, и тѣмъ держали турокъ въ тревогѣ. Наконецъ, туркамъ прискучить палить, бросать—агъ, глядь, и прозѣвали молодцовъ. У нихъ быть въ запасѣ еще другой путь: вверхъ по Донцу, потомъ волокомъ на рѣчку Міусъ; откуда прямой выходъ въ Азовское море. Морская тактика казаковъ была во всемъ схожа съ запорожской. При встрѣчѣ съ турецкимъ кораблемъ обходили его такъ, чтобы за спиной имѣть солнце, а спереди корабль.

За часъ до захода они приближались примѣрно на версту; съ наступленіемъ же темноты окружали корабль и брали его на абордажъ, большею частью врасплохъ: турки славилсь безпечностью. Во время штиля, или полнаго безвѣтрія, казаки не считали даже нужнымъ скрываться. Овладевши судномъ, удалцы живо забирали оружіе, небольшія пушки, разыскивали депъги, товары, а корабль, со всѣми плѣнными и прочимъ грузомъ, пускали на дно. Бывали и несчастныя встрѣчи, когда большіе турецкіе корабли на полномъ ходу врѣзались въ средину казачьихъ челновъ: нѣкоторые изъ нихъ попадали подъ корабль, другіе гибли отъ картечнаго огня съ обонхъ бортовъ. Какъ стояя робкихъ птицъ, разлетались тогда утлыя суденышки, спасаясь въ одиночку—на парусахъ, на веслахъ, какъ попало и куда попало. А сколько разъ страшныя бури носили по волнамъ отважныхъ пловцовъ! Случалось, что всѣ прибрежныя скалы бѣжали казачьими трупами; если кто и спасалъ свою жизнь, то спасалъ не на радость, попадая въ вѣчную поволю. Турки ковали несчастныхъ въ цѣпи и сажали за весла на свои галеры. Какъ ни велики были потери, казачество не оскудѣвало. На мѣсто одного убитого являлся десятокъ другихъ, и морскіе походы, считаясь самыми прибыльными, никогда не прекращались, не смотря на бури, страхъ неволи, угрозы султана и запреты царя. Такова была сила страсти, жажда наживы.

Счастлиное возвращеніе съ удачнаго похода бывало радостнымъ событіемъ на Дону. Удальцы останавливались гдѣ-нибудь неподалеку отъ Черкаска, выгружали всю добычу и дѣлили ее между собой поровну, что называлось «дуванъ дуванить». Затѣмъ казаки, убравшись во все лучшее, что у кого было, подплывали къ пристани съ пѣснями, съ частой палъбой. Все войско, заранѣе уже извѣщенное, стояло на берегу; въ Черкасскѣ въ это время палили изъ пушекъ. Прямо съ пристани все войско направлялось къ часовнѣ, гдѣ служили благодарственный молебень, послѣ котораго, разсыпавшись по площади, обнимались, цѣловались, дарили родныхъ и знакомыхъ заморскими гостинцами. О количествѣ добычи можно судить по тому, что одного ясыря, или плѣнныхъ, собиралось иногда до трехъ тысячъ. У казаковъ даже было особое размѣнное мѣсто, гдѣ они сходились съ азовцами, мѣняли мусульманъ на русскихъ. За нашей

азовцы платили по 30 тыс. золотыхъ и болѣе, смотря по знатности; знатныхъ турчанокъ казаки также продавали, а всѣхъ остальныхъ приучали къ домашнему хозяйству, потомъ, окрестивши, жепились.

Если случалась надобность поднять въ походъ все «внешнее» войско, то предварительно разсылались по городкамъ грамотки, чтобы казаки сходились для ратнаго дѣла.—Шумить, волнуется большая площадь города Черкаска; она полна качествомъ изъ ближнихъ и дальнихъ концовъ. Тутъ весь Донъ на лицо, со своими дѣтками—съ береговъ Дона, Хопра, Воронежа, Медвѣдицы, Сала, Маныча... Старые, бывалые казаки, украшенные сабельными рубцами, держать себя степенно, ведутъ промежь себя бесѣду тихую; среди молодыхъ идутъ толки о томъ, куда-то поведутъ атаманы молодцовъ? Старикки сказываютъ, что подъ городъ Астрахань, имъ же хотѣлось бы пошарпать турокъ... Шумъ, перебранка, толкотня становятся все больше и больше; но, вотъ, толпа почему-то стихла, чинно становится въ кругъ: это, значить, показались регалии. Изъ войсковои избы вынесли Бѣлый булчукъ, перчатку и бобылевъ хвостъ. Такъ называлось древко съ золотымъ шарикомъ наверху, украшеннымъ двуглавымъ орломъ и бѣлымъ конскимъ хвостомъ. За регалиями выступаютъ есаулы, за ними—войсковои атаманъ, съ булавою въ рукахъ. Онъ остановился посрединѣ круга, есаулы, положивъ на землю свои жезлы и шапки, прочли молитву, поклонились сначала атаману, потомъ всему православному воиству, снова надѣли шапки и съ жезлами въ рукахъ приступили за приказомъ. Атаманъ что-то тихо имъ сказать. «Помогите, атаманы-молодцы!» возгласили есаулы: «Бѣлый Царь шлетъ вамъ поклонъ, приказаль спросить о вашемъ здоровьи! Онъ учинилъ размиръ съ турками и шлетъ насъ промыслять надъ кримами!..» По маломъ времени есаулы спросили: «Любо-ли вамъ, атаманы-молодцы?»—«Любо, любо!» отвѣчало казачество въ одинъ голосъ.

Впрочемъ, войсковое начальство не всегда объявляло въ кругу, куда именно назначенъ походъ, а просто приговаривали: «итти на море», или «собираться въ походъ». Это дѣлали изъ опасенія, чтобы не провѣдали азовцы. Для походнаго времени все казачество дѣлилось по сумамъ: 10—20 чел. держали въ

походѣ общую суму, въ которой хранили какъ запасы, такъ и добычу. До сихъ поръ уцѣлѣть между казаками этотъ обычай, какъ равно и самое названіе «односумъ», въ родѣ какъ бы: другъ, товарищъ. Жены такихъ казаковъ считаются тоже въ свойствѣ: «Здравствуй, односумка!» говорятъ при встрѣчахъ. Вообще, въ старину казаки жили проще, дружибо и, какъ не озабоченные хозяйствомъ—веселье. Въ городкахъ казаки обыкновенно собирались каждый день на площадь или къ станичной избѣ. Сидя кружкомъ, казаки пели сѣти, слушали богатырскіе рассказы или пѣли богатырскія цѣсни, изъ которыхъ каждая начиналась пригвѣтомъ: «Да взду-най-най ду-на-на, взду-най Дунай!» Въ Черкаскахъ же всегда бывало большое стеченіе народа, пѣчто въ родѣ ярмарки. Тамъ толкались торговые люди изъ украинскихъ городовъ, ганцивали проѣздомъ турецкіе послы съ многочисленной свитой, паѣжжали астраханцы, запорожцы, терскіе и янцкіе казаки—кто за полученіемъ вѣстей, кто для воинскаго промысла, подыскивать удайцовъ. Среди густой толпы народа допцы важно расхаживали, заломивъ на бекрень шапки, при богатомъ оружіи, въ самомъ разнообразномъ одѣяніи. Одинъ гуляетъ въ лазоревомъ зипунѣ съ жемчужнымъ ожерельемъ, другой выступаетъ въ бархатномъ полукафтаниѣ, а на ногахъ у него простыя лапты; третій—въ смуромъ русскомъ кафтанишкѣ, зато у него сапоги расшиты золотомъ, шапка виситъ булатная, черкесская, за спиной богатый турецкій сайдакъ (лукъ); иной вмѣсто плаща напялнть узорчатый коверъ. Воиъ, поглядите на того богатыря: какъ есть, въ шелку да въ бархатѣ, усѣлся въ грязь среди улицы и выводитъ такъ жалостливо про трехъ братьевъ, какъ они погибали въ неволѣ, что, если кто послушаетъ, прошибетъ слеза: это ужъ навѣрно запорожець, да еще подгулявшій! Все, что тутъ есть—и турецкія въ золотой оправѣ ружья, и булатные ножи съ черенками изъ рыбаго зуба, бархатъ, шелкъ, атласъ—все казачья добыча, своего ничего нѣтъ.

Особенно бывало шумно и торжественно, когда въ Черкасскомъ городкѣ ожидали прибытія «будары». Еще царь Михаилъ Теодоровичъ положилъ ежегодно отпускать донскому войску: 7 тыс. четвертей муки, 500 ведеръ вина, 250 пудовъ пороху, 150 п. свинцу и 17 тыс. рублей деньгами. Съ того

времени каждый годъ выряжали съ Дона такъ называемую «зимовую станицу» изъ лучшихъ казачковъ, съ атаманомъ во главѣ. По прѣздѣ въ Москву, ихъ допускали къ царской рукѣ, угощали съ царскаго стола, а при отпускѣ Государь обыкновенно жаловалъ атаману и ссаулу по саблѣ со своимъ портретомъ, или же дарилъ серебряными позлащенными ковшами съ именными надписями и двуглавымъ орломъ; простымъ казакамъ выдавались изъ государевыхъ кладовыхъ сукна, камки. Обдаренные щедро, обласканные милостью царской, казаки возвращались на Донъ, гдѣ мало-по-малу росла и крѣпла привязанность къ царскому дому. Государево жалованье нагружалось въ Воронежъ на будары и сплавлилось внизъ до Черкаска. Всѣ попутные городки высылали встрѣчу, при чемъ служили о царскомъ здравіи молебень, пили изъ жалованныхъ ковшей и стрѣляли изъ ружей. Въ Черкасскѣ встрѣчали казну пальбой изъ пушекъ; войсковою атаманъ приказывалъ бить сполохъ и самъ выходилъ объявить въ казачьемъ кругѣ, что «Государь за службу жалуетъ рѣкою столбовою тихимъ Дономъ, со всѣми запольными рѣками, юртами и всѣми угодыми, и милостиво прислалъ свое царское годовое жалованье». Служили торжественный молебень съ многолѣтіемъ, послѣ котораго все начальство пировало у атамана, а на другой день гуляли у атамана зимовой станицы, гдѣ также пили изъ пожалованнаго ему ковша царскую сивушку.

Съ умноженіемъ казачества, преемники Михаила Феодоровича дѣлали надбавки къ прежнему жалованью, за что, конечно, кромѣ радѣтельной службы, требовали отъ казаковъ и большаго послушанія.

Первые поселенцы тихаго Дона, по примѣру своихъ братьевъ, жили бобылями, не женились, но когда утихали тревоги войны, когда у казаковъ оставалось множество плѣнницъ— татарокъ, калмычекъ, черкошенокъ, турчанокъ,—тогда сама собой возникла семейная жизнь. На первыхъ порахъ рѣдко кому удавалось жениться по уставу церкви. Обыкновенно женихъ и невѣста выходили на площадь, молились Богу, потомъ кланялись всему честному народу, и тутъ-то женихъ объявлялъ имя своей невѣсты. Обращаясь къ ней, онъ ей говорилъ: «Будь же ты моею женою!» Невѣста падала жениху въ ноги

со словами: «А ты будь моимъ мужемъ!» Какъ легко такіе браки заключались, такъ же легко и расторгались. Казакъ, покидая почему-либо свою землянку, напримѣръ, по случаю похода, продавалъ жену за годовую запасъ харчей, или же выводилъ ее на площадь и говорилъ: «Но любя! кто желаетъ, пусть беретъ!» Если находился охотникъ взять «отказанную» жену, то прикрывать ее своей полкой, что означало обѣщаніе оказывать защиту и покровительство. Бывали случаи, что казакъ присуждалъ свою жену на смерть. При всемъ томъ, казаки славилась своею набожностью, строго соблюдали установленные посты, обогащали вкладыми церкви, монастыри. Для своихъ приношеній они избрали два монастыря: одинъ Никольскій, возлѣ Воронежа, другой—Рождественскій Черняевъ, въ Шацкѣ. Тамъ висѣли колокола, отлитые изъ непріятельскихъ пушекъ; священныя одежды, иконы блистали жемчугомъ, драгоценными камнями. Тамъ же казаки, потерявшіе силы воевать, доживали свой вѣкъ въ монашеской рясѣ, какъ это дѣлали и запорожцы. Въ тихой обители замирали страсти, забывалась вражда. Только въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича стали появляться на Дону часовни, а на кладбищахъ голубицы, или памятники; первая церковь въ Черкаскѣ была построена лишь въ 1660 году.

Какъ видно изъ разсказа о защитѣ Азова, жены казакія славилась ратнымъ духомъ не менѣе своихъ мужей; такъ же онѣ наставляли и своихъ дѣтей. Новорожденному клали на зубокъ: стрѣлу, пулю, лукъ, ружье. Постѣ сорока дней отецъ нацѣплялъ мальчугану саблю, сажалъ его на коня, подстригалъ въ кружокъ волосы и, возвращая матери, говорилъ: «Вотъ тебѣ казакъ».—Когда у младенца прорѣзались зубы, его везли верхомъ въ церковь, гдѣ служили молебенъ Юанну Воину, чтобы изъ сына выросъ храбрый казакъ. Трехлѣтки уже сами ѣздили по двору, а пятилѣтки безстрашно скакали по улицамъ, стрѣляли изъ лука, играли въ бабки, ходили войной. По временамъ все ребячье населеніе Черкаска выступало за городъ, гдѣ, раздѣлившись на двѣ партіи, строили камышовые городки. Въ бумажныхъ шапкахъ и лядушкахъ, съ бумажными шапонами и хлопучками, верхомъ на палочкахъ, противники сходились, высылали стрѣльцовъ, или наѣдниковъ-забиякъ, и, нападая,

сражались съ такимъ азартомъ, что по жалѣнн посогъ: рубились лубочными саблями, кололись камышовыми пиками, отбивали знамена, хватали плѣнныхъ. Побѣдители, подъ музыку изъ дудокъ и гребной, съ трещотками или тазами, возвращались торжественно въ городъ: сзади, стыдливо понуривъ головенки и зашиваясь слезами, шли плѣнные. Старики, сидя бесѣдой подлѣ рундуковъ, за ендовой крѣпкаго меду, любовались проходившими внучатами; самъ атаманъ, подивившись съ мѣста, пропускалъ мимо себя мелюзгу, похваляя храбрыхъ. Когда была введена перепись «малолѣтковъ», то всѣ достигше 19-лѣтняго возраста собирались въ заранѣ назначенномъ мѣстѣ, на лучшихъ коняхъ и въ полномъ вооруженіи. На ровной полянѣ, возлѣ рѣчки, разбивался большой лагерь, гдѣ въ продолженіе мѣсяца обучались малолѣтки воинскому дѣлу подъ руководствомъ стариковъ, въ присутствіи атамана. Однихъ учили на всемъ скаку стрѣлять; другіе мчались во весь духъ, стоя на сѣдлѣ и отмахиваясь саблей; третьи ухищрялись подпять съ разостлапшой бурки монету или же плетку. Тамъ выѣзжаютъ поединщики; здѣсь толпа копыхъ скачетъ къ крутому берегу, вдругъ исчезнетъ и снова появится, но уже на другомъ берегу... Самымъ мѣткимъ стрѣлкамъ, самымъ лихимъ наѣзникамъ атаманъ дарилъ нарядныя уздечки, разукрашенныя сѣдла, оружіе. Эта первая награда цѣнилась на Дону такъ же высоко, какъ у древнихъ грековъ лавровые вѣнки. — Такъ выросли цѣлыя поколѣнія; начинали съ ребяческихъ, кончали кровавыми потѣхами. Сабли на Дону не ржавѣли, удалъ и отвага не вымирали. Отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку переходилъ одинъ и тотъ же завѣтъ: любить родную землю, истреблять ея враговъ. Въ турецкой ли неволѣ, у себя ли на смертномъ одрѣ, казакъ одинаково жалостливо прощался: «Ты прости, мой тихій Донъ Ивановичъ! Мигъ по тебѣ не ѣздити, дикаго вепря не стрѣливать, вкусной рыбы не лавливать!» — Однако въ семьѣ, говорятъ пословица, не безъ уroda. Такъ и среди вѣрныхъ сыновъ Дона, отъ времени до времени, являлись отступники, которые обагрjali руки въ безвинной братской крови, которые безславили свою родину. — О нихъ рѣчь впереди.

III.

Казацкая вольница.

Дальніе походы и частыя битвы, голодовки и разныя другія невзгоды нисколько не убавляли казацкой вольницы, потому что убыль пополнялась съ избыткомъ бѣжными и охочими людьми изъ Московской Руси. «Вольная сиротская дорога» никогда не заростала на Дону, откуда уже не было выдачи. Холоны бѣжали отъ своихъ господъ, приказчики — отъ хозяевъ, неплатные должники — отъ земодавцовъ, стрѣльцы и солдаты спасались отъ тягостой службы, а раскольники — отъ патриаршаго гнѣва. Весь этотъ людъ — голодный и холодный — скитаясь на Дону, искалъ пристанища и хлѣба; онъ готовъ былъ на все ради наживы, смущая тѣмъ казачество, между которымъ было много людей столпныхъ и съ достатками. Эти

последніе желали сохрѣпить нажитое добро, передать его дѣтямъ, внукамъ; они остерегались грабить русскія окраины, чтобы не стать за то въ отвѣтъ, не лишиться царскихъ милостей и жалованья. Большая же часть пришлої вольницы жила

по пословицѣ: «Добрѣму вору все въ пору». Въ былое время самыя буйныя головы отправлялись къ турецкимъ берегамъ, откуда, если возвращались, то со знатной добычей. Теперь пастали другія времена: входъ въ море былъ запорть; крымцы сами стали навѣщать казаккія юрты, а между тѣмъ народу съ Руси все прибывало да прибывало. Куда кинуться, гдѣ добыть зипуны—больше некуда, какъ на Волгу, куда хаживали еще прапрадѣды, гдѣ гулялъ когда-то Ермакъ Тимоооевичъ. Дѣло долго стояло за атаманомъ; не выискивался человекъ, способный справляться съ буйной ватагой, который умѣлъ бы ей угождать и въ то же время повелѣвать, гулять съ ней на широкую казацкую ногу и посылать ее на вѣрную смерть. Какъ на грѣхъ, такой человекъ нашолся: это былъ извѣстный всему войску, не молодой уже казакъ, по прозванію Степанъ Тимооевичъ Разинъ. Коренастаго сложенія, сильный, ловкій, на словахъ рѣчистый, онъ глядѣлъ угрюмо, повелительно; въ его глазахъ свѣтилась отвага необычайная, дикая, воля желѣзная. На Дону ему было тѣсно, точно въ клѣткѣ, скучно; онъ не знаетъ, куда ему дѣвать свою силу богатырскую. Вдругъ, въ лѣто 1667 г., вокругъ него, точно изъ-подъ земли, выросла вольница, съ которою онъ поднялся съ мѣста и окопался близъ Папшина городка, гдѣ Донъ ближе всего подходитъ къ Волгѣ. Разинъ стоялъ на высокихъ буграхъ, кругомъ—полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни достать языка; отсюда онъ высматривалъ, не покажется ли добыча. Вотъ показался сверху большой караванъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ; какъ ястребъ, налетѣлъ на него атаманъ со своею дружиной; ладья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну, начальные люди изрублены, ссыльные, которыхъ везли въ Астрахань, раскованы. «Вамъ всѣмъ воля,—говорилъ атаманъ, идите себѣ, куда хотите, силою не стану принуждать, а кто хочетъ итти со мной—будетъ вольный казакъ».—Всѣ ссыльные и ярыжки пристали къ ватагѣ. Первая удача прославила атамана; прошла молва, что онъ заговоренъ отъ пули, что по его слову останавливаются суда, отъ его взгляда каменѣютъ люди. Царицынскій воевода приказалъ—было стрѣлять по воровскимъ стругамъ, такъ ни одна пушка не дала выстрѣла, потому, будто, что весь порохъ выходитъ запаломъ. На 35 стругахъ Степъка проплылъ мимо Ца-

рицына, Чернаго Яра, вышелъ моремъ къ устью Яика и, подъявшись вверхъ, засѣлъ въ Нижне-яицкомъ городкѣ. Отсюда, какъ изъ воровскаго гнѣзда, казаки промышляли въ разныя стороны—на море, къ устьямъ Волги, между татарь и калмыковъ. Это былъ уже по простой грабежъ, а бунтъ, война противъ государства.

Весь Донъ всколыхнулся, узнавши о томъ, что Стенька укрѣпился въ Нижне-Яицкѣ. Въ донскихъ городкахъ казаки собирались «многимъ собравьемъ», чтобы избрать свою старшину итти прямо на Волгу и пристать къ атаману. Промышлять же надъ ворами было некому: по городамъ сидѣли, правда, воеводы, но съ самой ничтожной силой, да и стрѣльцы неохотно дрались за Государово дѣло; многіе даже тайно снабжали воровъ зельемъ (порохомъ) и свинцомъ. Вскорѣ вѣсти о Стенькѣ затихли: знать, ушелъ въ море.

Угрюмы, непривѣтливы были въ ту пору берега суроваго Дагестана. И горе путнику или купцу, который попадалъ на берегъ, къ тамошнимъ татарамъ: его ковали въ цѣпи, обращали въ неволю. Особенно тяжко приходилось христіанамъ. Теперь казаки мстили за своихъ братьевъ, замученныхъ въ невольѣ, и мстили жестоко, сторицей. Самъ атаманъ послалъ на легкихъ стругахъ, безъ компаса, безъ кормы, а Алешку Протокипа и Каторжнаго съ двумя тысячами послать сухонутьемъ; за послѣднимъ увязался еще запорожскій куренной атаманъ Чубъ съ четырьмя сотнями «братьевъ». Они набросились прежде всего на Дербентъ; крѣпость взять-то не смогли, но нижній городъ разрушили до основанія. Все побережье до г. Баку запылало въ огнѣ; жители, спасая животы, бѣжали врознь отъ казачьей сабли—иные забивались въ горы, другіе скрывались въ лѣсахъ. Все ихъ добро, что получше да полегче, шло на струги, остальное металось въ огонь. Въ персидскомъ городѣ Рештѣ казаки узнали, что противъ нихъ выступила вооруженная сила. Атаманъ пустился на хитрость. Онъ сочинилъ басню, будто пришелъ въ Персію искать милостей у шаха; просить теперь назначить ему землю подъ поселокъ. Персіяне дались въ обманъ, и пока шла отписка, атаманъ неребрался съ молодцами изъ Решта въ г. Фарабатъ, гдѣ объявилъ себя купцомъ. Пять дней шла у нихъ торговля мирно, на 6-й день

атаманъ, окруженный казаками, какъ бы невзначай поправилъ на головѣ шапку. Это былъ условный знакъ: пора, значить, приступать къ расправѣ. И страшно сказать, что случилось съ этимъ городкомъ: въ немъ уцѣлѣли лишь христіане, которыхъ признавали по выклику: «Христось! Христось!» Все остальное население, совсѣмъ беззащитное, было перебито или захвачено въ плѣнъ. Цѣлую зиму казаки, засѣвъ на островкѣ, мѣняли плѣнныхъ, при чемъ давали за одного своего трехъ-четырехъ невѣрныхъ. По веснѣ Стенька очутился уже на туркменскомъ берегу, гдѣ громилъ туркменскіе улусы. Наконецъ, персіяне вырядили противъ него цѣлый флотъ, вооруженный пушками. Казаки вышли ему навстрѣчу, накинулись своимъ обычнымъ способомъ, и только три судна успѣли уйти съ ханомъ; его же сынъ и красавица-дочка остались въ плѣну. Послѣ этой побѣды Стенька сталъ думать, какъ бы ему безъ помѣхи вернуться на Донъ.

Въ серединѣ августа явились въ Астрахань къ воеводѣ Львову двое выборныхъ съ рѣчами отъ Стеньки и его войска и говорили, что оно бьетъ челомъ, чтобы великій Государь пожаловать, отдать бы ему вины и пропустилъ на Донъ, а взятыя пушки войско обѣщаетъ возвратить и служилыхъ людей отпустить. Воевода велѣлъ этихъ двухъ казаковъ привести къ вѣрѣ.

Черезъ нѣсколько дней въ городѣ было большое торжество. Въ приказной избѣ сидѣлъ самъ воевода, князь Семенъ Ивановичъ Львовъ, окруженный дьяками. Товарищи Стеньки сложили передъ избой знамена, бунчукъ; самъ атаманъ, приступивъ къ воеводѣ, билъ челомъ, чтобы шестерымъ выборнымъ ѣхать въ Москву бить за вины своими головами. Выборные были отправлены, и великій Государь, по своему милосердному разсмотрѣнію, пожаловать: вмѣсто смерти, велѣлъ дать имъ жить и неслать казаковъ въ Астрахань, чтобы они вины свои заслуживали. Но унять казаковъ кроткими мѣрами становилось дѣломъ труднымъ: поизвѣдавъ широкаго раздолья, съ богатой на рукахъ добычей, имъ не охота была выслуживать вины. Когда дѣло дошло до расчета, Разинъ сталъ препираться; онъ не выдалъ ни пограбленныхъ товаровъ, ни плѣнныхъ, даже удержалъ 20 пушекъ. «Эти пушки, говорилъ онъ, надобны

намъ въ стѣни для проходу, а какъ дойдемъ, то пушечки пришлемъ тотчасъ же». Восвояды сдались, да и польза было не сдаться, потому что казачество затуманило всѣмъ головы, не только у бѣдноты, но у служивыхъ, у торговыхъ людей. Вся Астрахань приходила въ умлеще, глядя на казаковъ въ шелку да въ бархатѣ, въ заломленныхъ шапкахъ, украшенныхъ жемчугомъ или драгоцѣнными камнями, въ кушакахъ, расшитыхъ золотомъ, съ оружіемъ въ богатой оправѣ. «А Стенангъ Тимоѣевичъ—и говорить нечего: прямой батюшка, такой ласковый да добрый, о чемъ ни попросишь, нѣтъ у него отказа...» Встрѣчная толпа падала на колѣни, когда онъ ходилъ по улицамъ, метая горстями денежки. На судахъ у атамана, сказывали, всѣ веревки и канаты шелковые, паруса затканы золотомъ— велико искушеніе! За нимъ слѣдомъ бѣгали, глядя, какъ онъ, «батюшка», гулялъ или «тѣшился». Однажды Стенька катался по Волгѣ, и возлѣ него сидѣла персіянка, ханская дочь, въ своемъ богатомъ одѣяніи, осыпанномъ жемчугомъ, унизанномъ камнями. Вдругъ хмѣльной Стенька поднялся съ мѣста и, держа красавицу за руку, повернулся къ рѣкѣ: «Ахъ ты, Волга-матушка, рѣка великая! Много ты дала мнѣ злата и серебра, и всякаго добра, надѣлила честью и славой, а я тебѣ еще ничѣмъ не наградила. На-жъ тебѣ, возьми!» да съ этими словами швыркъ красавицу въ воду. Вотъ каковъ былъ атаманъ!— Кое-какъ удалось, наконецъ, воеводамъ выпроводить Стеньку изъ Астрахани.

Напроказивъ еще въ Царицынѣ, онъ перебрался на Дону и недалеко отъ Кагальницкой станицы окопался городкомъ. Тутъ явился къ нему изъ Черкаска его младшій братъ Фролка, пріѣхала жена; казаковъ же онъ распустилъ на сроки, за крупными поруками. На Дону изстари велся такой обычай, что домовитые казаки ссужали бѣдняковъ оружіемъ и платьемъ, за что брали въ свою пользу половину добычи. А добыча была на этотъ разъ богатая; далеко разошлись вѣсти объ удачахъ батюшки Степана Тимоѣевича, и множество народа повалило къ нему въ земляной городокъ. Всѣхъ принималъ атаманъ, всѣхъ ссужалъ деньгами, оружіемъ; еще болѣе того сулилъ впереди. Къ концу года у него считалось уже безъ малаго 3 тысячи на все готового сброда. Въ Черкасскъ войсковое па-

КАЗАКИ.

ство не знаю, что ему дѣлать: пріять ли Стеньку, какъ
тя, или промыслить надъ нимъ, какъ надъ воромъ? Какъ бы
отвѣтъ, Стенька самъ явился въ Черкасскъ, въ ту самую
нору, когда казаки выражали царскаго гонца Герасима Евдо-
мова. Стенька приказать позвать его въ кругъ. «Отъ кого
и поѣхать: отъ великаго Государя или отъ бояръ?» спросить
его у Герасима. — «Посланъ я отъ великаго Государя, съ ми-
лостивою грамотою». — «Врешь, — закричалъ на него Стенька,
пріѣхать ты не съ грамотой, пріѣхать къ намъ лазутчикомъ!»
завлечь его до полусмерти и велѣть бросить въ Донъ. Тогда
выступилъ войсковою атаманъ Коршлю Яковлевъ: «Непригоже
намъ такъ учинить, Стенанъ Тимоеевичъ! — И ты того же за-
ботишься? — спросилъ Стенька. Владѣй своими казаками, а я вла-
дѣю своимъ». — Яковлевъ, видя, что не пришло его время, про-
молчалъ.

Помутнивъ казачество, Стенька покинулъ Черкасскъ и сталъ
теперь собираться на государевы города. Тутъ присталъ къ
нему еще Васька Усь, удачная голова, воръ-богатырь, извѣст-
ный своимъ злодѣйствами по Тульской и Воронежской окраи-
намъ. Въ ту пору Стенька уже насчитывалъ до 7 тысячъ
головорѣзовъ. «Воровскимъ» способомъ, т. е. при помощи из-
мѣнщиковъ, они овладѣли Царицынымъ; царскій воевода Турге-
невъ пытался было защищаться, но казаки взяли приступомъ
башню, гдѣ онъ засѣлъ, прокололи его копьемъ и кинули въ
воду. Уже Стенька помышлялъ идти дальше, дерзая овладѣть
даже Москвою, извести всѣхъ бояръ и пожечь бумаги, какъ
узнаеть, что противъ него посланы сверху и снизу отряды
стрѣльцовъ.

Сначала Стенька бросился вверхъ. Тысяча московскихъ
стрѣльцовъ, подъ начальствомъ Лопатина, спокойно стояли на
Денежномъ островѣ, въ 7 верстахъ отъ Царицына. Казаки напали
изъ нихъ съ двухъ сторонъ, но стрѣльцы дружно взялись
за досла и, въ надеждѣ на выручку, стали пробираться къ
Царицыну, но зная того, что Царицынъ въ рукахъ вора. От-
сюда ихъ встрѣтили ядрами. Потерявши болѣе половины,
стрѣльцы должны были сдаться; ихъ посадили гробами на
воровскіе струги. Когда они стали кручнниться, что измѣнили
великому государю, атаманъ сказалъ: «Вы бьетесь за измѣн-

никовъ, а не за великаго Государя». Чудны имъ показались эти слова. Между тѣмъ, снизу шли 2,600 астраханскихъ стрѣльцовъ да 500 вольныхъ людей съ воеводой княземъ Львовымъ. Атаманъ попытъ имъ навстрѣчу. Какъ только онъ появился на виду, всѣ служивые закричали: «Здравствуй, нашъ батюшка, Степанъ Тимооевичъ!» — «Здравствуйте, братья. Вы мнѣ братья и дѣтки; и будете вы такъ же богаты, какъ я, если останетесь мнѣ вѣрны и храбры». — Стрѣleckіе головы, сотники, дворяне— всѣ до одного были перебиты; злодѣи пощадилъ лишь князя Львова, да еще спасся какимъ-то чудомъ стрѣлецъ. Онъ-то и принесъ астраханскому воеводѣ страшную вѣсть. Теперь бѣда грозила самой Астрахани.

Уже давно въ городѣ ходили недобрые слухи: люди слышали изъ запертыхъ церквей какой-то невѣдомый шумъ, слышали, какъ сами собою перезванивали колокола, какъ колыхалась земля. Среди народа замѣчалось шатавіе умовъ, стрѣльцы дерзали громко роптать. Воеводѣ тѣмъ труднѣе было съ ними ладить, что они ему не подчинялись: у стрѣльцовъ было свое начальство, стрѣльцкіе головы. Однако князь Прозоровскій не унывалъ. Астрахань того времени была окружена кирпичной стѣной въ 4 сажени вышины, съ широкими и высокими зубцами наверху. По прясламъ стѣны, а также по угламъ, стояли двурусныя башни съ колоколами. Вооруженіе состояло изъ 460 пушекъ. Дѣятельный воевода самъ обошелъ всѣ стѣны, осмотрѣлъ пушки, развелъ по бойницамъ и стрѣльницамъ стрѣльцовъ, разставилъ при пушкахъ пушкарей, при пищаляхъ—пищальщиковъ; ворота приказалъ завалить кирпичомъ. Всѣ посадскіе, по обычаю того времени, также должны были ополчиться на защиту города: кто съ топоромъ или бердышемъ, кто съ самопаломъ или ручною пищалю, другіе—съ копьями, съ камнями. По этому случаю близъ оконъ заранѣе были насыпаны кучи камней и припасены киятокъ. Наконецъ, всѣ защитники подѣлоны на десятки и сотни; каждому указано его мѣсто; назначены осадные головы. Въ ночь на 13 іюня киральныя стрѣльцы увидѣли, какъ надъ всею Астраханью отворалось небо и какъ оттуда посыпались точно печныя пскры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ рассказать о видѣнн митрополиту Іосифу.— «Сіе предвѣщаетъ, что нашлася съ побоси

фіаль гнѣва Божія!» сказалъ пастырь и горько заплакать. Уроженецъ Астрахани, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ зналъ казачьи обычаи, испыталъ на себѣ пенствования буйной вольницы и теперь скорбѣть о судьбѣ родного города.

Черезъ недѣлю послѣ видѣнія, воровскіе казаки появились въ виду Астрахани, на урочищѣ «Жареные бугры», а въ городѣ въ тотъ же день стали показываться переметчики и зажигатели. Для острастки воевода приказалъ одного изъ нихъ кинуть въ тюрьму, остальнымъ отсѣчь головы; мало полагаясь на острастку, онъ собралъ на митрополичій дворъ всѣхъ пятидесятниковъ и старыхъ лучшихъ людей. Здѣсь митрополитъ ихъ увѣщаль: «Поборитесь за домъ Пресвятыя Богородицы и за великаго Государя, Его Царское Величество. Послужите ему вѣрой и правдой, сражайтесь съ измѣнниками мужественно; за то получите милость отъ великаго Государя здѣсь, въ земномъ житіи, а скончавшихся во брани ожидаютъ вѣчныя блага вмѣстѣ съ христіанскими мучениками». — «Рады служить великому Государю вѣрою и правдою, не щадя живота, даже смерти», отвѣчалъ за всѣхъ Иванъ Красулинъ, тайный сообщникъ Стеньки. День склонялся къ вечеру, когда на городскихъ башняхъ зазвонили колокола: то была тревога. Бояринъ, принявши отъ митрополита благословеніе, ополчился въ ратные доспѣхи и выѣхалъ со двора вмѣстѣ съ братомъ, со всѣми своими держальниками и дворовыми людьми; впереди вели коней подъ попонами, шли стрѣлцкіе головы, дяки и подьячіе; били въ тулупбасы, играли на трубахъ. Воевода сталъ у Вознесенскихъ воротъ. Наступила темная, непроглядная ночь; со стѣнъ вѣрѣдка раздавались глухіе оклики караульщикоу, въ городѣ же водворилась зловѣщая тишина; когдѣ по задворкамъ сходились пошломые люди и, пошонтанувшись, быстро расходились; никто не смыкалъ глазъ, многіе провели всю ночь на молитвѣ. Въ 3 часа утра казаки полѣзли на стѣны совсѣмъ съ другой стороны, гдѣ поджидать ихъ воевода. Не варомъ, не коньями встрѣчали ихъ защитники, а по-братски, протягивали руки, чтобы поскорѣе втащить наверхъ. Воевода ничего этого не зналъ, какъ вдругъ услышалъ роковой сигналъ: это былъ «казачій ясакъ», или пять выстрѣловъ, означавшихъ сдачу города. Какъ громомъ пораженный, сидѣлъ воевода на

копѣ, пока кто-то не пырнулъ его копьемъ. Онъ упалъ на землю; недалеко отъ него свалился братъ, убитый изъ самопала. Народъ повалилъ въ церковь, куда вѣрные холопы принесли смертельно раненаго воеводу. Прибѣжалъ митрополитъ, и, слезно рыдая, склонилъ свою сѣдую голову надъ умирающимъ другомъ. Церковь быстро наполнялась: вбѣгали купцы, дворяне, дѣти боярскія, стрѣleckiе головы, подьячiе—всѣ, кому грозила бѣда. У церковныхъ дверей стали пятидесятникъ конныхъ стрѣльцовъ Фроль Дура, съ большимъ ножомъ въ рукахъ. Онъ не измѣнилъ своему долгу, не братался съ ворами, и теперь одинъ послѣдовалъ за раненымъ воеводой. Скоро желѣзныя двери стали ломиться отъ напора. Фроль Дура стиснулъ въ рукахъ ножъ. Кто-то изъ воровъ выстрѣлилъ изъ самопала: на груди у матери затрепеталъ младенецъ въ крови; другая пуля задѣла святую икону. Тутъ раздался трескъ, двери погнулись, распахнулись. Какъ бѣшеный, бросился Фроль Дура, работая ножомъ то направо, то налево; онъ избивался какъ змѣй, прыгалъ какъ тигръ, валить свои жертвы безъ счета; наконецъ, былъ выхваченъ и посѣченъ. Воеводу, всѣхъ подьячихъ и начальныхъ людей перевязали и посадили подъ раскатъ—такъ называлась церковная колокольня. Въ 8 часовъ утра явился атаманъ. Онъ взялъ подъ руки воеводу. Всѣ видѣли, какъ атаманъ шепнулъ ему что-то на ухо; князь, вмѣсто отвѣта, замоталъ головой. Тогда разбойникъ столкнулъ его головой внизъ; всѣмъ прочимъ была объявлена смерть.

Но въ то время, когда уже цѣлый городъ былъ въ рукахъ злодѣевъ, когда начался повальный грабежъ лавокъ и гостиныхъ дворовъ, небольшая кучка бойцовъ—двое русскихъ да семь черкось—запорлась въ башигъ и билась на смерть. Не стало свинцу, стрѣляли деньгами, не стало пороху—покидались на городъ. Которые не ушиблись до смерти, тѣхъ посѣкли. Это было послѣднее сопротивленiе. Стопка, разбойничий атаманъ, владѣлъ Астраханью.

Всѣ уцѣлѣвшiе отъ побоища стрѣльцы были подѣлены на десятки, сотни и тысячи, съ выборной старшиной, какъ это водилось у казаковъ. Зашумѣлъ кругъ, загорлаплили буяны. Все новое казачество было приведено къ присягѣ, чтобы стоять за великаго Государя, служить атаману Степану Тимофеевичу

и всему войску; Астрахань объявлена казачьимъ городомъ. Какъ старые, такъ и новые казаки загуляли съ утра до вечера. Стенька разъѣзжалъ по улицамъ, любуясь дѣломъ своихъ рукъ, или же цыаный сидѣлъ у митрополичьяго двора, поджавъ ноги по-турецки. Тутъ онъ чинилъ короткій казацкій судъ: одного безъ вины прикажетъ убить, другого безъ причины пощадить... Не стало проходу ни женамъ, ни дочерямъ побитыхъ дворянъ; сначала надъ ними только издѣвались, потомъ стали хватать и вѣчать съ воровскими казаками. Митрополитъ молчать и скорбѣть: время его подвига было впереди.

Когда Стенька протрезвился, то увидѣлъ, что потерялъ дорогое время и сталъ спѣшно собираться на верховые города. Двѣсти судовъ, нагруженныхъ добычей, едва могли поднять атамана съ его воинствомъ; помимо того, 2 тысячи конныхъ пошли берегомъ. Саратовъ, Самара, были взяты; атаманъ подступилъ къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ восводой окольныхъ Иванъ Богдановичъ Милославскій. Собственно городъ, или кремль, стоявшій на горѣ, былъ снабженъ пушками и защищаемъ стрѣльцами; вокругъ города тянулся посадъ, окруженный стѣною и рвомъ; тутъ же въ посадѣ находился острогъ. На помощь Симбирску подоспѣлъ изъ Казани, съ небольшимъ коннымъ отрядомъ, князь Юрій Никитичъ Борятинскій. Цѣлый день бился вмѣстѣ съ ратными людьми и не могли взять верха. Тогда Стенька подослалъ во время битвы переметчиковъ и овладѣлъ городскимъ острогомъ при помощи измѣнниковъ. Борятинскій отошелъ къ Тетюшамъ, чтобы подкрѣпить себя пѣхотой, а казаки подступили къ городу. Они насыпали высокій земляной валъ, втащили пушки и отсюда перекидывали въ городъ горящія головешки, сѣно, солому, туры, начиненные порохомъ или смолой—всякую всячину, лишь бы только поджечь. Однако, бдительный восвода тушилъ всѣ пожары: его городокъ стоялъ невредимъ. Четыре раза казаки ходили на приступъ—и тутъ ничего не взяли: ихъ отбили. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. На Покровъ Стенька снялъ свой станъ: онъ прослышалъ о приближеніи Борятинскаго. Въ двухъ верстахъ отъ Симбирска, на р. Свйягѣ, атаманъ схватился со старымъ знакомымъ: «люди въ людяхъ мѣшались, и

стрѣльба на обѣ стороны, ружейная и пушечная, была въ притыкъ». Упорно дрались казаки; самъ Стенька не щадилъ себя: его хватили по головѣ саблей, прострѣлили ему ногу; одинъ смѣлый алатырецъ, по имени Семень Степановъ, уже повалилъ его на землю, но самъ быть убитъ. Мятежники понесли жестокое пораженіе; они покинули 4 пушки, знамена, литавры. Чародѣйство Стеньки сразу пропало: онъ потерялъ въ одинъ день свою силу, свою власть. Разбитый атаманъ увѣрялъ самарцевъ, что у него на Свиягѣ перестали стрѣлять пушки. Ему не повѣрили и въ городъ не пустили; саратовцы сдѣлали то же самое. Тогда Стенька кинулся на Донъ, гдѣ съ небольшою кучкою самыхъ надежныхъ друзей укрѣпился въ Кагальницкомъ городкѣ. Однако вѣрные казаки не дали имъ долго засидѣться: городокъ сожгли и всѣхъ злодѣевъ забрали живьемъ. Стеньку, его брата Фролку привезли въ Черкасскъ, а съ прочими расправились на мѣстѣ. Пока шли сборы въ Москву, разбойничьяго атамана держали въ церковномъ притворѣ, на цѣпи, нарочито освященной, изъ опасенія, чтобы онъ тайно не ушелъ. Эта цѣпь хранится до сихъ поръ. Въ концѣ апрѣля самъ войсковой атаманъ повезъ удалыхъ братьевъ въ Москву; въ томъ же обозѣ были отправлены къ великому Государю три драгоцѣнныхъ персидскихъ аргамака да три затканыхъ золотомъ ковра, отобранныхъ у Стеньки.

Уже давно разбойничій атаманъ сложилъ свою буйную голову на плахѣ, а воеводы все еще ходили съ летучими отрядами, водворяя въ русской землѣ чиноначаліе и порядокъ; нарушенный воровскими шайками, которыя разбрелись изъ-подъ Симбирска. Между Окой и Волгой многія села были разорены или выжжены; на дорогахъ и въ домахъ грабили, убивали; награбленное добро тотчасъ пропивали. Казачество искружило головы; темные люди думали, что вольный казакъ живетъ безъ заботъ, безъ печали, знаетъ себѣ гуляеть, да денежки пропиваетъ. Конецъ этой страшной смуты быть положенъ въ Астрахань.

Выражаясь на верхіе города, Стенька оставилъ здѣсь вмѣсто себя Ваську Уса. Вскорѣ послѣ его отъѣзда митрополитъ Іосифъ получилъ царскую грамоту, увѣщавшую казаковъ принести повиновеніе. Ударили въ большой колоколъ, и

когда церковь наполнилась, митрополитъ приказалъ ключарю прочесть государеву грамоту. Въ это время подошли казаки съ астраханскими измѣнниками—тоже стали слушать. Только ключарь копчить и передалъ грамоту митрополиту, какъ бросились къ нему казаки и вырвали грамоту изъ рукъ. Не стерпѣть митрополитъ такого безчинства: «Еретики, разбойники, клятвопреступники!» загремѣлъ онъ. Въ отвѣтъ раздались крики, слышались угрозы, ругательства: «Чернецъ! Зналъ бы ты свою келію! Не хочешь ли подъ раскаты? Посадить его въ мѣшокъ! Послать его въ заключеніе!»... На этотъ разъ тѣмъ дѣло и кончилось; казаки съ государевой грамотой отошли къ воровскому атаману. Такъ прошла зима подъ управленіемъ Стенькиныхъ сообщниковъ. Въ великую пятницу дали знать митрополиту, что юртовскіе татары, которые стоятъ за Волгой, привезли изъ Москвы новую грамоту. Митрополитъ самъ пошелъ на базаръ объявить казацкой старшинѣ объ этой радости. Грамоту привезли прямо въ соборную церковь, гдѣ митрополитъ ее распечатать въ присутствіи атамана. Когда же онъ началъ читать, казаки повернулись и ушли въ свой кругъ. Митрополитъ пошелъ за ними и, войдя въ кругъ, велѣлъ читать снова. Только что кончилось чтеніе, какъ казаки закричали, что эта грамота не подлинная, а сочинялъ ее митрополитъ, что по немъ давно уже тужить раскаты... Митрополитъ возвысилъ свой голосъ: «Велѣно по грамотѣ великаго Государя воровъ донскихъ перехватать и посадить въ тюрьму, а намъ велѣно во всемъ вины свои принести: онъ, Государь-свѣтъ, милостивъ, вины вамъ отдастъ; вы то все положите на меня, что великій Государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ велитъ не тронуть». — «Кого намъ хватать и сажать въ тюрьмы? Возьмите его, митрополита, и посадите въ тюрьму!» кричали казаки въ бѣшенствѣ, наступая на святителя. Какой-то злодѣй добавилъ: «Счастье твое, что пристигла святая подѣля, а то мы бы дали тебѣ память!»—Съ той поры измѣнники ожесточились и тайно помышляли извести митрополита, который съ крестомъ въ одной, съ царской грамотой въ другой рукѣ, казался имъ опасенъ: своимъ сильнымъ словомъ онъ могъ отвернуть отъ нихъ астраханцевъ, а тогда воровское дѣло погибло. Какъ бы въ отвѣтъ на свой злодѣйскій умыселъ, казаки

получили отъ Оедьки Шелудяка, изъ-подъ Царицына, грамотку, въ которой старый воръ совѣтовалъ поскорѣе раздѣлаться съ митрополитомъ.

11-го мая архипастырь совершалъ проскомидію, когда воры пришли звать его въ кругъ. Онъ облачился, взявъ крестъ и, въ сопровожденіи духовенства, вступилъ въ кругъ, посреди котораго стоялъ съ булавою Васька Усь. — «Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?» По приказу атамана выступилъ казакъ, привезшій грамоту: «Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переписываешься съ Тереккомъ и Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились!» — «Я съ ними не переписывался, — сказалъ святитель, а хотя бы и переписывался, такъ, вѣдь, это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чтобы и вы отъ воровства отстали и великому Государю вины свои принесли». — Отвѣтъ этотъ сильно не понравился; кругъ зашумѣлъ, самыя дерзкіе выскакивали, чтобы сорвать съ митрополита облаченіе. Тогда вырвался изъ толпы донской казакъ Миронъ: «Что вы, братцы, — закричалъ онъ, на такой великій санъ хотите руки поднять?» — Звѣрежь заревѣлъ казакъ Грузинкинъ, схватилъ Мирона за волосы, другіе стали его колотить и, вытащивъ за кругъ, убили на смерть. Однако, послѣ этого никто не дерзнулъ коснуться священныхъ одеждъ. Митрополитъ самъ снялъ митру, напаягію и выѣстъ съ крестомъ передать священникамъ: «Приходитъ часъ мой! — сказалъ онъ, прискорбна была душа моя даже до смерти, днесь... Протодьякоу Оедоръ, разоблачай!» Протодьякоу въ ужасѣ снялъ омофоръ, потомъ саккосъ. Тутъ казаки выбили изъ круга духовенство, съ крикомъ: «Намъ до васъ дѣла нѣтъ!» и повели святителя на пытку. Палачъ снялъ съ него рясу, связалъ руки, ноги и, продѣвъ между ними бревно, положилъ его на огонь. — «Скажи свое воровство, какъ ты переписывался?» — Митрополитъ, чтобы пересилить страданія, громко читалъ молитву. Спросили о казнѣ. Иосифъ объявилъ, что у него полтора рубли, а поклажи нѣтъ ничьей. — Обнаженнаго, изувѣченнаго страдальца одѣли въ сукошную рясу и повлекли на раскатъ. Проходя мимо убитаго Мирона, митрополитъ осѣнилъ его крестомъ и поклонился. Ввели на раскатъ, положили и

покатились къ обрыву... Тутъ работали самые отчаянные воры, съ Алешкою Грузинскимъ; большая же часть казаковъ, съ Васькой Усомъ, стояла внизу, подъ раскатомъ, въ страхѣ ожидая конца. Когда тѣло свитителя ударилось объ землю, казакамъ послышался стукъ. Они обомлѣли и долго стояли, опустивши головы. Страшное дѣло легло у нихъ тяжелымъ камнемъ на сердце.

Прошло полгода. По мосту, наведенному на р. Кутумъ, двигались Государевы полки. Впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ и несли икону Богородицы «Живородицы источникъ въ чудесахъ», давшую боярину Милославскому при отпускѣ его Государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли навстрѣчу. Завидя икону, они пали на землю и завопили, чтобы Государь отдать имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. — «Вины всѣмъ отданы, отвѣчалъ кротко бояринъ, и вы Государской милостью уволены». — Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы велѣлъ списать новую и оставить въ соборѣ на память будущимъ родамъ.

Въ концѣ того же лѣта, когда казнили Стеньку, войсковою атаманъ Корнило Яковлевъ вернулся изъ Москвы съ царскимъ стольникомъ, который возъ казакамъ Государеву грамоту, хлѣбные и пушечные запасы, и денежное жалованье.

Казики встрѣтили пословъ за 5 верстъ отъ Черкаска съ честью, съ великою радостью, потому что отъ неурожая и бывшей смуты совсѣмъ обнищали. Когда по обычаю собрался кругъ, царскій стольникъ объявилъ, что атаманъ Корнило Яковлевъ и Михайло Самаринъ дали въ Москвѣ за все великое войско обѣщаніе присягнуть на вѣрность Государю. Молодые казаки не сразу согласились: «Зачѣмъ намъ присягать? говорили они: мы и такъ вѣрны великому Государю». Три раза собирался кругъ, только по третьему приговорили: «Даемъ великому Государю обѣщаніе учинить передъ святымъ евангеліемъ, цѣлымъ войскомъ, а кто изъ насъ на обѣщаніе не пойдетъ, того казнить смертью по воинскому уставу нашему и ограбить его животы». — 29-го августа 1671 года отецъ Боголюбъ привелъ къ присягѣ атамановъ и прочихъ казаковъ по чиновной книгѣ передъ стольникомъ и дьякомъ. Съ этого времени казаки присягали каждому новому Государю, вступа-

нему на російскій престоль; съ той же поры доны
считаются не добротными союзницами, а върнымъ царскимъ
войскомъ, готовымъ тотчасъ выступить, куда Государь
укажетъ.

На царской службѣ.

одъ отъ году самовольные поски казаковъ становятся все рѣже да рѣже, и хотя они еще «охотятся» въ одиночку по берегамъ Кумы и Кубани, хотя они навѣщаютъ по старой памяти крымскіе утѣсы, но такія прогулки уже не доставляютъ прежнихъ выгодъ и привлекаютъ лишь немногихъ удалцовъ-богатырей; съ присоединеніемъ же Крыма, съ заселеніемъ Кубани — и вовсе прекращаются. Населеніе Дона поневолѣ ищетъ хлѣба въ своей же землѣ, а земля тамъ щедро награждаетъ трудъ земледѣльца. И вотъ, гдѣ прежде раздавался лишь призывный кликъ къ оружію,

гдѣ шумѣли казачьи круги, гдѣ носились конные пикеты или заставы, — тамъ заколыхалась золотистая пшеница, зашумѣла рожь высокая, поникло къ землѣ густыми метелками просо. Берега тихаго Дона, оглашаемые въ старину богатырскими пѣснями, стали обрѣстать густыми виноградниками. Казаки

начали сѣять и молотить хлѣбъ, собирать виноградъ, давить вино, ловить рыбу, солить икру и балыки. Однако же земледѣлію и мирные промыслы не ослабили воинскаго духа. Участвуя почти во всѣхъ войнахъ своего общаго отечества, донцы сохранили прирожденную имъ удалъ и лихость въ наѣздѣ, чуткость уха, зоркость глаза. На остановкахъ ли, во время передвиженій ли, донцы служили нашей арміи передовой стражей; они первые открывали непріятеля, встрѣчали его боемъ, въ случаѣ побѣды наносили бѣгущему послѣдній ударъ, а въ случаѣ отступленія принимали всѣ удары на себя. Величайшій изъ полководцевъ, царь Петръ Великій, неоднократно похвалялъ, даже награждалъ донцовъ за ихъ трудную и радѣтельную службу. Свой первый подвигъ, еще юношей, царь совершилъ на казачьей чайкѣ, окруженный казачьей дружиной.

Въ мартѣ 1695 г. въ войскѣ Донскомъ была получена царская грамота: «Мы, великіе Государи, указали быть на нашей службѣ, на Дону, генералу нашему Петру Гордону съ солдатскими и стрѣлецкими полками; собираться имъ въ Тамбовѣ и идти съ Тамбова на Хоперь, съ Хопра на Донъ въ Черкасскій. И тебѣ, войсковому атаману, Флору Минаеву, и всему войску Донскому, съ тѣми ратными людьми промыслять надъ непріятелями. Постараться бы вамъ, атаманамъ и казакамъ, чтобы о приходѣ нашихъ ратныхъ людей на Донъ азовцы прежде времени не узнали. Пусть указъ этотъ останется въ тайнѣ, чтобы кромѣ тебя, атамана, и старшинъ, никто не зналъ». — Войска пришли въ іюль, а вслѣдъ за ними прибылъ самъ Государь и немедленно двинулся подъ Азовъ. Однако въ ту пору удалось лишь взять Каланчевскія башни, ненавистныя казакамъ, да построить противъ Азова новую, Сергіевскую крѣпость, — съ тѣмъ и отошли. Въ слѣдующемъ году спустили изъ Воронежа, подъ надзоромъ царя, первую русскую флотилію изъ 23 галеръ, нѣсколькихъ брацдеровъ и двухъ кораблей; въ это же время Гордонъ обложилъ крѣпость съ 60 тыс. войскомъ. По приѣздѣ въ Черкасскъ Государь узналъ о присутствіи турецкаго флота и приказалъ своимъ галерамъ выйти въ море. Такъ какъ по мелководью галеры не могли пройти въ устьяхъ Дона, царь пересѣлъ на мелкую казачью лодку и, въ сопровожденіи сотни такихъ же чаекъ, вышелъ навстрѣчу туркамъ.

Нападеніе удалось. Здѣсь казаки въ первый разъ въ виду Государя показали свое искусство въ морскомъ дѣлѣ; они взяли 2 турецкихъ корабля и большую добычу: 50 т. червонцовъ, 70 пушекъ, 80 бочекъ пороху, много разнаго оружія. Воинскій снарядъ поступилъ въ казну, а всё деньги, сукна и прочую добычу получили казаки. Итакъ первой своею побѣдой русскій флотъ обязалъ участію казаковъ. Мало того: подъ Азовомъ Царь окончательно увѣрился, что только морскія силы могутъ дать перевѣсъ въ борьбѣ съ Турціей. Упорные въ защитѣ крѣпостей, турки робѣли на морѣ, что казакамъ было на руку. Если имъ случалось окружить своими лодками корабль съ высокими бортами, на которые трудно взлѣзать, одни рубили ихъ топорами, чтобы ворваться внутрь, другіе въ это время стрѣляли вверхъ или кидали ручныя гранаты. Тѣ же отважные мореходы, въ числѣ пяти тысячъ, подъ предводительствомъ Флора Миннаева, участвовали въ осадѣ и приступали къ Азову. Не смотря на присутствіе иностранныхъ инженеровъ и артиллеристовъ, которые руководили осадными работами, турки защищали свою крѣпость съ обычнымъ имъ мужествомъ; крымскіе татары, стоявшіе за Кагальникомъ, тревожили осажденныхъ въ ихъ лагерьѣ, не давали имъ покоя ни днемъ, ни ночью. А тутъ, ко всѣмъ невздамъ, дожди заливали траншеи, смывали земляныя насыпи—туго шла осада, пока 1¹/₂ тыс. казаковъ, донскихъ и малороссійскихъ, не ворвались самовольно въ крѣпость и не заняли двухъ бастіоновъ. Тогда турки, не ожидая штурма, сдали крѣпость, а черезъ 3 дня сдался и Лютикъ, маленькая крѣпостца, вооруженная 30-ю пушками: она защищала самый сѣверный рукавъ Дона. Пробываше русскаго царя въ Черкасскѣ и совместное дѣйствіе казаковъ подъ Азовомъ надолго остались въ памяти донцовъ; сложилась пѣсня, гдѣ весь Донъ призывается стать на недруга, потому-де:

«Самъ сильный орелъ пробуждается,
«Самъ Петръ Царь поднимается,
«Со своими князьями, съ бсирями,
«Со своими Донцами,
«Со своими Запорожцами».

Скоро казакамъ довелось сослужить болѣе важную службу. Въ самый разгаръ Шведской войны пріѣхали въ Черкасскъ астраханскіе люди съ какими-то письмами. Атаманъ на тотъ же

день собрать кругъ. Когда дьякъ сталъ читать эти письма, то оказалось, что астраханцы замышляютъ бунтъ и просятъ войско донское стать вмѣстѣ съ ними за вѣру христіанскую, прислать имъ вспоможеніе. Астраханцы жаловались, будто ихъ отлучаютъ отъ церкви, заставляютъ брить бороды, носить нѣмецкое платье, поклоняться кумирамъ; будто ихъ обложили выше мѣры пошлпнами и гоняютъ на тяжкія работы. Выслушавъ эти жалобы, кругъ единогласно постановилъ: «къ такому злему дѣлу не приставать, великому Государю служить вѣрно и неизмѣнно, а за измѣнниковъ никогда не стоять». Тутъ же договорили: лазутчиковъ, вмѣстѣ съ «прелестными» письмами, немедля отправить въ Москву. И во всѣ городки были посланы войсковыя грамоты «съ жестокииъ смертныиъ страхомъ», чтобы казаки тѣхъ городковъ къ астраханскимъ или другимъ вораиъ не приставали. Постѣ напутственнаго молодца, атамана Максимъ Фроловъ съ 2 т. конныхъ выступилъ подъ Астрахань; прочіе городки должны были вырядить, которые половицу, которые пятую часть, при чемъ доброкопнымъ выѣзжать на коняхъ, а безкопнымъ плыть на судахъ. Болѣе 10 т. казаковъ собралось тогда подъ Царицынымъ. Астраханскіе стрѣльцы надѣялись взять этотъ городъ приступомъ, но казаки ихъ отбили. Мало того, казаки въ самомъ городѣ разыскивали соумышленниковъ и предавали ихъ казни. По усмиреніи фельдмаршаломъ Шереметевымъ астраханскаго бунта, Государь щедро наградилъ войско Донское. Въ особой грамотѣ царь писалъ: «За такую вѣрную службу послать къ вамъ, атаманамъ и казакамъ, кромѣ обыкновеннаго годоваго жалованья, 20 тысячъ рублей и особо бывшимъ въ Царицынѣ казакамъ 1,869 руб. Для предбудущихъ же лѣтъ, въ память вѣрной службы всего войска Донскаго, пожаловали мы атамановъ и казаковъ честными и знатными войсковыми клейнодами: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія, серебряный вызолоченный першачъ съ камнями, бунчукъ съ яблоками, съ доскою и съ трубою вызолоченными, знамя большое, писаное на камкѣ золотомъ. На тѣхъ воинскихъ клейнодахъ подписано, что пожалованы донскіе казаки за службу ихъ, въ вѣчную и несмертельную память потомкамъ ихъ. Въ добавленіе къ этимъ клейнодамъ указали мы послать атаманамъ и казакамъ шесть зна-

менъ камчатныхъ, станичныхъ, писаныхъ золотомъ и серебромъ». — Будучи потомъ въ Москвѣ, казаки похвалялись, что они пожалованы и взысканы великимъ Государемъ передъ другими народами, потому къ нимъ не прислано царскаго указа о бородѣ и платьѣ. Носить они платье по древнему обычаю, какое кому нравится; пѣмецкаго же платья никто изъ казаковъ не носитъ, да и охоты къ нему не имѣютъ. Ну, а если будетъ на то государево соизволеніе, то они, казаки, его воли противиться не станутъ»...

Однако, своею радѣтельной службой доны нажили себѣ враговъ въ своей же собратіи, враговъ ненавистныхъ, злопамятныхъ, пуце чѣмъ татары или турки. Нужно сказать, что между низовыми и верховыми казаками рано стала обозначаться рознь въ правахъ, образѣ жизни и привычкахъ. Низовые считали себя выше верховцовъ. Живя вблизи Черкаска, они во всемъ давали моду; бывали въ Москвѣ, выдали прѣзжихъ купцовъ и промышленниковъ, привыкли къ роскоши и баловству, тогда какъ дальніе городки жили прежнею суровою жизнью, чтили свято старшину и добывали хлѣбъ тяжелымъ трудомъ нахаря; низовцамъ онъ доставался гораздо легче, путемъ промысла или торговли. И по наружному виду они различаются: низовцы красивѣе, одѣваются щеголовато; дома у нихъ красивѣе и убранство наряднѣе, живутъ болѣе по городскому обычаю, часто другъ друга навѣщаютъ и любятъ угощаться. Зато верховцы болѣе домовиты и запасливы, что всегда возбуждаютъ зависть въ низовцахъ. По такимъ-то причинамъ, ровнители старшины и поборники древняго благочестія, покидавшіе Русь, находили себѣ надежное убѣжище въ верхнихъ городкахъ по Хопру, Медвѣднцѣ, на Бузулукѣ и Донцѣ. Когда вышелъ царскій указъ, чтобы казакамъ «чинить надъ ними промыселъ», раскольники оттуда бѣжали какъ въ одиночку, такъ и цѣлыми ватагами.

Главный заводчикъ смуты, Некрасовъ, одинъ вывелъ 600 семей и поселилъ ихъ на Таманскомъ полуостровѣ, въ 30 верстахъ отъ моря, гдѣ они уже пашли своихъ одновѣрцевъ, бѣжавшихъ сюда раньше. Многіе перешли на рѣчку Куму и передались крымскому хану. Если попадать въ ихъ руки гулебщикъ съ Дона, они безъ жалости его убивали

или топили. При защитѣ Азова некрасовцы служили туркамъ вмѣсто лазутчиковъ. Пробретутся, бывало, въ русскій лагерь и высмотрятъ глубину окоповъ, расположеніе царскихъ войскъ, или подслушаютъ секретное распоряженіе. По сдачѣ крѣпости, между ними нашлись такіе, которые совѣмъ по-турчичились — «охреянами» назывались у казаковъ: ихъ казнили въ Черкасскомъ городкѣ всенародно. Еще нунце озлобились некрасовцы и стали проводниками закубанскихъ татаръ. Они водили певѣришхъ на русскія украины, на казачьи городки; жгли, грабили, хватали въ полонъ, и казаки, занятые службой въ дальшихъ концахъ русскаго царства, долго не могли справиться съ этимъ ожесточеннымъ врагомъ своей вѣры. Одно время измѣнники замыслили вмѣстѣ съ горскими народами согнать казаковъ съ ихъ роднаго Дона, разорить Черкасскъ, пожечь всѣ городки и, переселивши опустѣлую землю татарамъ, передаться турецкому султану. Хотя у нихъ на этомъ не вышло согласія, однако, бывали несчастные годы, когда по 2¹/₂ тысячи казаковъ томилась въ неволѣ, въ закубанской сторонѣ. Однажды прошелъ по Дону слухъ о сборахъ некрасовцевъ: говорили, что Некрасовъ поднимаетъ татарскую силу въ 5 тыс., чтобы идти подъ турка. Казаки этой баснѣ не повѣрили. По верховымъ и низовымъ городкамъ была разослана «опасная» грамота, «чтобы всѣ казаки держали ружья въ чистотѣ, кормили лошадей и были въ готовности въ одинъ часъ выступить въ походъ; чтобы крѣпили городки, не выходили и не выѣзжали въ поле безъ оружія». Въ каждомъ городкѣ прочитывали на сборѣ грамоту и, снявши съ нея копию, посылали дальше безъ задержанія. Еще не успѣла опасная грамота обойти всѣ городки, какъ казачій разъѣздъ, высланный въ кубанскую сторону, попалъ на татарскія сакмы. Населеніе было въ ту пору на лѣтнихъ работахъ. Почетные старики, схвативши знамена, выѣхали съ ними сзывать народъ въ осаду. Завидя знамя, старъ и младъ, жены и малые ребята сгѣнулись въ городки, споспши свое имущество въ церковныя ограды, подъ защиту пушекъ. Въ тѣхъ же городкахъ, гдѣ не было этой защиты, поднимали изъ церквей св. образа, творили крестные ходы, а добро, которое получше, прятали въ землю. То было «всеобщій сполохъ», какъ говорили въ старину. Между тѣмъ, на-

КАЗАКИ.

4

ступила ночь. На гребнѣ востѣ рѣчки Сала загорѣлся сначала одинъ маякъ, потомъ другой, третій, а черезъ нѣсколько минутъ запылала вся кубанская сторона: горѣла солома, хлю-рость, смоляныя бочки. Давно ужъ этого не бывало, чтобы всѣ маяки пылали; должно быть, татары наступали не шпаче, какъ пѣлой ордой. Въ ожиданіи неприятеля, войсковою атаманъ стоялъ у Черкаска, а татары въ это время внезапно появились передъ Кумшацкою станціей, переплыли Донъ, выжгли городокъ и, разсыпавшись въ сосѣднихъ станщахъ, брали въ плѣнъ людей, отгоняли скоть, хватали добычу, послѣ чего, такимъ же порядкомъ переплывши Донъ, скрылись въ свою сторону.

Но дошцы никогда не прощали подобныхъ набѣговъ; они платили тою же монетою, и чѣмъ больше было выжжено городковъ, тѣмъ больше они истребляли татарскихъ кибитокъ. Въ 1737-мъ году атаманъ выступилъ на Кубань съ сильнымъ отрядомъ изъ 9¹/₂ тыс. конныхъ и 1¹/₂ тыс. пѣшихъ казакомъ, съ пушками и малыми мортиркамъ. На рѣчкѣ Ен къ казакамъ присоединился калмыцкій ханъ Дондукъ-Омбо; далеко двинулись вмѣстѣ. Впереди разстилалась черная безотрадная стена, выжженная татарами; солнце накаливало голую землю все равно какъ камень; горячій воздухъ былъ пропитанъ гарью; люди испытывали отъ жажды, лошади падали отъ изнуренія. Вотъ, наконецъ, завидѣли казаки заветную Кубань, но изъ 10 т. подошло лишь 5 т. самыхъ добродконыхъ. Вмѣстѣ съ калмыкамъ они переплыли на лѣвый берегъ, напали на татарскіе улусы и разгромили болѣе тысячи кибитокъ, при чемъ захватили столько же плѣнныхъ, 2 тыс. лошадей и 5 тыс. штукъ рогатаго скота. Изъ-подъ г. Темрюка казаки хотѣли-было двинуться вверхъ по рѣкѣ, но здѣсь узнали, что вѣсть объ ихъ набѣгѣ уже разошлась между улусамъ, и что татары, забравши свои пожитки, скрылись въ горы, куда походному войску, за множествомъ воды и болотъ, никакъ не пробраться. «Учтивъ возможно неприятелю разоренію», атаманъ Фроловъ вернулся во-своисп. И долго еще кубанская орда, водимая измѣнниками, повторяла свои воровскіе набѣги, пока до нея не добрался Суворовъ.

Обласканные и оцѣненные по заслугамъ дошцы, сподвиж-

ники первыхъ походовъ царя Петра, служили съ такимъ же радѣніемъ его дочерямъ, внукамъ и правнучкамъ. Въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ нанп вмѣстѣ съ австрійцами бились противъ пруссаковъ, казаки явились дорогими, желанными сподвижниками войскъ регулярныхъ. Правила и наставленія великаго учителя, царя-полководца, стали въ ту пору забываться, воинскій духъ ослабѣлъ. Хотя русскія войска сохранили присущую имъ храбрость вмѣстѣ съ упорствомъ въ бою, но сдѣлались неповоротливы, малоподвижны, къ большимъ переходамъ неспособны. Для того, чтобы перестроиться въ боевой порядокъ, требовалось по менѣе сутокъ, и послѣ того уже боялись сдвинуться съ мѣста, боялись перепутаться. Конница выстраивалась также мѣшкотно; она стала надѣяться больше на ружье, чѣмъ на саблю; кирасиры шаше не ходили въ атаку, какъ рысью. Переходы въ 20 верстъ считались тогда уже большими, потому что движеніе войскъ затруднялось многочисленною и тяжелой артиллеріей, множествомъ повозокъ и экипажей, слѣдовавшихъ за ней. Развѣдки о непріятельскихъ силахъ не считали особенно нужными, почему сторожевая служба исполнялась плохо. А, между тѣмъ, прусскій король былъ противникъ опасный; его войска явились на поле битвы хорошо обученныя; прусская армія быстро исполняла всѣ передвиженія, легко переходила изъ походнаго порядка въ боевой, изъ боеваго въ походный; ходила шибко, съ небольшимъ обозомъ. Король смѣло проходилъ страну, занятую тремя непріятельскими арміями. Онъ боялся, что ему ударить во флангъ или тылъ. Бывали случаи, что онъ двигался съ войсками на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ австрійцевъ, и это сходило ему даромъ.

Въ Семилѣтней войнѣ допцовъ перебивало 15 тыс., но въ началѣ кампаніи ихъ было меньше, только 9 т. На полкиъ далекой и невѣдомой имъ Германіи, допцы явились тѣми же вольными сынамиъ степей, не пзмѣнивъ-ши своихъ дѣдовскихъ обычаевъ, ни воинскихъ споровокъ; и много прошло времени, прежде чѣмъ непріятель распозналъ ихъ силу, сталъ къ нимъ прпенособляться. По обыкновенію, казаки дѣлились на сотни и полки, по 500 чел. въ каждомъ. Выѣзжали съ Дона одну-конь, безъ всякихъ обозовъ. Свою необычайною подвижностью и юркостью казаки какъ бы возмѣщали недостатки всей осталь-

ной арміи. Они легко переносились съ мѣста на мѣсто, питались не изъ магазиновъ или повозокъ, а чѣмъ Богъ пошлетъ; служили арміи то авангардомъ, то арріергардомъ, и, кромѣ охраненія; собирали для нея фуражъ, продовольствіе; замѣняли главнокомандующему и зрѣніе, и слухъ, потому что черезъ нихъ онъ получалъ самонужнѣйшія вѣсти. Искусные въ набѣдахъ, осторожные на постахъ, привычные къ труду, казаки брали верхъ надъ всѣми легкоконными полками. Даже прусскіе гусары боялись съ ними сшибаться, но имѣя чѣмъ отразить ударъ длинной пикой или взмахъ турецкой сабли. Все это скоро подмѣтили въ допцахъ Суворовъ, который въ ту пору сталъ обозначаться, какъ будущій полководецъ. Его первые подвиги, еще въ чинѣ подполковника, были совершенны при участіи допцовъ, и съ тѣхъ поръ онъ почти не разстается съ ними. Допцы сопровождаютъ его въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Турціи, на берегахъ Волги и Кубани, на поляхъ Италіи, въ горахъ Швейцаріи — всадъ, гдѣ Суворовъ воевалъ, какъ самостоятельный пачальникъ. Сидя на донскомъ конѣ и сопровождаемый донскимъ казакомъ, который возилъ его длинный палантъ, Суворовъ совершилъ замѣчательные свои походы, одержалъ самыя блестящія побѣды. Суворовъ сроднился съ допцами, потому что самъ родился допцомъ, — вотъ что ихъ связало на навѣки.

Въ началѣ Семилѣтней войны боялись отпустить казаковъ далеко: ихъ назначали больше на пикеты, на развѣдки, посылали въ недалекіе набѣги. Про допцовъ пустили дурную славу, что они немилосердно грабятъ мирное населеніе городовъ и деревень; но это обычный поклонъ на русскія войска, которыя ничуть не хуже французовъ или гѣмцевъ. Одинъ гѣмецкій пасторъ видѣлъ, какъ казаки вступали въ его родной городъ, и записалъ слѣдующее: «Нѣсколько тысячъ казаковъ и калмыковъ, съ длинными бородами, суровыми лицами, со своимъ необычайнымъ вооруженіемъ, проходили сегодня по нашимъ улицамъ. Видъ имѣютъ они страшный, но въ то же время величественный. Тихо они прошли черезъ весь городъ и размѣстились по деревнямъ, гдѣ уже раньше имъ отвели квартиры». — Вотъ и все: о грабежахъ ни слова.

Въ первый годъ кампаніи русскіе явились какъ бы съ

тѣмъ, чтобы только показать свою силу: они разбили пруссаковъ и отошли къ границамъ. Это было въ 1757 г., а сраженіе, въ которомъ они остались побѣдителями, носить названіе по имени деревни, Гроссъ-Эгерндорфскаго. Пруссаки застали насъ тогда врасплохъ: батальоны еще устраивались къ битвѣ, когда непріятель всѣми силами уже наступалъ. Въ одно время войска и строились, и отбивались. Правый флангъ и центръ вступили въ дѣло раньше; войска авангарда, стоявшія влѣвѣ, были пока заняты перестрѣлкой. Но вотъ показались казаки подъ начальствомъ Серебрякова. Не спѣша, объѣхали они лежащее впереди болото, опустили пикъ и съ обычнымъ гикомъ поехали на прусскую конницу: то были драгуны прища Брауншвейгскаго. Казалось, драгуны погибли. Не тутъ-то было: подкакавъ на ближнюю дистанцію, доны остановились и повернули лошадей; драгуны тотчасъ за ними. Прусская конница, преслѣдуя по пятамъ казаковъ, послася прямо въ пасть 15-ти совершенно готовыхъ къ бою батальоновъ; кромѣ того, ее ждали 40 заряженныхъ полковыхъ пушекъ и половина артиллеріи большаго калибра. Наша гѣхота раздалась, пропустила казаковъ и только голошой непріятельскій эскадронъ успѣлъ проскочить за фронтъ. Въ это время правофланговые полки уже успѣли занять правымъ плечомъ, а батарея, повернувши пушки, дала картечный залпъ повороченныхъ эскадроновъ, что имѣло успѣхъ «направождошншшшшш». Видѣвши, увидѣвшіе на коняхъ, бросились назадъ; проскочившіе же за фронтъ попали въ западню: тѣ же казаки, имѣвъ съ драгунами, перебили ихъ всѣхъ до одного. Тогда нашъ авангардъ двинулся всѣми силами впередъ, но пруссаки уже вездѣ отступали... Такъ отличились доны при первой же встрѣчѣ съ прославленнымъ противникомъ. Когда русскія войска покидали Пруссію, казаки какъ пеленой прикрывали ихъ отступление. Даже прусскіе гусары не могли провѣдать, какими путями мы уходимъ. Въ то же время доны отбивали скотъ, необходимый для продовольствія, разузнавали, гдѣ непріятель, и все это продѣлывали чрезвычайно ловко, скрытно.

На третій годъ войны русскіе, приблизившись къ Одеру, подступили къ прусской крѣпости Кюстрину. Пока тянулась осада, наши захватили на Одерѣ, верстѣ 60 пониже крѣпо-

сти, важную переправу у городка Шведта, гдѣ нашли три пушки, 2 т. четвертей хлѣба, разыскали часть королевской казны. Пѣпныхъ по обычаю допросили и на вопросъ: Не чинили ли казаки или калмыки какихъ-либо обидъ, тѣ одногласно показали, что не только имъ самимъ «ни малѣйшаго озлобленія или суровости не показывали, но и жителямъ по деревнямъ никакихъ обидъ, ниже разоренія не причиняли, чѣмъ они, пѣпные, генерально довольны, и сію справедливость имъ отдаютъ». Казаки были за то удостоены особымъ манифестомъ императрицы, которымъ она благодарила ихъ за добрую дисциплину. Оборженіе переправы и все теченіе рѣки до Кюстрина было поручено казакамъ. Но смотря на то, что съ часу на часъ ожидали изъ-за Одера прусскаго короля, допцы безбоязненно переплывали эту рѣку и хозяйничали на той сторонѣ, какъ у себя дома. Въ самый праздникъ Преображенія походный атаманъ Краснощеконъ, рыскалъ за Одеромъ, захватилъ 1½ т. рогатаго скота и полтора ста лошадей; помимо того, казаки перехватили на рѣкѣ 3 барки съ мукой и на этихъ же баркахъ доставили всю добычу подъ Кюстрингъ. Черезъ 2 недѣли Краснощеконъ повторилъ набѣгъ, и на этотъ разъ изъ-подъ носа у пруссаковъ отбилъ 2 т. головъ скота да 2½ сотни лошадей, много гонимыхъ для строя. Допцы же первые дали знать о приближеніи короля. Онъ сѣднчалъ на выручку осажденной крѣпости; онъ шель съ шамфреніемъ не требить въ концѣ «орды» казанкин, деряко поиправинія его родную землю. Однако допцы, по вѣдал того, окружили прусскія колонны и провожали ихъ на маршѣ стоннымъ обычаемъ: набѣдничали, задирали; налетал въ одиночку, стрѣляли изъ пистолетовъ или просто кружились породѣ фронтомъ. Пруссаки шли молча, по останавившаяся. Искуснымъ маневрами король оттѣснить нашу армію въ уголь, между двухъ рѣчекъ, и напалъ на нео съ ожесточеніемъ. Казалось, что русскіе приросли къ землѣ, пустили въ пей корни. Нѣсколько смѣлыхъ атакъ были отражены, но прусская пѣхота, поддерживавшая копницей, вновь устраивалась и вновь шла умрять на русскихъ штыкахъ. Покончивъ съ помощью своей многочисленной кавалеріи наше правое крыло, король въ серединѣ дня началъ атаку лѣваго фланга. Тогда 27 русскихъ батальоновъ, прижкнувъ

штыки, бросились впередъ и произвели среди пруссаковъ ужасное кровопролитіе. Но къ нимъ на выручку опять неслась конница: 60 эскадроновъ сдвинули лѣвый нашъ флангъ. Болѣе семи часовъ дрались обѣ арміи съ одинаковымъ ожесточеніемъ; наконецъ, онѣ стали между собою подъ угломъ: свои и чужіе перемѣшались въ общей свалкѣ. Громъ артиллеріи умолкъ, рубились на сабляхъ, кололись штыками, пока король не прекратилъ эту рѣзню и не отвелъ свое войско за полверсты назадъ. Нашимъ же некуда было отойти за неимѣніемъ мостовъ. Казаки во время боя не оставались празды. Они ворвались въ деревню, прикрывавшую правый флангъ пруссаковъ, сожгли ее; обозъ, стоявшій подъ защитою крестьянъ, начисто ограбили. На другой день обѣ арміи, медленно передвигаясь, наблюдали другъ за другомъ. Густая цѣнь допцовъ прикрывала нашъ флангъ, а подъ онъ прикрытіемъ была собрана батарея изъ пушекъ и гаубицъ. Вотъ развернулась стройными рядами многочисленная и прекрасная конница пруссаковъ. Еще нѣсколько минутъ—и она пошла рысью. Донцы раздались направо и лѣво, очистили фронтъ артиллеріи, и та встрѣтила такимъ смертоноснымъ огнемъ, что «непріятель пришелъ въ проволочку смятенію; съ помысламъ урономъ огъ долженъ быть ретироваться къ своей нѣхотѣ». Тогда, въ свою очередь, бросаются казаки и покрываютъ прусскую батарею въ 8 орудій, тѣмъ и закончилось кровавое побоище, получившее названіе по имени деревни Цорндорфъ. 10 т. труновъ свидѣтельствовали объ его упорствѣ. Король считалъ себя побѣдителемъ.

Черезъ мѣсяць послѣ Цорндорфа корпусъ генерала Чернышова былъ направленъ къ столицѣ Пруссіи. 22 сентября Тотлебенъ съ казаками уже былъ передъ воротами Берлина, но ихъ дважды отбили. Черезъ 4 дни подошли и наши, и пруссаки. Однако, сраженія не было. Простоявъ бивакомъ на берегу Шпре, прусская армія, въ числѣ 20 т., потянулась на Потсдамъ. Хотя дѣло было ночью, но казаки замѣтили это движеніе. Графъ Панингъ, при первомъ же натискѣ, истребилъ весь прусскій арріергардъ, при чемъ отбилъ тысячу плѣнныхъ и 2 орудія, а походный атаманъ Краснощекъ, пустившись во весь духъ въ погоню, нагналъ главныя силы и преслѣдовалъ ихъ подъ самыя пушки Потсдама. Между тѣмъ Берлинъ сдался.

Чернышевъ забралъ королевскую казну, приказалъ истребить всѣ магазины, склады оружія, арсеналь, пушечный и литойный заводы,—все, чѣмъ только могъ вредить нашъ неутомимый противникъ,—и самъ тоже отступилъ.

Подъ конецъ Семилѣтней войны прусскій король выдвинулъ особый десятитысячный корпусъ, собственно для того, чтобы истреблять наши магазины, мѣшать передвиженіямъ войскъ или затруднять осаду крѣпостей. И нашъ главнокомандующій составилъ летучій конный корпусъ, куда попалъ будущій генерал-шефъ Александръ Васильевичъ Суворовъ. Его ближайшими сподвижниками сдѣлались донцы, и непріятель скоро почувствовалъ ихъ частые, всегда мѣткіе удары. Когда пруссаки двигались на выручку крѣпости Кольберга, Суворовъ съ сотней допцовъ переплылъ рѣку Нетцу, прошелъ въ одну ночь 45 верстъ и приблизился къ гор. Ландсбергу, стоявшему на пути слѣдованія нѣмцевъ. «Городъ нашъ! Ура! Нападемъ!»—«Тамъ прусскіе гусары!» замѣтилъ ему проводникъ.—«Помилуй Богъ, какъ это хорошо: ихъ-то мы и ищемъ!» Казаки понеслись къ воротамъ, но ворота оказались запорты. «Ломи ихъ!» Ударили брвномъ разъ, другой—ворота разлетѣлись. Съ гикомъ и пальбой казаки ворвались въ городъ, часть гусаръ перебили, часть перехватили. Суворовъ въ это время уже скакалъ по мосту. «Одно ломи, другое жги!» кричалъ онъ вслѣдъ едва за нимъ послѣвавшей кучкѣ допцовъ. Покончивъ дѣло, они скрылись. Пришли пруссаки—моста какъ не бывало. Пришлось собирать лодки, понтоны, на что времени ушло не мало, а на войнѣ, извѣстно, каждый часъ дорогъ. При дальнѣйшемъ движеніи пруссаковъ Суворовъ тревожилъ ихъ фланги, портилъ пути, при случаѣ отхватывалъ боковые или тыльные отряды. Не смотря на свой малый чинъ, онъ командовалъ въ ту пору тремя гусарскими и семью казачьими полками. Во всѣхъ случаяхъ онъ распоряжался какъ лихой кавалерійскій генералъ, и въ то же время былъ смѣтливъ и находчивъ, какъ простой паѣздникъ. Донцы не чаяли въ немъ души. Однажды Суворовъ возвращался къ своему отряду отъ главнокомандующаго, съ проводникомъ и двумя казаками. Всадники припоздали; наступившая ночь застала ихъ въ лѣсу. Глухіе раскаты грома возвѣстили приближеніе грозы, небо заволкло тучами, дождь полилъ.

какъ изъ ведра. Проводникъ первымъ дѣломъ сбѣжалъ. Проплутавши сколько то времени, Суворовъ легъ подъ деревомъ, прикрылся шинелькой и вздремнулъ. На разсвѣтъ казаки замѣтили, что вдоль опушки стоятъ прусскіе аванпосты. — «Помилуй Богъ, какъ это хорошо!» вскрикнулъ Суворовъ. Онъ приказалъ казакамъ сейчасъ же скрыться въ кусты, а самъ ползкомъ пробрался къ высокому дереву, что стояло на самой опушкѣ, вскарабкался наверхъ, выглядѣлъ расположеніе непріятеля, счелъ его силы, а затѣмъ благополучно вернулся къ своимъ. — «Ну, подивились мы, глядя на васъ», сказали допцы. — «Смѣлымъ Богъ владѣеть», отвѣтилъ Суворовъ, вскочивъ на коня. Шибкою рысью они пустились теперь напрямикъ и благополучно присоединились къ отряду. Перемѣнивъ наскоро бѣлье, платье, Суворовъ тотчасъ построилъ войска къ бою. Послѣ жаркой схватки авангардъ летучаго корпуса былъ разбитъ, главныя силы шибко отступили. Побѣда всегда вѣчала пылаго вождя и поднимала духъ въ ого вѣрныхъ сподвижникахъ.

У.

Трудные годы.

довольныхъ — поклялись истребить русскихъ, съ чего и началась война. Франція, изъ зависти, впутала въ эту войну турокъ, такъ что въ одно время мы имѣли на рукахъ двѣ войны — одну въ Польшѣ, другую на Дунаѣ.

Императрица Екатерина Вторая въ самомъ началѣ своего царствованія вступилась за нашихъ единовѣрцевъ въ королевствѣ Польскомъ. Имъ худо тамъ жилось, и, когда самъ король принялъ сторону православныхъ, польскіе паны ополчились на своего государя, объявили его лишеннымъ престола. Конфедераты — такъ звали не-

Воюя съ пруссаками, наши войска привыкли встрѣчать арміи многочисленныя, стройныя; здѣсь же, въ Польшѣ, прежде чѣмъ встрѣтиться съ противникомъ, приходилось подолгу его разыскивать. Конфедераты появлялись вездѣ; ихъ многочисленныя конные отряды проходили страну взадъ и впередъ, но какъ только выступало наше войско, они исчезали. Конфедераты скрывались въ лѣсахъ, гдѣ пропадали надолго, безслѣдно, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ появиться у насъ въ тылу или на флангѣ. Они находили защиту въ обширныхъ лѣсахъ своей родины, прикрывались теченіемъ рѣкъ или большими болотами; кромѣ того, полки вездѣ встрѣчали доброжелательной и дружелюбной, которые извѣщали ихъ о всѣхъ передвиженіяхъ русскихъ, о численности войскъ, составѣ отрядовъ и т. п. Даже разбитый непріятель успѣвалъ снова собраться гдѣ-нибудь на другомъ концѣ Польши. Это было тѣмъ логично, что польская конница имѣла за собою добрую славу, она всадники хорошо владѣли оружіемъ. Война превратилась въ набѣги, небольшія стычки. Въ такой войнѣ казакамъ первое мѣсто: кому, какъ по казакамъ, выслѣдить, гдѣ непріятель скрылся, въ какихъ онъ силахъ, куда намѣренъ двинуться! Кто лучше казаконъ могъ пробираться въ лѣсныхъ тущахъ или черезъ топкія болота, переносить рѣки, гнать разбитаго противника, въ конецъ его обезсилить?

Хотя между польскими вождями не было согласія, и каждый велъ войну, какъ ему казалось лучше, но это были люди знатнаго происхожденія, храбрые, въ военномъ дѣлѣ искусные. Больше другихъ отличилъ себя Казиміръ Пулавскій. Кроткій и обходительный, Казиміръ Пулавскій становился страшенъ въ бою, когда крестить своей саблей или скакать передъ строемъ. Поляки, не знавшіе дисциплины, но умѣвшіе повиноваться, слушали его какъ дѣти. Соперникомъ Пулавскому явился Суворовъ. Суворова и Пулавскаго знала вся Польша. Они также знали другъ друга и взаимно уважали. Мѣстопробываніемъ Суворова былъ г. Люблинъ, сильный своимъ замкомъ. Въ Люблинѣ сходились всѣ главныя дороги въ краѣ; здѣсь Суворовъ собралъ артиллерію, устроилъ военные склады, магазины; всѣ сосѣдніе замки и укрѣпленія онъ занялъ своими войсками, и отсюда же, какъ соколъ, глядѣлъ на окрестности: едва гдѣ-

нибудь появлялась партія, какъ онъ на нее налеталъ, сокрушавъ, послѣ чего или сіюва возвращался въ свое гнѣздо, или съ такою же быстротою переносился на противоположный конецъ, гдѣ показывалась другая банда. Враговъ онъ никогда не считалъ: нападать на противника вдвое, втрое, вполтора сильнѣйшаго. Его небольшая дружина, въ которой всегда находилась донца, готова была за нимъ въ огонь и воду. Это были безстрашные бойцы, смѣлѣйшіе богатыри. При всемъ томъ Суворовъ щадилъ врага побѣжденнаго, былъ къ нему милостивъ и справедливъ.

Богъ знаетъ, сколько бы времени продолжалась эта партизанская война, если бы на помощь полякамъ не явились французы. Король прислалъ къ нимъ одного полковника, по имени Дюмурье. Онъ согласилъ польскихъ вождей дѣйствовать единодушно, нанялъ цѣлыя батальоны бѣглыхъ нѣмецкихъ солдатъ, вооружилъ крестьянъ и, такимъ образомъ, составилъ пѣхоту, которой у поляковъ раньше не было. Съ новыми силами поляки начали дружное наступленіе. По веснѣ 1771 года наши разбросанные отряды очистили передъ ними весь край до Вислы, и поляки, подвигаясь впередъ, укрѣпили, между прочимъ, монастырь Тынецъ, стоявшій на Вислѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Кракова, и замокъ Ландскрону, въ Карпатскихъ горахъ. Суворовъ получилъ приказаніе идти къ Кракову. Онъ взялъ съ собою 5 ротъ пѣхоты, 5 эскадроновъ карабинеръ и полкъ казаковъ, что составляло 1,600 челов., при 8 пушкахъ; по пути къ нему присоединилось еще двѣ тысячи изъ другого отряда. Суворовъ вошелъ въ Краковъ, когда Дюмурье только узналъ о его приближеніи. Въ деревняхъ конфедераты спокойно спали, лошади были разсѣдланы, а въ это время русскіе солдаты уже штурмовали крѣпкіе редуты, защищавшіе Тынецъ. Дюмурье скакалъ, сломя голову, изъ одной деревни въ другую, скликая на битву пировавшихъ пановъ. Они поспѣшили къ Ландскропѣ, гдѣ на гребнѣ Карпатскихъ горъ заняли крѣпкую позицію. Лѣвый флангъ этой позиціи упирался въ замокъ, пушки котораго хорошо обстрѣливали и безъ того трудный подъемъ на высоты; центръ и правый флангъ были прикрыты двумя рощами, занятыми французскими егерями, съ двумя пушками; еще правѣ торчали обрывистыя неприступныя скалы.

Поляки, кромѣ выгодъ мѣстности, имѣли перенѣсь и въ силахъ: на 400 чел. больше.

10 мая, на небольшихъ холмахъ, лежащихъ передъ неприятельской позиціей, появился Суворовъ. Орлинымъ окомъ окинулъ онъ расположеніе польскихъ отрядовъ и, не дожидая прибытія остальныхъ силъ, двинулъ казачій полкъ съ приказаніемъ атаковать центръ. Казаки понеслись вразсыпную. Дюмурье, увидѣвъ эту нестройную толпу, запретилъ полякамъ стрѣлать. Онъ боялся, чтобы Суворовъ не отбѣшилъ свою безразсудную, какъ ему казалось, атаку. Поляки должны были атаковать нашихъ только тогда, когда они, уже разстроены, появятся на гребнѣ. Однако французъ ошибся. Казаки, взобравшись съ трудомъ на высоту, мигомъ устроились и, безъ великаго приказанія, помчались лавой дальше, прямо на литовцевъ Оржевскаго и къ отряду Сапѣги. Вслѣдъ за ними уже скакалъ эскадронъ карабинеръ. Поляки сразу дали тылъ. Прискакалъ самъ Дюмурье, работалъ саблей храбрый Сапѣга, чтобы повернуть ихъ назадъ—ничто не помогало: они же сами убили Сапѣгу, а Оржевскій палъ на казачьихъ пикахъ. Тогда Дюмурье бросился къ гусарамъ. Тѣ, вмѣсто атаки, выпалили изъ карабиновъ и ускакали. Въ это время подошли полки Астраханскій и С.-Петербургскій. Они выбили штыками стрѣлковъ, защищавшихъ рошу, и едва устроились, какъ были сами атакованы конницей Миончинскаго, стоявшаго также въ центрѣ. Отважный полякъ врубился въ ряды гренадеръ, но его скоро ссадили съ сѣдла, а конница отхлынула прочь. Затѣмъ все обратилось въ бѣгство; одинъ Валевскій, занимавшій лѣвый флангъ позиціи, отошелъ въ порядкѣ къ замку. Наши казаки, рассыпавшись по высотамъ, гоняли бѣглецовъ какъ зайцевъ. Сраженіе, на которое возлагалось столько надеждъ, продолжалось всего полчаса; поляки потеряли 500 убитыхъ, двухъ маршалковъ, бросили 2 пушки. Вскорѣ послѣ этого дѣла Дюмурье ихъ покинулъ. Вернувшись во Францію, онъ подаль королю совѣтъ отказать вовсе отъ поляковъ: не посылать имъ ни денегъ, ни оружія, не жертвовать напрасно французской кровью. — Изъ-подъ Лапдскроны Суворовъ погнался за Пулавскимъ, который, не участвуя въ битвѣ, надѣялся теперь пробраться въ Литву. Суворовъ разбилъ его подъ Замостьемъ.

и погналъ казаками дальше, къ Люблину. Безъ артилеріи, съ остатками разбитаго отряда, Пулавскій видѣлъ, что ему далеко не уйти, и придумать такой маневръ; онъ оставилъ противъ русскихъ арріергардъ, а самъ повернулъ вправо, обошелъ Суворона и, выйдя у него въ тылу, поспѣшилъ къ Ландскроигъ. Суворовъ похвалилъ искусство партизана; даже послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку. Въ ту пору нашъ отрядъ прошелъ въ 17 сутокъ 700 верстъ безпрестаннымъ боемъ: на двое сутокъ приходился одинъ бой. — «Это еще ничего, говорилъ Суворовъ, римляне двигались иище!»

Какъ уже раньше было сказано, Россія вела одновременно двѣ войны: съ Польшею и Турціей. Въ то время, какъ 22 т. казаковъ билсь за Дунаемъ съ турками и крымцами, нѣсколько полковъ находились на Кубани, а всѣ остальные, еще способные къ службѣ, должны были охранять верховые городки отъ пугачевскихъ шаекъ. Конецъ 1773 и начало 1774 годовъ были самыми тяжкими для донцовъ. Донъ въ ту пору обезлюдѣлъ: въ опустѣлыхъ станицахъ бродили лишь древніе старцы, да охали израненные въ бояхъ казаки; многочисленныя табуны лошадей паслись подъ присмотромъ малолѣттокъ. Некому было ни косить, ни пахать. Спротиво глядѣли поля, гдѣ травы усыхали отъ зноя, а густые посѣвы безжалостно топтали кони и скоть.

Нѣкогда смертельная борьба съ кубанскими татарами, какъ будто, притихла. Рѣже и рѣже они напали на казачьи городки; если и случались схватки, то въ глубинѣ задонскихъ степей—на рѣкахъ Манычѣ, Кагальникѣ, Еп и другихъ, да и то въ рѣдкость. Съ этой стороны казакамъ полегчало, какъ вдругъ появились у нихъ по сосѣдству непрошенныя гости. Въ разгаръ турецкой войны 4 ногайскія орды, кочевавшія въ Бессарабіи, присягнули на подданство русской державѣ. Ихъ поселили на правой сторонѣ Кубани, и сидѣли онѣ смирно, пока крымскій ханъ Девлетъ-Гирей не сталъ ихъ возмущать. По его наущенію три ногайскія орды вызвались идти на Донъ разорять беззащитныя городки, а одна, именно Джамбулацкая, не согласилась, осталась намъ вѣрной. Тогда ханъ выслалъ противъ нея своего намѣстника, калгу, а вслѣдъ за нимъ двинулся изъ Тамани и самъ, со всею ордой.

Стоявшіе въ Джамбулацкой ордѣ полковники Бухвостовъ и Ларионовъ, — одинъ съ гусарами, другой съ казаками — бросились навстрѣчу калги и разнесли его скопище послѣ схватки на р. Еи. Хагъ остановился, сталъ выжидать случая. Вскорѣ послѣ того узнаеть онъ, что съ рѣчки Калалы должны выступить большой транспортъ, подъ прикрытіемъ лишь двухъ допескихъ полковъ — Платова и того же Ларионова. Хагъ призвалъ на помощь некрасовцевъ, пригласилъ многихъ городскихъ князей, такъ что силы его почти удвоились. Онъ расположилъ ихъ въ скрытомъ мѣстѣ, возлѣ дороги.

Медленно поднимался съ почтога большой транспортъ, состоявшій изъ множества повозокъ и арбъ. Тутъ находились большые, перевозилъ казенный провіантъ, имущество переселенцевъ; ногайцы, пользуясь прикрытіемъ, перегоняли тысячи овецъ, верблюдовъ. Уже кавказское солнце начинало припекать; облако густой пыли скрывало переднія повозки, ушедшія впередъ. Казачьи разъѣзды шныряли по степи, зорко глядѣли въ даль и въ то же время осматривали каждый кустикъ, попутный овражекъ. Вдругъ, они пятаются на цѣлую орду, скрытую въ глубокихъ балкахъ р. Калалы. Порвой думкой казаковъ было спастъ свои души, но Платовъ ихъ сдержалъ. Онъ надѣялся устоять, пока не подадутъ помощи. Будущій атаманъ казачьяго войска не растерялся, приказывалъ дѣльно, толково, внушительно. Казаки живо построили таборъ, навалили на земляной валъ кулей и сѣли въ осаду, а въ то же время двое самыхъ добродѣтельныхъ были вызваны оповѣстить Бухвостова. Перекрестились они и стрѣлой вынеслись изъ табора; но на глазахъ казаковъ одинъ свалился, сраженный мѣткой пулей, другой скрылся въ пыли. Было 8 ч. утра, когда татары и горскіе князьки облегли со всѣхъ сторонъ неподвижный таборъ. Вотъ развернулось большое ханское знамя, и орда прѣдъговаривала его оглушающимъ крикомъ. Отъ одного этого крика могла застынуть въ жилахъ кровь. Испуганныя звѣрьки запрятались въ свои норки; встрепепулись степныя птицы, замолкли вверху жаворонки. По ханскому знаку загрохоталъ большой барабанъ; татары, на половину слѣпившись, пошли на приступъ. Между цвѣтными куртками и бѣлыми чалмами красовались въ бранныхъ досѣгахъ рыцарей князь Кабарды,

окруженные конными толпами послушных джигитовъ. Лихо назади выносились впередъ, гарцовали, спускали стрѣлы и снова скрывались; ихъ смѣняли другіе, болѣе смѣлые, которые кружились у самыхъ окоповъ. Таборъ молчалъ, какъ мотыла. И только, когда забѣтыли оскаленные зубы крымскыхъ разбойниковъ, раздался первый дружный залпъ изъ пушекъ. Заметались ордынцы, многіе въ испугѣ повернули назадъ, другіе съ остервенѣніемъ лѣзли впередъ; князя Кабарды прищипорили коней. Казаки, еще мало выдержавши, выпалили изъ ружей, постѣ чего схватились за пистолеты. Они были на выборѣ: ни одна пуля не пропала даромъ. Самые отважные уже стояли на валу, и, кружа саблями, кричали: «Вотъ повѣрные! Истребимъ же ихъ, храбрые джигиты!»—Они напрасно зывали: все остальное воинство удирало въ степь. Переколовши храбрецовъ, защитники свободно вздохнули, но не надолго. Опять забить барабаны, опять татары собрались и повалили на приступъ. Семь разъ они ходили и семь разъ возвращались; съ угрозами, съ проклятіями. Многіе не только побывали на валахъ, но успѣвали врубиться между повозокъ, гдѣ прокладывали путь своими кривыми и острыми какъ бритва саблями. Тогда, покинувъ на валахъ ружья, казаки брались за пикъ и травили этихъ «батырей», какъ зѣрей по клѣткамъ. Вокругъ земляного вала самъ собой выросъ другой валь, живой, гдѣ люди и кони, перемѣшавшись, копошились, ерзали, издавали крики, раздиравшіе душу. Но и казаки ослабѣли, не хватало больше мочи: уже сабли притупились, руки опустились. Находило раздумье: не лучше ли сдаться? Раньше ли, позже ли, а татары осилить, потому ихъ видимо-невидимо! Только будущій атаманъ хранилъ надежду и не терялъ обычной бодрости. Обходя казаковъ, онъ повторялъ: «Понадѣйтесь, стаичишки, на Бога; Онъ пасъ, православныхъ, не оставитъ! Постоите за матушку-царицу: она щедро васъ одѣлитъ!» Татары въ это время то сѣзжались, то снова разсѣзжались, и надо было ждать восьмого, послѣдняго приступа, какъ зоркій глазъ того же Платова замѣтилъ за рѣчкой облако пыли.

— Смотрите, стаичишки, у меня что-то молькнуло: ужь не наши ли это?— «Наши, наши!» закричали казаки. Въ тотъ же мигъ слетѣли шапки; наступила тишина: каждый возбла-

годарить Господа за свое спасеніе. Мало-по-малу, изъ облака были стали выдѣлаться породовые всадники; они неслись во всю конскую прыть, и на глазахъ осажденныхъ вынесся цѣлый полкъ казачій Умарова. Вотъ допцы сдержали лошадей, вытянулись въ лаву и съ опущенными пиками ударили на татаръ. — «На-конь!» скомапдоваль Платовъ, и его казаки покинули таборъ. Татары не выдержали, пустились на утокъ, преслѣдуемые сзади. Версть за 6 или за 7 они наткнулись на конницу Бухвостова, спѣшившаго на зовъ. Тутъ было 2 орудія. Изъ нихъ брызнули картечью, послѣ чего гусары приняли повѣршихъ въ сабли. Тутъ уже вышелъ полный разгромъ: стениные хищники спасались въ одиночку; кто куда глядѣль, туда и удиралъ; вся окрестная степь покрылась бѣглоцами. На полѣ битвы остались 2 султана, одинъ бей, нѣсколько знатныхъ мурзъ да болѣе 500 пѣздниковъ. А казаки потеряли въ этомъ дѣлѣ 70 чел., считая и раненыхъ. Большо крымскій ханъ не показывался, а ноги были вскорѣ усмирены Суворовымъ.

Въ то время, какъ казаки отбивались на берегахъ Еи отъ крымской орды, пугачевцы приближались къ границамъ ихъ войска. Еще по первому слуху о томъ, что казакъ Зимовейской станицы, Емельягъ Пугачевъ, дерзнулъ назвать себя именемъ почившаго императора Петра Федоровича, допцы отписали въ столицу, что они «рады свои головы сложить, дабы пресѣчь дѣйства бездѣльника и изверга Пугачова». По Высочайшему указу, домъ, въ которомъ жилъ Пугачевъ, казаки сожгли, пепель развѣяли по вѣтру, а семейство Пугачева отправили къ нему въ Казань; Зимовейская станица, по просьбѣ самихъ казаковъ, была перенесена на новое мѣсто и названа Потемкинской. Между тѣмъ, когда три пугачевскія шайки ворвались въ предѣлы войска, Донъ очутился совсѣмъ беззащитенъ: не было ни людей, ни воинскихъ доспѣховъ, ни снарядовъ. Жители, покинувъ станицы, бѣжали въ лѣса, укрывались въ камыши. Кто же не успѣлъ спастись, того принуждали силой присягать и служить императору Петру Федоровичу; въ случаѣ же сопротивленія, или вѣшали, или безъ всякой жалости убивали. Походный атаманъ Луковкинъ съ трудомъ собралъ 5¹/₂ сотенъ, и то большей частью малолѣ-

КАЗАКИ.

6

токъ. Проскакавъ съ шипп 80 верстъ, онъ накрылъ одну шайку въ Етеревской станицѣ, разбить ее и тотчасъ повернулъ на Медвѣдицкую, гдѣ, послѣ упорнаго боя, разнесъ другую шайку; третья была разбита въ Пензенской губерніи, на рѣкѣ Боландѣ. За такіе молодецкіе подвиги Луковникъ получилъ полковничій чинъ, золотую медаль и былъ назначенъ безсмышлымъ судьей войсковою канцеляріи.

Въ первыхъ числахъ августа самозванецъ приближался къ Царицыну. Между Качалинской станицей, на Дону, и городомъ тянулся въ ту пору земляной валъ, вдоль котораго находились три крѣпости и редутъ, вооруженный пушками. Это была такъ называемая «Царицынская линия». Охраненіе ея издавна лежало на донскихъ казакахъ, которые высылали сюда лѣтомъ по 1,200, а зимою по 800 чел. Теперь же ихъ было только 300 чел., съ войсковымъ атаманомъ Василіемъ Перфиловымъ. Царицынскій комендантъ, полковникъ Циплетевъ, готовился дать отпоръ. Онъ разставилъ казачьи посты вѣсь по Волгѣ до Чернаго Яра; у Ахтубинскаго завода поставилъ заставу изъ пѣхоты, при одной пушкѣ. По всей линіи были устроены маяки: на длинныхъ шестахъ повѣсили пучки соломы. Но въ самомъ Царицынѣ войскъ, можно сказать, не было: 4 гарнизонныхъ роты да 300 вооруженныхъ гражданъ. Еще надо прибавить, что здѣсь находилось подъ надзоромъ 900 плѣнныхъ турокъ, и все окрестное населеніе участвовало въ бунтѣ. Циплетевъ обратился за помощью къ донцамъ, и донцы откликнулись. Вообще, на первыхъ же порахъ не поддались прельщеніямъ самозванца, и если бывали случаи перехода на его сторону, то, какъ увидимъ дальше, они-то и погубили въ конецъ его дѣло. Около Преображеня дня въ Пловлюйскую станицу былъ доставленъ пугачевскій манифестъ, которымъ Донское казачье войско приглашалось «оказать ровность и усердіе для истребленія вредительныхъ обществу дворянъ и явилось бы въ главную армію, за что на первый случай получить награжденіе, не въ зачетъ жалованья по 10 р., и впередъ оставлено не будеть». Василій Малковъ, посадивъ посланныхъ подъ арестъ, манифестъ отправилъ къ царицынскому коменданту, а самъ съ полкомъ выступилъ въ Дубовку. Здѣсь его разбѣды, окруживъ шайку влодѣя, подѣзжали къ

самому городку и ежедневно хватали по нѣскольکو плѣнныхъ. Въ Черкасѣ въ это время выржали полки Платова и Павла Кирсанова изъ казаковъ, прибывшихъ съ Кубани на льготу. На 4-й день послѣ Успенія сошлись подъ Царицынымъ полковники Федоръ Кутейниковъ, Михаилъ Донисовъ и Карпъ Донисовъ. Последняго выслали сейчасъ же съ разѣздомъ къ сторожъ Дубовки. Мятежники большою толпою выѣхали ему навстрѣчу, и тутъ, на р. Мечетной, произошла первая схватка. Прочіе полковники, выскакавъ изъ Царицына, два раза прогоняли мятежниковъ до самыхъ пушекъ, но подъ напоромъ толпы должны были отступить. Между тѣмъ раненый въ схваткѣ Кутейниковъ попался въ плѣнъ. Потерявши начальника, казаки его полка возронтали, что ихъ покинули, не подкрѣпивши изъ города ни пѣхотой, ни конницей. Многіе покинули полкъ и передались мятежникамъ, а двое хорунжихъ, Кранившъ и Терентьевъ, преклонили передъ Пугачевымъ «хорунгу». За ними перешло до 400 казаковъ. Пугачевъ далъ Кранившу 20 рублей, самъ надѣлъ на него серебряную медаль на пестрой лентѣ и назначилъ полковникомъ всѣхъ поредавшихся казаковъ. Въ это самое время раненый Кутейниковъ искупалъ грѣхи своихъ станщичковъ. Связаннаго ремнями, его притащили въ обозъ самозванца, гдѣ били дубьемъ, таскали за волосы, послѣ чего, надѣвъ на шею петлю, пытались несчастнаго удавить. Послѣ такихъ мукъ его повели на казнь. По приказанію Пугачева, татаринъ посадилъ Кутейникова на бугоръ и сталъ въ него стрѣлять: разъ выпалить—осѣчка, другой—то же самое; только за четвертымъ выстрѣломъ попалъ ему въ бокъ. Кутейниковъ свалился въ оврагъ, гдѣ пролежалъ нѣскольکو часовъ безъ памяти, но потомъ, выбравшись ползкомъ на свѣтъ Божій, побрелъ къ себѣ домой, въ Качалинскую станцію.

Угромо, насупившись, возвращались донцы съ Мечетной. Комендантъ, сопровождаемый старшинами, объѣхалъ казаковъ, уговаривая ихъ стоять крѣпко за матушку-царицу и враговъ ея не опасаться. Донцы немного ободрились, даже выставили заставы подъ станъ самозванца. На другой день утромъ высоты, окружавшія городъ, покрылись толпами самозванца, примѣрно тысячъ на шесть. По обычаю, отдѣлился разѣздъ и, подѣхавши на выстрѣлъ, сталъ перезывать казаковъ на

сторону «батюшки»; выехалъ и самъ Пугачевъ, переодѣтый въ платье Овчинникова и окруженный сотней яицкихъ казаковъ. Перебѣжало къ нимъ не больше пяти человекъ, а одинъ изъ казаковъ, стоя на валу, громко выкрикивалъ: «Здорово, Емельянъ Ивановичъ! Хорошо ли царствуешь?» Какъ только Пугачевъ отъѣхалъ, мятежники выставили 6 батарей, изъ которыхъ одна въ 12 орудій, и открыли пальбу. Изъ крѣпости отвѣчали тѣмъ же. Съ часу до семи вечера пальба не стихала. Секундъ-майоръ Фатьяновъ обходилъ защитниковъ, ободрялъ ихъ, обѣщая имъ именемъ царицы полугодовой окладъ. Майору Харитонову удалось тогда подбить одну изъ неприятельскихъ батарей и взорвать зарядный ящикъ. Послѣ того бой прекратился, мятежники скрылись за высоты. Царицынъ былъ спасенъ, единственный городъ на Волгѣ, не допустившій свои дома до разграбленія. Императрица пожаловала всѣмъ защитникамъ слѣдующіе чины, рядовыхъ же наградила деньгами. Царицынцы ожидали ночного нападенія, по самозванецъ, провѣдавъ о приближеніи воинскихъ командъ, посѣлилъ къ Черному Яру. У него уже тогда было намѣреніе пробраться на зимовку въ Яицкій городокъ, хотя объ этомъ знали немногіе, только самые близкіе ему люди; вся же остальная толпа не сомнѣвалась, что побывають еще въ Астрахани, гдѣ ждетъ ее богатая пожива. Въ то время, какъ Пугачевъ проходилъ мимо Царицына, хвостъ его шайки былъ атакованъ донцами, захватившими часть обоза и множество плѣнныхъ. Въ этой схваткѣ еще съ полсотни казаковъ пошли вслѣдъ за самозванцемъ. При остановкахъ, на почлегахъ, донцы пытались разглядѣть Пугачева, вѣрять ли онъ государь, или же, какъ увѣряли старшины, Зимовойской станицы казакъ? Но онъ, «злойдѣй, всегда рожу свою отъ нихъ отворачивалъ». Однако пытливые донцы скоро признали въ немъ станичника Емольку, и слухъ объ этомъ разошелся по всему обозу, что особенно смутило яицкихъ. Еще больше они смутились, когда узнали, что донцы одинъ за другимъ покидаютъ ихъ обозъ; оглядѣлись какъ-то утромъ, — ни одного не осталось, всѣ ушли. Понялъ тогда Пугачевъ, что на донцовъ почего ему рассчитывать и надо поскорѣе уходить. Царству буйной вольницы, всполошившей все Поволжье, залитое кровью, орошенное слезами, па-

ступалъ копецъ. Неутомимый Михельсонъ уже былъ въ Царицынѣ,—тотъ самый полковникъ Михельсонъ, который со своею командой въ 800 ч. разбилъ подъ Казанью скопище самозванца силою отъ 15 до 26 тысячъ. Онъ прошелъ послѣ того болѣе пяти тысячъ верстъ, преслѣдуя Пугачева, по мѣстамъ «пустымъ, почти непроходимымъ и жилья лишоннымъ». Пробывши въ Царицынѣ всего оди́нъ день, Михельсонъ взялъ на подкрѣпленіе своей изнуренной команды 90 малороссійскихъ казаковъ и 450 допцовъ, съ которыми выступилъ дальше. На третій день онъ настигъ Пугачева у Сальникова завода. Самозванецъ уже зналъ о его приближеніи. Всѣ свои пушки онъ поставилъ въ одну линію, за пушками пѣшія толпы разнаго сброда. Одновременно орудія открыли пальбу, пѣшіе двинулись въ атаку. Но Михельсонъ привыкъ самъ начинать. Боевой его порядокъ былъ таковъ: въ серединѣ находилась пѣхота, на правомъ флангѣ стоялъ походный атаманъ Порфиловъ съ чугуевскими казаками, на лѣвомъ—всѣ допцы. Чугуенцы и допцы бросились мятежникамъ навстрѣчу и сразу ихъ осадили; пѣхотѣ не пришлось и выпалить. Самозванецъ, оставаясь сиди, поощрялъ лишь голосомъ: «Порадѣйте, дѣтушки, за отца-государя!» Но столь былъ великъ во всѣхъ страхъ, что, ни мало его не слушая, злодѣи разсыпались во всѣ стороны, покинувъ безъ вниманія 24 пушки. Казаки гнали ихъ верстъ 40, при чемъ перебили до 2 т., да захватили въ плѣнъ около 6 т. Самозванецъ ускорилъ однимъ изъ первыхъ; за нимъ ускорили его жена Софья и десятилѣтній сынишка; двѣ дочери ѣхали въ коляскѣ, переполненной деньгами и дорогими товарами. Гдѣ-то на кособорѣ коляска опрокинулась и вмѣстѣ съ деньгами попала въ руки казаковъ. Вообще допцамъ тогда перепало 18 пудовъ серебряной посуды, много денегъ, платья, соболой, куницъ, лисьихъ мѣховъ, суконъ и матерій, болѣе 500 лошадей и 60 воловъ. Погоня прекратилась на берегу Волги, гдѣ самозванецъ успѣлъ переправиться на ту сторону, а большая часть его толпы разбѣжалась, спасаясь въ одиночку. У Сальникова завода былъ нанесенъ самозванцу послѣдній и самый тяжкій ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться; его ближайшій сподвижникъ и главный совѣтникъ, казакъ Овчинниковъ, пропалъ тогда безъ вѣсти. Щедро наградила импера-

трица участниковъ боя: казаковъ и солдатъ осыпала она деньгами, офицерамъ пожаловала слѣдующіе чины, а Михельсону — золотую шагу, украшенную брилліантами, при собственноручномъ письмѣ.

Вслѣдъ за Пугачевымъ небольшіе конные отряды разными путями углубились въ завожскія степи; полковникъ Пловинскій пошелъ съ тремя сотнями допцовъ; графъ Меллшгъ и Мюфель — каждый съ двумя сотнями, кромѣ половой команды, изъ драгунъ и пѣхоты; Бородинъ съ тремя сотнями янцкихъ. Начальство хорошо видѣло, что только допцы своими летучими наѣздами могли нагнать остатки бѣжавшей толпы. Имъ приходилось скакать сотни версты по безводной солончаковой степи, направляя путь днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Никакихъ путей, кромѣ сакмъ, спокойнѣе вѣка тамъ не бывало; кто отставалъ, тому грозилъ голодная смерть. Растерявъ половину отряда, Пловинскій приблизился къ Яицку, гдѣ первый принялъ самозванца изъ рукъ его сообщниковъ.

Погруженный въ тяжелую думу, ѣхалъ Пугачевъ берегомъ Волги; за нимъ тѣсною кучкой подвигались яицкіе казаки, а сзади шевелилась разношерстная толпа изъ банкиръ, калмыковъ, русскихъ крестьянъ и разночинцевъ. Между казаками шель тайный сговоръ: «Какому государю мы служимъ?» — спрашивать Твороговъ, предсѣдатель пугачевской комиссіи. — «И подлинно васъ увѣрю, что когда, по его приказанію, былъ написанъ къ казакамъ именной указъ, то онъ его не подписалъ, а велѣлъ за себя подднестися секретарю Дубровскому. Донскіе казаки называютъ его Емельяномъ Ивановымъ, и когда пришли-было къ нему и на него пристально смотрѣли, то онъ рожу свою отъ нихъ отворачивалъ. Такъ что же теперь намъ дѣлать?.. Согласны ли будете его связать?» — Казаки, одинъ по одному, согласились дѣйствовать сообща и прежде всего уговорили Пугачева отобрать у всѣхъ конныхъ ратниковъ лошадей, а ихъ самихъ распустить по домамъ. — «Дѣлайте, какъ хотите», — сказалъ самозванецъ. При немъ остались теперь одни яицкіе, что для ихъ умысла было гораздо сподручнѣе. Съ берега Волги бѣглецы повернули въ степь, на Элтонское озеро. Выпалъ снѣгъ; сильныя вѣтры бушевали въ пустынь, пробирая до костей голодныхъ казаковъ. Негдѣ-было ни обсушиться,

ни обогрѣться: хлѣбъ, какой былъ, давно вышеть. Кое-какъ добрались они до Узеной. Тутъ двое казаковъ провѣдали, что неподалеку отъ лагеря живутъ въ землянкахъ старцы, и что у нихъ на грядкахъ есть дыни и буква (въ родѣ рѣдки). Пугачевъ, голодный какъ и всѣ, приказалъ осѣдлать себѣ лошадей. Случай былъ подходящий, и человекъ 20 казаковъ, самыхъ надежныхъ, выжились его провожать. Землянки оказались за рѣчкой, въ камышахъ. Покинувъ лошадей, казаки переправились на бударѣ и, подкрѣпившись у старцовъ пиццей, перѣѣхали на шандь. Чумаковъ держалъ свою лошадь и самозванца. Только что послѣдній хотѣлъ садиться, какъ казакъ Бурновъ, по знаку Федульова, схватилъ его за руки выше локтей. — «Что это... что это вы вздумали?» — сказалъ Пугачевъ робкимъ голосомъ, «на кого руки поднимаете?» — «А вотъ что, закричали казаки, ты отдай намъ свою шапку, ножикъ и патронницу. Мы не хотимъ тебя больше служить и не хотимъ злодѣйствовать: довольно и такъ за тебя прогнѣвали Бога и матушку милостивую Государыню; много мы прошли крови человѣческой и лишились отцовъ, матерей, роду-племени!» — Хотя въ рѣчахъ казаконъ слышалась угроза, но всѣ говорили врознь, губы тряслись, и сами они дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Бывшій тутъ одинъ изъ старцовъ кивалъ головой, какъ бы одобряя болѣе робкихъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ у Пугачева отобрали оружіе, посадили его на лошадь и направились къ Лицку. Остальные казаки также пристали къ товарищамъ. Два раза пытались сбѣжать самозванецъ: одинъ разъ ускользнулъ—было впередъ и загнѣвъ въ камыши, откуда, впрочемъ, его скоро вытащили; другой разъ на стоянкѣ схватилъ шапку, пистолетъ и съ крикомъ: «Вяжите старшинъ!» бросился на казаковъ Творогова и Чумакова. — «Кого велишь ты вязать?» — спросилъ Федульовъ, иди смѣло ему навстрѣчу. Пугачевъ спустилъ курокъ, но кремень осѣкся. Тогда опять сталъ отмахиваться шапкой. Тутъ подскочилъ сюда Бурновъ и ударилъ его въ бокъ тупымъ концомъ копыя, а Чумаковъ схватилъ его за руки. Послѣ этого случая Пугачева везли уже связаннаго, въ телѣгѣ, гдѣ сидѣла его жена Софья съ малолѣтнимъ сыномъ. На 6-й день пути казаки встрѣтили у Кошъ-лицкаго форпоста сотника Харчова, которому и сдали съ рукъ на руки мшмаго госу-

даря. Его тотчасъ забили въ провѣзную колодку. Въ полночь, на праздникъ Крестовоздвиженья, Пугачевъ предстать на первый допросъ.

— Что ты за человѣкъ?—спросить его капитанъ Мавринъ.

— Донскою казакъ Емельянъ Ивановъ, сыгъ Пугачевъ, — отвѣчалъ спрошенный. Согрѣшилъ я, окаянный, передъ Богомъ и передъ Ея Императорскимъ Величествомъ и заслужилъ всѣ тѣ муки, какія на меня возложены будутъ; снесу я ихъ за мое погрѣшеніе терпѣливо». — При обыскѣ нашли у самозванца 139 червонцовъ, 480 рублевиковъ и медаль на погребеніе Императора Петра III. Какъ велика была добрая слава Императрицы, видно изъ того, что людѣи не теряли надежды на ея материнское милосердіе, повторяя много разъ, что онъ «слуга добрый и заслужить всячески въ состоянн»... Однако его заковали въ кандалы, а всѣхъ остальныхъ сообщниковъ отпустили на поруки.

Донскому войску за то, что оно устояло передъ соблазномъ и старалось «объ искорененіи даже праха Пугачева съ его сволочною толпою», была объявлена черезъ Потемкина Высочайшая благодарность; бѣднымъ станничикамъ отпущено изъ казны 65 тысячъ четвертей хлѣба, безъ отдачи.

VI.

Въ осадахъ и на штурмахъ.

ъ началѣ августа 1787 года турки, въ противность всѣхъ правилъ, заперли нашего посланника въ Царградѣ въ тюрьму. Такъ началась Вторая турецкая война. Суворовъ укрѣплялъ въ это время Кинбургъ. Одинъ офицеръ поѣхалъ изъ крѣпости въ гости къ очаковскому ^Тнашѣ. Тотъ принялъ его по-пріятельски, угостилъ, чѣмъ тамъ они обыкновенно угощаютъ, а потомъ и говорить: «Знаешь-ли ты, что нашъ султанъ объявилъ русскимъ войну? Сегодня же ваши корабли будутъ атакованы». Хотя къ войнѣ давно уже готовились, однако въ Кинбургѣ никто еще не зналъ, что она уже объявлена. Паша велѣлъ проводить своего гостя на другой берегъ, и отъ него-то Суворовъ узналъ объ открытіи военныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, въ тотъ же день стоявшіе передъ Кинбургомъ оба русскіе корабля подверглись нападенію.

Длинная песчаная коса съ крымскаго берега точно языкомъ вдается въ море, какъ-разъ противъ Очакова. Ихъ разделяютъ такъ называемый Очаковскій лиманъ, примѣрно въ

6 верстъ ширины. На этой-то косѣ стояла крѣпостца Кинбургъ, неважная по своей силѣ, но важная потому, что защищала входъ въ днѣпровскія гирла, а, слѣдовательно, — и городъ Херсонъ. Ея крѣпостныя стѣны были не высоки, рвы не глубоки, но на стражѣ ихъ стоялъ Суворовъ, котораго турки хорошо знали, даже окрестили по-своему: «Суворипаша». Подъ его начальствомъ находилось около 5,000 войскъ, въ томъ числѣ три казачьихъ полка: Орлова, Псаева и Иловайскаго; почти вся легкая конница, драгуны и часть пѣхоты стояли лагеремъ верстахъ въ 30 отъ крѣпости. Уже за нѣсколько дней до Покрова турки начали обстрѣливать крѣпость со своихъ кораблей. Наканунѣ праздника бомбардировка усилилась, а около 9 часовъ утра, въ самый праздникъ, непріятель подошелъ съ двухъ сторонъ къ песчаной косѣ и сталъ высаживаться: на оконечности косы высаживались турки, верстахъ въ двѣнадцать — некрасовцы. Казаки было обозначили: приняли послѣднихъ за своихъ; но, во-время спохватившись, живо спустились ихъ назадъ, въ лодки. Этой высадкой турки хотѣли раздвоить наши силы. Суворовъ стоялъ у обѣдин, когда ему доложили, что непріятель уже на косѣ. — «Пусть всё по-вылѣзутъ, не мѣшать», — отвѣтилъ онъ и продолжалъ молиться. По мѣрѣ того, какъ янычары высаживались, они сейчасъ же рыли ложементы, наполняли мѣшки пескомъ и укладывали ихъ въ видѣ брустверовъ. Ложементы выводили поперекъ косы, одинъ за другимъ; такимъ образомъ успѣли накопать 14 ложементовъ. Никто ихъ не мѣшалъ. Наступилъ полдень. Турки, совершивъ свой обычный намазъ, поднялись съ мѣстъ, и, когда передовые приблизились на 200 шаговъ, всё крѣпостныя орудія разомъ дали залпъ. По этому сигналу ворота въ крѣпости растворились. Изъ нихъ выступили 3 батальона Орловцевъ и Шлиссельбургцевъ подъ начальствомъ храбраго генерала Река. Они устремились прямо на ложементы, а въ то же время казачьи полки, стоявшіе за крѣпостью, пустились рысью въ объѣздъ. Одновременно по всей линіи загорѣлся бой. Казаки перекотили своими длинными пиками тащавшихъ штурмовыя лѣстницы, при чемъ убили агу, который былъ у нихъ проводникомъ. А Орловцы и Шлиссельбургцы подъ страшнымъ огнемъ съ кораблей — тамъ ревелъ не умолкая 600 орудій — погнали

турокъ къ ложементамъ. Взяли наши одинъ ложементъ, взяли другой, третій, четвертый, добрались до десятого, но тутъ коса съуживается: стало такъ тѣсно, что негдѣ имъ повернуться; турки же все подваливали да подваливали. Налетѣли на побойще два полка допцовъ, и тѣмъ негдѣ развернуться. Даже огонь съ кораблей притихъ: все смѣшалось въ одной точкѣ. Здѣсь дрались съ нами отборные янычары очаковского гарнизона: съ кинжалами въ зубахъ они прочищали себѣ путь своими страшными ятаганами, выпирали русскихъ точно клиномъ. Наши ряды порѣдѣли, офицеры были перебиты. Река едва унесла. Суворовъ двинулъ на помощь два батальона Козловцевъ съ двумя эскадронами конницы, — и тѣ не помогли. Какъ тигры рванулись турки впередъ и вернули свои ложементы. Лошадь подъ Суворовымъ была убита; онъ остался пѣший. Увидя, что въ сторонѣ двое держатъ нашего коня, онъ, утомленный боемъ, крикнулъ: «Братцы, дайте генералу лошадку!» А это были турки. Они сейчасъ же бросились къ Суворову. Къ счастью, сержантъ Новиковъ услышалъ голосъ своего начальника: въ мигъ онъ закололъ одного турка, застрѣлить другого и бросился на третьяго, спѣшившаго на помощь. Отступавшіе гренадеры также замѣтили опасность. «Братцы, кто-то закричать, генералъ остался впереди!» Гренадеры повернули лицомъ къ неприятелю, и бой возобновился: опять траншеи стали переходить въ наши руки. Но въ это время неприятельскія суда подошли такъ близко, что засыпали нашихъ картечью, да и янычары успѣли устроиться: они клали на сонки свои длинныя ружья и за каждымъ выстрѣломъ выпускали по двѣ пули. Солдаты же, разстрѣлявъ патроны, лишившись офицеровъ, одинъ за другимъ стали очищать ложементы. Суворовъ получилъ въ бокъ картечную рану. Въ полузабытьѣ онъ видѣлъ, какъ русскіе батальоны, покшувъ нѣсколько пушекъ, быстро отступали. Песчаная коса огласилась воплями радости. Турки съ торжествомъ увозили русскія пушки. Между рядами янычаръ засновали дервиши, одѣтые въ тряпье. Они заклинали мусульманъ именемъ Аллаха спѣшить на стѣны, и тамъ, упившись кровью невѣрныхъ, праздновать побѣду... Съ наступленіемъ сумерокъ явились, наконецъ, подкрѣпленія: прибыли пѣхота и 10 эскадроновъ конницы. Свѣжія войска

произвели третью атаку, самую бурную. Эскадроны били прямо, пѣхота зашла вправо, казаки слѣва. Какъ въ тискахъ они сдавили турокъ, которымъ некуда было дѣваться, потому что флотъ отошелъ отъ берега. Бѣшено бросались турки вправо и влѣво, но каждый разъ натывались то на русскій штыкъ, то на саблю или на казацкую пику. Спасенія на сушѣ не было — они бросались въ воду, но и тамъ доставали ихъ картечью. На разстояніи полуворсты тысячи людей сбились въ тѣсной кучѣ: стоны, крики, проклетія оглашали воздухъ, пропитанный дымомъ и запахомъ крови. Суворовъ, бывший впереди, почувствовалъ, что его колнула въ лѣвую руку; осмотрѣлся — пуля прошила навыворотъ. Нѣсколько казаковъ подхватили его, промчавъ къ берегу, гдѣ оснудъ Кутейниковъ сдѣлать порную перевязку, обвязавши руку свопмъ галстухомъ. — «Помилуй Богъ, благодарю! Помогло, тотчасъ помогло! Прогонимъ, богатыри, всѣхъ турокъ въ море — и раненыхъ, и здоровыхъ!» — Дѣйствительно, имъ оставалось одно спасеніе — море: которые пытались уплыть, тѣ перетонули, остальные засѣли на всю ночь по горло въ водѣ. — Уже все стихло, войска отходили къ крѣпости, какъ вдругъ, въ темнотѣ, раздались оттуда выстрѣлы. Казаки кинулись берегомъ и опять наткнулись на некрассовцевъ. Они, вѣрно, рассчитывали захватить крѣпость врасплохъ. Какъ и въ первый разъ, ихъ безъ труда отбили. Посчитались наши, и оказалось 250 ч. убито или искалѣчено, а всего убыло до тысячи, зато уцѣлѣвшіе могли гордиться полнымъ истребленіемъ турецкаго десанта. На другой день, рано утромъ, явились непріятельскія суда выгружать изъ воды заковенѣвшихъ турокъ. Такихъ набралось не болѣе 700, а 1½ тысячи труповъ такъ и остались на косѣ; ихъ долго потомъ носили сердитыя волны, прибывая то къ одному, то къ другому берегу. Всѣхъ турокъ высадилось 5,300.

Императрица сама укладывала въ коробочку орденскія ленты для отсылки въ Кишбургъ; Суворовъ получилъ Андрея Первозваннаго при собственноручномъ ея рескриптѣ, всѣ остальные защитники были щедро награждены деньгами. Въ Кишбургѣ, на память грядущимъ поколѣніямъ, поставили каменный столбъ, съ иконой Покрова Божіей Матери; внизу иконы былъ изображенъ Суворовъ, приносящій на колѣняхъ благо-

дарственную молитву. Теперь на мѣстѣ каменшаго столба выстроена церковь.

Очаковъ, или по-турецки «Озупъ - Кале», что значить «Длинная» крѣпость, кромѣ хорошаго вооруженія, имѣлъ 15 т. гарнизона. Въ концѣ іюля слѣдующаго года, Потемкинъ обложилъ Очаковъ большимъ полукружіемъ: правымъ флангомъ русскіе примкнули къ берегу моря, а лѣвымъ въ лиманъ. Въ передней линіи расположилась цѣпь казачьихъ пикетовъ, между которыми построили 5 редутовъ. Вскорѣ наши батареи открыли огонь, и началась правильная осада. Почва тамъ твердая, каменная, почему работы производились медленно, но все-таки, мало-по-малу, приближались къ крѣпости. Суворовъ совѣтовалъ Потемкину штурмовать Очаковъ, но главнокомандующій не согласился. Онъ надѣялся заставить турокъ, принудить ихъ къ сдачѣ; кромѣ того, боялся и потери въ людяхъ. «Солдаты не такъ дошны, говоритъ Потемкинъ, чтобы жертвовать ими по-пустому». — Однако турки нисколько не упали духомъ, доказательствомъ чему служили ихъ частыя вылазки. На одной изъ первыхъ вылазокъ Суворовъ получилъ тяжелую рану и долженъ былъ уѣхать. Вообще, турки, поберегая свои снаряды, стрѣляли рѣдко, а все больше вредили на вылазкахъ. Въ сентябрѣ наши, приблизившись подступами, палили въ крѣпость безостановочно. Тамъ начался пожаръ; отъ тѣсноты и голодовки люди стали помирать, но все это не мѣшало имъ держаться въ надеждѣ на помощь. И дѣйствительно, турецкому адмиралу удалось доставить въ крѣпость продовольствіе, боевые запасы и полторы тысячи солдатъ. Не успѣли наши оглянуться, какъ наступила осень. Прежде, бывало, въ русскомъ лагерѣ шумно, весело, одинъ праздникъ сѣбялся другимъ. Въ ту пору былъ такой обычай, что знатные иностранцы сѣзжались на время войны въ главную квартиру: кто изъ любопытства или ради развлечения, другіе же изъ соревнованія, желая пролить свою кровь за святое дѣло. Теперь все притихло; мрачная, дождливая осень однихъ разогнала по домамъ, другихъ заставила сидѣть въ землянкахъ. А дальше стало и того горше: мокрую осень сразу смѣнила зима, да такая лютая, что память о ней сохранилась въ тѣхъ краяхъ надолго: она и теперь извѣстна у старожиловъ подъ име-

пемь «Очаковской» зимы. Ежедневныя вьюги при жестоких морозахъ много ступили нашихъ солдатъ, и, можетъ быть, больше, чѣмъ стоить бы штурмъ: не проходило дня, чтобы 30 или 40 ч. не заснули вѣчнымъ сномъ на этихъ всѣхъ постылыхъ каменистыхъ буграхъ. Однажды Потемкинъ объѣзжалъ лагерь. Солдаты его окружили: «Ваше сіятельство, отецъ родной! Позволь согрѣться, кровь совсѣмъ застыла!» — Главкомандующій хотя и видѣлъ бѣдствіе арміи, но все еще надѣялся сломить упорство турокъ нумечнымъ огнемъ. Почти всѣ ихъ орудія въ передовыхъ укрѣпленіяхъ были сбиты, бастионы большею частью разрушены, такъ что турки не успѣвали даже исправлять, но на предложеніе сдачи Гуссейнъ-паша отвѣчалъ надменнымъ отказомъ.

Наканунѣ Николаина дня Потемкину доложили, что хлѣбъ весь вышелъ, дровъ нѣтъ ни полѣна, и что выдана послѣдняя чарка вина. Тогда только Потемкинъ рѣшился на штурмъ. Съ радостью, съ восторгомъ пріяли это извѣстіе русскія войска, отъ генерала до фурштата. Охотниковъ вызвалось гораздо больше, чѣмъ требовалось. Вся добыча была обѣщана солдатамъ.

Укрѣпленія Очакова состояли изъ четырехугольной крѣпости, одной стороною примыкавшей къ лиману; прочія три стороны, обращенныя въ поле, были прикрыты, такъ называемымъ, нагорнымъ ретрашаментомъ, т. е. рядомъ укрѣпленій, соединенныхъ общимъ валомъ; кромѣ того, на оконечности косы, противъ Кшнбурна, стоялъ сильно укрѣпленный замокъ «Гассанъ-паша».

Еще не разсвѣло, когда войска выступили на сборныя мѣста. Морозъ былъ трескучій, 23°. Не смотря на всѣ предосторожности, мерзлая земля отдавала удары тысячи ногъ, потому все замерло: въ предразсвѣтной тишинѣ наступающаго праздника раздалось молебное пѣніе заступнику русской земли. Молебенъ кончился, прочли приказъ: «Атаковать живо и, не занимаясь перострѣлкой, итти на штыкахъ; тѣхъ изъ турокъ, которые будутъ сдаваться, отбирая оружіе, отсылать къ резерву; женщинъ и младенцевъ щадить непременно». — Въ восьмомъ часу всѣ шесть колоннъ вступили въ дѣло.

1,000 пѣшихъ и 200 конныхъ казаковъ, подъ начальствомъ Платова, вошли въ составъ 1-й колонны Палена. Тутъ, кромѣ казаковъ, находились Тамбовцы, батальонъ егерей и охотники изъ армянъ. Колонна Палена быстро приблизилась къ землянымъ укрѣпленіямъ грознаго замка. Подполковникъ Пальменбахъ съ 500 ч. взялъ вѣтво, чтобы захватить ворота, полковникъ Макнобъ пошелъ къ замку, а Платовъ съ казаками занялъ въ земляные окопы съ тыла и живю ихъ очистить; 300 турокъ укрылись-было въ замокъ, но скоро сдались. Въ какихъ-нибудь 10 минутъ фортъ Гассанъ-паша былъ уже нашъ. Казаки остались здѣсь, Паленъ пошелъ къ крѣпости. Завидя это, турки покинули нагорный ретраншаментъ и бросились наперерѣзъ. Въ странной сѣчѣ сѣялись тѣ и другіе. Не слышно было ни криковъ, ни стоновъ, только удары да бряцанье сабель возбѣщали послѣдній, смертный бой. Подбѣжали къ намъ резервы—и турки попятились: полторы тысячи побросали оружіе. И въ другихъ мѣстахъ творилось почти то же: работать больше штыкъ, рѣдко раздавался выстрѣлъ, развѣ вопль женщинъ покрывалъ злобѣщій гулъ, окружавшій крѣпость. Быстро солдаты овладѣли ретраншаментомъ, послѣ чего ворвались съ разныхъ сторонъ въ крѣпость: одни черезъ ворота, другіе черезъ проломъ или по лѣстницамъ, а тѣ, которые подошли по льду, со стороны лимана, прямо черезъ стѣну. Извѣдавъ неудачу удержать русскихъ при помощи огня, турки взяли за ятаганы, потомъ за книжалы, наконецъ, подожди фугасъ—нѣтъ, ничто не могло удержать быстрогорыша ожесточенныхъ солдатъ. Среди самаго разгара штурма взорвало пороховую банню, но этотъ взрывъ устрасилъ больше самихъ турокъ. Покинувъ валы, они скрывались въ дома, въ погреба, въ лавки. Однако вездѣ доставать ихъ грозный штыкъ, вымещавшій то, что накопѣло за 5 мѣсяцевъ осады. Въ часъ съ четвертью все было кончено: болѣе 8 т. труповъ устилали побѣднѣйшій путь русскихъ. Ихъ стацили послѣ на лиманъ. Во время штурма Потемкинъ сидѣлъ на землѣ, подперши руками голову, и по временамъ, поднимая ее, читалъ громко молитву. Извѣщенный объ удачѣ, онъ воспрянулъ духомъ, вскочилъ на коня и поѣхалъ въ городъ. Къ нему подвели плѣннаго сераскира. «Это ты виновать, глѣвно закричалъ Потемкинъ, твое

унорство довело до такого кровопролитія!» — «Удержи твои упреки, спокойно отвѣтилъ Гуссейлъ. Я исполнилъ свой долгъ такъ же, какъ и ты: судьба рѣшила между нами!»

Городъ былъ отдагъ «въ полную волю солдатамъ». Они дѣлили между собою горстями золото, серебро, жемчугъ, драгоценные камни; кому-то достался изумрудъ, величпою съ куриное яйцо. Оружіе продавалось возами; вся папа компинна перевооружилась тогда на счетъ турокъ: прекрасные ятаганы, пистолеты съ богатой насѣчкой, кипжалы въ дорогой оправѣ—замѣнили скромное оружіе казеннаго образца. И военная добыча была не мала: 300 орудій, 180 знаменъ, а плѣнныхъ оказалось болѣе 4 т., въ томъ числѣ нѣсколько пашей. Съ нашей стороны убито 28 офицеровъ и 900 солдатъ; пали генералы Горичъ, Волконскій, Корсаковъ и Синельниковъ, первый Екатеринославскій губернаторъ.—Овлажденіе Очаковымъ укрѣпляло за нами Крымъ и приднѣпровскія степи, почему Императрица была тронута до слезъ этимъ радостнымъ вѣстіемъ. Фельдмаршалскій жезлъ, украшенный брилліантами, и орденъ Св. Георгія 1-й степени былъ наградой главному ея сподвижнику по завоеванію и заселенію этого края—святѣйшему князю Потемкину.

Въ памятномъ штурмѣ Измаила, 11-го декабря 1790 г., допцы принимали болѣе значительное участіе, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ дѣлахъ. Здѣсь, какъ и въ первыя времена казачества, пѣшія дружины допцовъ шли на приступъ одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей, что было возможно лишь подъ начальствомъ Суворова, умѣнаго воскресить доблести, которыми прославили на весь міръ защитниковъ Азова. Къ славѣ ихъ внуковъ надо прибавить, что они шли почти безоружные, съ короткими пиками. Бригадиръ Орловъ велъ на валы Измаила 4-ю колонну, а Платовъ 5-ю; остальные казаки находились въ резервѣ. Эти чисто казачьи колонны потерпѣли больше дружихъ. Когда Платовъ спустился въ глубокой ровъ, казаки его колонны очутились по поясъ въ водѣ. Не смотря на это, презирая градъ пуль, осыпавшихъ ихъ справа и слева, казаки приставили лѣстницы и полѣзли наверхъ. Только что они успѣли вскарабкаться, какъ слышатъ позади страшные, потрясающіе крики: «Алла! Алла!», слышать, что тамъ, въ кро-

мѣшной тѣмѣ, идетъ глѣхая сватка, люди борятся на жизнь и смерть. То была колонна Орлова, разрѣзанная на двое. Когда часть оя успѣла подняться, распахнулись ворота, откуда хлынули янычары и ударили этой колоннѣ во флангъ и тылъ. Въ жаркой руконашной схваткѣ казачьи пики дробятся въ щепы или же превращаются въ тупыя палки. Несчастныо казаки гибнуть безоружныо, и погпбли бы всѣ до единого, не выручи ихъ Суворовъ. Эскадронъ гусарь и конные казаки, бывшіе въ резервъ, получили приказаніе врубиться сзади; съ праваго фланга прискакали два эскадрона карабинеръ, прибѣжали Полочане со своимъ храбрымъ полковникомъ Яцупскимъ. Ни одинъ турокъ тогда не спасся, всѣ легли лоскомъ; ихъ трупы, прикрывшіе казачьи тѣла, сравняли крѣпостной ровъ до земли. Послѣ такого побоища, обѣ колонны разстроились, перепутались; казакъ, растерявшіе столькохъ товарищей, упали духомъ; первый пылъ прошелъ. Тогда бригадиръ Платовъ, схвативъ лѣстницу, бросился впередъ, со словами: «Съ нами Богъ и Екатерина! Товарищи, за мной!» Онъ первый полѣзъ на валь. Точно волной перекинуло казаконъ вслѣдъ за любимымъ вождемъ. При помощи подоспѣвшаго на помощь баталіона бутскихъ егерей, они утвердились наверху, а часть донцовъ, пребравшись лощиной къ Дунаю, успѣла помочь десанту. Въ 8 часовъ утра, русскіе, стоя на валахъ, окружили крѣпость желѣзнымъ кольцомъ. Разсвѣло. Они отдохнули, оправились и стали спускаться въ городъ. Казаки наступали тѣмъ же путемъ, съ сѣвера. Труденъ былъ этотъ путь, труднѣе штурма, потому что турки встрѣчали ихъ на каждой площади, бросались съ ятаганами изъ боковыхъ улицъ, стрѣляли изъ домовъ и гостиницъ. На одной изъ городскихъ площадей казаки были окружены и опять очутились въ отчаянномъ положеніи; опять грозила имъ неминуемая гибель, если бы не подоспѣли на помощь тѣ же егеря. Только къ двумъ часамъ пополудни всѣ шесть колоннъ сомкнулись въ середнги города. Тогда 8 эскадроновъ карабинеръ и гусарь, да 2 полка казаконъ проѣхали по всѣмъ улицамъ и очистили ихъ окончательно.—Свидѣтели очаковского штурма считали его игрушкой по сравненію съ тѣмъ, что было здѣсь. Сражались мужчины, женщины, старцы — всѣ, кто только могъ держать оружіе; 30 т. русскихъ

КАЗАКИ.

6

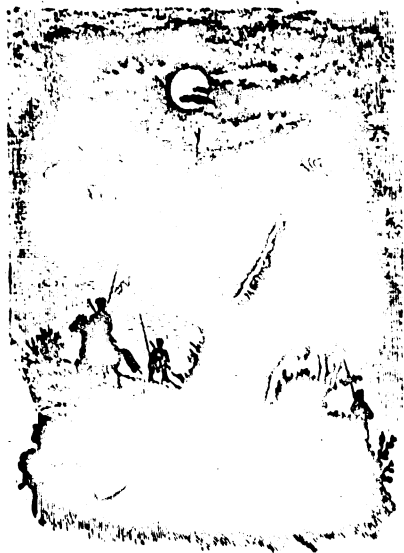
войскъ должны были подняться на высокіе крутые валы и одолѣть 40 т. турокъ, обрѣкшихъ себя на смерть. Никогда еще храбрость русскихъ войскъ не подвергалась такому испытанію: они вышли изъ него съ честью, со славой, при чемъ донцы не отстали отъ другихъ. Вѣсть о паденіи Измаила облетѣла всю Европу, привела въ ужасъ султана: это былъ самый надежный и послѣдній оплотъ его владѣній на берегахъ Дуная. Онъ сдѣлался податливѣе, пересталъ слушать подстрекателей и скоро сдался на миръ.

Участникамъ штурма досталась несмѣтная добыча; но брали только лишныя, да еще не взяли ничего самъ вождь. Офицеры подвели къ нему арабскаго коня чистѣйшей крови, въ богатомъ уборѣ, и просили взять на память о штурмѣ. «Нѣтъ, не нужно мнѣ его, возразилъ Суворовъ, донской конь привезъ меня, донской и увезетъ меня отсюда». — Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней побѣдитель покинулъ Измаилъ на допчакѣ, въ сопровожденіи казака, который держалъ подъ мышкой дашпный палашъ Суворова и узелокъ съ его мундиромъ и регалиями.

VII.

„Въ полѣ“.

лины и площади Варшавы, какъ всегда оживленныя, были переполнены спящимъ народомъ; солдаты Варшавскаго гарнизона частью говѣли, частью готовились торжественно встрѣтить праздникъ, какъ это

паданія повелось на Руси. Приближалась Пасха 1794 года. Время стояло хорошее; живительное солнышко уже согрѣвало по весеннему; въ топлыя, ясныя ночи не спалось въ душной казармѣ. Въ такую пору меньше всего думалось о бѣдѣ, а она, между тѣмъ, висѣла надъ головой русскихъ.

Въ 3 часа ночи, на страстной четвергь, солдаты польской конной гвардіи атаковали наши посты, захватили врасплохъ арсеналь и пороховой магазинъ. Когда оружіе было разобрано, загудѣлъ набатный колоколъ, призывая толпу къ избиенію. Раздались крики мятежной черни: «До брони (къ

оружію)! Бей москаля! Кто въ Бога вѣруеть, бей москаля!» Затрещали выстрѣлы, посыпались удары, застонали несчастныя жертвы. Къ ужасамъ этой ночи присоединился неистовый лай и вой испуганныхъ собакъ. Убивали всѣхъ встрѣчныхъ, врываются въ квартиры, разыскивая офицеровъ и главныхъ начальниковъ. Часть Кіевскаго полка была захвачена въ церкви, у заутрени, гдѣ безоружные солдаты не могли защищаться: ихъ всѣхъ перебили; другая часть, со своимъ генераломъ Тицковымъ, была окружена солдатами конной гвардіи, съ участіемъ черни. Офицеры не хотѣли сдаваться. Ихъ вырвали силой, заковали и заперли въ погребъ, гдѣ они оставались четверо сутокъ безъ пищи. На 1-й день Пасхи ихъ хотѣли перенести въ другое мѣсто—народъ не допустилъ: набросились на нихъ съ нагаками и перебили всѣхъ до одного. Въ то же время 1-й батальонъ Сибирскаго полка, съ генераломъ Миланевичемъ, отбивался картечью у костела св. Креста противъ цѣлаго полка Дзюлковскаго. Русскіе дрались отчаянно. На нихъ сыпались удары изъ оконъ соседнихъ домовъ, съ крышъ, костеловъ, съ башни, даже изъ кадетскаго корпуса: чуть только русскій наготовитъ фитиль, его сейчасъ же сверху убивали. Раненый Миланевичъ былъ взятъ въ полонъ, принялъ команду князь Гагаринъ. Какой-то кузнецъ хватилъ его жѣлзною шиной и убилъ нановаль. Сбитые въ кучу, сибирцы стали пятиться, при чемъ столкнулись со 2-мъ батальономъ своего же полка, который, не распознавъ въ дыму товарищей, принялъ ихъ за враговъ. Въ 7 час. утра уже была атакована толпами черни и оставшихъ солдатъ главная квартира, мѣстопробываніе генерала Нгельнтрома. Хотя ихъ отбили пушками, но отдѣльные, разбросанные по городу отряды остались безъ руководства; адъютанты, которыхъ разсылали начальники, чтобы получить приказанія, не возвращались, потому что попадали въ руки мятежниковъ. Наконецъ, кое-какъ, изъ восьми тысячъ войскъ пробились за городъ только пять, и то безъ артиллеріи, безъ офицеровъ. Между тѣмъ, главнокомандующій, ничего не зная, съ часу на часъ поджидать себѣ выручки. Наступила ночь. По улицамъ валялись трупы, стопали раненые; никто ихъ не подбираетъ, надъ ними еще гѣшились. Въ разныхъ мѣстахъ мятежнаго города раздавались выстрѣлы, били барабаны,

звонили колокола, слышались крики: «Да здравствует Косцюшко!» Луна тихо освѣщала эти безобразія. Съ разсвѣтом нападеніе на главную квартиру усилилось: пули сыпались дождемъ. Тогда Игельстромъ рѣшился пробиться. У него было 3 баталіона, сильно утомленныхъ, третій день по бѣвшихъ солдатъ. Какъ сквозь строй отрядъ пробивался, то при помощи штыка, то при помощи картечи; для уменьшенія потерь, пробирались пустырями, скрывались въ глухіе переулки. Полковникъ Парфентьевъ былъ оставленъ защищать главную квартиру съ 400 солдатъ. Они проявили мужество достойное того, чтобы сохранить о нихъ память. Перестрѣлявши патроны, солдаты заряжали ружья мелкою монетой; потомъ взялись за пистолеты. Когда поляки подожгли домъ, защитники пытались пробиться: они ударили тѣсною кучкой, но, наткнувшись на тысячную толпу, снова должны были укрываться, и теперь уже черезъ окна, потому что двори пылали въ огнѣ. Тутъ ихъ перестрѣляли по одиночкѣ, а которые успѣли скрыться, задохлись въ дыму.

Вслѣдъ за Варшавой возстали Вильно, Гродно; возмущеніея поляки, помимо своего короля, вызвали изъ-за границы Косцюшку и вручили ему верховную власть. Вся Польша возстала. У кого недоставало оружія, тому давали косу и ставили въ заднюю перенгу; въ церквяхъ забирали серебряные и золотые сосуды, чеканили изъ нихъ монету. Однако Косцюшко не давалъ воли мятежной черни и старался подворить въ странѣ порядокъ. Узнавши, что въ Варшавѣ были повѣшены нѣсколько русскихъ плѣнниковъ, Косцюшко строго наказалъ виновныхъ и не побоялся сказать въ лицо буішой толпѣ: «Я уважаю русскихъ, хотя они наши непріятель. Всѣхъ плѣнныхъ я принимаю подъ защиту моего меча, и если кто-нибудь изъ васъ посмѣетъ коснуться хоть одного изъ русскихъ, то вы не увидите больше Косцюшки!» — Его армія увеличилась до 70 тыс. и была раздѣлена на 5 корпусовъ различной силы, начиная съ 23-хъ-тысячнаго корпуса самого Косцюшки.

Ближе другихъ русскихъ отрядовъ стоялъ Денисовъ у Радома; остальные лишь сближались къ предѣламъ Польши. Это былъ тотъ самый Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, который въ сраженіи при Ларгѣ на бѣломъ конѣ и въ голубомъ каф-

ташъ носился вихремъ въ погонѣ за турками. Румянцевъ его замѣтилъ: «Кто ты таковъ?» — «Казакъ Денисовъ», отвѣчалъ лихою наѣздникъ. Въ шведской войнѣ Денисовъ съ шестью донскими полками и однимъ гѣхотнымъ бросился на десяти-тысячную армию короля, разбить ее, перебросилъ черезъ р. Юмень, при чемъ отнялъ всю артиллерию. Своимъ быстрымъ наступленіемъ Денисовъ заставилъ короля просить мира, а въ Петербургѣ въ это время ждали его нападенія, боялись за столицу.

— Какъ вы осмѣлились съ горстью людей напасть на короля? спросила его однажды Императрица.

— Смѣлость, Ваше Величество, отворяетъ ворота къ побѣдѣ, отвѣтилъ Денисовъ.

Теперь въ его отрядѣ находились полки Иловайскаго, Орлова, Янова, Андріяна Денисова, Лаццилина и Карпова. Искуснымъ движеніемъ черезъ лѣса и болота Денисовъ пробрался на соединеніе съ пруссаками, и общими силами союзники напали на Косцюшку подѣ Шкоциномъ, на р. Плициѣ. Наканунѣ битвы, когда поляки уже порестроились въ боевой порядокъ, ихъ конный разѣздъ въ 3 или 4 сотни выѣхалъ впередъ версты за полторы. Казаки его замѣтили. Николай Васильевичъ Иловайскій выстроилъ одну сотню, отдалъ приказанія офицерамъ и, взявши въ руки пику, скомандовалъ: «Ну, любезные друзья, впередъ!» Поляки было приговорились, обнажили палаши, но не успѣли они опомниться, какъ Иловайскій, отхвативъ 50 чел., погналъ ихъ назадъ, да столько же уложилъ на мѣстѣ. Свидѣтелями этой удали были прусскіе офицеры, которые говорили послѣ Денисову, что никогда не видѣли ничего подобнаго. Андріянгъ Денисовъ, будущій атаманъ казачьихъ войскъ, котораго Суворовъ называетъ попросту «Карпычемъ», получилъ передъ сраженіемъ приказаніе достать языка. Казакъ его полка Быкодаровъ подговорилъ нѣсколько товарищей и выѣхалъ съ ними за цѣпь, самъ — впереди. Дѣло было среди бѣла дня. Ихъ замѣтили два польскихъ улана, повернули назадъ и, проскочивши всю цѣпь, крикнули, что за ними погоня. Часовой, должно быть, не разобралъ въ чемъ дѣло, да и синій мундиръ казака сбиль его съ толку, потому что у нихъ тоже синіе мундиры. Быкода-

ровъ подскочилъ къ нему, выхватилъ у него саблю, пистолеты, и пока онъ съ нимъ возился, подѣхали товарищи. Втроемъ онъ окружили часового и поскакали назадъ.

Послѣ Щекочиша казаки насѣдали на поляковъ весь путь до Варшавы, при чемъ не упускали ни одного случая отобрать или разбить отдѣльный отрядъ. Иногда поляки пускались на выдумки. Въ одномъ селеніи на р. Пилницѣ крестьяне упросили Денисова, чтобы онъ разрѣшилъ имъ выпастъ скотъ на пастбу передъ нашими пикетами. Денисовъ позволилъ. Черезъ нѣсколько времени раздался на пикетахъ выстрѣлъ, означавшій тревогу. Иловайскій поскакалъ съ резервомъ узнать, въ чемъ дѣло, но наткнулся на неприятеля въ шесть разъ сильнѣйшаго. Оказалось, что поляки, завидя скотъ, прошли лѣсомъ, потомъ слѣзли съ лошадей, смѣшались со скотомъ и, понуривъ головы, шли между нимъ мимо нашихъ пикетовъ, какъ будто къ водою. Одинъ изъ казаковъ смекнулъ эту штуку и выстрѣлилъ. Иловайскій гналъ ихъ тогда болѣе двухъ верстъ, даже плѣнныхъ захваталъ.

Приблизившись къ Варшавѣ поляки заняли укрѣпленія, а русскію и пруссаки расположились кругомъ. Между шанцами и нашими пикетами ходилъ непріятельскій скотъ, подъ небольшимъ прикрытіемъ. Нѣсколько офицеровъ «казачьимъ манеромъ», тихонько подкрались къ стаду и отбили болѣе 200 головъ. До чего доходила удача донцовъ можно видѣть по слѣдующему примѣру. 20 іюля польская компица сдѣлала нападеніе на нашу батарею, только что еще устроенную, но пока невооруженную. Поляковъ отбили; казаки, какъ всегда,— въ догонку. Въ жару погоня Денисовъ занесся такъ далеко, что попалъ въ середину непріятельской пѣхоты. Онъ уже поднялъ ногу, хотѣлъ слѣзть, считая себя въ плѣну, только слышитъ изъ-за фронта знакомые голоса: «Батюшка! не бойся: мы здѣсь!» Тогда Денисовъ круто повернулъ лошадь, вырвался изъ каре и встрѣтилъ около 20 ч. своего полка казаковъ. Вместе съ ними онъ ускакалъ въ виду изумленныхъ поляковъ, пославшихъ въ догонку съ десятковъ пальныхъ пуль. Дѣло объяснилось послѣ: майоръ Грузиновъ поскакалъ вслѣдъ за Денисовымъ и какимъ-то чудомъ выручилъ пылкаго начальника.

Въ началѣ сентября король прусскій, соскучивъ осадой,

отошелъ отъ Варшавы, послѣ чего и русскія войска, подъ начальствомъ генерала Ферзена, потянулись лѣвымъ берегомъ Вислы. Во что бы то ни стало, надо было перейти на эту сторону, потому что навстрѣчу наступалъ уже Суворовъ; но поляки, идя правымъ берегомъ, зорко слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ. И тутъ выручили казаки. По приказанію Ферзена часть дошновъ съ когно-егерскимъ полкомъ ушла впередъ, къ Пулавамъ, какъ будто приготовить переправу, а въ это время весь остальной корпусъ собрался ниже, у Козенницы. Пока вязали плоты, пока стояли съ окрестныхъ деревень лодки, поляки насыпали на другомъ берегу батарею. Наконецъ, все готово, заговорили пушки. Послѣ канонады съ обѣихъ сторонъ Иванъ Карловъ и Серебряковъ получили приказаніе переправить свои полки противъ польской батареи. Казаки сняли съ себя мундиры, разсѣдали лошадей и, выскочивъ изъ лѣсу, съ одѣями лишь пиками, ринулись прямо въ Вислу. Поляки такъ оробѣли, что покинули всѣ пушки и бѣжали. Послѣ этого корпусъ Ферзена переправился безъ всякой помѣхи. Казаки уже успѣли развѣдать правый берегъ и узнать, что неподалеку отъ мѣста переправы, на болотистой равнинѣ, окруженной лѣсами, стоитъ готовый къ битвѣ цѣлый польскій корпусъ. Это былъ самъ Косцюшко. Его позиція была прикрыта съ фронта окопами, справа — лѣсами, а лѣвый флангъ оставался открытъ. Вечеромъ 27 сентября генераль Денисовъ съ отрядомъ пѣхоты, съ 10 эскадронами конницы и всѣми казачьими полками, при 8 пушкахъ, двинулся въ обходъ лѣваго фланга, черезъ лѣса. Самъ Ферзень съ остальными войсками выступилъ въ полночь къ д. Мацевлицамъ прямо черезъ болота. На разсвѣтѣ наши перестроились въ боевой порядокъ и двинулись, подавая правый флангъ впередъ. Поляки отбили первый натискъ и перешли въ наступленіе. Тогда Ферзень выдвинулъ 14 батальоновъ грозной русской пѣхоты. Безъ выстрѣла она бросилась на окопы, быстро ими овладѣла, и уже послѣ того никакая картѣчь не могла ее оттуда выбить. Поляки отошли на полверсты, устроились снова, но въ это время у нихъ на лѣвомъ флангѣ появился Денисовъ. Два казачьихъ полка понеслись вправо, а когно-егерскій, со своимъ слѣдымъ командиромъ Вульфомъ, забралъ влѣво. Тѣ и другіе,

какъ бы соревнул, врубилсь въ ряды непріятельской пѣхоты, растоптали ее, уничтожили, и лишь одни артиллеристы, совершенно покинутые, продолжали поворачивать свои пушки, поражая насъ картечью; наконецъ, и артиллерія смолкла. Тогда самъ Косцюшко, ставъ на челѣ своей конницы, пытался остановить побѣдное движеніе русскихъ. Напрасно: польская пѣхота бросала оружіе, конница спасалась бѣгствомъ, и послѣднему защитнику нѣкогда вопиственной Польши оставалось то же самое—уходить. Онъ ускакалъ въ сопровожденіи десятка уланъ. По его слѣдамъ пустились Харьковскаго полка корнетъ Лисенко, Елисаветградскаго корнетъ Смородскій да два казака, Лосевъ и Топилнигъ. Своей тяжелой рукой Лисенко одиѣ зарубилъ пять уланъ, остальные разбѣжались. Вихремъ неслись кони. Покинувъ дорогу, Косцюшко взялъ вѣлво, запрясла, но тутъ конь его споткнулся и упалъ. Казаки дали ему два удара пикой; Лисенко хватилъ по головѣ саблей, послѣ чего сейчасъ же его призналъ: «это Косцюшко?» — «Я Косцюшко, воды!» Одинъ изъ казаковъ побѣжалъ за водой, но пока ее принесъ, польскій вождь впалъ въ безпамятство. Тогда казаки сдѣлали изъ него носилки и бережно его понесли. Рассказывали, что Косцюшко, очнувшись, пожелалъ видѣть виновника своего плѣна. Когда предсталъ предъ нимъ исполненной силы богатырь-корнетъ, Косцюшко пожалъ ему руку и успокоился.

Суворовъ, узнавши о его плѣнѣ, воскликнулъ: «Слава Богу! Косцюшко взятъ, и Польша наша!» Дѣйствительно, въ сраженіи подъ Мацеевицами, которое русскіе ветераны прозвали «рѣзаншпой», лучшія польскія войска потеряли всю артиллерію, обозъ, 6 т. убитыхъ; кромѣ того, остались въ плѣну Сѣраковскій, Кпяжевичъ, Косинскій около 200 офицеровъ и 2 т. солдатъ. Уцѣлѣли лишь небольшіе отряды Вавржоцкаго да Поппинскаго, того самаго, который защищалъ переправу черезъ Вислу. Они спасались теперь въ Варшаву. За ея окопами поляки надѣялись удержаться, затянуть войну, а тамъ—что Богъ дошлетъ. Но этимъ они могли только тѣшить себя, того не подозревая, что наступали послѣдніе дни существованія Польши. Суворовъ спѣшилъ прикончить мятежъ; сподвижники его славныхъ походовъ, украшенные крестами за

Кинбургъ, Рымникъ, Очаковъ, Измайлъ,—посли на штыкахъ грозную мечь за гибель своихъ братьевъ, истребленныхъ на ушцахъ Варшавы. Шибко шли они отъ турецкой границы, по-суворовски; самъ генераль ѣхалъ весь путь до Варшавы верхомъ; за нѣскольکو верстъ впереди, по обыкновению, рысели казаки, подъ начальствомъ Исаева. Въ началѣ похода ихъ было всего 2½ сотни, но потомъ, съ присоединеніемъ всѣхъ остальныхъ отрядовъ, число казаковъ возросло до 2½ тысячъ. Они срывали польскіе разѣзды, открывали расположеніе и силы непріятели, наконецъ, вмѣстѣ съ прочими войсками, участвовали въ кровавомъ штурмѣ Праги.

Съ высоты трона великая Императрица заботливо слѣдила въ продолженіе своего долгаго и славнаго правленія за подвигами донцовъ на отдаленныхъ окраинахъ русской земли. Она благоволила къ донскому войску, цѣнила его вѣковую вѣрность, почитала его доблести, что видно изъ его собственныхъ словъ: «Войско донское безстрашно ходило на приступы и опровергало превосходныя силы непріятели въ польскихъ сраженіяхъ».—Въ 1793 году войску была пожалована Высочайшая грамота, въ которой подтверждались его права на вѣчное владѣніе принадлежащими ему землями. Депутаты отъ войска удостоились получить эту грамоту изъ собственныхъ рукъ Государыни, вмѣстѣ съ картою войсковыхъ земель и хлѣбомъ-солью. На обратномъ пути депутатовъ чествовали по стариннымъ обычаямъ. На границѣ войска ихъ ждалъ почетный караулъ; въ Черкаскахъ ихъ встрѣчали колокольнымъ звономъ, пушечной пальбой. Когда смолкъ громъ орудій, царскую грамоту и хлѣбъ-соль внесли въ войсковой кругъ; дѣль прочесть ее вслухъ, войсковой атаманъ поцѣловалъ Высочайшую надпись. Послѣ торжественнаго молобна носъ кругъ двинулся къ дому войсковаго атамана, гдѣ пожалованная хлѣбъ-соль была раздѣлена на 6 равныхъ частей, изъ которыхъ одну раздѣрили на мелкіе кусочки по числу присутствующихъ; остальные части были разосланы по станицамъ. Воздѣ такъ жо торжественно встрѣчали царскую грамоту, вычитывали ее на полныхъ станичныхъ сборахъ, послѣ чего дѣлили царскую хлѣбъ-соль между всѣми станичниками.

Въ царствованіе сына и преемника Екатерины 6 донскихъ

полковъ былись подь начальствомъ того же Суворова въ Ита-
ли, выручали русскія войска въ горахъ Швейцаріи, по объ-
этихъ славныхъ дѣлахъ рассказано въ другомъ мѣстѣ *).

Въ послѣдній же годъ царствованія Императора Павла
Петровича войско донское выставило еще не бывалое до того
времени ополченіе въ памятный походъ «къ сторонѣ Орен-
бурга». Атаманъ Орловъ отдалъ приказъ по войску, чтобы
«всѣ донцы до послѣдняго непременно въ 6 дней выступили
о-дву-конь съ полторомѣслнымъ провіантомъ». И дѣйстви-
тельно, собирались и вооружались всѣ до послѣдняго: станцы
оставались безъ писарей, церкви безъ чтоповъ. Не были за-
быты и донскіе калмыки, которымъ также было приказано,
всѣмъ безъ исключенія, подняться въ дальній походъ. Распо-
ряженія къ таинственному походу дѣлались спѣшно. Въ Орен-
бургѣ скупались верблюды для перевозки тяжестей по Кир-
гизской степи, изъ казны было отпущено на жалованье, про-
віантъ и фуражное довольствіе 2½ милліона рублюй, «коп,
писать Государь, должны быть возвращены изъ добычи той
секретной экспедиціи». — Атаманъ выслалъ въ Оренбургъ на-
дежныхъ офицеровъ, чтобы они секретно разузнали, какіе есть
пути для прохода войска черезъ степи киргизскія до Хивы,
а оттуда къ Бухарѣ и далѣе въ Индію. На Дону же немногіе
знали, что это за Индія? Не знали, что поперекъ дальняго
тысячнаго пути протекають широкія многоводныя рѣки; раз-
стилаются песчаныя безводныя пустыни, возвышаются къ небу
заоблачныя, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ горы, и что только
преодоливши всѣ эти трудности, можно понасть въ страну
алмазовъ и жемчуга, туда, гдѣ произрастають пальмы, дра-
гоцѣнныя сандалныя деревья, гдѣ водятся слоны, тигры,
обезьяны и самыя красивыя въ мірѣ птицы, однимъ словомъ —
въ Индію, которую захватилъ англичано. Про все это мало
кто знаетъ. Тѣмъ не менѣе, черезъ мѣсяць послѣ царскаго
указа 22½ т. донцовъ были уже въ сборѣ. Когда ихъ раздѣ-
лили по полкамъ, оказалось 41 полкъ и двѣ роты конной
артиллеріи. Перекрестившись, казаки поклонились въ родную
землю и повернули коней на восходъ солнца: не многіе тащ

* См. «Походы въ Итали» и «Швейцарскій походъ» — «Отечествен-
ные героическіе рассказы». стр. 207 и 225.

смутную надежду вернуться назадъ. Донцы двинулись къ Оренбургу четырьмя отрядами, подъ общимъ начальствомъ атамана Орлова. Какъ во времена Пугачевщины, Донъ опустѣлъ: остались бабы, дѣти да калѣки безногіе.

Государь, получивши доносошіе о выступленіи донскаго войска, остался чрезвычайно доволенъ. Онъ приказалъ объявить донцамъ Высочайшее благоволеніе «за готовность къ выступленію, за исправность а равно пожелалъ имъ счастливаго похода и успѣха». Еще раньше того, Государь обѣщать всѣ богатства Индіи въ пользу донцовъ.

Стояла жестокая стужа; дороги отъ множества снѣга были непроходимы, особенно для артиллеріи; сильныя встрѣчныя вѣтры бѣсѣвали на широкомъ просторѣ степей. Бьются цѣлый день казаки, придуть на почлегъ, а обогрѣться негдѣ, измученнымъ конямъ нѣтъ корма. Въ Саратовской губерніи были передъ этимъ неурожай, почему ни за какія деньги нельзя было достать ни сѣна, ни овса. Боялись, что лошади совсѣмъ оголодаютъ. Наступилъ мартъ, снѣга стали таять, рушились рѣчки. Казакамъ приходилось ежедневно то складывать живые мосты черезъ иржавшія рѣчки, то переходить ихъ въ бродъ или же пускаться на-авось по тонкому льду, проваливаться и вовсе тонуть. Иные полки ежедневно мѣняли свои маршруты, выгадывая, гдѣ бы лучше пройти. Проходили недѣли, и атаманъ не зналъ, гдѣ его полки находятся. Много потерѣлись тогда донскіе казаки! Однако на 24-й день похода войско остановилось на р. Ирпизѣ, за которымъ разстилалась безъ краю ровная, какъ скатерть, киргизская степь. Былъ пройденъ путь въ 700 верстъ, а сколько оставалось—про то никто не вѣдалъ. Тутъ довелось казакамъ встрѣчать Христовы праздники. Подъ открытымъ небомъ они прослушали божественную службу, похристосовались, разговѣлись по-походному и окружили атамана. На этотъ разъ его лицо, истомленное тревогами за судьбу дальняго похода, имѣло видъ необычайный: важный, торжественный. Всѣ притаили дыханіе, когда атаманъ развернулъ какіи-то бумаги и сталъ читать сначала одну изъ нихъ: то была Высочайшій манифестъ о воцѣщеніи на престолъ новаго Императора; въ другой бумагѣ заключалось повелѣніе о немедленномъ возвращеніи казачьихъ полковъ на Донъ.—

«Жалуешь васъ Богъ и Государь родительскими домами!» много разъ повторять атаманъ смѣлявшимся одна другую толпамъ казаковъ, изъ которыхъ каждому хотѣлось удостовѣриться въ подлинности того, о чемъ онъ кругомъ слышитъ, а ушамъ не вѣрять... Повернулъ въ обратный путь, и хотя было все то же, но переносилось легче; въ апрѣлѣ казаки уже разошлись по домамъ, и, что отраднѣе всего, вернулись въ добромъ здоровьѣ, покинувъ въ степяхъ самую малость могильныхъ крестовъ.

Еще не успѣли дощцы позабыть киргизскихъ степей, какъ ихъ двинули на другой конецъ, къ берегамъ Нѣмана и дальше, на знакомыя отцамъ поля Германіи. На этотъ разъ довелось встрѣтить войска болѣе искусныя, чѣмъ нѣмцы, привыкшія къ побѣдамъ, предводимыя лучшимъ полководцемъ Европы. Рѣчь идетъ о французяхъ, ихъ императорѣ Наполеонѣ. Почти во все продолженіе великихъ войнъ Императора Александра на челѣ казачьихъ полковъ стоялъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, «вихрь-атаманъ», — какъ звали его въ ту пору. Какъ зоркій орелъ съ поднобесья намѣчаетъ себѣ добычу, такъ и казачій атаманъ, внимательно слѣдившій за ходомъ битвы, вдругъ расправлялъ свои могучія крылья: по его слову, по его знаку летѣли казачьи полки — то въ тылъ, то во флангъ, то настрѣчу врагу; причиняли ему замѣшательство, били, пали, вырывали изъ рукъ готовую побѣду. А французы, къ тому же, были заносчивы, на казаковъ смотрѣли свысока; въ походѣ и на бивакахъ не соблюдали осторожности, дрались въ бою запальчиво, короче сказать, промаховъ дѣлали много, но ни одинъ промахъ не проходилъ имъ даромъ. Если они отступали, казаки сидѣли у нихъ на хвостѣ, при наступленіи — казаки ихъ сдерживали, скрывали передвиженіе своей арміи; наконецъ, когда французы располагались по квартирамъ, казаки не давали имъ отдыха, держали въ полной готовности къ бою. Французы не знали, когда, откуда и въ какомъ числѣ появятся казаки. Они возманидѣли ихъ, а вноспѣдствіи стали бояться. Наполеонъ сказалъ про казаковъ, что это посрамленіе рода человѣческаго. Онъ не зналъ, какъ и чѣмъ отъ нихъ оборониться.

Императоръ Александръ Павловичъ воевалъ съ французами три войны: въ первой войнѣ онъ хотѣлъ помочь австрійцамъ,

во второй — пруссакамъ; въ третьей войнѣ намъ самимъ пришлось обороняться.

Наполеонъ обладалъ тѣмъ великимъ даромъ полководца, что умѣлъ всегда упередить противника; пока тотъ собирается съ силами, пока придумаетъ, съ чего начать, ужъ онъ окруженъ французскими войсками и, волей-неволей, долженъ принять бой. Такъ же случилось и съ нашими союзниками: когда мы являлись къ нимъ на помощь, они уже были разбиты, и вся тяжесть войны падала на русскихъ. Последній разъ дѣло стояло еще хуже, потому что Наполеонъ раскаталъ пруссаковъ въ одинъ и тотъ же день въ двухъ сраженіяхъ и занялъ ихъ столицу, Берлинъ. Пруссія очутилась въ самомъ безпомощномъ положеніи; изъ-за нея приходилось на свой страхъ начинать новую войну.

Соблюдая осторожность, наша армія то наступала къ Вислѣ, то отходила къ своимъ границамъ, смотря по обстоятельствамъ, при чемъ случались мелкія схватки, бывали и жестокіе бои, когда обѣ стороны сходились всѣми силами. Въ этой войнѣ казаки, которыхъ считалось 13 полковъ, имѣли много случаевъ показать, на что они способны.

Въ концѣ января 1807 года, среди зимы, на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ, возлѣ прусскаго городка Прейсишъ-Эйлау происходила кровопролитная битва, которую можно уподобить развѣ только Бородинскій: безъ малаго 50 тысячъ убитыхъ и раненыхъ устали мѣсто двухдневнаго побойща. Сраженіе кончилось ни въ чью, но Наполеонъ, чтобы показать, что онъ взялъ верхъ, простоялъ на мѣстѣ 9 дней, послѣ чего также отступилъ. Отступление его войскъ совершалось такъ торопливо и въ такомъ безпорядкѣ, что по слѣдамъ арміи валялись раненыя, умирающіе, торчали фуры, повозки, даже попадались пушки. Казаки, подъ начальствомъ Платова, шли по нитамъ французовъ, не давая имъ отдыха ни на bivуакахъ, ни на квартирахъ. Французская конница до того обезсилѣла, что перестала вывѣжать на аванпосты, почему нашему авангарду всегда приходилось имѣть дѣло съ пѣхотой. Въ первыхъ числахъ февраля Платонъ выгналъ французовъ изъ г. Прейсишъ-Эйлау, при чемъ освободилъ изъ плѣна болѣе тысячи русскихъ; кромѣ того, въ продолженіе мѣсяца казаки сами захватили въ мел-

кихъ схваткахъ 2,200 французовъ, въ томъ числѣ до 40 офицеровъ. Французы во время зимней стоянки умаялись больше, чѣмъ за время походовъ. Дошцы, какъ шмели, кружились вокругъ доросень, срывали пикеты, хватали плѣнныхъ, отбивали продовольствіе и этой малой войной держали непріятеля въ вѣчной тревогѣ. Французская пѣхота въ самое ненастное время проводила дни и ночи на бивуакахъ въ ожиданіи казаковъ. Съ этого времени за Платовымъ утвердилась слава лихого атамана, слава, которую онъ сохранилъ до конца своей боевой жизни.

Съ открытіемъ весны набѣги казаковъ становятся все чаще и чаще; они проникаютъ въ глубь квартирнаго расположенія французской арміи, тревожатъ главныя квартиры ея маршаловъ. Однажды Платовъ переправился черезъ рѣчку Омудой и послалъ три полка подъ начальствомъ Карпова 1-го вправо, 4 полка съ Иловайскимъ влѣво, а самъ двигался по серединѣ, чтобы, смотря по надобности, поддержать того или другаго. Казаки Карпова встрѣтили непріятеля въ двухъ колоннахъ; одну разогнали, а другая отбилась отъ нихъ пушками. Иловайскій наткнулся на конницу; тутъ былъ старшій уланскій полкъ Домбровскаго и еще 15 эскадроновъ сборныхъ. Казаки притворнымъ отступленіемъ завлекли ихъ подальше отъ пѣхоты, построили лаву и живо охватили оба фланга. Послѣ короткой схватки французы повернули назадъ; казаки—за ними и гнали ихъ, на глазахъ своего атамана, больше шести верстъ. Плѣнными такъ были напуганы, что полковникъ графъ Стаховскій упалъ въ ноги Иловайскому съ просьбой о пощадѣ. — При всякомъ удобномъ случаѣ казаки пускали въ ходъ свои обычные споровки. Въ ночь на 14-е мая Г. М. Иловайскій 4-й отрядилъ сотню казаковъ съ приказаніемъ залечь имъ въ лѣсу, а утромъ выслать 30 чел. къ д. Альтонъ-Кирхоигъ выманить французовъ. Какъ ни задирали казаки, конница не поддавалась; вмѣсто того выступила пѣхота «въ большомъ числѣ», за которой слѣдовало конное прикрытіе. Казаки искусно завели пѣхоту на свою засаду. Подполковникъ Бѣлогородцевъ выскочилъ изъ лѣса, ударилъ своею сотнею непріятелю во флангъ: французы разбѣжались, 40 чел. осталось въ плѣну. Для черогъ три послѣ этого есаулъ Болдыревъ съ небольшимъ отрядомъ

подползъ къ самымъ бивуакамъ: сдѣлавши залпъ, казаки уложили человекъ 20 и ускакали въ лѣсъ. Пока французы ознакомились,—ихъ и слѣдъ простыль.

Любопытна первая встрѣча казаковъ съ французскими кирасирами, или, какъ ихъ называлъ Наполеонъ, «желѣзными людьми». Это случилось въ сраженіи подъ г. Гейльсбергомъ, гдѣ наша армія отбивалась цѣлый день въ своихъ окопахъ; казаки, по обыкновенію, тревожили тылъ и флангъ французовъ. Денисову пришлось стоять съ бригадой за болотистымъ ручьемъ. Онъ уже сдѣлалъ пять атакъ и теперь приводить въ порядокъ разстроеныя сотни.

— Латники! Латники! заговорили вдругъ казаки, завидя на томъ берегу 2 эскадрона «желѣзныхъ людей». Кирасиры перешли ручей и вразсыпную атаковали доищовъ. Первый ударъ былъ жестокъ, казаки подались, но такъ же скоро оправдлись, окружили латниковъ и стали колоть ихъ пиками. Однако наконецъкики нулись, даже вовсе ломались; кирасиры сбѣгли доищовъ своими тяжелыми палашиами, ударъ за ударомъ, точно топорами. Казацкая смѣтка и тутъ взяла верхъ: «Колпакъ долой!» крикнуть кто-то въ свалкѣ, и казаки начали сбивать имъ шишаки, послѣ чего смѣло били по головамъ и вышибали изъ сѣделъ. Кирасиры, «расторявъ головы», опрометью пустились назадъ, но изъ двухъ эскадроновъ едва ли ушла одна треть. Казацкой удали не было границъ, что можно подтвердить еще однимъ примѣромъ. Войсковой старшина Ефремовъ палетѣлъ средъ бѣла дня на французскаго маіора, который имѣлъ неосторожность отъѣхать отъ своего баталіона и стоялъ въ сторонкѣ, о чемъ-то задумавшись. Въ одинъ мигъ онъ лишился сабли, его лошадь подхвачена за поводъ, и онъ скачетъ, самъ не зная куда, невѣдомо съ кѣмъ. Долго маіоръ не могъ понять, какъ это онъ, не покидая баталіона, очутился въ плѣну?

Подъ Гейльсбергомъ наши отбились отъ французовъ, но спустя нѣсколько дней были разбиты подъ Фридрихсборгомъ. 36 французскихъ орудій подъѣхали сначала на 600 шаговъ, потомъ придвинулись на полтораста и открыли такой губительный огонь, что наша артиллерія умолкла, 1-я линія дрогнула, изъ 2-й линіи бросились полки Лейбъ-Егерскій, Измайловскій

и Конно-гвардейскій, по съ мѣста были разстроены. Измайлоницы потеряли въ нѣсколько минутъ 400 челов., и гбѣя-то всего 500. Напрасно Багратионъ, Раевскій, Багговутъ, Марковъ, Ермоловъ, наши лучшіе генералы, пытались водворить порядокъ въ той ужасной тѣспотѣ, въ какой очутились русскія боевыя линіи. Князь Багратионъ обнажилъ даже свою шпагу, что дѣлалъ онъ чрезвычайно рѣдко; напрасно онъ ободрялъ Московскій Гренадерскій полкъ, остатки котораго окружали его лошады. Онъ напоминалъ Италію, походы, славныя битвы — нѣтъ, ничего не помогало: французскія колонны валили впередъ съ криками: «Да здравствуетъ императоръ!» — Тогда князь Багратионъ началъ переправлять войско на лѣвый берегъ Алле; мосты уже были объаты пламенемъ. Наши потеряли подъ Фридландомъ 15 т. и десятка полтора орудій.

Война была кончена, русскіе отступали къ Нѣману. На всемъ этомъ длинномъ пути казаки, вмѣстѣ съ башкирами, Павлоградцами и 1-мъ Егерскимъ полкомъ, прикрывая движеніе арміи, дали ей возможность отступить въ порядокъ, сберегли ея артиллерію, обозы. Особенно стремительно наступали французы на третій день послѣ сраженія. Платовъ устроилъ въ лѣсу засѣки, за которыми посадилъ спѣшенныхъ казаковъ. Дружнымъ залпомъ изъ-за первой засѣки дошцы задержали наступленіе непріятельской пѣхоты; когда же подѣхала къ ней артиллерія, они отошли за вторую засѣку, потомъ за третью; тѣмъ временомъ русскій арріоргардъ успѣлъ порядочно уйти. Французы послали въ обходъ конницу. Тогда Платовъ покинулъ лѣсъ, отошелъ къ деревнѣ Битеневъ, гдѣ устроились находившіеся при немъ полки къ бою. Французскіе эскадроны приближались на рысяхъ. Дошцы встрѣтили ихъ длинной лавой, сбили, вогнали въ лѣсъ, откуда вскорѣ раздались залпы пѣхоты, артиллеріи и появились цѣлыя колонны. Платовъ тотчасъ отступилъ. Французскіе фланкеры сторяча заскакали впередъ—это не прошло имъ даромъ: казаки пореловили ихъ всѣхъ до единого на глазахъ непріятели.—Такъ отважно и неутомимо прикрывали дошцы наши разстроенные, утомленные полки. Но и сами они потерпѣлись не мало. Край былъ раззоренъ, обезлюденъ; если гдѣ и уцѣлѣли кое-какіе запасы, то нѣмцы тщательно ихъ укрывали, закапывая въ ямы, чтобъ

ничего не досталось русскимъ. Ни хлѣба, ни овса, даже со-
ломы нельзя было достать въ страгѣ, призвавшей насъ на по-
мощь. На что ужъ казаки промыслили мастера—и тѣ по цѣ-
лымъ днямъ оставались не ѣвши; лошадки подбились, ото-
щали — и такъ шли до самаго Нѣмана, гдѣ война прикончи-
лась Тильзитскимъ миромъ. Допцы были утѣшены и вознагра-
ждены царскими милостями. Въ похвальной грамотѣ 1811 года
Государь такъ отзывался объ ихъ службѣ: «Врожденная бди-
тельность донскихъ воиновъ, на полѣ брани воспитанная,
исчисляла всѣ движенія, наблюдала предпріятія, предупреждала
сокровещнѣйшія намѣренія непріятели и недремлющимъ окомъ
главнокомандующему служила». При этой же грамотѣ было
пожаловано отъ лица благодарнаго отечества знамя «съ изо-
браженіемъ отличныхъ дѣяній войска Донскаго».

УШ.

Станичный бытъ донцовъ.

Донской казакъ въ старину.

плетнемъ, перепутаннымъ терновникомъ, отчего эти первые поселенія и назывались городками. Наконецъ, настала пора, когда уже не было надобности поддерживать даже такую зыбкую ограду: лѣтъ около 200 тому назадъ, бывшіе городки,

По мѣръ того, какъ казачество умножалось приростомъ населенія и наплывомъ бѣглецовъ изъ-за Московскаго рубежа, оно распространялось и въ ширь, занимая своими поселеніями привольные берега Дона и его притоки: Донецъ, Медвѣдницу, Хонерь, Бузулукъ. По заведенному обычаю, новоселы окружали заимку землянымъ валомъ, со рвомъ впереди, или, по крайней мѣрь, обносили ео

стали именоваться станицами, что означало наступление болѣе мирныхъ временъ. Впрочемъ, названіе «городокъ» исчезло не сразу и не повсюду; есть старожилы, которые еще его помнятъ. Между донскими станицами много такихъ, которыя считаютъ за собой нѣсколько вѣковъ; помимо уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ валовъ, онѣ или хранятъ святыни казачества, или памятны какимъ-нибудь событіемъ, близкимъ сердцу сынамъ Дона. Такова, напримѣръ, Усть-Медвѣдницкая. Въ оградѣ станичнаго храма стоитъ черная гранитная колонна, съ крестомъ наверху: это могила донскаго атамана Власова, того самаго, который защищалъ Черноморскую бордонную линію отъ набѣ-

Казачьи курени въ верхней сторонѣ.

говъ горцевъ, который бодро подвизался на атаманскомъ поприщѣ, будучи 80-ти-лѣтнимъ старцемъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ вождей Дона и Кубани. Пяти-пѣбянская, древняя станица—родина Деписовыхъ: Деписа—батыря и двухъ храбрыхъ генераловъ—графа Федора Петровича и войсковаго атамана, сподвижника Суворова, Андрияна Карповича. Герой Дона, Баклановъ, родился въ Гуляйской станицѣ; она же считается родиной партизана Ефремова; станица Цымлянская прославилась своими виноградишками. Сказываютъ, что царь Петръ Великій, проѣзжая Дономъ, замѣтилъ, что тутъ долженъ произрастать съ успѣхомъ виноградъ. Онъ выписалъ изъ Франціи мастеровъ, лозу и приказалъ разсадить ее близъ Цымлянской

станицы. На побывкѣ въ Парижѣ, царь, между прочимъ, навѣстилъ инвалидовъ, доживавшихъ свой вѣкъ на королевскомъ издвигеніи, а когда вернулся домой, послалъ имъ уже отъ себя въ гостиненцѣ нѣскольکو бочекъ донского вина.

Романовская станица основана вскорѣ послѣ избранія русскими людьми на царство Михаила Федоровича Романова. Донцы показали тогда свою вѣрность престолу тѣмъ, что посѣкли прелестникоиъ Заруцкаго и Марини, жены Дмитрія Самозванца, которые рассчитывали продолжать тутъ смуту, а донцы поклялись служить вѣрно и нелицеприятно новому царю, избраннику народному. Въ честь Царскаго Дома и станица названа Романовскою. Кочетовская и Раздорская станицы также славятся виноградниками, кромѣ того, красотой мѣста и великолѣпіемъ храмовъ Божьихъ. Святая иконы въ храмѣ Раздорской станицы блестятъ брилліантами, жалованными монархами. Въ своемъ мѣстѣ было упомянуто, что Раздоры — одно изъ первыхъ поселеній донцовъ. Древній Черкасскъ, нынѣшняя Старо-Черкасская станица, вмѣщала въ себя 11 станицъ, въ числѣ коихъ была одна татарская. Онѣ были окружены десятью «раскатами», или бастіонами, на которыхъ стояло 100 пушекъ. Дома въ городѣ были деревянные, построены на сваяхъ, и такъ тѣсно, одинъ возлѣ другого, что часто выгорали цѣлыя улицы; не разъ влетала на воздухъ и «пороховая казна». Послѣ одного изъ такихъ взрывовъ выступило озеро, которое существуетъ и теперь. Кромѣ того, городъ терпѣлъ отъ воды; бывали годы, что затопляло не только городъ, но и его окрестности. Не смотря на эти невзгоды, древній Черкасскъ кинѣлъ въ старину какъ котель: пристани были покрыты судами, площади волновались народомъ. Тутъ сходились погань, калмыки, русскіе торговые люди изъ Воронежа, Вѣлгорода, Ливонъ, Ельца и Оскола. Здѣсь приставали турецкіи и московскія посольства со своими богатыми и многочисленными свитами; здѣсь же копчили и казаки съ береговъ Днѣпра, Терека и Яика. Площади Черкасска пестрѣли разнообразіемъ одеждъ и бранныхъ доспѣховъ. Царь Петръ Великій, во время Азовскаго похода, увидѣлъ на площади молодца, который, прогулявъ даже свою рубаху, сидѣлъ, пригорюнившись, на бочекѣ, опираясь на ружье. — «Отчего же ты не сбылъ ружья вмѣсто рубахи?» —

спросить царь. — «Сбыть ружье казаку не пригоже», — ответить гуляка: «съ ружьемъ я и службу царскую отбуду, и шелковую рубаху добуду». Ответъ полюбился царю. Онъ тогда же пожаловать войску Донскому гербъ, на которомъ быть изображенъ сидящій на боченкѣ полу-обнаженный казакъ съ поднятымъ надъ головой ружьемъ. Этотъ гербъ просуществовать около 60 лѣтъ. Изъ памятниковъ старины здѣсь видѣть вѣщественный храмъ Воскресенія Господня. Онъ строился 14 лѣтъ и сооруженъ по плану великаго царя, который пожертвовалъ на него деньги, желѣзо, утварь и два колокола. Въ притворѣ храма хранится доска съ надписью, что казаки, изнуренные азовскимъ сидѣніемъ, дали обѣщаніе построить въ своемъ городѣ храмъ, если Онъ, милосердый, поможетъ имъ отсидѣться и увидѣть свою родину; что они достолавно отсидѣлись и возвратились въ свой городъ, но замедлили выполнить данный Богу обѣтъ, почему и подверглись лютой морозной язвѣ. Язва прекратилась, когда они начали строить деревянную церковь, которая два раза была построена и два раза горѣла. что, наконецъ, на мѣстѣ деревянной, была выстроена каменная. Иконостасъ ея рѣзной — виноградныя лозы и грозди; весь снизу до верха покрытъ образами въ серебряныхъ окладахъ. Трое царскихъ вратъ сдѣланы изъ чистаго серебра: большое мѣдное паникадило въ 5 ярусовъ огней памятно тѣмъ, что добыто казаками въ Азовской крѣпости, въ 1637 году. Священная утварь вся серебряная или золотая, украшенная драгоценными камнями; есть небольшой ручной крестъ, цѣнный въ 10 т. рублей; онъ весь осыпанъ алмазами, есть еще серебряный конишь съ портретомъ императрицы Елизаветы Петровны. Въ окладахъ всѣхъ иконъ и въ утвари собора заключается болѣе 50 пудовъ серебра и полъ-пуда золота. Во всѣхъ же четырехъ церквяхъ станицы серебра болѣе 100 пудовъ, жемчуга 25 фунтовъ, драгоценныхъ камней до 5 тысячъ. Все это добыча меча, приношенія, обѣщанія въ трудную минуту на полѣ брани. У самаго входа въ соборъ, на правой сторонѣ двора, виситъ толстая желѣзная цѣпь, которою былъ прикованъ Стенька Разинъ передъ отправкою въ Москву. Въ своемъ мѣстѣ упомянуто, что Стенька прослылъ

колдуномъ, могъ летать по воздуху какъ птица и плавать въ водѣ рыбой. Старые казаки боялись, что простая цѣпь его не удержитъ: начертить разбойникъ уголькомъ лодку, приложить руку и очутится на Волгѣ. Вотъ почему надъ цѣпью отиѣли молель, окропили ее святой водой, послѣ чего и приковали Стеньку на панерти, куда нечистой силѣ уже не было входа. Съ высокой соборной колокольни открываются во все стороны чудныя мѣста, вблизи стоятъ домики, окруженные зеленью; вдали, къ сѣверу, виденъ Новочеркасскъ, верстахъ въ шести зеленѣютъ валы покинутой крѣпости, а на западѣ, въ семи верстахъ отъ станицы, обозначается побольшимъ лѣсомъ урочище Монастырское, куда, бывало, удалялись одинокіе, послѣдѣлые въ бояхъ, часто искалѣченные казаки доживать остатки дней въ землянкахъ. Они были отшельники и въ то же время служили стражами своей родины. 200 лѣтъ тому назадъ, дощцы возвращались какъ-то съ набѣга съ богатой добычей, съ ясыремъ. Былъ вечеръ, когда они причалили къ берегу родной земли у Монастырскаго урочища, но хотѣлось побѣдителямъ черезъ позднее время утерять почетную встрѣчу: они порѣшили переночевать у своихъ старцовъ, а въ городъ послали сказать, что придутъ на утро. Зашумѣлъ Черкасскъ, какъ въ большой праздникъ, радостная вѣсть перебѣгала изъ дома въ домъ; отцы, братья и жены, захвативъ бочонки съ виномъ или медомъ, спѣшили въ урочище встрѣтить своихъ семейныхъ. Тутъ зажгли костры, и началось пированье, широкое, разгульное, первое послѣ бранныхъ трудовъ и долгаго поста. Все упились, поспули, а, тѣмъ временемъ, съ задонской стени подвигалась басурманы и, выждавъ, когда стала разгораться утренняя зари, набросились на спящій казацкій станъ, и всѣхъ, кто въ немъ былъ, перерѣзали до единого. Съ тѣхъ поръ, въ субботу сырной недѣли, ежегодно совершается сюда крестный ходъ и правится пашиха по убиеннымъ.

Черкасскъ, какъ сказано, много терпѣлъ отъ наводненій: если и сходила вода, то оставались болота, которыя заражали воздухъ гнилью, отчего городъ превращался въ больницу. Бывали годы, когда тихій Донъ подтоплялъ и самый соборъ. Такъ называемое «Краснощековское» наводненіе получило свое

нашапіе оттого, что тѣю умершаго атамана оставалось безъ погребенія 2 мѣсяца, потому что, за все это время не было въ городѣ доскутка сухой земли чтобы выкопать могилу. Въ царствованіи Императора Александра I, атаманъ Платовъ, испросивъ Высочайшее разрѣшеніе, перенесъ Черкасскъ на другое мѣсто, извѣстное нынѣ подъ именемъ Новочеркасска, въ 25-ти верстахъ отъ Старочеркасской станицы. Это совсѣмъ новый городъ, на европейскій образецъ. Противъ дворца Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ стоитъ изображеніе основателя, въ разлѣвающейся буркѣ, съ готманскою булавою въ одной рукѣ и обнаженной саблей въ другой. Бывшій атаманъ устремляется съ возставшимъ народомъ на кровавую сѣчу съ пахлынувшимъ врагомъ. — То на память о двѣнадцатомъ годѣ. Главную же святыню донцовъ, гордость и украшеніе Новочеркасска составляютъ его «регалии», т. е. наѣски, перьячи, буцучки, серебряныя трубы, знамена и грамоты, добытыя кровью отцомъ. Они хранятся въ Войсковомъ Управленіи, гдѣ, между прочимъ, выставлены портреты всѣхъ трехъ Августѣйшихъ атамановъ въ казачьей формѣ. Царскія грамоты лежатъ въ большомъ серебряномъ ковчегѣ, украшенномъ драгоценными камнями; сабля Императора Александра I положена въ особый, также серебряный ковчегъ. По стѣнамъ развѣшены портреты всѣхъ донскихъ атамановъ, начиная съ Давыды Ефремовича Ефремова, перваго атамана, назначеннаго Высочайшею властью. Онъ, его сынъ, Стопанъ Давыловичъ, и Алексѣй Ивановичъ Платовскій изображены въ парчевыхъ кафтанахъ, съ широкими золотыми поясами; на груди медаль на Андреевской лентѣ, а въ рукѣ булава. Слѣдующіе за ними атаманы — уже въ генеральскихъ мундирахъ, со многими знаками монаршихъ отличій.

Въ каждой станицѣ твердо держались обычаи и порядки, завѣданные первыми поселенцами Дона. Каждая станица управлялась «сборомъ», и въ сборѣ принималъ участіе всякій казакъ, за исключеніемъ опороченныхъ. На станичныя сборы сходились всѣ казаки, гдѣ бы они ни жили, изъ самыхъ дальнихъ хуторовъ; съѣзжались обыкновенно порода каждаго воскресеньемъ или праздничнымъ днемъ, всѣ верхами. Но судилирядили только люди старыя, почтенныя, почему на Дону издревле слово «старикъ» служило какъ бы почетнымъ зна-

немъ. Однако, въ общество стариковъ допускались и молодые казаки, которые отличили себя или службой, или умомъ, или же примѣрною жизнью. Станичные сборы благотѣльно дѣйствовали на добрые нравы казачества. Казаки всегда дорожили правомъ судить и раять наравнѣ съ другими. Каждый казакъ добивается этой чести; зачастую онъ искалъ случая совершить подвигъ, потому что званіе урядника или георгиевскій крестъ давали ему мѣсто на сборѣ, возлѣ почетныхъ старшинъ. Часто казакъ выбивался изъ силъ, переносить голодь и холодъ, лишь бы не прослыть трусомъ или пѣжонкой и сохранить честное казацкое имя. Ворами, клятвопреступникамъ не было тогда мѣста на Дону. Зато оставленные на покосѣ или гдѣ бы то ни было вѣнци—никогда никто не тронетъ. Точно также утерянные по дорогѣ: плугъ, топоръ, пашгачъ или пугы, приносились въ станицу; по дворамъ, безъ всякой опаски, держали скотъ, лошадей, и хранили домашнее хозяйство; развѣшивали для просушки бѣлье. Воровство лошадей началось не болѣе 100 лѣтъ тому назадъ.

На сборахъ рѣшались всѣ домашнія станичныя дѣла, чинились судъ и расправа, выслушивались распоряженія властей и обсуждалась приготовленія къ походу. Чтобы собрать кругъ въ необычное время, есауль прежде всего дѣлалъ «закличку», т. е. развѣзжалъ по улицамъ и зычнымъ голосомъ выкрикивалъ: «Атаманы-молодцы, вся честная станица Пяти-избянская или тамъ какая другая — сходитесь на бесѣду, на майдагы, ради станичнаго дѣла, а кто не придетъ, на томъ станичный приговоръ—осымуха!» Мило-по-малу, кругъ собрался. Выходить казакъ на середину, клянется земно на всѣ четыре стороны, потомъ подходитъ къ атаману и рассказываетъ свое дѣло. Старики слушаютъ. Когда казакъ кончилъ, атаманъ говоритъ: «Есауль, воли помолчать». Есауль кричитъ, чтобы казаки умолкли, при чемъ поднимаетъ трость и бьетъ о матицу: «Помолчи-ста, атаманы-молодцы!» Тогда встаетъ атаманъ и докладываетъ: «Атаманы-молодцы! Помолчи-ста! Просить Аксомъ Пахомычъ о томъ-то. Что скажете: дать или не дать?» — «Въ добрый часъ!» — отвѣчаютъ, если хотѣть дать! Точно также рѣшалось и всякое другое дѣло. Положимъ, идетъ судъ. Атаманъ докладываетъ: «Вотъ честная станица! Старики присудили

наказать его плетью за кражу: как прикажете — простить его или наказать?» Эти два слова: «Въ добрый часъ» или «не надо» — рѣшали безповоротню всякое дѣло. Главнымъ дѣломъ на судѣ было миротвореніе: атаманы и старики сами кланялись спорщикамъ, чтобы они помирились, но ѣздили судиться въ Черкасскъ. Иные, упрямые, ни за что не сдавались. Сядутъ, бывало, оба въ одиѣ какюкъ и плывутъ въ Черкасскъ тягаться. Иногда по дорогѣ выпьютъ, еще пуще разсорятся, а случалось, и помирятся. Тогда уже гребутъ назадъ. Имъ и тогда мало, что вереть 200 помахали руками, зато въ стапичѣ всегда ждала ихъ добрая встрѣча — подходили старшины и атаманы, поздравляли съ миромъ. Если же казакъ обзоветь другого покорной киничкой или босыню выбранить, а самъ, къ тому же, быть не правъ, такой долженъ принять «очистку». По приговору, обиженный бралъ въ руки палку, отжѣривалъ ее по локоть, отрубалъ, потомъ билъ обидчика по ногамъ, приговаривая при всякомъ ударѣ: «Очисти!» Билъ, пока сборъ не скажетъ: «Буде, очистил!» Этимъ наказаніемъ виноватый уже считался очищеннымъ навсегда, какъ бы и не пропострафился. Такой обычай водился еще въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II.

На сборахъ же читались во всеуслышаніе распоряженія по всему войску, напримѣръ, опасныя грамоты, оновѣщавшія о какомъ-либо худомъ слухѣ. Читали ихъ обыкновенно стапичные писаря, которыхъ нарочито для этого и выбирали. После того, какъ грамота прочтана, оставляли съ нею списокъ, а подлинную отсылали далеко, въ слѣдующую стапичу. Письменные казаки въ тѣ поры бывали на рѣдкость. Если писарю не случался на мѣстѣ, то саудъ выдавалъ вмѣсто рожиски деревянныя рубежки по числу пересылаемыхъ пакетовъ или колодниковъ: пять рубежекъ — значило, пять колодниковъ. Такія рубежки выдаются нынче пастухамъ въ полученіи овецъ. Да и писарямъ было немного работы; одиѣ старикъ-писарь сказывалъ, что гусипое перо служить ему цѣлый годъ. Особенно долго и дѣловито толковали казаки, выслушавъ объявку о походѣ: когда и гдѣ собираться, какими путями двигаться и что съ собой запасать. Тутъ ужъ обсуждалась всякая мелочь, потому что по понятіямъ бывалыхъ людей, въ походахъ

все нужно предусмотрѣть, гдѣ такой мелочи, о которой не стоило бы поговорить.

Такъ какъ въ старину все дѣлалось по обычаю, завѣщанному отъ отцовъ, то, выходя изъ домовъ, казаки прощались со всѣми сосѣдами и просили ихъ заботиться о покидаемыхъ семьяхъ, потомъ отирались въ станичную церковь, куда встѣдъ за ними домочадцы несли вооруженіе, а жены выводили на площадь коней, обряженныхъ по-походному. У святаго храма встрѣчалъ казаковъ батюшка въ полномъ облаченіи, служить напутственный молебенъ, постѣ чего окроплять святой водой самого воина, потомъ его оружіе и даже коня. Изъ церкви казаки, предшествуемые батюшкой, ходили на кладбище, гдѣ творилась общая панихида по усопшимъ, и каждый казакъ, припавши къ родной могилѣ, испрашивалъ благословеніе родителей, постѣ чего, набравши въ мѣшочекъ щепотку земли и поцѣловавъ ее, съ благословеніемъ надѣвалъ себѣ на шею. Такимъ образомъ, если доведется казаку принять смерть на чужбинѣ, родная земля прикроетъ его прахъ. Когда, наконецъ, наступала пора садиться въ сѣдло, жена кланялась коню въ ноги съ приговоромъ: «Несись, родной, съ нимъ въ бой, принеси его назадъ живьемъ-здоровымъ». Мать благословила образомъ, отецъ, вручая сыну пикъ, говорилъ: «Вотъ тебѣ моя шка, древко можетъ сломаться, но конь привези домой, пригодится и твоему сыну».—Переходя Дюгъ, станичники черпали священную для нихъ воду, мочили ею голову; утирали лицо, глаза, и потомъ, поклонившись землѣ и помолившись на Божій храмъ, направляли коней въ придонскія степи. Густое облако пыли скоро скрывало казачью силу отъ взоровъ семейныхъ, долго и тоскливо глядѣвшихъ въ безбрежную даль.

Въ прежнее время маршрутовъ не давали, а просто называлось мѣсто, куда казакамъ прибыть и какихъ городовъ держаться въ пути. Полки двигались не въ полномъ составѣ, а малыми командами, по станицамъ, чтобъ легче было довольствоваться; шли напрямикъ, не нуждаясь въ дорогахъ. Ни горы, ни рѣчки не задерживали казаковъ. Они поднимались на горныя выси, спускались въ овраги, переплывали рѣчки. Путемъ-дорогой, молодые казаки учились ратному дѣлу: идти по звѣздамъ, по вѣтру, черезъ лѣса, какъ лучше вскочить въ село,

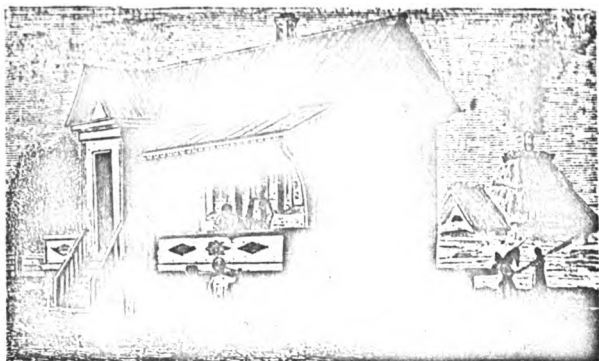
прикрыться бугоркомъ или чѣмъ тамъ случится, какъ наводитъ непріятеля въ засаду. Такимъ образомъ, мало-по-малу, наводились глаза и уши, получалась споровка и сметка. Къ развѣдамъ о непріятелѣ казаки приучались тѣмъ, что ихъ разсылали въ одиночку въ окрестныя села добыть языка или доставить вѣсть, посылали за сотни версты разыскать полковой штабъ и т. д. Тогда же они приучались стрѣльбѣ съ коня, паѣзжали молодыхъ лошадей и, наконецъ, доходили до такого проворства, что при первой же встрѣчѣ удивляли враговъ. Благодаря такому способу передвиженія, казаки приходили на мѣсто не только въ исправности, но совершенно обученные, готовые къ битвамъ и дальнѣйшимъ походамъ. Въ походныхъ колоннахъ стали водить казаковъ сравнительно недавно.

Оторванные отъ родины, на далекой чужбинѣ, казаки составляли военное братство; они помогали другъ другу въ нуждахъ, дѣлили между собою радости и горе, послѣднюю конфѣтку или же сухарикъ, умирали другъ за дружку. Старые казаки поучали молодыхъ выручать товарища изъ бѣды, гдѣ бы таковая имъ приключилась—на аванпостахъ-ли, въ схваткахъ, въ преслѣдованіи—все равно, клади душу за своего. Они же ревниво слѣдили и за добронравіемъ молодыхъ. По всемъ этимъ причинамъ казаковъ одной и той же станицы никогда не разбивали по разнымъ сотнямъ и въ сотни ставили ихъ подрядъ, не по ранжиру. Каждый казакъ боялся чѣмъ-нибудь худымъ опозорить свою станицу, опорочить честное имя отцовъ, которое они почитали наравнѣ со святою хоругвью. Бывали случаи, что оплошность односума товарищи покунали кровью.

Отдѣльныя станицы, на службѣ царской, какъ бы соревнуясь между собою, старались перещеголять одна другую въ удалствѣ, въ богатствѣ. Такъ, напримѣръ, прославились: Раздорская, Кочетовская, Пяти-избянская и Букановская. Многие казаки изъ этихъ станицъ дослужились до высокихъ чиновъ. Прочія станицы рвались изъ всѣхъ силъ къ отличіямъ, и если начальство сравнивало ихъ съ Раздорцами или Пяти-избянцами, то это названіе принималось какъ высшее отличіе. Самыя же станицы гордились заслуженной славой, внушая ту же гордость подросткамъ и дѣтямъ.

До 1775 года, при выступленіи въ походъ, вся полкован

старшина назначалась по выбору, вольными голосами. Возвратившись на родину, старшина терял свои привилегии, и только одни наездники на всю жизнь сохраняли почетное званіе «царскихъ слугъ». Эти считали себя выше старшинъ. Въ бою они держались отдѣльно, имѣя подъ рукою поддержку и въ своей же братіи, подъ названіемъ «крыльщиковъ». Въ прусскую войну былъ царскій слуга Ефимъ Ермаловичъ Котельничковъ. Онъ, по желанію фельдмаршала, поскакалъ со своими крыльщиками прямо противъ пруссаковъ, стоявшихъ въ боевомъ порядкѣ, выхватилъ прусскаго генерала и доставилъ его фельдмаршалу. Когда его хотѣли наградить полковничьимъ чиномъ, Котельничковъ со слезами отмолился отъ этой чести;

Постройки казаковъ низовыхъ станицъ.

въ концѣ войны онъ сложилъ тамъ свою богатырскую голову. Иванъ Самойловичъ Текучевъ тоже поймалъ въ одномъ сраженіи прусскаго генерала и такъ же, какъ Котельничковъ, отказался отъ чина. Много было такихъ случаевъ, что храбрѣйшіе наездники отказывались отъ дальнѣйшаго новышюнія. Было-ли то смиренномудріе, или они боялись потерять славу царскихъ слугъ — неизвѣстно. Старики говорятъ, что причиною было и то, и другое вмѣстѣ.

Въ мирной станичной жизни казаковъ выдѣлялся особою торжественностью день, когда выбирался атаманъ. Это бывало обыкновенно въ какой-нибудь большой праздникъ, напримеръ:

Богоявленіе, Новый Годъ, или въ четвергъ на сырной недѣлѣ. Послѣ утрени всѣ казаки еобирались въ станичную. Посидѣвши чинно малое время, поднимался съ мѣста атаманъ, молился Богу, кланялся на всѣ четыре стороны и говорилъ: «Простите, атаманы-молодцы, въ чемъ кому согрѣшилъ!» Станичники ему въ отвѣтъ: «Благодаримъ Акимъ Феκληстычъ, что потрудился!» Тогда атаманъ кладетъ пасѣку на столъ, подложивъ подъ нее шапку и садится къ сторонкѣ. Однако, его опять сажаютъ на первое мѣсто.—«Кому, честная станица, прикажете взять пасѣку?» долженъ спросить тотъ-же атаманъ. Тутъ всѣми головами кричатъ:—«Софрону Самойловичу! Сафрону Самойловичу!» Три раза подавался голосъ, а если раздѣлятся, то и больше. Выкликаемому такимъ путемъ временно вручалась пасѣка для выбора атамана. Сафронъ Самойловичъ, принявъ пасѣку, въ свою очередь, громко возглашаетъ: «Вотъ, честная станица Пяти-избянская, или тамъ какая другая,—старый атаманъ годъ свой отслужилъ, а вамъ безъ атамана быть нельзя, такъ на кого честная станица покажете?» Какъ громомъ грянули станичники: «Макея Яковлевича!» Другіе—«Якова Матвѣвича!» Третій—своего... Надо имѣть чуткое ухо, чтобы распознать, на кого больше голосовъ. Старикъ Софронъ спрашиваетъ другой разъ, третій: ему все тѣмъ же громомъ отвѣчаютъ. Тогда, замѣтивъ, что за Яковомъ Матвѣвичемъ больше голосовъ, вручаетъ ему пасѣку; старики накрываютъ его шапками, и онъ садится рядомъ съ прежнимъ атаманомъ на большое мѣсто. Послѣ этого сдаетъ свою пасѣку есауль, на его мѣсто выбираютъ другого; еще выбираютъ десять лучшихъ людей въ подписные старики, судьи. Обязанность ихъ заключалась въ томъ, чтобы, въ случаѣ нашествія непріятеля, бѣжать по полямъ и покосамъ, со знаменами, призывая всѣхъ въ осаду; кромѣ того, мирить враждующихъ, держать очередь на службу, объявлять на сборѣ имена вшивныхъ, наконецъ, давать сказки, чтобы не приписались къ станицѣ бѣглецы.—Насѣка, о которой упоминалось, въ старину была простая терновая палка, испещренная ножомъ еще на корнѣ, отчего она и пестрѣла. Впослѣдствіи стали употреблять гладкую лакированную трость, съ серебряной булавой.

Четвергъ сырной недѣли былъ въ то же время днемъ гульбища, которое продолжалось вплоть до вечера воскресенья—

или пѣшее, или конное въ полномъ воинскомъ вооруженіи. Атаманъ заранѣе оповѣщаетъ станицу, чтобы гульба происходила чинно, по старинѣ. Тутъ же, на сборѣ, станица дѣлилась на нѣсколько «компаній» или командъ. Каждая компанія избирала своего ватажнаго атамана, двухъ судей и квартирмистра. Но просьбѣ выборныхъ, имъ выдавались изъ станичной избы знамена и хоругви. На рубежѣ съѣзжались компаніи изъ сосѣднихъ станицъ, также со знаменами, подъ начальствомъ своихъ атамановъ и стариковъ. Послѣ обычныхъ привѣтствійъ проводывали «шермищи», т. е. разныя воинскія упражненія и кулачный бой. Если компанія гостила у кого-либо въ домѣ, то знамена выставлялись во дворѣ, при особомъ дозорцѣ, по назначенію квартирмистра, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы извѣщать домохозяевъ, куда команда намѣрена отправиться. Въ прощенное воскресенье, подъ вечеръ, выставлялся на площади кругъ изъ скамеекъ, въ серединѣ ставили накрытый столъ съ закуской и напитками. По мѣрѣ того, какъ съѣзжались или сходились компаніи, все населеніе станицы свѣшило сюда же покончить день по-христіански. Наконецъ, всѣ въ сборѣ. Атаманъ при насѣкѣ вышелъ со стариками подъ жалованнымъ значкомъ, который, вмѣстѣ съ прочими знаменами поставили вокругъ круга; ватажки и атаманы садятся возлѣ станичнаго атамана, затѣмъ—старики, чпшовные казаки. По обычаю, сначала должны выпить общественной сивушки за Высочайшее здравіе, потомъ—войскового атамана, всего великаго войска донскаго и, наконецъ, честной станицы. Ружья въ это время палать неумолчно; народъ шумитъ, волнуется, сумятица небывалая. Покончивши питье, атаманъ поднялись съ мѣсть, и ужъ тутъ всѣмъ народомъ молятся либо на востокъ, либо обратясь на церковь, послѣ чего другъ съ другомъ прощаются—поклонами и цѣлованіемъ. Только и слышно: «Прости, Христа ради, въ чемъ согрѣшилъ».—«Богъ проститъ»,—въ отвѣтъ. Знамена относятъ въ атаманскій домъ, народъ расходится, чтобы попрощаться на дому съ родными и сосѣдями.

О первобытной одеждѣ казаковъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ. Со временемъ, при накопленіи богатства, казаки любили наряжаться, при чемъ многимъ пользовались отъ на-

родовъ азiятскихъ. Та одежда, которой любили щегольнуть хонцы, записана въ одной старишней пѣснѣ:

- Внизъ по матушкѣ Камышинкѣ-рѣкѣ,
- Какъ плывутъ тамъ, всплываютъ два сварядные стружка;
- Они копьями, знамены, будто, лѣсомъ поросли.
- На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
- Удалые молодцы, все донскіе казаки,
- Донскіе, гребенскіе, запорожскіе.
- На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
- Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ,
- Астраханскіе кушаки полушелковые,
- Съ заческами чулочки, да все гарусные,
- Зеленъ-сафьянъ сапожки, кривые каблуки.
- Они грянуть и гребутъ, сами пѣсни поютъ.
- Они хвалятъ, величаютъ, православнаго царя,
- Православнаго Царя—Императора Петра.»

Когда на Дону завелись овцы, казаки одѣвались въ собственное платье, вытканное дома: сѣрый или черный чекмень, въ праздники — бѣлый. Постѣ прусской и турецкой воинъ стали носить чекмени топкаго сукна и шелковые кафтаны. Шли на образецъ польской одежды: черескп съ пролетами въ рукавахъ, при чемъ рукава закидывались за спину; у чекменей пола съ полой не сходились; шапки носили съ суконнымъ шлыкомъ на кожаной подкладкѣ; на околышкѣ и шлыкѣ нашивался позументъ; на ногахъ — лапти, порппы, саногп. Женское платье также на построй азiятскій: сарафаны или болѣе поздніе кубенеки, суконные и короткіе, до колѣнъ; рубаха прикрывала ноги, обутыя въ саногп-красногпловки, съ желѣзной подковкой. Грудь кубенека украшалась пуговками и на груди же покоилось ожерелье, съ монетами по срединѣ. Пояса носили изъ матеріи или же серебряной татауры, а цѣрпѣ—обручи; на рукахъ также носили обручки. Головной уборъ дѣвицъ состоялъ изъ перовязки, усаженной вызолоченными япраками и окруженной вискольками. Женицы надѣвали кичу съ высокими юзгами; сверхъ кички—сорока, также усаженная япраками, вокругъ лба—висюльки, а сзади—подзатыльникъ, вышитый золотомъ и серебромъ; бисерныя шитки съ серебряными камешками свисали на спинѣ.

Русское дворянское платье начали носить не болѣе 100 лѣтъ тому назадъ. Однако, на Дону такъ привыкли къ русскому головному убору и польскому покрою мужского платья, что, когда побросали кички и начали показываться въ курт-

какъ, то старики, особенно же старухи, впали въ уныніе, многія ждали свѣтопреставленія. Другіе говорили, что такіе «куцефаны» потеряютъ добытую дѣдами славу, что они добровольно отдадутъ себя въ солдаты. Точно также ожидали свѣтопреставленія, когда впервые показалось женское дворянское платье, на него сбѣгались смотрѣть, какъ на что-то страшное. Однако, все прошло благополучно: тихій «Донъ Ивашчъ» въ тѣхъ же берегахъ и такъ же плавно обтекаетъ казацкую землю, какъ и сотни лѣтъ тому назадъ.

Нарядъ дамской менщины XVIII вѣка.

IX.

Какъ донцы постояли вѣсѣмъ войскомъ за русскую землю.

12-го іюня памятнаго 1812 года 300 поляковъ переправились на лодкахъ черезъ Неманъ, близъ Ковно, и заняли

на этой сторонѣ небольшую деревушку Понѣмуши. Лейбъ-казачій разъѣздъ отошелъ къ лѣсу. Нѣсколько десятковъ выстрѣловъ нарушили сонную тишину пустынныхъ береговъ и возвѣстили вступленіе Великой французской арміи въ предѣлы Россіи. Донцы первые ее встрѣтили, послѣдніе проводили. Въ эту тяжелую годину сыны Дона сослужили такую службу, которая останется навсегда памятною русскому народу. Пока Великая армія была въ силѣ и устройствѣ, они носились вокругъ нея какъ станъ скворцовъ, порова, съ какой бы стороны ее ущипнуть; когда же она ослабла, казаки терзали ее по

кускамъ, какъ орлы терзають хвораго быка. И это случилось въ какихъ-нибудь 7 мѣсяцовъ—примѣръ небывалый!

При открытіи военныхъ дѣйствій находилось 50 донскихъ полковъ, или до 30 т. казаковъ, кромѣ артиллеріи; летучій корпусъ Платова составляли 14 полковъ, прочіе были разбиты по корпусамъ. Служба донцовъ началась разрушеніемъ мостовъ, порчей пути, истребленіемъ продовольствія, такъ что французы сразу почувствовали тяжести похода. Этого мало. Казаки не только ихъ удерживали, но, гдѣ только можно было, дрались отчаянно, «скрутя головы». — Платовъ получилъ приказаніе прикрывать своими казаками движеніе Второй арміи, князя Багратиона, спѣшившаго изъ Литвы на соединеніе съ Первой арміей. Въ авангардѣ короля Иеронима, брата Наполеона, двигались три полка уланъ отъ Новогрудка къ с. Кареличи (Минской губерніи), а тамъ стоялъ тогда Платовъ. Поляки, не зная казачьихъ споронокъ, шли безпечно; по обѣ стороны дороги раскинулся кустарникъ, между которымъ торчали топчія деревья. Вдругъ, одновременно на обохъ флагахъ, появились казаки — полки Иловайскаго 5-го и Карпова 2-го. Они сбили уланъ, многихъ перекололи, остальныхъ прогнали къ Новогрудку, гдѣ находилась квартира короля. Эта первая схватка подняла духъ казачій; на счетъ ея у нихъ сложилась хорошая примѣта. На другой день Платовъ угостилъ засадою. Сотня донцовъ должна была прикрывать путь, а по сторонамъ дороги засѣли отборные казаки. Польскіе уланы, подѣ начальствомъ генерала Турно, пустились въ погоню за передней сотней, при чемъ, конечно, растянулись, частью рассыпались и въ эту минуту очутились среди вытянутыхъ пикъ. Батѣе 200 человекъ попало въ плѣтъ, самъ Турно едва ускользнулъ; за нимъ гнались около 15 верстъ. Осѣпленію поляковъ было такъ велико, что они на слѣдующій день наскочили на такую же точно ловушку. Тогда король вмѣстѣ съ конницей выдвинулъ пѣхоту и артиллерію. Багратионъ приказалъ задержать ихъ, во что бы то ни стало, дать время выступить нашимъ обозамъ изъ Слуцка. И тутъ казаки отличились. Они два раза встрѣчали атаки непріятельской конницы и оба раза прогоняли ее вполѣтъ до пѣхоты. Поле сраженія—въ семи верстахъ отъ Ромапова—покрылось убитыми, ранеными; 1-й конно-

егерскій полкъ былъ тогда совершенно истребленъ казаками: онъ потерялъ 500 чел., но считалъ офицеровъ.

Такъ, въ продолженіе нѣлаго мѣсяца, казаки прикрывали опасное движеніе Второй арміи, между двухъ французскихъ корпусовъ, маршала Даву и короля Иеронима. Багратионъ же, подъ защитой донцовъ, хотя съ большимъ трудомъ, но дошелъ до Бобруйска. Здѣсь атаманъ получилъ приказаніе, послѣ переправы черезъ Днѣпръ, идти на соединеніе съ Первой арміей. И тому, и другому главнокомандующему одинаково хотѣлось имѣть донцовъ при себѣ. Однако казаки сослужили еще разъ Багратиону. Переправившись черезъ Днѣпръ, они снова повернули назадъ и малыми отрядами одновременно появились въ разныхъ мѣстахъ — подъ Могилевымъ, въ Шкловѣ, Копысѣ, подъ Оршей. Подобно огню охватили донцы огромное пространство, примѣрно на 100 верстъ, при чемъ обыскали всѣ деревушки, появлялись на всѣхъ дорогахъ, истребляли фуражировъ, мародеровъ и все то, что имъ было собрано. Вся эта сумятица въ тылу французской арміи продолжалась нѣсколько дней; маршалъ Даву рѣшительно потерялъ голову: этотъ смѣлый набѣгъ сбиль его съ толку; онъ недоумѣвалъ, гдѣ же, наконецъ, русскіе? А между тѣмъ, Багратионъ благополучно прослѣдовалъ черезъ Мстиславль навстрѣчу Барклаю, который шелъ отъ Витебска. Въ Смоленскѣ, какъ извѣстно, обѣ арміи соединились. Такъ какъ казакамъ часто случалось заставать французовъ врасплохъ, гоняться за ними по слѣдамъ, то они первые увидѣли, какъ непріятель грабитъ селенія, разоряетъ дворянскія усадьбы, насилуетъ жепъ и дочерей, истязаетъ не только крестьянъ, но и священниковъ, допытывая ихъ, гдѣ лежатъ сокровища; наконецъ, какъ французы оскверняютъ храмы Божіи, не щадятъ ни св. иконъ, ни сосудовъ, ни одеждъ. Въ одномъ селѣ казаки видѣли, что французы мыли и развѣшивали на образахъ исподнее бѣлье. Все это казаки оповѣстили во всю русскую землю, чѣмъ еще больше распалили къ нимъ ненависть.

Въ то время, когда русскіе люди, по призыву Монарха, выражали ратниковъ, сносили свое достоинство на спасеніе отечества, тихій Донъ ополчался поголовно. Какъ во времена «всеобщаго сполоха», донцы оповѣщали населеніе станицъ и

хуторовъ, что врагъ пришлетъ въ несмѣтномъ количествѣ, что онъ похвалится пройти до бородовъ загітнаго Дона, искоренить казачество. «Если Богъ, говорили они, попуститъ врага оквернить своимъ присутствіемъ казацкую землю, тогда не пощадитъ онъ ни жонъ, ни дѣтей нашихъ, поругаетъ онъ храмы Господни, встревожитъ прахъ отцовъ нашихъ и смѣшаетъ горячую казацкую кровь съ волнами тихаго Дона. Атаманъ призываетъ всѣхъ вѣрныхъ допцовъ встать на защиту царя и отечества!»

Занумѣвъ, заволновался Донъ. Отъ верховыхъ до низовыхъ станицъ раздался единодушій кликъ: «Скорѣ помремъ, чѣмъ выдадимъ Россію и тихій Донъ на поруганіе французу!» И вотъ, безъ царскаго слова, лишь по призыву атамана, старое и малое, бѣдныя и богатые, спѣшили обрядиться по старинному обычаю. Сѣдые казаки, сподвижники Румянцева, Вейсмана, Суворова, давно проживавшіе на покоѣ среди поколѣнія шучать, и тѣ снмали со стѣнъ дорогія турецкія сабли, пистолеты, вооружались и садились на-копъ. Въ кузницахъ застучали молоты—день и ночь ковали оружіе; портные, сапожники, сѣдельники, работали, не разгибая спины; купцы собирали деньги, помѣщики обряжали крестьянъ. Въ церквахъ ежечасно служилась заказные молебны; казаки, принадея къ иконамъ, давали клятву не возвращаться на Донъ, пока не изгонять врага. На сборныхъ пунктахъ учили малолѣттокъ: они строили лаву, неслись съ гикомъ въ атаку; потомъ, рассыпавшись, повторяли ударъ, или же, сбатовавъ коной, открывали пальбу.—Пришла пора выступать. Провожать лишь батюшка съ крестомъ да матери и жены казацкія съ младенцами на рукахъ; дряхлыя старцы, сидя на завалинкахъ, издали крестили своихъ правнуковъ. 26 полковъ съ шестью орудіями выступили разными путями на Москву. Ихъ вели генералы Пловайскій 3-й, Грековы 1-й и 2-й. Они дѣлали по 60 верстъ въ сутки, чего не могла сдѣлать ни одна конница въ Европѣ. За два дня до Покрова въ лагерь подъ Тарутинымъ пришли 5 головныхъ полковъ. Ихъ никто не ожидалъ, кромѣ Платова; никто не зналъ, что казачество поднимается отъ мала до велика. Главнокомандующій, князь Кутузовъ, заплакалъ отъ радости. Донцы, несмотря на дальній и спѣшный походъ

явились въ лучшемъ видѣ—сами молодцами, лошадки сытыя, добрыя. Старики шутили: «Пришли вучать выручать; сказывали на Дону, что они не справятся съ французомъ».—И въ самомъ дѣлѣ, въ донскихъ полкахъ доводилось вуюку встрѣчаться съ дѣдомъ.

Донцы пришли какъ разъ въ пору. Начинались дѣла, и дѣла большія. Наполеонъ засидѣлся въ Москвѣ, гдѣ съ каждымъ днемъ ему становилось труднѣе и труднѣе доволствовать свою армію. Она очутилась точно въ западнѣ, окруженная отрядами казаковъ, партизановъ и вооруженныхъ крестьянъ. Каждый французскій солдатъ долженъ былъ промышлять самъ о себѣ; за кусокъ хлѣба, за клочекъ сѣна люди платили жизнью. Частыя схватки ослабляли армію, а безкормица лишала ее лошадей. Особенно тяжело приходилось авангарду, выдвинутому верстъ на 60 или 70 отъ Москвы, на р. Чернишнѣ, Калужской губерніи. Въ осеннюю пору французы дрогли на бивуакахъ, ѣли впроголодь, лошадямъ,—туть стояла вся резервная конница,—не всегда хватало соломы. На эти-то войска и былъ направленъ нашъ первый ударъ, заставившій Наполеона покинуть Москву.

Вечеромъ, 5 октября русскія войска въ шести большихъ колоннахъ выступили изъ своего лагеря, перешли по мостамъ черезъ рѣчку Нару и стали расходиться. Правую колонну, гдѣ находилось 10 казачьихъ полковъ, велъ графъ Орловъ-Денисовъ. Смерклось, небо заволокло тучами, подулъ сырой вѣтеръ. Солдаты шли молча: ни шума, ни разговоровъ; запрещено было даже курить трубки. Вотъ показались бивуачныя огни французовъ. Колонны остановились. Солдаты составили ружья и прилегли на холодную землю. Орловъ-Денисовъ, пройдя верстъ семь, остановился за лѣсомъ, какъ разъ противъ лѣваго фланга непріяеля. Онъ долженъ былъ перехватить ему московскую дорогу, т. е. отрѣзать путь къ Москвѣ. Прошелъ часъ, другой, началось свѣтать, изъ французскаго лагеря доносились оклики. Орловъ-Денисовъ выѣхалъ передъ лѣсъ и съ возвышенія долго смотрѣлъ въ лѣвую сторону, откуда должны были показаться наши колонны. Тамъ было все тихо, а, между прочимъ, французы пробуждались; они могли замѣтить присутствіе такой большой колонны. Не дожидаясь

сигнальныхъ выстрѣловъ, Орловъ-Донцовъ понесся со всѣми десятью полками прямо на непріятеля. Французы не успѣли схватиться за ружья; сдѣлавши нѣсколько выстрѣловъ, они побѣжали за оврагъ. Весь лагерь лѣваго крыла и 38 орудій были охвачены казаками. Они уже разсыпались по бивуакамъ, были отсталыхъ, хватали оружію, вывозили пушки и только въ это время показались изъ лѣсу 2-я колонна, Баргюута. Первымъ французскимъ ядромъ спелю генералу голову: колонна обстрѣла; прочія колонны тоже опоздали, такъ что общео нападеніе, можно сказать, не удалось. Лихой Мюрать, подавши свой лѣвый флангъ назадъ, успѣлъ устроить войска. Противъ казаковъ онъ направилъ кирасиръ, съ фронта отбивался пушками, а въ то же время отправлялъ назадъ обозы. Какъ только обозы убрались, французы снялись съ позиціи и отступали безостановочно 7 версты, до Спаса-Купки, преслѣдуемые всею нашей конницей. Кромѣ пушекъ, французы лишились одного знамени, 40 зарядныхъ ящичковъ, части обоза да потеряли 1½ т. плѣнными. Тарутинское дѣло можно назвать чисто казачьимъ дѣломъ. Наполеонъ, получивъ о немъ извѣстіе, тотчасъ приказалъ начать выступленіе.

Какъ извѣстно, французы, покинувши Москву, пробивали себѣ путь къ Калугѣ, гдѣ рассчитывали на обиліе кормовъ. Попутный Малоярославецъ семь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и остался, наконецъ, за русскими. Наполеонъ задумался, да и было надъ чѣмъ: ему оставалось одно изъ двухъ—или двинуть на проломъ всю армію, или повернуть на Смоленскую дорогу, гдѣ ей угрожала голодь. Въ эту-то памятную ночь, когда рѣшалась судьба французской арміи, казаки сдѣлали ночной набѣгъ въ тылъ непріятеля: это былъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ поисковъ. 6 казачьихъ полковъ перешли рѣчку Лужу, послѣ чего, раздѣлившись на три партіи, осторожно пробирались въ гору къ столбовой дорогѣ, что вела въ Москву. Скоро они увидѣли бивачные огни. Зорко всматриваясь въ даль, казаки, несмотря на темноту, замѣтили передвиженіе войскъ: они тянулись къ Малоярославцу. Тогда начальники партій съѣхались и, переговора между собой, рѣшили сдѣлать ударъ. Спорна шагомъ, потомъ рысью, далѣе въ карьеръ, съ пронзительнымъ гикомъ выпеселись донцы на большую дорогу,

при чемъ наскочили прямо на артиллерію. Пока одни поворачивали пушки, другіе пронеслись дальше, распространяя страхъ и ужасъ въ тылу французской арміи. Въ это же самое время и по этой же дорогѣ приближался къ городу императоръ, въ сопровожденіи генераловъ и трехъ взводовъ конницы. Онъ ѣхалъ медленно, погруженный въ тяжелую думу. Вдругъ, среди глубокой тишины и сѣраго полумрака наступающаго дня, послышался глухой топотъ, затѣмъ—какіе-то рѣзкіе звуки. Конные егеря тотчасъ распознали присутствіе допцовъ и дали знать объ опасности.— «Не можетъ быть!» отвѣтилъ императоръ, когда ему доложили, что близко казаки. Тогда Коленкуръ схватилъ его лошадь и быстро повернулъ назадъ. Топотъ приближался, уже ясно слышалось казацкое «ги! ги!» Наполеонъ, вынувъ шпагу, свернулъ въ поле, а Коленкуръ двинулся навстрѣчу съ конвойнымъ эскадрономъ. Между тѣмъ, казаки, не подозревая, какая цѣнная добыча отъ нихъ ускользала, накинулись на обозъ, гдѣ паццунали боченки съ золотомъ. Пока скликались товарищій, пока выгружали эти боченки, не только императоръ успѣлъ скрыться, но явилась на выручку вся гвардейская конница. Тѣмъ не менѣе, допцы увернулись отъ раздѣлки, не покинули и золота; 11 пушекъ были отправлены раньше. — Почти въ это самое время генералъ Кутейниковъ отбилъ близъ Боровска обозъ съ церковнымъ серебромъ, изъ котораго впоследствии сдѣлали въ Казанскомъ соборѣ рѣшотку.

16-го октября Великая армія вступила на Смоленскую дорогу, ту самую, по которой она пришла въ Москву, а черезъ три дня ея арріергардъ былъ уже атакованъ казаками. Съ этого часа и до конца похода допцы, подкрѣпленные огорями и легкой конницей, становятся вѣрными стражами разрушенія Великой арміи. Самые губительные удары выпали на долю арріергарда: его сбивали съ каждой позиціи, давили сзади пушками, тѣснили съ боковъ лавой, не давая ему ни минуты устроиться. Уже за Гжатью войска Даву такъ перепутались, что нельзя было разобрать, гдѣ артиллерія, гдѣ конница или пѣхота: все обратилось въ нестройныя толпы, окруженные казаками, какъ роемъ пчелъ. А Наполеонъ слать своему маршалу выговоръ за выговоромъ, зачѣмъ онъ останавливается,

зачѣмъ строить войска въ боевой порядокъ, да еще требуетъ помощи отъ переднихъ корпусовъ.

На смѣну Даву былъ назначенъ Ней. Но тутъ и Ней былъ безсиленъ. Гвардія, шедшая впередъ, оставляла за собой пустыню; она растаскивала на дрова еще кое-гдѣ уцѣлѣвшія избы и истребляла послѣдніе запасы, сложеныя по этапамъ, такъ что заднимъ корпусамъ приходилось останавливаться подъ открытымъ небомъ, оставаться безъ дровъ и безъ воды. Ко всѣмъ бѣдамъ, въ концѣ октября начались заморозки, задули холодные вѣтры. Въ одну ночь большая часть армейскихъ лошадей, подкованныхъ по-лѣтнему, превратились въ калѣкъ: ихъ пришлось бросить. Каждый бивуакъ съ этого времени сталъ обозначаться, точно побоище, трупами лошадей, кучами голодныхъ солдатъ, прикрытыхъ рогожками, въ соломенныхъ ошейникахъ. Они просили какъ милости куска хлѣба, дрались за каждый сухарикъ. Преслѣдованіе же продолжалось своимъ чередомъ, даже настойчивѣе. Уже Великая армія двигалась сдавленная, какъ въ тискахъ: она не могла свернуть куда-нибудь въ сторону, искать новыхъ путей. Милорадоичъ шелъ по пятамъ непріятелю; Платовъ, усиленный двумя полками пѣхоты, получилъ приказаніе слѣдовать съ правой стороны, опережать французскія колонны, нападать на ихъ головы, а графы Орловъ-Донцовъ съ такими же шаброніями—сзади. Съ удивленіемъ французы увидѣли себя окруженными полчищами казаковъ; перестрѣлка не умолкала ни днемъ, ни ночью. Вице-король, въ надеждѣ выскочить изъ этихъ клещей, повернулъ въ-подъ Дорогобужа вправо, чтобы черезъ Духовщину обратиться на Витебскъ. Отъ дорого за это заплатился. 26-го октября, у д. Бизюковой, Платовъ разрѣзалъ его корпусъ на двѣ части: одна потянулась-таки къ Духовщинѣ, другая разсыялась, покинувъ 64 пушки. Французы спѣшили на переправу къ р. Вопи. Оказалось, что мостъ снесло ледоходомъ; обозы, отправленные заранѣе, стояли у рѣки. Между тѣмъ, приближались казаки. Вице-король выставилъ на помощь арріергарду итальянскую дивизию, а прочимъ войскамъ приказалъ начать переправу. Берега обмерзли, спуски сдѣлались до того круты, что не было возможности перевезти артиллерию, тѣмъ болѣе обозы. Солдаты бросились къ повозкамъ, навью-

чивали на себя и на лошадей, что было лучшаго, потому ки-
дались въ рѣку. Грабежь сдѣлался общимъ, артиллеристы по-
бросали болѣе 20 пушекъ. Съ трудомъ арріергардь удержи-
вать казаковъ до самаго вечера, наконецъ, отступилъ, и донцы
захватили весь обозъ. Имъ тогда досталось множество москов-
скихъ экипажей, особенно дрожекъ, которыми французы на-
дѣялись пощеголять на родинѣ. Наступила ночь, ясная, мо-
розная; холодный вѣтеръ продувалъ измокшихъ итальянцевъ,
улегшихся на снѣгу, безъ пищи, безъ огня. На всю дивизию
горѣло не больше десятка костровъ, у которыхъ варили ко-
нину или распускали снѣгъ, чтобы утолить мучительную жажду.
Напрасно на другой день пытались генералы устроить ихъ въ
полки: голодные, полузамерзшіе итальянцы не внимали голосу
начальниковъ; толпами они потянулись въ Духовщину. Но
Духовщина уже въ это время была занята двумя казачьими
полками генерала Иловайскаго 12-го, который шелъ этимъ пу-
темъ изъ Москвы. Однако вице-король вытѣснилъ Иловайскаго
отрядомъ гвардіи и послалъ императору донесеніе о своемъ
бѣдственномъ положеніи. Для того, чтобы сопровождать курь-
ера, пришлось вырядить цѣлую дивизию: иначе казаки не
пропустили бы его. Городъ оказался пустъ, хлѣба ни куска, кру-
томъ казакъ; вице-король, не дождавшись курьера, посѣпнулъ
выступить. Но его слѣдамъ устремилась донца и 1-го ноябри
вогнали остатокъ несчастнаго корпуса въ Смоленскъ. Прокру-
живъ 50 верстъ, вице-король явился къ императору безъ ка-
валеріи, безъ обоза, лишь всего съ 12 пушками.—Платовъ
получилъ тогда графское достоинство.

Въ то время, когда французскіе корпуса по-очередно, одинъ
за другимъ, пробивали себѣ путь подъ Краснымъ, казаки за-
носились далеко впередъ и даже тревожили главную квартиру.
Одинъ крикъ: «Казаки!» тревожилъ цѣлые корпуса, поднималъ
на ноги голодныхъ, оконечныхъ французовъ, выводилъ ихъ
изъ забытья. Корпусъ Нея, составлявшій, какъ уже сказано,
арріергардь Великой арміи, былъ брошенъ на жертву казакамъ.
Ночь Краснымъ Ней два раза ходилъ въ атаку и оба раза
былъ отбитъ. Тогда онъ рѣшился спасти хоть часть своихъ
солдатъ. Изъ 8 т. маршалъ отобралъ 3 т. самыхъ надежныхъ,
способныхъ еще сражаться, взялъ 10 орудій, и въ 9 ч. ве-

вчера выступилъ вдоль р. Лосины, въ надеждѣ пробраться къ Дибпру, а тамъ, окольными путями, въ Оршу. Солдаты шли безъ дороги, утопая въ глубокомъ снѣгу. Пройдя около 4 версты, они уперлись въ Дибпръ; сильный ледоходъ не позволялъ и думать о переправѣ. Маршалъ повернулъ внизъ по теченію и воелъ д. Валишки замѣтить, что ледъ сперся на самомъ изгибѣ рѣки. Начиало морозить. Маршалъ, завернувшись въ плащъ, немного вздремнулъ, окруженный безмолвными гренадерами, какъ вдругъ, около полуночи, казаки Чернозубова открыли его слѣдъ. Маршалъ приказалъ бросить обозъ, пушки, и сейчасъ же начать переправу. Обледенѣлые спуски были такъ круты, что солдаты спускались ползкомъ, попадая прямо въ воду. Одинъ по одному, перекидывая черезъ по льныя доски, отрядъ перебирался съ опасностью жизни. Когда потащили самыя нужныя повозки, ледъ рухнулъ. Съ другаго берега Ней услышалъ стоны утопавшихъ. На разсвѣтъ французы добрались до д. Гусовой, гдѣ ихъ встрѣтили развѣды Платова. Атаманъ съ 15-ю полками, съ донскою артиллеріей и 1-мъ Егерскимъ полкомъ двигался отъ Смоленска этой же дорогою на Оршу. Тутъ началось подобіе звѣриной травли. Въ то время, какъ маршалъ напрягалъ все силы, чтобы уйти, спасти себя и вѣрныхъ гренадеръ отъ плѣна, казаки выбивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы его поймать. Поймать оказалось труднѣе, потому что овражистая и лѣсистая мѣстность затрудняла на каждомъ шагѣ движенію конницы. Ней подвигался берегомъ, прикрывшись съ праваго фланга стрѣлками. Казаки шли поодаль, но мѣшались. Едва французы вышли на поляну, между двухъ лѣсовъ, какъ 12 казачьихъ полковъ наскочили сзади, оторвали хвостъ колонны, а донская артиллерія открыла пальбу съ праваго фланга. Французы быстро повернули въ лѣсъ, по видимому позанятый; но и лѣсъ ожилъ: въ 50-ти шагахъ раздалась ружейная залпа, потомъ загрохотали пушки. Колонна смѣшалась; солдаты, проклиная свою несчастную долю, стали кидать оружіе и разбѣгаться. Тогда Ней, сидя верхомъ на крестьянской лошадицкѣ, напомнилъ гренадерамъ, что ихъ ожидаютъ въ русскомъ плѣну. Они устроились, пришли въ порядокъ, съ криками: «Да здравствуетъ императоръ!» бросились въ лѣсъ — батарея исчезла, стрѣлки точно провалились сквозь

землю. — Среди дремущихъ лѣсовъ, французы брели на удачу, безъ тропинокъ; если выбивались временами на дорогу, то шгдѣ не могли найти пристанища: всѣ деревни по пути были покинуты, да и казаки не давали имъ заспѣиваться — гнали и гнали до истощенія силъ. Въ шести верстахъ отъ Орши гренадеры вышли, наконецъ, на большую дорогу, гдѣ соединились съ прочими войсками. Съ посохомъ въ рукѣ, въ изорванныхъ сапогахъ, три дня не ѣвши, французскій маршалъ вступить въ Оршу въ видѣ богомольца. Наконецъ, императоръ долженъ былъ сознаться въ гибели арміи. Покидая Россію, онъ опубликовалъ, что всѣ его колонны «были окружены казаками; подобно арабиянамъ въ пустынѣ, они охватывали его обозы».

Все, чѣмъ держится благоустроенное войско — порядокъ, повиновеніе, товарищество, все исчезло среди французонъ. Маршалы и генералы, растерявши свои корпусы, шли при гвардіи, хотя гвардія ничѣмъ не отличалась отъ прочаго войска. Куда дѣвались ея бравый видъ и гордая поступь? Сзади переступалаю съ ноги на ногу погребальное шествіе, изъ среды котораго раздавались тяжелые вздохи; лишь маршдакъ стукъ пущечныхъ колесъ да бряцаніе оружія нарушали гробовую тишину. Сама природа замерла: стужа оковала не только воды, но и человѣческія уста; птицы падали на лету; земля покрылась бѣлой снѣжной пеленой. Самые здоровые люди цѣпенѣли отъ холода; ихъ клонило ко сну; они шатались, падали — и замерзали. Бивуаки обратились въ кладбища; на каждомъ огневницѣ лежали груды тѣлъ, сгорѣвшихъ отъ невозможности подняться. Нѣкоторые солдаты, чтобы оживить отмороженные руки или ноги, совали ихъ въ огонь, другіе спокойно сидѣли на трупахъ товарищей въ ожиданіи своей очереди, а третьи, въ отчаяніи, прямо кидались въ огонь. Тутъ же торчали брошенные фуры, пороховые ящики, лафеты съ пушками и безъ пушекъ — опрокинутые, переломанные, точно въ цыганскомъ таборѣ. У казаковъ закончилось такое множество добычи, что открылся торгъ. Во рвахъ и оврагахъ, среди разломанныхъ фуръ и каретъ, среди мертвыхъ тѣлъ, продавались шелки, бархаты, серебряная посуда, золотыя вещи, мѣшки съ серебряной монетой; за сторублевую ассигнацію платили золотомъ по

400—500 рублей, чтобы только его не бросать. Со вступле-
ніемъ въ Бѣлоруссію стали появляться жиды въ своихъ гряз-
ныхъ лохмотьяхъ. Тогда открылись цѣлыя ярмарки: башкиры
или калмыкъ продавалъ дорогіе часы, проворный казакъ вы-
хвалялъ англійскаго скакуна; пѣхотный солдатъ вытаскивалъ
изъ ранца вороха тончайшихъ кружовъ, кашемирскія шапки
или пригоршни французскихъ крестовъ. И тамъ, гдѣ мѣряли
мѣшками деньги, часто не бывало крохи хлѣба; люди бродили
какъ тѣни, пожирали конину и собачину.

27 ноября въ воротахъ Вильны показались безоружныя
толпы разныхъ языковъ. Огнь разсыпался по городу, чѣмъ
произвели смятеніе и безпорядокъ. Испуганные жители поки-
нули въ домахъ двери и закрыли лавки. Солдаты разбре-
лись, армія исчезла. Вдругъ раздались пушечные выстрѣлы:
то отважный Сеславинъ ворвался съ горстью казаковъ и пар-
тизанъ; ночью подошли еще два партизана—Ланской и Кай-
саровъ. Такая смѣлость привела въ ужасъ французовъ. Ней
снова принялъ начальство надъ арріергардомъ. Огнь спокойно
отдыхалъ въ своей квартирѣ, когда вошелъ къ нему съ обна-
женной пшагою баварскій генералъ Вреде: «Вашо превосход-
ительство! сказалъ онъ: непріятель идетъ по нашимъ ша-
тамъ. Предлагаю себя и 60 кавалеристовъ, чтобы проводить
васъ до Ковно». Ней подошелъ къ окну и, указавъ на бѣ-
гуція толпы, съ горечью спросилъ: «Неужели вы хотите,
чтобы французскій маршалъ послѣдовалъ за этой сволочью?
Нѣтъ, генералъ, у меня въ домѣ стоитъ 50 гренадеръ, и ка-
закъ всего міра не заставятъ меня покинуть его до утра». —
Однако, и Ней пришлось на другой день поторониться, иначе
огнь полатился бы цѣлымъ арріергардомъ; онъ и безъ того
покидалъ въ Вильнѣ 20 т. четвертой хлѣба, 15 т. пльшыхъ
и 40 орудій. Еще на разсвѣтѣ графъ Орловъ-Донцовъ по-
явился на ковепской дорогѣ; вскорѣ прибылъ Платовъ и окру-
жилъ арріергардъ. Французы были разрѣзаны на двѣ части,
многіе изрублены, еще больше разбѣжались или сдались. У
подношья Понарской горы Ней кое-какъ устроилъ пять кучокъ,
отъ 400 до 500 чел. въ каждой. Эти полуживые люди, оду-
шевленные мужествомъ маршала, задержали на время казаковъ.
Между тѣмъ, шедшіе въ головѣ не могли взобраться на кру-

тую обледенѣлую гору. Лошади, выбиваясь изъ силъ, падали цѣлыми упряжками. Обозы сбились до того, что Мюратъ съ маршалами прокладывали себѣ путь по поляхъ въ сугробахъ. Наконецъ, они велѣли переложить на вьюки казну и собственныя вещи императора, а повозки сжечь. Во время перекладки изъ одной фуры посыпалось золото: солдаты кинулись на грабежъ. Они набивали карманы, кто сколько могъ, а затѣмъ пу-скались бѣжать. На эту свалку пацѣли казаки: все порону-талось—свои и чужіе: корысть взяли вверхъ, каждый торж-нился сразу разбогатѣть. На Понарской горѣ французы поки-нули остальные обозы, 28 орудій съ зарядными ящиками и богатую казну въ 2½ милліона, считая на рубли. «Тутъ мы потеряли, сказать одишъ изъ французскихъ офицеровъ, деньги, свою честь, послѣднюю силу и дисциплину!»—Больно терять было нечего.

Отъ Вильно до Коно графъ Платовъ съ одной конницей, при 15 пушкахъ, уложенныхъ въ сани, гналъ несчастный аррьергардъ, какъ одурѣлыхъ овецъ, которые ни о чемъ болше не думали, какъ бы спастись. 29 ноября, на переходѣ къ Рум-шинкамъ, Ней собралъ было свои остатки, и самъ, съ ру-жьемъ въ рукахъ, повелъ ихъ впередъ, но солдаты не пошли да-леко: они покинули своего маршала! Огъ не попалъ въ плѣтъ только потому, что былъ одѣтъ такимъ же оборванцемъ, какъ и вся его толпа. Но имѣя ни артиллеріи, ни конницы, маршалъ не могъ удержать ни одной позиціи. Да и что могла сдѣлать плѣхота, если у солдатъ отмерзали пальцы, пока они заряжали ружья, и если курки покрывались толстымъ слоемъ льда? Число людей съ каждымъ часомъ уменьшалось; когда Ней выступалъ изъ Вильны, было у него подъ ружьемъ 3 т., въ Коно огъ при-велъ только 60 чел. Позади, начинала еще съ Вязьмы, скорб-ный путь французской арміи обозначался человѣческими тру-пами, примѣрно отъ 200 до 300 на каждой верстѣ, не считая бивуаковъ. Въ Борисовѣ еще долго стоялъ шалаши изъ око-ченыхъ труповъ, и въ немъ покоились тѣ, которые его сло-жили; изъ занесенныхъ снѣгомъ кашки торчали—гдѣ почер-нѣвшая рука, гдѣ нога. Всѣ корчмы были набиты мертвыми. Огъ обыкновенно загорались отъ разведочныхъ костровъ, при чемъ погибали и живые, такъ какъ не могли сдвинуться съ мѣста

но бѣзсилію или бѣзпамятству. Ужасенъ былъ видъ мертвецовъ, но еще ужаснѣе казались тѣ офицеры или солдаты, которые еще передвигали ноги среди этого царства смерти. У многихъ на головахъ, вмѣсто шапокъ, были надвинуты ранцы; у нѣкоторыхъ оставались еще каски съ длинными конскими хвостами; тѣло было покрыто рогожей или соломой, ноги босы. Множество французовъ разбрелось по сосѣднимъ деревнямъ, гдѣ они подошгу скрывались, зарывшись въ солому; большинство же топилося тамъ, гдѣ лежала надалѣ, около которой они дрались и рвали ее на куски. Не разъ наши видѣли, какъ несчастные пожирали мертвые трупы своихъ товарищей... По дорогѣ, по которой проходили русскія воиска, безпрестанно раздавался на всѣхъ языкахъ жалобныя вопли, вымаливаніе куска хлѣба; но что могли дать наши солдаты, когда они сами бѣдоуали? Для сбора и препровожденія плѣнныхъ внутрь Россіи наряжались особыя партіи казаковъ. Ихъ отправляли по 2—3 т. вмѣстѣ, а такъ какъ кормить было почѣмъ, то ихъ ждала такая же горькая участь. Однажды два француза въ такой партіи поредрались за лошадиную погу: казаки едва могли ихъ разогнуть погайками. Изъ 180 т. плѣнныхъ вернулась во Францію лишь шестая часть. Сколько древнихъ родовъ угасло, сколько великихъ имуществъ осталось безъ наследниковъ, жонгъ овдовѣвшихъ, дѣтой осиротѣвшихъ!—И все изъ-за честолюбія одного человѣка.

Маршалъ Ней истратилъ на пути изъ Москвы 4 арріергарда; остатки четвертаго казаки Платова погнали въ Ковно, при чемъ отбили въ послѣдній разъ на своей землѣ 4 пушки, 1,300 плѣнныхъ. Неустрашимый маршалъ надѣялся, что укрѣпленія Ковно, съ его гарнизономъ и 40 пушками, могутъ задержать русскихъ хотя на нѣкоторое время. Дѣйствительно, 20 орудій загремѣли—было съ утра по всей линіи, но это продолжалось не долго. Ковенскому коменданту оторвало ядрою погу, и онъ застрѣлся; нѣмецкію рокруті струсилъ, разбѣжался, а французскіе солдаты, набросившись на водку, перепились до безчувствія. Маршалъ былъ пристыженъ упадкомъ чести и мужества. Онъ опять сталъ съ ружьемъ во главѣ небольшой кучки солдатъ и еще разъ долженъ былъ сознаться, что сопротивленіе невозможно: съ одной стороны, драгуны, сру-

бни палисады, повалились через Виленскую заставу; съ другой стороны, казаки заходили по льду, въ тылу города. Приходилось покшуть и Ковню съ его арсеналомъ. Двѣ колонны пѣхоты выступили изъ города. Едва они успѣли перейти рѣку, какъ вихромъ налетѣли казаки и разогнали французовъ: одну часть погнали берегомъ къ Тяльшту, другую къ Волковыску. Для преслѣдованія выбрали самыхъ добройконныхъ. Маршалъ, испивъ до дна горькую чашу страданій, былъ подъ конецъ еще ранепъ; пользуясь темнотой, онъ съ двумя стами вѣрныхъ гренадеръ успѣлъ скрыться въ лѣсу. На другой день, никѣмъ не узнаваемый, онъ явился въ Волковыскъ.

— Кто вы? спросилъ его французскій генераль.

— «Я—арріоргардъ Великой арміи, маршалъ Ноіи.—Прочіе маршалы разсыпались по восточной Пруссіи, какъ лишонные крова патинники.

Изъ 400 т. перешедшихъ въ Ковню нашу границу 12 іюня, вернулось черезъ нее же обратно: 400 солдатъ старой гвардіи, 600 кавалеристовъ, 9 пушекъ и безоружная толпа, примѣрно въ 20 т.—только.

Звонъ колоколовъ ковенскихъ церквей и пушечная пальба торжественно возвѣстили величайшее и радостное сердцу русскаго событіе. На городской площади, въ присутствіи горожанъ и окрестныхъ поселенъ, атаманъ Платовъ, его вѣрные донцы и сподвижники-драгуны, преклонивъ колѣна, горячо молились и благодарили Господа за избавленіе отечества. Загѣли многолѣтіе царствующему Государю, снова грянули пушки, и задрожать воздухъ отъ радостныхъ криковъ, восклицаній не-удержимаго «ура!» Въ эту минуту передовые бойцы русской рати, позабывъ тяжкіе труды, нужду и бѣды, воспрянули духомъ, преполнились чувствомъ гордости. Только здѣсь, на рубежѣ земли, они опомнились, что сослужили великую службу родному Дону, матери Россіи и отцу-Государю. Такія минуты просвѣтленія помнятся до смерти.

И донцы настрадались не мало на длинномъ пути отъ Тарутина до Нѣмана. Усиленные переходы днемъ и ночью по глубокимъ снѣгамъ, часто по дремучимъ лѣсамъ, при жестокихъ морозахъ, убавили донскіе полки на третью часть. Ын казаки при случаѣ, тѣмъ разживутся, спали тоже при случаѣ,

и то больше на бивуакахъ, у костровъ, при чемъ ежедневно дрались съ непріятелемъ. Тѣ, которымъ довелось водить и гнѣныхъ, заражались отъ нихъ болѣзнями, сами болѣли даже помиравли. Въ конницѣ иные полки состояли изъ 60 человекъ, а тѣ, которые имѣли по 150—200, считались уже сильными полками; въ Минскомъ пѣхотномъ полку уцѣлѣло 80 солдатъ; въ нѣкоторыхъ ротахъ другихъ полковъ оставось 6—10 рядовыхъ. Около тысячи нашихъ заморозло, другіе отстали въ пути, иные, подобно французамъ, бродили по селамъ. Солдаты сдѣлали походъ въ лаптяхъ и въ полушубкахъ, а больше того— въ сѣрыхъ крестьянскихъ кафтанахъ; лица у всѣхъ были обернуты тряпками. Многие тогда познобились, растратили свое здоровье на маршахъ да на бивуакахъ. Солдаты, офицеры, генералы—все шли пѣшкомъ, одинаково были одѣты, одинаково терпѣли: нужда всѣхъ сравняла.

Заграничные походы и возвращеніе на Донъ.

днако война не кончилась. И за Нѣманомъ казаки безостановочно гнали остатки Великой арміи. Проникая далеко въ глубь страны своими летучими отрядами, они очищали попутные нѣмецкіе города, мѣшали французамъ соединить для отпора свои разрозненныя силы. Кромѣ того, казаки вносили безурядицу въ тылу непріятеля. Они уничтожали мосты, хватали транспорты, разбивали парки, обозы и даже появлялись въ такихъ большихъ городахъ, какъ Лейпцигъ, занятыхъ въ ту пору непріателемъ. И всѣ эти передвиженія они совершали такъ быстро, что никакая конница не могла за ними услѣдить, — да у французовъ и вовсе не было конницы.

Когда Государь Императоръ отозвалъ Платова къ себѣ, въ главную квартиру, казаки частью были раздѣлены между корпусами, частью вошли въ составъ летучихъ отрядовъ — то мелкихъ, то болѣе крупныхъ, смотря по назначенію. Такими летучими отрядами былъ освобожденъ, между прочимъ, Берлинъ,

столица Прусскаго королевства. Въ началѣ февраля русскіе перешли въ разныхъ мѣстахъ Одоръ. Лодь на рѣкѣ былъ такъ тонокъ, что черезъ 2 дня послѣ переправы рѣка вскрылась. Чернышевъ, имѣя подъ командой 6 казачьихъ полковъ, 6 эскадроновъ гусаръ и драгунъ, при двухъ орудіяхъ, пригласилъ еще Тотенборна принять участіе въ набѣгѣ. Въ Берлинѣ менѣе всего ждали появленія русскихъ: генераль Ожоро былъ увѣренъ, что всѣ переправы черезъ Одоръ находятся въ рукахъ французовъ. Въ 4 ч. утра оба отряда незамѣтно подошли къ городу. Полковникъ Власовъ съ двумя казачьими полками долженъ былъ напасть на Шарлотенбургъ, гдѣ стояла большая часть французской артиллеріи, а въ это время остальныя войска — вскочить въ городъ. Дѣло вышло иначе. Пока у насъ дѣлались распоряженія, въ городскихъ воротахъ показалось 30 французскихъ всадниковъ. Въ одинъ мигъ казачій полкъ Киселева бросился навстрѣчу и по ихъ слѣдамъ ворвался въ городъ. Тутъ ужъ медлить было нельзя. Чернышевъ подвелъ къ заставѣ остальныя войска, изъ коихъ 3 полка послалъ туда же, на помощь. Они промчались по улицамъ подъ выстрѣлами неприятельскихъ командъ и остановились на берегу Шпре; всѣ мосты были сломаны, кромѣ каменнаго, гдѣ стояла батарея въ 6 орудій; полкъ Киселева былъ встрѣченъ на Александровской площади огнемъ изъ пѣхотнаго карре. Это не помѣшало казакамъ носиться вдоль улицъ, гарцовать на площадяхъ, особенно тамъ, гдѣ собирались кучи любопытныхъ. Берлинцы не вѣрили своимъ глазамъ, видя такое чудо; они не знали, чѣмъ выразить свою радость; многіе были бы не прочь присоединиться, подать помощь, но полиція зорко за такими слѣдила и даже стрѣляла въ толпы народа. Между тѣмъ на гауптвахтѣ забили тревогу: французы строились въ ряды, изъ Шарлотенбурга скакала артиллерія. Тогда Чернышевъ разослалъ приказаніе возвратиться за заставу. Двое казаковъ были ранены на главной улицѣ, передъ окнами прищессы Оранской. Она скрывала ихъ въ своемъ домѣ и оберегала, пока французы не очистили Берлинъ, что случилось черезъ три недѣли, само собой. Русскіе вступали этотъ разъ въ столицу Пруссіи торжественно, побѣдоносно. Братъ короля, окруженный генералами, выѣхалъ за 4 версты навстрѣчу войскамъ; весь путь до города сплошь

покрылся ликующими гнѣмцами. Въ самомъ городѣ крыши, заборы, окна домовъ наполнились зрителями, среди которыхъ раздавались пригѣтствія и радостныя возгласы: «Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель!» Все глядѣло весело, радостно, какъ бываетъ въ дни избавленія цѣлаго народа отъ власти чужеземцевъ.

Пока гнѣмцы ополчались противъ общаго врага, наши летучіе отряды углублялись все дальше и дальше — одни вюрхъ по теченію Одера, другіе къ берегамъ Эльбы, а третьи — и того дальше, за Эльбу, до Везера. Полковникъ Тетенборнъ, съ 4 полками казаковъ, 4 эскадронами гусаръ и двугубъ при двухъ орудіяхъ, пошелъ на Гамбургъ, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Германіи, принадлежавшій тогда французамъ. Жители Гамбурга, недовольные притѣсненіями властей, посрывали съ присутственныхъ мѣстъ французскіе гербы, при чемъ бросали камнями въ городского мера и его приверженцевъ. Все стихло при приближеніи русскихъ. За 15 верстъ отъ города 30 гражданъ, съ двумя сенаторами, вручили Тетенборну городскіе ключи. Отсюда началось триумфальное шествіе: гильдин и цехи выступали въ порядкѣ, со своими знаменами; женщины устилали путь цвѣтами; бюстъ Императора, увѣнчанный лаврами, несли высоко надъ головами съ подобающимъ почетомъ. Звонъ колоколовъ, пальба изъ ружей и восторженные крики: «Да здравствуетъ Александръ!» не умолкали цѣлый день ни на минуту. Жители приглашали къ себѣ на домъ казаковъ, гдѣ угощали ихъ радушно, обильно. Когда Тетенборнъ вышелъ вечеромъ изъ театра, гнѣмцы выпрямили лошадей, донесли его коляску и внесли на плечахъ въ квартиру. Онъ объявилъ гражданамъ, что отнынѣ они могутъ начать торговлю съ англичанами и другими народами, состоящими въ мирѣ съ русскимъ царемъ. Радостное извѣстіе облетѣло весь городъ, и тотчасъ же былъ снаряженъ первый пакетботъ, который на другой день отплылъ къ берегамъ Англій. Какъ извѣстно, Наполеонъ, чтобы обезсилить эту морскую державу, запретилъ всѣмъ приморскимъ городамъ Европы вести съ ней торговлю. — На этомъ-то пакетботѣ Тетенборнъ отправилъ съ депешами къ нашему посланнику въ Лондонъ донскаго казака 9-го Сулина полка Але-

ксандра Земленухина, или по-уличному Витиченкова, съ однимъ пзъ офицеровъ, по фамили Бокъ.

О допцахъ въ ту пору ходили рассказы самое преувеличенныя: говорили, что они имѣють видъ звѣрообразный, свирѣпы, что на корысть чрезвычайно надки, жестоки до того, что не дають пощады ни старости, ни младости, однимъ словомъ, что это скорѣе звѣри, выпущенные на травлю людей. Несмотря на такія рассказы, англичане къ нимъ благоволили, потому что видѣли въ нихъ заклятыхъ враговъ Наполеона, истребившихъ его армію. Приѣздъ казака въ Лондонъ сталъ сразу извѣстенъ. Густая толпа народа окружила почтовую карету, изъ окна которой торчала длинная казацкая пика. Какъ-какъ, съ большимъ трудомъ, добрался Земленухинъ до своего помѣщенія, приготовленнаго ему радушнымъ Акерманомъ. Лондонскіе граждане, желая чѣмъ-нибудь показать свое уваженіе русскому народу, стали собирать деньги въ пользу Земленухина, но Бокъ, узнавши объ этомъ, объявилъ въ газетахъ, что русскому воину запрещено брать деньги, а если кто пожелаетъ его почтить, то можетъ дарить оружіемъ. Черезъ недѣлю Земленухинъ и Бокъ получили приглашеніе во дворецъ къ лорду-меру, хозяину столицы. Лордъ-меръ, принимая казака, сказалъ черезъ переводчика, что онъ считаетъ за честь пожать руку такому заслуженному воину, хотя у него нѣтъ ни чиновъ, ни титуловъ. Земленухинъ отвѣтилъ, также черезъ переводчика, что онъ «всегда готовъ служить Царю и отечеству». — «А сколько французовъ вы убили своей пикой?» — «Трехъ офицеровъ, а сволочи нѣсколько четвериковъ». — Переводчикъ же передалъ его слова такъ: — «Казакъ убилъ своей пикой 39 французовъ». — Послѣ роскошнаго завтрака лордъ-меръ провелъ своихъ гостей въ большую залу, гдѣ собралось именитое купечество столицы и множество посторонней публики. Когда Земленухинъ показался на балконѣ передъ биржей, то народъ привѣтствовалъ его громкими криками: «Да здравствуютъ русскіе! Слава казакамъ!» Какъ только толпа стихла, лордъ-меръ сказалъ краткую рѣчь, въ которой хвалилъ храбрость русскаго казака и, въ заключеніе, пожелалъ нашему Государю довести до конца побѣдоносную войну съ французами. Англичане захопали въ ладоши съ криками:

«браво! браво!» — Въ англійскихъ газетахъ такъ описывали наружность Земленушина: «Роста онъ около 6 футовъ, сильный и коренастый; наружность воинственная, но лицо доброе, вовсе не такое, какъ у насъ думаютъ про русскихъ. Борода у казака длинная, кудрявая и сѣдая, волосы тоже длинные, зачесанные назадъ, а на лбу острижены коротко и ровно. Одѣтъ онъ въ синій кафтанъ и шаровары, сшитые изъ толстаго англійскаго сукна, сапоги широкіе, съ круглыми носками. Руки у казака необыкновенной ширины, съ короткими пальцами, но онъ отлично управляется своимъ оружіемъ, состоящимъ изъ пистолета, ружья, сабли и длинной пикн». — Видъ казака настолько былъ любопытенъ, что два художника вызвались снять съ него портретъ. Когда эти портреты были отпечатаны, то Земленушинъ просилъ дать ему нѣсколько штукъ для жены и дѣтей. Хозяинъ, у котораго онъ гостилъ, принесъ ему на выборъ 4 дорогихъ сабли. Земленушинъ выбралъ съ турецкимъ клинкомъ; на немъ была сдѣлана такая надпись: «Подарена Александру Земленушину, донскому казаку Сулина полка, отъ Рудольфа Акермана. Лондонъ, 20 апрѣля». На рукояткѣ было вырѣзано по-латыни: «За Бога, Царя и Отчизну». — Кромѣ того, многіе знатные англичане, особенно англичанки, поднесли ему богатые подарки, преимущественно оружіемъ, англійскаго же издѣлія. Одинъ англичанинъ даже написалъ въ честь Земленушина стихи, которые начинаются такъ:

«Ура! горять, пылають села.
«Сѣдлай, казакъ, коня!»

Пасха застала его на чужбинѣ, но онъ разговѣлся по русскому обычаю у нашего послашника, который пригласилъ его къ себѣ обѣдать на всю Святую. Онъ же представилъ Земленушина принцу-регенту, бывшему за короля. Его высочество подарилъ казаку саблю на черпой бархатной португелѣ, обитой серебромъ, и такую же сумку со своимъ вѣзелемъ и короной. Нѣсколько дней спустя, Земленушинъ уѣхалъ изъ Лондона, отблагодаривши своихъ новыхъ друзей за ласку, особенно же хозяина: «Погостилъ я и поѣлъ у тебя хлѣба-соли, сказалъ онъ на прощанье Акорману, ты въ послѣдній день былъ такъ же ласковъ со мной, какъ и

въ первый». — Когда Земленухинъ явился въ свой отрядъ, то вскорѣ было получено приказаніе выслать его въ главную квартиру. Здѣсь онъ имѣлъ счастье быть представленнымъ Императору Александру и королю Прусскому. Обласканный и произведенный въ урядники, Земленухинъ вернулся на Донъ.

Между тѣмъ, летучіе отряды продолжали вредить непріятелю на берегахъ Эльбы. Однажды разъѣздамъ Чернышева удалось перехватить письмо съ важнымъ извѣстіемъ, что изъ Ганновера выступилъ огромный артиллерійскій транспортъ, который на 18-е мая долженъ имѣть ночлегъ у г. Гальберштадта. Нашъ отрядъ перешелъ рѣку и двинулся навстрѣчу: 75 верстъ были пройдены въ 30 часовъ. Не доходя 7 верстъ, Чернышевъ узналъ, что за городомъ ночевалъ другой паркъ, немного поменьше, съ прикрытіемъ въ 2 т. чел., но что въ это же утро ожидается и большой транспортъ; отсюда они должны слѣдовать вмѣстѣ. Это извѣстіе заставило Чернышева немедленно распорядиться нападеніемъ. Баварцы отлично расположились вагенбургомъ между рѣчкой и перекопанной дорогой, за версту отъ города; пѣхота скрылась внутри вагенбурга, 14 орудій стояли въ промежуткахъ между повозками, защищая фронтъ и фланги. Чернышевъ выслалъ полкъ Сысоева на дорогу, откуда ожидался большой транспортъ; Грековъ 18-й получилъ приказаніе ворваться въ городъ и ударить на вагенбургъ съ тыла, а Власовъ съ двумя казачьими полками—атаковать съ фронта. Грекову удалось овладѣть городскими воротами, но Власовъ былъ отраженъ картечными залпами 14-ти пушекъ. Тутъ отъ Сысоева прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что на дорогѣ уже показалось прикрытіе, слѣдовательно, транспортъ приближается. Къ счастью, капитану Богдановичу удалось изъ своихъ двухъ орудій взорвать нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Этой суматохой воспользовался Чернышевъ и пустилъ весь свой отрядъ—гусарь, драгунъ, казаковъ—на проломъ. Выдержавши страшный залпъ, они прежде всего накинулись на артиллеристовъ, потомъ врубались между повозокъ. Баварцы защищались отчаянно: кололи штыками, отбивались прикладами, однимъ словомъ, работали, какъ слѣдуетъ доброй пѣхотѣ; но это еще болѣе ожесточило нашихъ. Они

рубил солдатъ въ строю, рубили ихъ подъ повозками, откула-тъ продолжали стрѣлять, или выгоняли пиками. Чернышевъ доносить послѣ главнокомандующему, что такой стремитель-ной атаки, какую произвели здѣсь его молодцы, искусившіеся въ набѣгахъ, онъ не видалъ во всю свою боевую жизнь. Половина отряда, въ томъ числѣ баварскій генераль Оксъ и 15 офицеровъ, осталась въ плѣну, а другая половина легла на мѣстѣ. Весь паркъ сталъ трофеемъ этого знаменитаго набѣга. Пока отправляли орудія, зарядные ящики и повозки съ аму-ниціей, казаки сдерживали наступленіе непріятельскаго аван-гарда, поспѣшавшаго на помощь. Дѣло было сдѣлано на чи-стоту: ни одна повозка не брошена.—Послѣ того, всѣ парки и подюды, бывшіе въ пути, получили приказаніе остановиться, а артиллерию перевели изъ Ганновера въ Баварію, въ глубь Германіи. Такой былъ страхъ, наведенный на французовъ ле-тучими отрядами.

Еще болѣе смѣлое, можно сказать, дерзкое движеніе сдѣ-лать Чернышевъ, этотъ отважный партизанъ, въ тылъ На-полеону, на его главныя пути, а именно къ гор. Касселю, столицѣ королевства Вестфальскаго. Это королевство было составлено изъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣній, и королемъ его, по волѣ всемогущаго Наполеона, назначенъ младшій братъ императора Иеронимъ, о которомъ упоминалось раньше. Плохо жилось бѣднымъ нѣмцамъ подѣ властью такого короля. Онъ мало думалъ о своихъ подданныхъ, окружить себя францу-зами, жить пышно, расточая казну, въ то время какъ страна бѣдѣла отъ поборовъ и поставки рекрутъ. Солдаты въ раз-ныхъ концахъ Европы сражались подѣ знаменами Наполеона за дѣло, имъ чужое; изъ 25 т., уведенныхъ въ Россію, вер-нулись лишь двѣ. Въ ту пору границы королевства были открыты; въ столицѣ находилось не болѣе 4 т. войска. Все это хорошо зналъ Чернышевъ, который рассчитывалъ воору-жить населеніе, поднять народную войну и такимъ образомъ прервать сообщеніе главныхъ силъ Наполеона съ ихъ оте-чествомъ.

Въ началѣ сентября Чернышевъ переправился ночью на лодкахъ черезъ Эльбу и вступилъ въ край, повсюду запятый непріателемъ. Въ отрядѣ находилось, кромѣ 8 эскадроновъ

гусарь и драгунъ, 8 казачьихъ полковъ подъ общимъ начальствомъ Бенкендорфа. Подвигались скрытно, останавливались на почлеги вдали отъ жилья, и то на самое короткое время; если же случалось дѣлать привалъ въ деревнѣ, то на это время ее окружали казачьими постами, не выпуская и никого не выпускающая; бурмистръ этой деревни долженъ былъ провожать отрядъ возможно дальше. Проводники никогда не знали, куда они ведутъ, и часто отрядъ безъ всякой надобности сворачивалъ въ сторону, чтобы только сбить съ толку мѣстныхъ жителей. Пройдя такимъ образомъ около сотни верстъ, Чернышевъ узналъ, что на половинѣ пути къ Касселю стоитъ кирасирская бригада и батальонъ пѣхоты. Онъ тотчасъ свернулъ влѣво и окольными путями приблизился рано утромъ къ столицѣ, сдѣлавши въ сутки болѣе 80 верстъ. Былъ густой, непроглядный туманъ, помѣшавшій сейчасъ же приступить къ дѣлу. Въ 10 часовъ утра казаки Жирова и 2 эскадрона драгунъ переправились за Фульду съ тѣмъ, чтобы перехватить королю дорогу, въ случаѣ его бѣгства, но оказалось, что онъ уже протѣхалъ. Нашимъ удалось оторвать только хвостъ аррьергарда, 250 кирасиръ. Нападешіе на городъ также кончилось неудачей. Правда, допцы Власова 3-го и Грекова 18-го разбили при помощи мѣщанъ ворота, пронеслись по улицамъ до самаго моста, но тутъ были остановлены сильнѣйшимъ огнемъ пѣхоты: гвардейскіе гусары, развернувшись на площади, изготовились къ атакѣ. Тутъ узнаетъ Чернышевъ, что въ тылу у него появилась кирасирская бригада, та самая, которую онъ обходилъ. Тогда онъ приказалъ вывести казаковъ изъ города. Пока отрядъ собирался, пока устраивался на отдыхъ, къ нему съ разныхъ сторонъ являлись перебѣжчики, но желавшіе служить французамъ, такъ что изъ нихъ составилась цѣлый батальонъ охотниковъ; казаки захватили въ разныхъ мѣстахъ 9 пушекъ—составилась батарея, въ полной запряжкѣ. На другой день наши открыли капонаду. Жители умоляли коменданта отказаться отъ обороны, но получили отъ него такой отвѣтъ: «Мнѣ приказано оборониться, и я исполню это приказаніе». — Дѣйствительно, всѣ заставы были заняты пѣхотой, мостъ загроможденъ фурами, на площади поставлено 4 пушки и воокъ нихъ копница. Кассельцы вовсе не желали обращать свои

городъ въ развалины. Между ними и французами начались схватки; тѣ кидали въ войска камнями, а эти стрѣляли въ нихъ изъ ружей; досталось и коменданту. Какъ только Бенкендорфъ съ драгунами и батальономъ новобранцевъ подошелъ къ заставѣ, стоявшая тамъ карабинерная рота передалась русскимъ. Наши вступили въ городъ. Послѣ долгихъ переговоровъ коменданту позволили вывести свои войска, но безъ артиллеріи. Народъ привѣтствовалъ русскихъ, какъ своихъ избавителей; казаковъ носили на рукахъ. Въ городѣ найдено 30 орудій, множество ружей, патроны, амуниція, денежная казна. Изъ нея 15 т. талеровъ розданы войскамъ, а 60 т. отпрывлены начальству; 22 пушки увезли въ Берлинъ. Въ тотъ же день Чернышевъ обнародовалъ воззваніе, въ которомъ приглашалъ нѣмцевъ присоединиться къ братскому союзу и послужить дѣлу освобожденія Германіи въ рядахъ ея защитниковъ, пришедшихъ издалека. Хотя Чернышевъ черезъ нѣсколько дней опять вернулся на берега Эльбы, по его набѣгу и воззванію возбудили среди народовъ южной Германіи радостныя надежды на лучшія времена.

На поляхъ Лейпцига дѣло освобожденія Германіи рѣшилось въ ея пользу. Въ достопамятной «битвѣ народовъ», отличились, между прочимъ, лейбъ-казаки. Случилось это вотъ какъ. Наполеонъ, окруженный подъ Лейпцигомъ войсками союзниковъ, хотѣлъ прорвать посреди ихъ линію нашихъ войскъ и отрѣзать имъ пути отступленія въ Богемію. Французская конница, спустившись съ высотъ подъ прикрытіемъ 60 орудій, устроилась на полки русской пѣхоты. Ею не могли задержать ни штыки, ни карточь. Она проскочила между каре, захватила 2 батареи и остановила гвардейскую конницу, бывшую на ходу, при чемъ палъ начальникъ дивизіи, генералъ Шевичъ. Ударъ французской кавалеріи былъ страшенъ: она растоптала все, что встрѣчала на пути и прорвала нашъ центръ. Впереди ея, по эту сторону плотины, на возвышеніи, стоялъ Императоръ Александръ, окруженный святой. Французы мчались прямо на него, а подъ рукой войскъ не было, кромѣ обычнаго конвоя. Казаки впились глазами въ своего монарха: они ждали лишь одного мановенія, чтобы встрѣтить враговъ своею грудью, задержать, остановить, хотя бы самимъ при-

шлось погибнуть. Государь точно угадалъ ихъ мысль. Онъ приказалъ Орлову-Денисову вызвать на помощь кирасиръ, придвинуть изъ резервовъ артиллерію, а казакамъ сейчасъ же ударить во флангъ полкамъ Латуръ-Мобура. Дрогнули у казаковъ сердца, когда они это услышали. Они понимали, какъ страшно пропустить хотя одну минуту, какое минуту — одну секунду! Плотина была такъ узка, что по ней проѣзжали въ одинъ конь; впереди всѣхъ проскакалъ Ефремовъ, за нимъ три эскадрона допцовъ, потомъ — черноморцы. Вправо за плотиной тянулось возвышеніе, прикрывшее на время казаковъ. Тутъ догналъ свой полкъ Орловъ-Денисовъ, исполнивъ порученіе Государя. Французы продолжали движеніе, подавляя своею грозною силою нашу легкую конницу, которая все еще пыталась устроиться.

Вдругъ, на флангъ показались лейбъ-казаки. Ударъ ихъ былъ неожиданный и сильный. Ближайшіе ряды смяты и разсѣяны, дальніе остановили свой патискъ, заволновались. Эта мгновенная остановка дала время устроиться нашимъ полкамъ, потерявшимъ своего начальника. Они поправились, въ свою очередь атаковали французовъ съ фронта; съ другаго фланга врубались прусскіе кирасиры и драгуны. Въ довершеніе бѣды, ядромъ оторвало ногу храброму Латуръ-Мобуру. Въ величайшемъ безпорядкѣ укрылся его корпусъ за линію пѣхотныхъ колоннъ; загрохотала наша резервная артиллерія, подоспѣли лейбъ-егеря, прибѣжали лейбъ-гренадеры. Тонкій расчетъ Наполеона не удался. Наша линія снова сомкнулась; теперь она стала видною грознѣе. — Черезъ 19 лѣтъ состоялось Высочайшее повелѣніе лейбъ-казачьему полку перенести свой полковой праздникъ на 4-е октября, годовщину Лейпцигской битвы, и воспоминаніе о славномъ подвигѣ дѣдовъ живеть и понынѣ въ рядахъ этого полка.

Разбитая подъ Лейпцигомъ французская армія потянулась на западъ, къ границамъ Франціи. Казаки, опять подъ начальствомъ Платова, то упресдали непріятеля, занимая попутно города, то шли по его слѣдамъ, тормозили арріергардъ. Не доходя Франкфурта, Платовъ, при помощи Орлова-Денисова, Чернышева, Иловайскаго и Каисарова, разнесъ весь арріергардъ, при чемъ взялъ въ плѣнъ 4 т. солдатъ. За этотъ

подвигъ Государь пожаловалъ ему богатое брилліантовое перо на шапку.

Когда союзныя войска перешли Рейнь, вступили, слѣдовательно, въ предѣлы Франціи; казачьихъ полковъ считалось 26, но изъ нихъ лишь одинъ Атаманскій былъ въ полномъ составѣ, прочіе имѣли по 200 — 300 чел., не больше. Собственно въ отрядѣ Платова находилось 10 полковъ, съ которыми онъ шелъ впереди главной арміи, пока она не соединилась съ Блюхеромъ. Послѣ того донцы дѣйствовали сами по себѣ. Вездѣ, гдѣ они ни появлялись, прекращался сборъ податей, поставка рекрутъ, доставка продовольствія, однимъ словомъ, все, что могло усилить или подкрѣпить Наполеона. Этого мало. Въ началѣ февраля казаки подступили къ г. Немюру. Его высокая каменная стѣна была окружена каналомъ, мосты находились подъ защитой палисадовъ, рогатокъ и пупокъ; обязанности коменданта исполнилъ старшій заслуженный полковникъ. Вообще, Наполеонъ заранѣе позаботился о защитѣ этой крѣпости Платовъ потребовать сдачи. Получивши отказъ, онъ послалъ стѣшенныхъ казаковъ на приступъ. Донцы взяли предместье, а выстрѣлами донской артиллеріи была перебита прислуга у неприятельскихъ орудій. Наступила ночь; казаки расположились противъ трехъ главныхъ воротъ. Съ разсвѣтомъ канонада съ обѣихъ сторонъ возобновилась; когда подняли наши небольшія пушки къ Фонтенблоскимъ воротамъ, онѣ били въ нихъ ядрами безъ промаха. Пякоцъ, ворота рухнули, и казаки, подъ начальствомъ Кайсарова, ворвались въ крѣпость. Едва они успѣли овладѣть неприятельскими орудіями, какъ съ противоположной стороны раздались знакомые крики: то были Атаманцы, подъ начальствомъ Грекова 18-го. Тогда комендантъ сдался со всѣмъ своимъ гарнизономъ: 18 офицеровъ и 600 солдатъ, а болѣе 200 ч. пало въ битвѣ. Изъ-подъ Немюра Платовъ двинулся къ Фонтенбло. Нѣкогда увеселительный замокъ французскихъ королей, Фонтенебло служилъ теперь мѣстомъ заключенія римскаго папы. Платовъ явился съ тѣмъ, чтобы его освободить, но оказалось, что за два дня передъ этимъ папу увезли въ другой городъ. Здѣсь казаки расположились на отдыхъ.

12 казачьихъ полковъ участвовали въ послѣдней битвѣ,

которую давалъ Наполеонъ передъ своимъ отреченіемъ. Въ то время, когда главныя силы союзниковъ, имѣя во главѣ самихъ монарховъ, двигались уже къ столицѣ Франціи, ея императоръ пугался сзади, окруженный летучими отрядами. Нѣкоторые изъ нихъ заслоняли ему пути въ Парижъ, а корпусъ Винценгероде слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, при чемъ была пущена огласка, будто, этотъ корпусъ составляетъ авангардъ главныхъ силъ, для которыхъ онъ заготовляетъ квартиры, продовольствіе и т. п. Наполеонъ, желая удостовѣриться, правда ли это, приказалъ стянуть свою армію и сдѣлать нападеніе. Это было 13-го марта 1814 года, за 200 верстъ отъ Парижа. Рѣка Марна прикрывала фронтъ нашей позиціи; лѣвое крыло упиралось въ городокъ Сонгъ-Дизье, занятый шестью ротами егорей; а правое, состоявшее изъ одного гусарскаго и четырехъ казачьихъ полковъ, примыкало къ лѣсу. Наполеонъ, по обыкновенію, дѣйствовалъ быстро, рѣшительно. Подъ прикрытіемъ сильныхъ батарей французы въ большихъ силахъ перешли Марну и развернулись въ линіи; за конницей строилась пѣхота. Улучивъ минуту, Тетенборнъ вылетѣлъ съ Изюмскимъ полкомъ, смялъ эскадроны первой линіи, но угодилъ подъ картечь и былъ опрокинутъ эскадронами 2-й линіи. Съ громкимъ крикомъ они пронеслись далеко впередъ, захватили часть нашего обоза и заводныхъ лошадей. Затѣмъ французы перешли въ общее наступленіе. Наши орудія одна успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ: «все было сметено», какъ доносилъ Государю самъ Винценгероде. Уже французы выбили штыками егорей изъ городка и послѣднимъ движеніемъ угрожали занять единственный нашъ путь отступленія. Тутъ отличился гусары: сначала бросились 2 эскадрона Изюмцовъ съ Лошкаровымъ во главѣ — ихъ прогнали; потомъ вынеслись 6 эскадроновъ Павлоградцевъ. При помощи артиллеріи имъ удалось сдержать стремительный натискъ и дать время стянуться войскамъ. Съ наступленіемъ ночи преслѣдованіе прекратилось. Наши потеряли 1,300 челов., въ томъ числѣ 42 офицера, да покинули 5 пушекъ.

Наполеонъ одержалъ побѣду; въ послѣдній разъ ему улыбнулось счастье, только не надолго. Отъ плѣнныхъ офицеровъ Императоръ узналъ, что передъ нимъ не главная армія, а ле-

тучій корпусъ; что союзные монархи прошли прямо на Парижъ. Въ глубокомъ раздумьѣ объѣзжалъ онъ поле битвы, изрытое канавами, заросшее виноградниками. Всѣ плѣнные, имѣвшіе знаки отличія, были собраны отдѣльно. Императоръ ласково поздоровался съ ними, выхвалялъ ихъ храбрость и приказалъ своимъ генераламъ, чтобы позаботились о раненыхъ; генералъ Жираръ получилъ приказаніе справиться о здоровьѣ полковника Лопшарева, который былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ.

Черезъ недѣлю союзные монархи, во главѣ многочисленныхъ войскъ, уже вступали въ Парижъ. Война была кончена.

Первый день Пасхи русскія войска праздновали особенно торжественно, еще небывалымъ образомъ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были обезглавлены французскій король Людовикъ XVI и королева Марія-Антуанета, воздвигли высокій амвогъ, на которомъ поставили аналой съ крестомъ и евангеліемъ. Русскія войска частью стояли на площади, частью въ сосѣднихъ улицахъ. Утро было тихое, прекрасное. Императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля прусскаго, гѣмецкихъ генераловъ и французскихъ маршаловъ, тихо объѣзжалъ ряды ветерановъ, прошедшихъ длинный путь отъ Москвы къ Парижу. Объѣздъ кончился, войска стянулись въ колонны. Лейбъ-казаки вытянулись вдоль Елисейскихъ Полей, а французская стража окружила амвогъ. Парижане переполняли сосѣднія улицы, усылали кровли домовъ, толпились у оконъ, у дверей. Наступила торжественная тишина. Государь и его вѣрный сподвижникъ, король прусскій, поднялись на амвогъ; всѣ присутствующіе опустили на колѣни, не исключая и французской стражи. По окончаніи водосвятія оба монарха шли за священникомъ, окроплявшимъ святою водою русскихъ воиновъ. Гулъ орудій приводилъ въ трепетъ сердца всѣхъ участниковъ небывалаго праздника. Никогда еще не было примѣра, чтобы побѣдитель молился такъ торжественно въ столицѣ побѣжденнаго народа.

По заключеніи мира всѣ казачьи полки собрались подъ начальствомъ своего атамана на берегахъ Рейна; отсюда, въ головахъ четырехъ колоннъ русской арміи, они прослѣдовали черезъ всю Германію къ границамъ Россіи. Въ станицахъ и юртахъ войска Донскаго надолго осталось памятнымъ вос-

ращеніе казаковъ изъ далекой чужбины, особенно же встрѣча тамана, графа Матвѣя Ивановича Платова. На границѣ войсковыхъ земель депутаты поднесли ему хлѣбъ соль и первые же присоединились къ его поѣзду, который ежедневно увеличивался новыми толпами казаковъ, стекавшихся съ разныхъ сторонъ. На Кундручѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ ждали тамана по нѣскольку дней. Тутъ были древніе старики съ правнуками, малолѣтки и старые сподвижники тамана, увѣпанные крестами, украшенные сѣдиной и сабельными рубцами; все это пристраивалось сзади: кто гарцуя на когѣ, кто ѣхалъ повозкой, иные и съ палочкой, — смотря по достаткамъ. Недалеко отъ Черкаска таманъ слѣзъ съ копя и поднялся на курганъ, откуда открывались, какъ на ладони, ярко горѣвшіе на жаркомъ солнцѣ золоченые кресты, зеленые, усеянные звѣздами, куполы и колокольни церквей. Обратившись къ ширь лицомъ, Матвѣй Ивановичъ сдѣлалъ три земныхъ поклона и сказалъ во всеуслышаніе: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ! Послужилъ я царю, пострадалъ на чужбинѣ довольно; теперь возвратился на родину и молю Бога, да успокоитъ Онъ кости мои на землѣ предковъ моихъ!» — При этихъ словахъ таманъ крѣпко поцѣловалъ юрсть захваченной земли. — «Здравствуй, нашъ таманъ, на многія лѣта!» отвѣтили хоромъ казаки, поклонившись ему въ поясъ. Поѣздъ двинулся дальше. У самой горы, на которой стоитъ Черкасскъ, Платова встрѣтили всѣ офицеры Донскаго войска, генералы и наказной таманъ Иловайскій. Въ ту же минуту зазвонили колокола, выпалили пушки, и послышалось громовое, перекатное «ура!»: донскіе полки, вытянувшись по обѣ стороны, стояли вплоть до собора. Здѣсь на паперти ожидало духовенство; тутъ же были разставлены войсковыя знамена и регалии — славные памятники доблестныхъ заслугъ. Послѣ молебна старшины проводили тамана въ его помѣщеніе, гдѣ пиршество продолжалось до глубокой ночи. По стародавнимъ обычаямъ чествовалъ Донъ своего тамана.

До половины прошлаго вѣка донскихъ казаковъ знали только татары да турки. Европейцы считали казаковъ ордой,

Графъ Матвѣй Ивановичъ ПЛАТОВЪ

недостойной и неспособной съ ними сражаться. Донцы на дѣлѣ доказали, что объ нихъ судять несправедливо. Въ Семилѣтнюю войну они своими полетами не мало досаждали Фридриху Великому; ихъ подвиги подъ начальствомъ Суворова въ Польшѣ, Турціи, Италии стали извѣстны всему міру; наконецъ, истребленіе Волшкѣи арміи заставило Наполеона признать за ними страшную силу. Тотъ самый Наполеонъ, который называлъ казакѣи «посрамленіемъ человѣческаго рода», признавался послѣ, что онъ не знаетъ лучшихъ легкихъ войскъ, какъ австрійскіе кроаты и наши казаки. Онъ даже думалъ завести у себя казакѣи, но это ему не удалось: казакѣи надо родиться.

Вотъ какъ описываетъ донцовъ одинъ французскій генералъ, который много разъ съ ними встрѣчался въ мелкихъ схваткахъ и крупныхъ дѣлахъ, видалъ ихъ на аванпостахъ, на бивуакахъ, по деревнямъ и городамъ: «Кзаки летятъ въ атаку во весь духъ и умѣютъ сразу останавливаться. Лошади у нихъ легкія, берутъ съ мѣста хорошо; всадники сидятъ, точно приросши. Кзаки очень осторожны и сами о себѣ заботятся; въ своихъ дѣйствіяхъ они стремительны, въ движеніяхъ смѣлы. Красиво, бывало, глядѣть, когда наша конница, блистая серебромъ и золотомъ, полная рыцарской отваги, развертывалась въ линію на берегахъ Нѣмана! Но вся эта картина пропадала какъ дымъ при первой встрѣчѣ съ казакѣи, которыхъ мы привыкли презирать. Мы видѣли ихъ каждый день на подобіе огромной завѣсы, закрывающей горизонтъ. Отъ нея отдѣляются самые смѣлые наѣздники и подѣзжаютъ къ намъ. Мы развертываемся, смѣло кидаемся въ атаку, уже настигаемъ ихъ лаву, какъ вдругъ она исчезаетъ: на томъ мѣстѣ торчатъ лишь березы да сосны. Пройдетъ часть, другой, мы начинаемъ кормить лошадей, какъ черная завѣса снова показалась, снова намъ угрожаетъ. Мы повторяемъ атаку—и опять въ пустую. И выходило то, что наша лучшая и храбрѣйшая кавалерія напрасно утомлялась, приходила въ разстройство, а, въ концѣ концовъ, и вовсе погибла: ее погубили казаки». Это говоритъ нашъ непріятель. Болѣе подробно исчисляеть заслуги донскаго воинства Высочайшая грамота отъ 19 ноября 1817 года. Государь ничего не позабыть, что сдѣлали донцы за три года неустанной войны. Тогда же онъ пожало-

вать имъ знамя съ слѣдующей надписью: «Вѣрнопопдашному Войску Донскому въ ознаменованіе подвиговъ, оказанныхъ въ послѣднюю французскую войну въ 1812 — 1814 годахъ». Упомянутая грамота оканчивалась слѣдующими словами, относящимися къ знамени: «Да нѣкогда сыны сыновъ вѣрнолюбезнаго намъ Войска Донскаго, преднося предъ рядами своими сію святую хоругвь славы и отечества, вспомнить дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру».

Къ свѣщеннымъ регалиямъ старшины Императоръ Николай Павловичъ присоединилъ саблю своего доржавнаго брата, которую онъ носилъ въ походахъ. На этомъ не кончились милости Государя къ войску Донскому. Въ октябрѣ 1837 г. онъ самъ посѣтилъ Новочеркасскъ въ сопровожденіи своего старшаго сына и Наслѣдника Престола, въ расцвѣтѣ его юности и красоты.

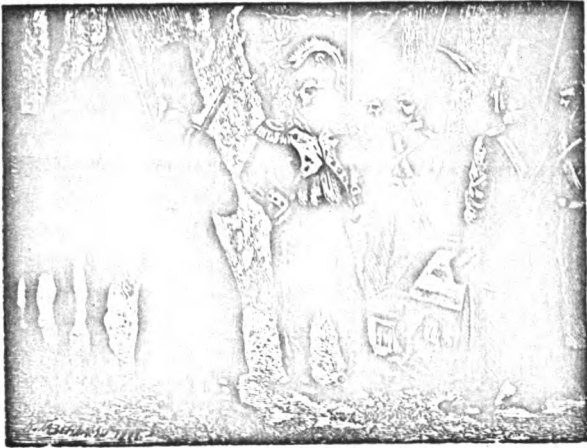
Царскіе экипажи остановились за триумфальными воротами, у небольшого домика, гдѣ Августѣйшіе гости пореодѣлись и потомъ сѣли на коней. У воротъ Государь принялъ рапортъ атамана Власова и, милостиво поклонившись присутствовавшимъ тутъ генераламъ и дворянству Донской области, направился шагомъ по Платовскому проспекту, сопровождаемый многочисленною свитой; эскадронъ атаманцовъ замыкалъ шествіе. По всему проспекту вплоть до собора стояли пикалерами 22 донскихъ полка, собранныхъ къ Высочайшему смотру, а за ихъ фронтомъ безчисленное множество народа съ верховыхъ и низовыхъ станицъ. Восторженное «ура!» не смолкало ни на одно мгновеніе: оно сливалось съ колокольнымъ звономъ, съ пушечной пальбой; въ оклахъ, на балконахъ, съ кровель домовъ новочеркасскія казачки махали платками, бросали подъ ноги цвѣты... На паперти собора ждалъ Государя архіепископъ Аонасій со всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Выслушавъ его прѣвѣтствіе и приложившись ко кресту, Николай Павловичъ вошелъ въ средину войсковаго круга. «Любезные донцы! признаешь онъ громкимъ голосомъ: ваши предки и отцы сослужили много службъ государямъ и отечеству! Признательность монарховъ показываютъ эти грамоты, эти знамена и прочіе царскіе клейноды. Я хотѣлъ явить новый знакъ своего благорасположенія и назначилъ атаманомъ вашимъ своего перваго

сына, Наслѣдника Престола Нашего. Надѣюсь, что вы и потомки ваши не перестанете идти по пути славныхъ предковъ и заслуживать признательность отечества!» — Едва кончилъ Государь, какъ мертвая тишина смѣнилась потрясающимъ «ура!», загремѣли пушки, загудѣли колокола всѣхъ новочеркасскихъ церквей. Государь взялъ поднесенный Власовымъ на бархатной подушкѣ перначъ и, обнявъ Наслѣдника, вручилъ ему этотъ знакъ атаманскаго достоинства. Тотчасъ же всѣ доцкскіе генералы окружили Августѣйшаго атамана: подъ сѣбною склонившихся знаменъ они его подняли на рукахъ. Взрывъ народнаго восторга встрѣтилъ появленіе царственнаго юноши и атамана надъ убѣлонными сѣдшами ветерановъ великой Екатерины, императоровъ Павла и Александра... Съ разныхъ сторонъ раздались задумевшія привѣтствія: «Батюшка ты нашъ, атаманъ войсковой! Надежда наша, красное солнышко! Пойдемъ въ огонь и воду за тебя, нашъ красавецъ ненаглядный! Да хранишь же тебя Царь Небесный для счастья нашего!...».

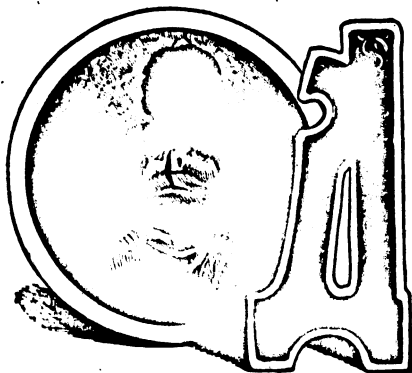
Выйдя изъ круга, Государь съ Наслѣдникомъ сѣли въ коляску и отправились въ домъ Иловайскаго; атаманское знамя, перначъ и бобыловые хвосты были препровождены эскадрономъ атаманцевъ на квартиру Наслѣдника, въ домъ Мартынова. Экипажъ съ трудомъ пробивался сквозь густыя толпы народа; площадь передъ царской квартирой волновалась, какъ живой муравейникъ. Весь вечеръ до глубокой ночи никто не покидалъ своего мѣста. На другой день Государь Императоръ посѣтилъ войсковое правленіе, госпиталь, войсковую гимназію, гдѣ, между прочимъ, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Учитесь, дѣти, усердно. Я хочу, чтобы современемъ и изъ доцковъ были сенаторы, министры, главкомандующіе!» — 21 октября происходилъ Высочайшій смотръ всѣмъ собранымъ въ ту пору войскамъ, а 22 утромъ, Государь съ Наслѣдникомъ отѣхали по пути на Воронежъ.

Описанное событіе повторяется каждый разъ при восшествіи на престолъ Августѣйшаго атамана: врученную ему отцомъ булаву или перначъ опъ такъ же торжественно передаетъ своему Сыну и Наслѣднику Престола. Этотъ обычай еще

Батѣ связуютъ вѣрныхъ донцовъ съ вѣщепосными вождями русской арміи. Обороняемые съ высоты трюпа, опекаемые Августѣйшимъ атаманомъ, они живутъ и пощыгѣ въ своихъ дреннихъ правахъ и привилегіяхъ, добытыхъ кровью отцовъ.

Донцы на Линіи.

облестные донцы въ теченіе 60-ти-лѣтней Кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками труды и славу военныхъ подвиговъ; многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи». Такъ отзывался о донскомъ войскѣ въ приказѣ по кавказскому корпусу Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

Дѣйствительно, послѣ долгой и упорной борьбы съ татарами, своими ближайшими сосѣдями, донцы, какъ сподвижники нашей арміи, являются борцами въ горахъ и ущельяхъ Кавказа. Ихъ тамъ перебивало болѣе чѣмъ 200 тысячъ, но изъ десяти лишь одинъ узрѣлъ родимую сторону. Кромѣ того, со времени Императрицы Екатерины донцы выселялись, частью по охотѣ, частью по неволѣ, на берега Кубани, Лабы, Торека, — гдѣ рядомъ стаицы, укрѣпленій, а больше своею грудью отражали первые набѣги горскцхъ народовъ; въ то же время сопровождали наши транспорты, развозили приказанія, однимъ словомъ, несли трудную линейную службу. Такъ вотъ на помощь этимъ переселенцамъ, равно какъ и прочимъ линейнымъ казакамъ, поселившимся еще раньше, высылались по-очередно полки съ Дона. Тяжела была ихъ служба! Линейцы тамъ рождались, свыклись съ непрітеомъ, знали его споровки, наконецъ, притерпѣлись ко всѣмъ невгодамъ походной и домашней жизни;

донцы же попадали прямо въ лазареты, гдѣ умирали сотнями. Они были здѣсь какъ чужіе, даже получили особую кличку: «Камышь». И на Дону прошла по доброй слава про «Линію, Линюшкы, кавказскую сторонушкы»: ее проклинали въ иѣняхъ, какъ «горькую педолошкы». Зачастую являлись сюда малолѣтки на плохихъ лошадонкахъ, но умѣвшіе стрѣлять по горскому обычаю, на всемъ скаку, и такимъ-то воинамъ приходилось каждодневно встрѣчаться съ чеченцемъ! Последніе имѣли во всемъ перевѣсъ: сами они гибки и увертливы какъ змѣи, шапки ихъ тяжелы и остры, удары мѣтки, неотразимы. Боевая служба донцовъ еще много страдала оттого, что полки дѣйствовали не въ полномъ составѣ, а малыми частями, разбѣянными по всей Линіи, то при отрядахъ, то въ дальнихъ командировкахъ или просто на посылкахъ. Но дѣло сразу измѣнялось, когда во главѣ полка становился начальникъ, умѣвшій ихъ собрать, силотить и вдохнуть отвагу отцовъ. Тогда и донцы являлись сильными, даже грозными чеченцамъ; тогда они ни въ чемъ не уступали своимъ соратникамъ-линейцамъ. Къ числу такихъ вождей принадлежалъ Яковъ Петровичъ Баклановъ. Самъ уроженецъ тихаго Дона, бѣдной семьи, Яковъ Петровичъ въ дѣтствѣ пахалъ землю, косилъ сѣно, пасъ табуны. Еще мальчишкой онъ скакалъ верхомъ на дикихъ степныхъ лошадяхъ, ловко стрѣлялъ изъ ружья и первенствовалъ во всѣхъ ребяческихъ играхъ. Онъ росъ на свободѣ, какъ росла большая часть его сверстниковъ; заслушивался разказами о старшѣ, какъ иѣкогда казаки гуляли по Сипему морю, какъ отсидѣли отъ «турскаго султана» Азовъ.

И выросъ изъ мальчугана богатырь-казакъ, силы необычайной, воли желѣзной. Изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей горѣди его сѣрые, глубокіе глаза, метавшіе искры; густая борода покъ мвала его могучую грудь. Одѣвался онъ просто, по-казацки, въ шелковую красную рубаху, прикрытую бешметомъ, широкія шаровары и черкесскіе чевяки; на головѣ носилъ папаху. Прямодушный и безкорыстный, Баклановъ не многому учился, но твердо помнилъ, что безъ вѣры въ Бога не прожить христіанину, что для побѣды надъ врагомъ нужно скрытно къ нему подойти, быстро и смѣло нанастъ. Его называли Ермакомъ Тимофеевичемъ и, правда, что въ Баклановѣ

какъ бы воскресъ этотъ любимый атаманъ казачій. Врагамъ онъ былъ страшенъ, какъ только появился на Кавказѣ; у чеченцевъ онъ слылъ подь именемъ «даджаль», что значитъ по-нашему чортъ, и только въ видѣ ласки называли «Боклю».

Получивши донской № 20-й полкъ, Баклановъ задумалъ поставить его такъ, чтобы онъ ни въ чемъ не уступалъ полкамъ линейнымъ. Прежде всего онъ занялъ въ полку особую, седьмую сотню и называлъ ее учебною; эта сотня ходила у него то въ головѣ, то составляла резервъ, смотря по надобности. Кроме того, были составлены еще двѣ команды: пластунская, изъ лучшихъ стрѣлковъ и пѣхотниковъ, а другая — ракетная; наконецъ въ каждой сотнѣ одинъ взводъ, снабженный шашечнымъ инструментомъ, обучался саперному дѣлу. Въ частыхъ набѣгахъ и стычкахъ казаки Бакланова одѣлись и вооружились на счетъ неприятеля. Въмѣсто форменныхъ донскихъ чекменей, они носили азійскія черкески; вмѣсто казенныхъ шапекъ, раздобыли чеченскія; по пикѣ, какъ наследіе отцовъ, казаки сохранили. По нимъ чеченцы отличали донцовъ отъ линейцовъ. Обученіе полка велось не на плану, а вдоль чеченской границы, гдѣ стояли казачьи посты. Баклановъ не смѣлъ по ночамъ, рыскалъ съ пластунами по такимъ трупобамъ, гдѣ по бывала нога человека, и въ это-то время приучалъ казаковъ глядѣть въ оба. «Все замѣть, училъ Баклановъ: ничего не прогляди, а тебя чтобы никто не видѣлъ». — Въ мелкихъ схваткахъ донцы изучали споровки неприятеля, приучались сѣднваться, стрѣлять на весь скаку, скрываться въ засаду и т. п. Во время же боя никто не смѣлъ покинуть рядовъ, даже легко раненые; тѣ же, которые лишились лошадей, бились пѣшіе, пока не раздобудутъ новыхъ. «Покажи врагамъ, говорилъ Баклановъ, что думка твоя не о жизни, но о славѣ и чести донскаго казачества». — Трусливымъ не было мѣста въ его полку; храбрыхъ онъ осыпалъ доньгами безъ мѣры, безъ счета.

Полкъ Бакланова стоялъ по укрѣпленіямъ передовой Куринской линіи, отъ Умаханъ-юрта до стараго Чиръ-юрта, вострь на 60 по р. Сулаку. Въ самое Крещенье 1847 года въ укрѣпленіе Куринское, гдѣ помѣщался штабъ полка, приближалъ лазутчикъ съ извѣстіемъ, что горцы хотятъ напасть

на Старогладковскую станицу на Терекъ. Начальство соічасъ же оповѣстило всю Линію, а на Терекъ въ скрытомъ мѣстѣ быть расположенъ отрядъ, съ приказаніемъ не трогаться, пока чеченцы не начнутъ переправу. Два дня куринскій гарнизонъ, состоявшій изъ полка кабардинцевъ и одного линейнаго батальона, провелъ подъ ружьемъ въ ожиданіи, не загромить ли гдѣ сигнальный выстрѣлъ. На разсвѣтъ 3-го дня прискакали пистолеры Бакланова: они видѣли, что конница прошла возлѣ крѣпости и направилась къ Тереку. Въ укрѣпленіи все было на-чеку; отрядъ немедленно выступилъ: впереди Баклановъ съ полкомъ, за нимъ Майфель съ кабардинцами. Вскорѣ послышались со стороны Терека глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ—донцы пошли рысью. Погода стояла сырая, пасмурная; густой туманъ ходилъ волнами, скрывая окрестности. Между тѣмъ, чеченцы подъѣхали къ переправѣ: ихъ велъ напѣ Батѣ, пѣкогда служившій русскимъ. Онъ объѣхалъ ряды, посулилъ богатую добычу и вдругъ крикнуть: «Медаль и десять рублей тому, кто первый перескочитъ Терекъ!» — Только чеченцы успѣли спуститься къ рѣкѣ, какъ на другомъ берегу блеснулъ огонекъ, потомъ бухнуло ядро, прорѣзавшее толпу какъ разъ по серединѣ. Это былъ только сигналъ. Разомъ грянули картечью скрытыя до сихъ поръ пушки, затрещали ружейные выстрѣлы; дрогнули горы. Поздно замѣтилъ опасность Батѣ. «Назадъ, назадъ!» кричалъ онъ во все горло. Въ это время съ боку длинной лавой неслись казаки, сотня за сотней, молча, безъ обычнаго казачьяго гика. Удары нѣкъ въ густую толпу были смертоносны. Обезумѣли чеченцы: они покинули раненыхъ, убитыхъ и пошли на проломъ. Окруживъ конницу, казаки гнали его какъ стадо дикихъ козъ до самыхъ горъ, гдѣ, благодаря ночи, чеченцамъ удалось разсѣяться въ лѣсныхъ ущельяхъ. Измѣнникъ потерпѣлъ неудачу; казаки же Бакланова показали себя достойными своего учителя. Имъ тогда досталось много богатаго оружія, въ чемъ они пока сильно нуждались.—«Казакъ долженъ вооружаться на счетъ непріятеля», говорилъ часто Баклановъ, выслушивая жалобы, что наши шапки много хуже чеченскихъ.

Недѣль черезъ 5, не то 6, нашъ часовой замѣтилъ партію хищниковъ, спускавшихся съ горъ, по направленію къ

«Горячимъ ключамъ». По тревогѣ дѣй сотни подѣ пачаль-
твомъ Бакланова вынослись наперерѣзъ, но на 3-й верстѣ
были атакованы громаднымъ скопичкомъ, сидѣвшимъ въ засадѣ.
Это былъ самъ Батѣ, издумавшій посчитаться. Однако Бакла-
новѣ зналъ чеченскія споровки. Вслѣдъ за собою онъ прика-
заль двинаться учебной сотнѣ съ двумя копшыми орудіями;
еще сзади бѣжали 4 роты кабардинцевъ. Лихая артиллерія
за 500 шаговъ спялась съ породковъ, вслѣдъ затѣмъ брызнула
картечью въ середину конной толпы. Тутъ самъ Батѣ попалъ
въ ловушку, которую готовили русскимъ. Онъ кинулся было
впередъ—попалъ на штыки кабардинцевъ; круто повернувъ
назадъ, пронесся подѣ перекрестнымъ огнемъ и исчезъ въ лѣсу.
Казакъ потеряли въ этомъ короткомъ дѣлѣ только одного ра-
неннаго. Слава Баты, какъ наѣзника, пропала: онъ былъ смѣ-
ненъ; на его мѣсто назначенъ молодой наѣзникъ Гехо. Но-
вому наѣбу надо было показать свою удаль, и вотъ въ концѣ
октября съ уголовой банни дали знать, что партія чеченцевъ
проскакала къ аулу Эпголь-юртъ. Дѣйствительно, вскорѣ по-
слышались оттуда частыя выстрѣлы—знакъ, что чеченцы встрѣ-
пли отиоръ. По слитальной пушкѣ дѣй сотня промчались
въ карьеръ, съ Баклановымъ во главѣ. Путь пролегалъ по
отлогой покатоств между броненныхъ ауловъ. Возлѣ одной
изъ такихъ развалинъ казакъ замѣтили стоявшую партію, по-
среди которой колыхался по вѣтру выпитый золотомъ разно-
цвѣтный значокъ. Значитъ, здѣсь находился самъ Гехо съ
тремя или четырьмя сотнями чеченцевъ, обыкновенно сопро-
вождавшихъ своего наѣбу. Гехо видимо поджидалъ партію,
бывшую въ набѣгѣ. Замѣтивъ казаконъ, чеченцы съ мѣста
бросились въ шашки. Чуть было не пошатнулся доны на
своихъ притомленныхъ коняхъ; но Баклановѣ самъ врубился
въ толпу, выхватилъ значокъ и высоко поднялъ его надъ
головой. Въ это время чеченець ударилъ его по рукѣ шаш-
кой; тѣмъ не менѣе, приподнятый значокъ уже вознѣстить
побѣду: чеченцы быстро повернули въ лѣсъ, покинувъ уби-
тыхъ. Потерю «аляма» горцы приняли какъ дурной знакъ для
молодого наѣбу.

Въ одной пустой схваткѣ пуля раздробила Бакланову клю-
щцу и засѣла гдѣ-то въ груди, кровь забила горячимъ клю-

чемъ. Два казака тутъ же, на мѣстѣ схватки, пореязали ему на-скоро рану, послѣ чего онъ опять сѣлъ на коня. Лѣчилъ Бакланова одинъ изъ «хакимовъ», въ родѣ нашихъ знахарей, но уже на 4-й день Яковъ Петровичъ выѣхалъ въ развѣздъ. Между казаками давно ходилъ слухъ, что онъ заколдованъ, что его убить-то можно, но только особой, серебряной пулей. Когда же Баклановъ былъ раненъ, казаки объяснили это тѣмъ, что онъ не поладилъ съ «самимъ», однако ему несколько не больно, такъ какъ «силу отъ Бога имѣеть страшную». Во время затишья на Липи, что случалось, впрочемъ, не часто, Баклановъ пропадалъ изъ Куринскаго по нѣсколькимъ днямъ. Выѣдетъ, бывало, съ двумя, тремя пластунами рано, до зари, а вернется поздно вечеромъ, не то почью. Буда и зачѣмъ онъ ѣздилъ — никто не вѣдалъ. Послѣ уже стало извѣстно, что Баклановъ объѣхалъ самыя дальнія мѣста нашихъ владѣній, побывалъ въ горахъ, посѣтилъ Чочню и, такимъ образомъ, изучилъ всѣ ходы, всѣ тропинки. Эти свѣдѣнія пригодились казакамъ. Однажды Баклановъ велъ свои 3 сотни въ набѣгъ. Ночь выпала темная, вѣтеръ буневалъ, крутилъ какую-то мятелицу. Яковъ Петровичъ все время ѣхалъ впередъ, вдругъ остановился, осмотрѣлся и замѣтилъ, что отрядъ идетъ не туда, куда слѣдуетъ. Проводникъ разсordился, сталъ показывать, что дорога та самая. «А гдѣ сухое дерево, которое должно быть вправо отъ дороги?» спросилъ Баклановъ. Тутъ проводникъ припомнилъ, что дѣйствительно надо быть сухому дереву. Пластуны разыскали настоящую дорогу, а казаки рѣшили между собой, что, значить, Бакланову «такъ ужъ дано знать дороги, гдѣ онъ иногда и не бывалъ».

А сколько разъ случалось, что только беззавѣтная храбрость Бакланова могла выручить его дощовъ, уже достаточно обстрѣленныхъ и обвыкшихъ въ Кавказской войнѣ! Въ концѣ 1850 года отрядъ, подъ начальствомъ отважнаго Майделя, выступилъ въ ауховскіе аулы. Въ отрядѣ находилось 6 батальоновъ пѣхоты, 8 орудій, дощы Бакланова и гробенскіе казаки. Шли сначала шибко по ровной открытой дорогѣ между рѣчками Ярыкъ-су и Ямагъ-су. Дальше пришлось взбираться по извилистой тропинкѣ на высокую крутую гору; паверху горы торчали толстыя бревенчатыя ворота съ желѣзными запорами;

справа и влѣво отъ воротъ тянулись глубокія канавы, обнесеныя колючимъ плѣтнемъ и спускавшіяся въ мрачныя разсѣлины, обойти которыя нельзя было никакъ. Лихіе кабардинцы пероскочили черезъ плетни, а въ это время казаки разнесли ворота. Однако убѣжавшіе горцы успѣли поднять тревогу, прежде чѣмъ явился Баклановъ. Аулы оказались пусты, жители убрался сами и угнали стада въ лѣсныя трущобы; остался защищать свои глѣзда только самые отчаянные. Три аула были выжжены, отрядъ сталъ отступать, но тутъ-то и начиналось дѣло. Горцы явнымъ обыкновенію всегда провожать отступавшіе отряды, и такое отступленіе считается самымъ опаснымъ. Когда пришлось проходить той же узкой долиной между двухъ рѣчекъ, чеченцы засѣли въ лѣсистыхъ оврагахъ, справа и слева, откуда стрѣляли въ перекрестъ; конница наслѣдала сади. Баклановъ командовалъ казикамъ «стой!» Но конные чеченцы, знавшіе хорошо, чего надо ожидать, мигомъ исчезли. Тогда онъ перемѣнилъ фронтъ налѣво въ карьеръ, выхватилъ у ординарца значокъ и, крикнувши: «съ Богомъ, за мной!» ринулся съ кручи прямо въ лѣсистый оврагъ, гдѣ протекала Ямангъ-су. Но только горцы, но даже наши кабардинцы, ко всему привыкшіе, остолбѣгли при видѣ такой отваги. У всѣхъ захватило, что называется, духъ. Когда горцы опомнились, то стали сбѣгаться, чтобы взять казаковъ въ панки. Баклановъ уже приказалъ снѣжиться: въ темномъ оврагѣ завязалась рукопашная на жизнь и смерть. Во время этой ожесточенной борьбы Баклановъ замѣчаетъ, что около сотни горцевъ засѣли въ сторонкѣ, на высокомъ курганѣ, откуда безнаказанно разстрѣливали его сотни. Онъ соіічасъ же отдѣлилъ 50 казаковъ съ приказаніемъ сбить чеченцевъ. Подбѣжали донцы къ кургану и залегли: никто не рѣшался подняться первымъ на вѣрную смерть. Глѣзь, поговорованіе исказили лицо Бакланова: какъ тигръ, бросился онъ къ нимъ, подиалъ съ земли и, выхвативъ шанку, самъ вскочилъ наверхъ съ крикомъ: «Впередь!» Курганъ былъ очищенъ, послѣ чего всѣ горцы, бывшіе въ дѣлѣ, шибко отступили. За эти дѣла Яковъ Петровичъ получилъ чинъ полковника. Еще болѣе высокою наградою можно считать, что когда на смѣну 20-му прибылъ съ Дона 17-й полкъ,

то Баклановъ быть оставленъ на Кавказѣ, съ назначеніемъ командовать этимъ новымъ полкомъ.

— «Что, каковъ нашъ командиръ?» спрашивали молодые у старыхъ сподвижниковъ Бакланова.— «Такой, что при немъ отца родного не надо. Если есть нужда, иди прямо къ нему: поможетъ и добрымъ словомъ, и совѣтомъ, и деньгами. Простота такая, что ничего не пожалеетъ, послѣднюю рубашку спишетъ, а тебя выручитъ. Но на службѣ, братцы мои, держите ухо востро: вы не бойтесь чеченцевъ, а бойтесь своего асмодея: шагъ назадъ—въ куски изрубить!»...

Съ любовью, съ отеческою нѣжностью провожать Яковъ Петровичъ старыхъ станичниковъ, вѣрныхъ боевыхъ товарищей на родину. Съ праваго до лѣваго фланга все плакали, когда онъ обязывалъ ихъ на прощанье. Многие просились остаться въ 17-мъ полку, и просьбу ихъ уважили; они дали хорошую закуску молодымъ станичникамъ, такъ что обученіе полка по новому пошло гораздо скорѣе, чѣмъ въ первый разъ. Да и дѣла Шамши въ ту пору были плохи. Наши рубили широкія просѣки въ лѣсахъ, мало-по-малу, углубляясь въ лѣсистыя, доселѣ недоступныя горы.

Въ Куринскомъ ежедневно, начиная съ Новаго 1852 года, барабаны поднимали раннимъ утромъ все укрѣпленіе на ноги. Очередныя роты на-легкѣ, безъ обозовъ, выступали въ лѣсъ, на то мѣсто, гдѣ кончилась вчерашняя рубка. Баклановъ уѣзжалъ впередъ съ пастунами, осматривалъ мѣстность, еще закрытую предразсвѣтнымъ туманомъ, разставлялъ аванпостную нѣть и самъ же указывалъ мѣста для работы. Затѣмъ онъ поднимался на высокій курганъ, откуда наблюдалъ въ подзорную трубу, что дѣлаютъ въ своихъ завалахъ горцы. Они уже привыкли узнавать его фигуру въ косматой шапкѣ, съ накинутымъ на плечи бараньимъ тулупомъ. Вотъ выѣзжаютъ съ ихъ стороны конные: лица у нихъ укутаны бѣлыми башлыками, сами они статны, одѣты по-ухарски, оружіе богато: это аброки. Они нагѣрно заслудятъ въ кусты и будутъ налить; другіе станутъ задорно кружиться возлѣ кургана, выкликая: «Боклю, такой-сякой, чего стоишь? Пошелъ домой!» Если нашимъ удастся снять такого молодца, у нихъ начнется суматоха: бросятся поднимать убитаго, по-

слышится ругань, проклятія; случались схватки, но чаще всего дѣло кончалось перестрѣлкой. Вечеромъ отрядъ возвратился въ Куринское. Уже наши готовились къ переходу черезъ р. Мичикъ, какъ тутъ вышелъ наружу коварный умыселъ имама.

Однажды вечеромъ явился къ Бакланову лазутчикъ и разсказать, что Шамиль вызвалъ изъ горъ стрѣлка, родомъ тавлища, и взялъ съ него клятву на святой книгѣ, что онъ убьетъ Боклю; но что старики-чеченцы мало доврѣяютъ искусству тавлища, считаютъ его хвастуномъ, проходимцемъ. Когда онъ не въ мѣру расхвастался, старики ему сказали: «Ты говоришь, что разбиваешь яйцо на лету за 50 шаговъ; можетъ быть, это и правда, мы не знаемъ; но тотъ человекъ, въ котораго ты будешь стрѣлять, при насъ разбивалъ муху на полтора шаговъ... Смотри же, если промахнешься, Боклю положить тебя на мѣсть». — «И, отвѣтивъ имъ тавлищецъ, за всю свою жизнь сдѣлалъ одинъ промахъ, да и то, когда былъ семилѣтнимъ ребенкомъ». — Такъ передавалъ этотъ разговоръ вѣрный лазутчикъ Али-бей.

На другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, Баклановъ стоялъ на своемъ мѣстѣ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ, что впереди, за гребнемъ старой батареи, мелькнула сначала черная шапка, потомъ блестящій стволъ, наконецъ раздался выстрѣлъ. Когда тавлищецъ поднялся до пояса, то съ ужасомъ увидѣлъ, что его врагъ сидитъ на когѣ, цѣль-невредимъ. Тавлищецъ быстро опустился, чтобы снова зарядить ружье. Тогда ужъ Баклановъ совершенно спокойно вынулъ ногу изъ стремени, положилъ ее на гриву, оперся локтемъ и приготовилъ штуцеръ; онъ былъ теперь увѣренъ, что тавлищецъ промахнется. Дѣйствительно, встѣдъ за его выстрѣломъ Баклановъ послалъ свою пулю; татаринъ только взмахнулъ руками: пуля прошла у него межъ бровей. Баклановъ спокойно сѣхалъ съ кургана. Обѣ стороны, затаивъ духъ, ждали, чѣмъ кончится этотъ поединокъ. У насъ грянуло «ура!» Чеченцы замахаши шапками, вскочили на завалы: «Якши, Боклю! Молодецъ, якши, Боклю!» — После того они, если захотятъ, бывало, осадить хвастуна, говорятъ ему: «Не хочешь ли ты убить Боклю?»

Уже широкая просѣка открывала свободный проходъ къ

Мичику, гдѣ горцы укрѣпили переправу редутами и длинными рядами заваловъ. Баклановъ съ часу на часъ ожидать прибытія князя Барятинскаго, который долженъ былъ пройти поперекъ всей Чечни, отъ крѣпости Воздвиженской и выйти къ Куринскому. Наступали времена, когда волей-неволей чеченцамъ приходилось поступиться, признать силу русскаго оружія, невозможность продолжать дальнѣйшую борьбу: угрюмые лѣса и мрачныя ущелья ихъ родины уже не страшили русскихъ и не могли служить защитой населенныхъ очаговъ.

16 февраля 1852 года съ башни, одиноко стоявшей у подножія горы, раздался пушечный выстрѣлъ. Баклановъ вынесся на просѣку и увидѣлъ, что густой лѣсъ за р. Мичикомъ весь окутанъ сильнымъ дымомъ: шло жаркое дѣло. Въ ту же ночь явился отъ князя лазутчикъ съ приказаніемъ захватить переправу черезъ р. Гонзолку, у Маюртупскаго орѣшника. Бакланову надо было сначала переправиться черезъ Мичикъ, по прямой путь, просѣкой, стерегли горцы съ имамомъ во главѣ. Разсказываютъ, что старики-чеченцы предупреждали Шамиля: «Напрасно ты стережешь здѣсь эту старую лислицу; Боклю не пойдеть тебѣ въ зубы. Ты его сторожи тамъ, гдѣ мышь не пролѣзеть». — «Но гдѣ же онъ пройдетъ со своими пушками?» спрашивать имамъ, оглядывая страшные лѣса вправо и влѣво отъ просѣки. — «Гдѣ пролетитъ птица, гдѣ проползетъ змѣя». Шамилъ разсердился: «Если бы мы боялись такъ Аллаха, какъ боптесъ этого чорта, то навѣрно всѣ были бы въ раю!» — Однако на всякій случай приказали разставить вдоль рѣки сторожевыя пикеты.

Опытные чеченцы не ошиблись. Войска выступили въ ту же ночь, свернули въ дремучій лѣсъ, гдѣ и скрылись. Они шли безъ всякихъ путей. Вѣтеръ шевелилъ столѣтніе чинары окутанные снѣгомъ; кругомъ глушь и тьма непроглядная. На конецъ, уперлись въ какой-то крутой, бездонный оврагъ, и днѣ котораго клокотала вода: это и былъ Мичикъ. Солдаты порокрестились и стали сползать. Съ торомъ неполамъ перобрались на другую сторону, а куда идти дальню—вправо или влѣво,—никто не зналъ, даже самъ Баклановъ, какъ тут выгѣзъ изъ-подъ куста старый знакомый Али-бей, со словами «Я стерегъ тебя цѣлую ночь; знаю, что не пойдешь на про

тку!» Отрядъ по его указанію передвинулся влѣво и занялъ позицію въ углу между двухъ рѣчекъ, Мичикомъ и Гопзолкой, берега которыхъ прикрыли его съ фронта. Уже восходящее солнце озарило вершины лѣсовъ; вдали темнѣли такъ называемыя Черныя горы. Прошелъ часъ, другой, о Барятинскомъ—ни слуху. Между тѣмъ, чеченскіе разбѣды уже открыли присутствіе русскихъ; они могли по тревогѣ собрать копище, тогда пришлось бы отступать тѣмъ же страшнымъ тѣсомъ. Наконецъ, только въ полдень послышались выстрѣлы, скорѣ заиграли сигнальные рожки: оба отряда благополучно вошли. Теперь, чтобы попасть въ Куршское, имъ пришлось наступать силою на переправу черезъ Мичикъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ укрѣпились чеченцы. Распоряженія сдѣланы. Баклановъ съ двумя сотнями линейцевъ и своимъ полкомъ пошелъ на рысяхъ впередъ, колонна Чавчавадзе, изъ четырехъ эскадроновъ нижегородцевъ и 5 сотенъ линейцевъ, стала забирать вправо, чтобы обойти главный редутъ. Скоро онъ показался на опушкѣ лѣса; въ обѣ стороны отъ редута тянулись завалы, охватывая широкимъ полукружіемъ мѣсто переправы. Болѣе тысячи горцевъ тамъ засѣли съ клятвой умереть или отстоять переправу. Въ ту минуту, когда сверху съ лѣсистыхъ высотъ загремѣли 4 непріятельскія пушки, Баклановъ развернулъ свой полкъ; линейцы стали у него по флангамъ. Вотъ Баклановъ вынулъ шапку, скомандовалъ: «съ Богомъ, впередъ!» и вся лава ринулась вслѣдъ за его чернымъ значкомъ, съ изображеніемъ мертвой головы. Окны разомъ освѣтились дымками, загрохотали ружейные залпы. Лошадь Бакланова, сдѣлавъ скачокъ, споткнулась и грянулась оземь.— «Станичники, командиръ убить!» разнеслось по фронту. После втораго залпа свалился войсковой старшина Банниковъ, скакавшій впереди. Какъ буря неслись дошцы: никакая, казалось, сила не могла остановить или задержать ихъ страшный порывъ. Бросивъ коней, они ползли на завалы. Горцы по началу было отпугнулись, но потомъ, оправившись, съ шумомъ кинулись въ пашки. По всей линіи загорѣлся жаркій бой. Уже вечерѣло, а казаки никакъ не могли осилить; одно время мюриды, получивъ подкрѣпленіе, даже брали верхъ. Въ эту опасную минуту Баклановъ очнулся. Онъ поднялся на

ноги, увидѣть предсмертную борьбу казаковъ и стать искать глазами помощи. Завидя, что изъ лѣса выѣзжаетъ артиллерія, Баклановъ подхватываетъ 4 орудія съ ракетными станками, несется съ ними къ своему полку и открываетъ огонь вдоль окоповъ. Теперь чеченцы смѣшались. Казаки понатужились — и окопы наши. Вскорѣ, когда драгунамъ удалось запясть редутъ, войска начали переправляться.

Прошли послѣднія повозки, отрядъ Бяратинскаго сталъ подниматься въ гору, а Баклановъ остановился по сю сторону: онъ получилъ приказаніе принять начальство надъ аррьергардомъ. Хотя ему прибавили 6 баталіоновъ пѣхоты и 24 орудія, но все-таки перопроба въ виду шеститысячнаго скопища, занимавшаго лѣсъ, становилась дѣломъ труднымъ. Горцы стерегли каждое движеніе, а тутъ еще солдаты Бяратинскаго зажгли по пути береговныя батареи; плетни ярко разгорались, отчего всѣ наши силы очутились какъ на ладони. Баклановъ собралъ къ себѣ ротныхъ командировъ всего отряда и предупредилъ ихъ, что, какъ только онъ скомандуетъ: «Всѣ, на лѣво кругомъ!» каждый, не ожидая сигнала, долженъ ѣхать къ переправѣ, не взирая на то, будетъ ли преслѣдованіе, или нѣтъ. — Когда пожаръ былъ, наконецъ, потушенъ, казаки съ четырьмя орудіями перешли на правый берегъ, гдѣ заняли позицію на высокому холмѣ; остальная артиллерія выстроилась надъ самымъ спускомъ, послѣ чего открыла огонь; пѣхота залегла въ кустарникахъ. Больше двухъ часовъ громѣла канонада. Вдругъ, въ лѣсу раздались звуки предсмертной боевой пѣсни: то заплѣли мюриды, прежде чѣмъ броситься въ бой. Медлить больше было нельзя. Баклановъ перевелъ всю кавалерію въ карьеръ; орудія спялись на той сторонѣ съ поредковъ: ихъ зарядили картечью. Когда доложили, что «готово», Баклановъ скомандовалъ: «Всѣ, на лѣво кругомъ!» — Огонь прекратился, пѣхота хлынула къ берегу.

Наступившая сразу тишина удивила горцовъ, но скоро они догадались, въ чемъ дѣло. Съ пронзительнымъ гикомъ вырвалась изъ лѣса бѣшеная толпа вдогонку. Она уже приближалась къ берегу, гдѣ столпились наши солдаты, перебѣгавшіе рѣчку, какъ страшный залпъ незамѣченныхъ ими орудій потрясъ окрестныя горы и лѣса; второй залпъ раздался уже

вслѣдъ бѣгущимъ горцамъ. Лишь груды труповъ обозначали ихъ близость.

Съ пѣснями, съ барабаннымъ боемъ, отрядъ возвращался въ Курпинское; Баклановъ ускакать впередъ. — «Дѣдъ, гдѣ, отрядъ?» спросить его Бяратинскій, рассказывая по компатѣ въ сильномъ волненіи. — «Идетъ въ Курпинское». — Князь перекрестился. — «А потеря большая?» — «Ни одного человѣка.» Бяратинскій подошелъ и обнялъ Бакланова.

Еще болѣе славное дѣло предстояло совершить донцамъ въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ того же князя Бяратинскаго и на виду всѣхъ войскъ Лѣваго фланга. Это было на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, гдѣ въ февраль мѣсяцѣ сосредоточился сильный русскій отрядъ. Мичикъ протекаетъ здѣсь въ обрывистыхъ берегахъ высотой до 10 саж.; на противоположномъ берегу засѣло по менѣе 10 тыс. горцевъ, среди которыхъ находилъ самъ Шамиль и его лучшіе сподвижники: сынъ Кази-Магома, султанъ Даніаль-Бокъ и много другихъ.

Штурмовать отвѣсный берегъ подъ огнемъ артиллеріи оказывалось невозможнымъ. Князь позвалъ Бакланова: «Дѣдъ, ты хорошо знаешь мѣстность; нельзя ли сдѣлать обходъ, чтобы атаковать позицію съ лѣваго фланга?» Баклановъ просилъ два дня сроку, но Бяратинскій требовалъ, чтобы онъ выступилъ черезъ ночь. Оставалось повиноваться.

Немедленно были выражены два пластуна: урядникъ Скопшъ и Шапошниковъ, которые, сдѣлавъ въ оба конца до 30 верстъ, вернулись къ свѣту съ важнымъ извѣстіемъ, что переправить отрядъ можно, невадалокъ отъ чеченскихъ оконцовъ. Баклановъ тотчасъ же выступилъ изъ лагера съ двумя казачьими полками, съ драгунами и тремя батальонами пѣхоты, при 8 орудіяхъ. Прикрытый густымъ туманомъ, отрядъ проползъ по склону Качалыковского хребта, миновалъ Курпинское, потомъ втянулся въ дремучіе лѣса.

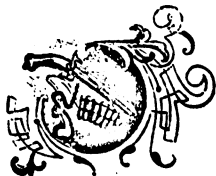
Шелъ молча, наблюдая глубокую тишину. Когда туманъ, пригрѣтый солнышкомъ, немного приподнялся, наши увидѣли Мичикъ, за которымъ снѣгли далекія горы. Казаки живо срыли крутой подъемъ, вырубилъ орѣшникъ и черныи значокъ Бакланова пронесся черезъ рѣку. Немного дальше, въ болотистомъ ручьѣ, увязла пушка. Баклановъ слѣзъ съ коня, самъ

приподнять хоботъ, а солдаты, дружно подхватя, разомъ вынесш пушку на-земь. Отсюда Баклановъ двинулъ уже рысью.

Было 12 часовъ, когда туманъ открылъ непріятельскіе завалы. Барятинскій и окружавшіе его увидѣли съ высоты, какъ за Мичкомъ разворнулся длинный фронтъ нашей конницы, охватившій всю долину. Тогда 24 орудія дали залпъ, барабаны забили къ атакѣ, загремя «ура!» и крикв: «Баклановъ! Баклановъ!» У непріятеля, напротивъ, вырвался вопль отчаянія; ужасные крики: «Боклю! Боклю!» были заглушены общимъ воемъ, какого давно не слышали старые кавказцы. Огромнымъ стадомъ въ 10 тысячъ чеченцы бросились сломя голову къ лѣсу, преслѣдуемые съ этого берега ядрами, гранатами; рядомъ съ ними, по другую сторону оврага, неслись казаки стремительной лавой. Только на 10-й верстѣ Баклановъ могъ перескочить оврагъ, сдѣлать заѣздъ и отхватить арріергардь: онъ былъ уничтоженъ, но орудія успѣли проскочить.

Всѣ труды Шамля пропали даромъ, всѣ его расчеты рухнули. Тутъ онъ потерялъ много людей, лучшихъ своихъ панбровъ, потерялъ надежду отстоять Чечню...

Черезъ 4 мѣсяца Баклановъ сдавалъ 17-й полкъ войсковому старшинѣ Полякову, старому своему соратнику, а самъ уѣзжалъ въ Тифлисъ, получивъ другое назначеніе. Скоро открылась Турецкая война. Въ Малой Азіи, за Арпачаемъ, и особенно подъ стѣнами осажденнаго Карса, имя «Боклю» приводило въ трепетъ турокъ, которые пытались прорваться сквозь желѣзное кольцо, окружавшее крѣпость. Тамъ, гдѣ стерегъ Баклановъ, имъ это никогда не удавалось ¹⁾. Таковъ былъ богатырь, воскресившій боевую славу первыхъ временъ казачества.

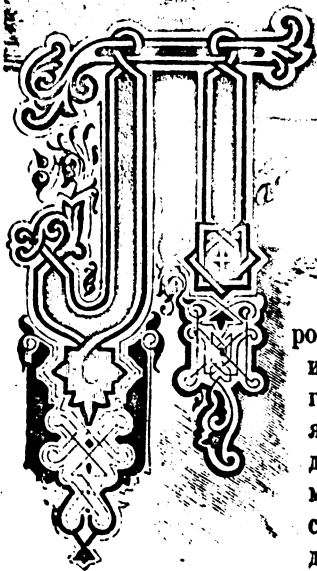

¹⁾ См. «Блокада Карса». Отечественные героические рассказы, стр. 330.

УРАЛЬЦЫ.

I.

Какъ соби́ралось Яицкое войско.

ро старину уральскую мало что извѣстно, меньше чѣмъ о другихъ казакахъ. Первые орлы яицкаго войска свили себѣ гнѣзда далеко за предѣлами крещенаго, міра, чуть не въ Азїи, мало спустились съ Москвой, еще меньше дѣлали отписокъ, и только по разсказамъ старыхъ людей, переходившимъ изъ рода въ родъ, можно судить о томъ, что у нихъ также была своя богатырская пора. Неизвѣстно, какъ и когда повелось яицкое войско, но Государеву службу оно начало исполнять давно, 300 лѣтъ тому назадъ. Въ 1591-мъ году 500 яицкихъ казаковъ были посланы противъ ослушника царскаго Шамхала Тарковского,

который владѣлъ городомъ Тарками. Тогда же было положено служилымъ казакамъ денежное и хлѣбное жалованье. О началѣ яицкаго войска сказываютъ такъ. Когда буйная вольница болѣно расшумѣлась, когда на Волгѣ не стало отъ нея ни прихода, ни проѣзда, царь Иванъ Васильевичъ Грозный выслалъ своего стольника Ивана Муранкина истребить въ корень разбойничьи ватаги, очистить водный путь на Астрахань. Въ тѣ поры тѣе атаманы сошлись и стали думу думать, куда имъ скрыт.я и отъ царскаго гнѣва? Одна ватага, съ Ермакомъ Тимофеевичемъ, потянула на сѣверъ, скрылась на Каму, откуда послѣ была выряжена на завоеваніе Сибири; другая спустилась внизъ, вышла моремъ въ Терекъ, гдѣ осѣла навсегда, а третья укрылась подалеже, на рѣку Яикъ, или нынѣшній Уралъ, который пріютилъ ихъ также навсегда. Надо думать, казаки не сразу осѣли. Прошло не мало времени, пока они оглядѣлись, ознакомились съ новыми мѣстами. А край былъ богатый. Сверху внизъ протекала до самаго моря многоводная рѣка, обильная рыбой — осотрами, бѣлугой, севрюгой, стерлядью, шипами... Поемные луга и островки покрывались ежегодно густой сочной травой; въ заросляхъ камыша, особенно вблизи морскаго прибрежья, скрывались выдры, бобры, кабаны; изъ пернатыхъ налетали сюда дикіе гуси, птица-баба, лебеди. По сказанію, первые насельники построили себѣ городокъ тамъ, гдѣ р. Рубежная впадаетъ въ Яикъ. Какъ только прошелъ по Руси слухъ, что открылось новое убѣжище, войско быстро умножалось пришельцами съ Дона, Волги, Кубани. Кромѣ казаковъ, людей вольныхъ, сюда шли царскіе стрѣльцы, посадскіе люди, пушкари, государевы наводчики; набѣжали валахи, калмыки, татары, мордва, чуваша, вотяки, даже киргизы; между плѣнными попадались шведы, финны, турки, поляки и нѣмцы; по главную силу войска составляли бѣгле крестьяне. Сюда шелъ народъ ловкій, смѣлый, храбрый и гордый — народъ съ амбиціей, который искалъ вольностей. «Какъ пчелка беретъ съ каждаго цвѣтка по капелькѣ меду, такъ и яицкое войско вѣдало съ каждаго сословія по молодцу — и вышло ровное и храброе яицкое войско».

На Руси удалство никогда не переводилось; вольная казачья жизнь чудилась многимъ во снѣ и на яву, а, между

тамъ, на всомъ лежалъ строгій запретъ. Тамъ же, за ея рубежомъ, каждый былъ самъ себѣ господинъ. Войсковой атаманъ исполнялъ только волю народную; есаулы считались лишь его помощниками. Всѣ дѣла рѣшались въ казачьемъ кругу, на площади—то по призыву колокола, въ случаѣ сибѣшки, то по особому торжественному съезу. Вотъ въ ящкомъ городкѣ выѣхалъ на богато убранномъ конѣ войсковой есаулъ въ карманномъ зипунѣ, въ широкихъ парчевыхъ пароварахъ; на поясѣ у него нахлобучена высокая баранья шапка съ острымъ малиновымъ верхомъ, съ боку виситъ сабля кривая въ турецкой оправѣ изъ чистаго серебра; въ правой рукѣ держитъ жезлъ посеребренный. Подобно нѣмецкому герольду, оповѣщающему торжество всенародное, есаулъ останавливается на каждомъ перекресткѣ и ~~согласно~~ ^{согласно} выкрикиваетъ: «Послушайте, атаманы-молодцы, все донское войско! Не пейте зелена вина—ни дарового, ни купленого: завтра кругъ будетъ!»—Въ назначенный день собрались казаки съ трезвыми, понохмѣленными головами къ войсковой избѣ. Вышелъ войсковой атаманъ, какъ подобаетъ его сану, окруженный старшинами, походными атаманами, есаулами. Вступилъ онъ въ середину круга, означеннаго перильцами, снялъ шапку, положилъ къ ногамъ насѣку, низко поклонился на всѣ четыре стороны и сталъ держать рѣчь.—«Любо-ли вамъ это, атаманы-молодцы, или нѣтъ?» спросилъ онъ подъ конецъ,—«Любо, любо!» крикнули казаки въ одинъ голосъ.—Бывало и такъ, что одни кричатъ: «любо», другіе: «нелюбо!»—Тутъ атаманъ подастъ знакъ, и казаки разойдутся на два лагеря: гдѣ больше головъ, такъ и повершатъ. Виноватаго также судили въ кругу, при чемъ наказывали только такія преступленія, отъ которыхъ былъ войску убытокъ или же падало на него безчестье, напр., воровство, измѣна, трусость въ бою; преступленія, совершенныя на сторонѣ, и не считались за таковыя. Казнили такъ же, какъ и на Дону: въ мѣшокъ да въ воду. Владѣніе войсковыми угодьями всегда было и осталось общественное; каждый можетъ селиться, заводить свое хозяйство, гдѣ ему угодно; но на рыбный промыселъ, какъ главную статью дохода, казаки вырабатывали строгія правила, которыя въ силѣ и понынѣ. Скота у нихъ тогда не было; хлѣба не сѣяли вовсе. Хлѣбъ, вино,

пронизію, казаки покупали въ поволжскихъ городахъ, преимущественно въ Самарѣ, или же мѣняли на рыбу у прѣзжихъ купцовъ. Свиноць, порохъ, оружіе — получали изъ казны. Многие женились, обзавелись семьями: въ этомъ никогда не было запрета. Какъ и вездѣ въ старинной Руси, казачки вели жизнь тихую, уединенную, тогда какъ мужья любили щеголять оружіемъ, одеждой, проводили дни въ забавахъ, по ночамъ предавались разгулу. «Подобно орламъ поднебеснымъ прадѣды уральновъ перепархивали съ мѣста на мѣсто; жили тамъ, гдѣ пристѣли, гдѣ казалось имъ пользотѣе — сегодня на Ижкѣ, завтра — на вморѣ». Удалъ и жажда жизни улюкали яицкихъ казаковъ на «промыслы», или что то же — разбой, грабежи, наѣзды. Они «промышляли» на Сипемъ морѣ, «промышляли» надъ ближними и дальними сосѣдями. Ногаи не знали, гдѣ и какъ укрыть отъ казаковъ свой скоть, лошадей, своихъ женъ и домашнюю рухлядь. Имъ не было покоя ни днемъ, ни ночью, ни лѣтомъ, ни зимой. Мирные потомки некогда сильной, воинственной Золотой орды, наконецъ, не выдержали: собрались отъ мала до велика и осадили Яицкій городокъ. Казаковъ было мало, ордынцевъ много. Они каждый день ходили на приступъ. Сохранилось сказаніе, что въ послѣдніе дни осады казаки заряжали свои деревянные пушки костями. Взять ли былъ ногаями городокъ или нѣтъ, про то неизвѣстно, но только казаки его покинули. Передъ тѣмъ, какъ строиться на новомъ мѣстѣ, они повстрѣчали на Яикѣ древняго, благотѣннаго старца въ бѣломъ клобукѣ, съ крестомъ на лбу; плывъ онъ въ лодочкѣ, пригребая на одно весельце. — «Отче святой, спросили у него казаки, поздоровавшись: задумали мы перенести городъ на другое мѣсто. Начинать ли намъ это дѣло? Дай совѣтъ». Старецъ спросилъ, куда они хотятъ перенести городъ. Казаки указали на Чаганъ-рѣку. — «Не былъ я на томъ мѣстѣ, отвѣтилъ старецъ, а знаю, что оно къ поселенію удобно. Только вѣдайте, чады, на томъ мѣстѣ будутъ у васъ трусы, мятежи, кровопролитныя брани и всякія сумятицы; одно время появится между вами такой набѣзлый царь... Вотъ изъ-за него много крови прольется, много горечи вы примете. А тамъ, со временемъ, все замолкнетъ и вы узрите покой».

— Ничего, святой отче, сказали казаки. Намъ и прежде говаривали: «На крови-де Яикъ зачался, на крови-де и кончится».—Ты только благослови насъ, отче!

— «Богъ васъ благословить!» сказалъ старецъ, осѣнилъ ихъ крестомъ да и поплылъ путемъ-дорогой.

Спихватились казаки, что забыли спросить старца, кто онъ таковъ. Повернули назадъ, догнали ужъ въ моръ и спрашиваютъ: «Прости насъ, отче, давая мы не спросили тебя, кто ты такой? Повѣдай намъ».—«Алексѣй, митрополитъ!» говорятъ старецъ.—Въ ту же секунду отъ воды поднялось густое облако, скрывшее и лодку, и святителя. Казаки пришли въ ужасъ неописанный; когда же они опомнились, то облако разсѣялось, но ни старца, ни лодки больше не видѣли.—То было видѣніе.

Казаки поставили новый городъ, который нынѣ извѣстенъ подъ именемъ Уральска. Въ тогдашней «превеликой нуждѣ» они обратились къ царю, и царь Михаилъ Федоровичъ, прирѣвъ на ихъ нужды, выдалъ имъ грамоту «на владыіе рѣкою Яикомъ, съ сунцими при ней рѣки, и притоки, и со всеми угодыми отъ вершинъ той рѣки и до устья»,—съ дозволеніемъ «набираться на житье вольными людьми».—Однако казаки не уберегли царской грамоты: говорятъ, она сгорѣла. Вообще, старые казаки мало думали о будущемъ; не закрѣпили своей грамоты, какъ слѣдовало, знаками, чѣмъ впоследствии воспользовались кочевавшіе съ ними по сосѣдству разные народы—калмыки, киргизы. Хватились уральцы за умъ, да ужъ было поздно.

Къ этой ранней порѣ относятся смѣлые набѣги въ Хиву, въ которой ходила сказочная молва. Тамъ, говорили, богатства не мѣрены, не считаны, много золота, камней драгоценныхъ, дѣвицъ пригожихъ. Атаманъ Печай составилъ шайку въ 500 человекъ и двинулся вверхъ по Яику. Это было за царя Бориса, около 1600 года. Переправившись черезъ рѣку, атаманъ собралъ кругъ. Всѣ были согласны извѣдать дальній путь, лишь одинъ дьякъ, приставленный къ письменной части, уговаривалъ казаковъ вернуться домой. Казаки такъ осерчали, что тутъ же подъ горой повѣсили несчастнаго дьяка, отчего и самыя горы стали съ тѣхъ поръ прозываться «Дьяковы». Безводною и

безлюдною степью казаки дошли до Хивы. Хана въ ту пору не было дома, онъ гдѣ-то воевалъ. Казаки заняли городъ, по-дѣлили между собою добычу и стали шировать. Атаманъ взять себѣ въ жены самую красивую ханшу. Между тѣмъ, пришла вѣсть о приближеніи хивинцевъ. Казаки постѣ долгихъ сборовъ покинули столицу, но двигались медленно, таща за собой огромную добычу. На переправѣ черезъ Сыръ - Дарью хивинцы ихъ догнали. Завязался бой, кровавый, смертельный—обѣ стороны ожесточились. Хивинцы, можно сказать, задавили небольшую горсть казаковъ. Паль атаманъ въ битвѣ, заколовъ спорна свою жену; вслѣдъ за нимъ положили и всѣ его сподвижники; уцѣлѣло челоуѣка 3—4, не больше: они-то и принесли печальную вѣсть на берега Яика.

По слѣдамъ Нечая пошелъ атаманъ Шамай туда же, въ Хиву. Двигался онъ осторожно, съ опаской. Перезимовавъ на Илекѣ, атаманъ тронулся дальше съ наступленіемъ весны и хотя съ большими трудностями, но добрался до Сыръ-Дарьи. Дальше путь былъ незнакомъ, никто не зналъ дороги. Тогда казаки захватили силой нѣсколько калмыковъ. Чтобы вернуть плѣнныхъ проводниковъ, кочевники пустились на хитрость. Они послали двухъ челоуѣкъ подъ видомъ охотниковъ, а сами сѣли въ засаду. Шамай и еще нѣсколько казаковъ погнались за калмыками, тѣ бросились на утекъ и навели ихъ на засаду. Тутъ они всѣ и попались. Пытались, было, калмыки разнѣяться плѣнными, но казаки не согласились: «Атамановъ у насъ много, а безъ вожей пробыть намъ нельзя»—и отправились дальше. На берегахъ Аральскаго моря казакамъ опять довелось зимовать. Тутъ, въ голодныхъ пескахъ, пристигла такая нужда, что они поѣли сначала своихъ лошадей, потомъ принялись одинъ за другого. Наконецъ, пришли въ такое отчаяніе, что рѣшились лучше сдаться хивинцамъ. Тамъ, въ цѣпяхъ и вѣчной работѣ, сносили удалцы свою «горемычну» долю, а Шамай съ товарищами калмыки привезли на разнѣгъ.

Болѣе вѣрную добычу давало синее море Хвалынское. Около устьевъ Яика, по «островамъ морскимъ да по буграмъ черневымъ» проживали наѣздомъ «казаки-лицари», самые удалые, заправили всему войску. Они знали здѣсь каждый островокъ, каждый заливицкъ; они же водили казачьи челны на синее

море, и бѣда грозила встрѣчному купцу, промышленнику, знатному гостю или посланщику. Въ укромныхъ мѣстахъ собирались ватаги съ Дона, съ Яика, съ Волги; стояли здѣсь по нѣсколько мѣсяцевъ, какъ ястребы, выжидая добычи. Такіе же притоны находились у нихъ на всемъ кружномъ побережьи — у береговъ персидскихъ и туркменскихъ. Что именно яицкіе казаки тутъ верховодили, про то поется у нихъ пѣсня:

На островѣ-Камынѣ казаки живутъ,
Казаки живутъ, люди вольные.
Разбивали они на снѣгѣ морѣ
Бусы-корабли, всѣ легкія лодочки.
Разбили одну лодочку съ золотой казной,
Снимали съ золотой казной красну, дѣвицу,
Красну-дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
И начали дѣлать золоту казну пуховой шляпой.
На конѣ клали раскрасавицу, красну дѣвушку.
И начали между себя трясти жеребій.
Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.
Возговоритъ атаманушка такovy слова:
«На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;
На паю, на дуванѣ, я послѣдній сталъ:
Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка».
Возговоритъ красна дѣвушка такovy слова:
«Ужъ ты, голъ еси, казачій атаманушка!
У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
Золото кольцо, оно въ пятьсотъ рублей;
Поднизочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу.
Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣны нѣту.
Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ».

Чтобы сдержатъ буйную вольницу, еще царь Михаилъ Федоровичъ указалъ построить при устьѣ Яика городокъ, на защиту котораго были посланы стрѣльцы; здѣсь же поселились учужники, ловившіе рыбу на Государя. Но взлюбили казаки этотъ городокъ: онъ заиралъ имъ выходъ въ море, задерживалъ рыбу, что шла снизу. Черезъ нѣсколько лѣтъ торговый человекъ Михаилъ Гурьевъ приступилъ къ постройкѣ каменнаго городка, съ башнями, съ воротами, за что казна уступала ему на 7 лѣтъ рыбныя ловли. Казаки поняли, въ чемъ дѣло, и всѣми способами вредили постройкѣ городка. Однажды допской атаманъ Иванъ Кондыревъ напалъ на казенныя суда, разметалъ дрова, кирпичъ, известку, а самыя суда задержалъ у себя. Наконецъ, когда городокъ, получившій названіе Гурьева, былъ выстроенъ, казаки напали на ниже-яицкій учугъ, принадлежавшій самому Гурьеву, раззорили его, рабочихъ перезвали на

Яикъ. За такія провинности, которыхъ накопилось не мало, по жалобамъ купцовъ и шаха персидскаго, казаки были призваны къ отвѣту. Атаманъ Ивагъ Бѣлоусовъ ѣздилъ въ Москву бить царю челомъ. Ему вычитали всѣ вины казачьи, послѣ чего наиболѣе виновныхъ отправили въ Польшу, подѣ начальство князя Хованскаго, гдѣ они пробыли 7 лѣтъ. Въ защиту казакъ надо сказать и то, что они, какъ первые поселенцы въ краѣ, много сами терпѣли отъ хищныхъ сосѣдей. Въ ту пору началось передвиженіе калмыцкихъ ордъ. Онѣ переходили Яикъ и тутъ дѣлились на двѣ орды: одна шла грабить Уфу, Самару, Казань; другая — къ улусамъ астраханскихъ татаръ. Яицкіе казаки принимали на себя первый ударъ: они же первые и платились своими головами. Множество русскихъ плѣнниковъ перебывало тогда въ рукахъ дикарей. Вскорѣ послѣ того взбунтовались банкиры. Край терпѣть отъ безначалія: грабежи и убійства стали дѣломъ обычнымъ. Бѣглецы съ Руси съ каждымъ годомъ умножались; они собирались въ шайки и разбойничали по всѣмъ путямъ, какъ морскимъ, такъ и сухопутнымъ. Смута въ прикаспійскомъ краѣ приняла размѣры бунта, когда на челѣ буйной ватаги проявился лихой атаманъ Стенька Разягъ. И яицкіе пристали къ бунту, хотя не всѣ. Они сопровождали атамана во всѣхъ его походахъ, бились за него съ ратными людьми подѣ Симбирскомъ, откуда бѣжали къ Самарѣ и далѣе на Яикъ. Ихъ было тогда не больше трехсотъ.

Наступило царствованіе Петра Великаго, и яицкіе казаки явились вѣрными сподвижниками его походовъ противъ турокъ, шведовъ и восточныхъ народовъ. Къ этому времени относится любопытное сказаніе о богатырѣ Рыжечкѣ. Въ гербѣ уральскаго войска изображенъ казакъ на конѣ, и если вы спросите, кто это? вамъ отвѣтитъ даже малый ребенокъ, что это Рыжечка, старыхъ временъ «лыцарь», который выслужилъ Яикъ у батюшки-царя. Сказываютъ старики, что, когда наступалъ шведскій король, Царь просилъ яицкаго атамана Прохора Митрича принести съ Яика одинъ, либо два полка казакъ. Въ одну недѣлю снарядили два пятисотенныхъ полка, отслужили молебны и пошли подѣ Полтаву. На вѣстяхъ у атамана былъ въ ту

пору маленькій человекъ, по прозванью Рыжечка. Пришли казаки подъ Полтаву, а шведъ уже успѣлъ упредить Царя: застроилъ лучшія мѣста шанцами да батареями, а тутъ на бѣду измѣнилъ хохлацкій гетманъ Мазена. Царь было закручинился, какъ прибѣгаетъ отъ шведа посольщикъ: не угодно ли кончить споръ поединщиками? — «Данай Богъ! Это намъ на руку», сказалъ Петръ Первый. У шведа же заранѣе были припасены поединщикъ, пѣ-за моря вывезенъ: ростомъ чуть по съ колю-колю, въ плечахъ—косая сажень. Обрядили его въ кольчугу и въ латы, посадили на коня—конь то сущій слонъ—и того покрыли панцырной попоной. Наши думали, что это башня на колесахъ, а не человекъ. Петръ Первый и самъ видитъ, что такому чудовищу трудно подыскать супротивника, однако все-таки велѣлъ кликать кличь: нѣтъ ли гдѣ охотника?—Разо-сталъ Царь всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ генераловъ и думчихъ сенаторовъ,—и всѣ воротились ни съ чѣмъ: не находится охотника! Тогда Царь повернулся къ своей свитѣ: «Изъ васъ, господа, нѣтъ ли кого?»—Ни гу-гу, всѣ молчатъ, другъ за дружку хоронятся. Не вытерпѣлъ Царь, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ, а въ это самое время подошелъ съ казаками Прохоръ Митричъ и пристроился возлѣ крайняго армейскаго полка. Царь лишь увидѣлъ ихъ, подѣхалъ и, рассказавъ въ чемъ дѣло, самъ окликнулъ: «Нѣтъ ли между вами охотника?»— «Я охотникъ!» крикнулъ тоненькимъ голоскомъ Рыжечка, вы-скочивъ изъ фронта. Царь взглянулъ на него, покачалъ головой: «Маль!» говоритъ. Три раза Царь обѣзжалъ полки; но никто не окликался, кромѣ Рыжечки. «Что буду дѣлать?» говоритъ Царь: «отказаться отъ поединка—вся Европа будетъ смѣяться; пустить этого малыша—заранѣе все пропало!»—Рыжечка стоялъ тутъ же, слышалъ царскія слова и вверни отъ себя: «А Богъ-то что? При помощи Божьей Давидъ побилъ же Голифа!» говоритъ это Рыжечка, а самъ дрожить: геройское сердце, значить, въ немъ кипѣло. — Нечего дѣлать, Царь согласился и лошадь ему позволилъ выбрать, хотя бы изъ царскихъ ко-пошень. — «Твои лошади, надежа-царь, отвѣтилъ Рыжечка, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла,—не прогѣ-найся за слово,—никуда не годятся!» Валя Рыжечка лошадь

у калмычина, разспросилъ, какія у нея споровки и махнулъ на ней въ поло. Тутъ вострепулись, заколыхались обѣ армяшки—россійская и шведская. Распустили всѣ свои знамена, заиграли на трубахъ, литаврахъ, разныхъ мусикійскихъ органахъ. Рыжочка воткнулъ на пику палку, замахалъ надъ головой и, подѣхавъ къ шведскому поединщику, спрашиваетъ у него: «На чемъ хочешь биться: на конейцахъ ли булатныхъ или на сабелькахъ вострыхъ?» — «По мигъ на чемъ хошь. Хоть на кулакахъ: я на все согласенъ», говоритъ поединщикъ, и зубы свои онъ осканилъ. Тутъ Рыжочка потрясъ коньцомъ: «Бои живой будешь, пріѣзжай на Яикъ попробовать наши кулаки, а здѣсь не угодно-ли биться вотъ этимъ!».

Пока шли у нихъ переговоры, Рыжочка успѣлъ высмотрѣть своего противника. На головѣ-то у него была стальная шлычка, шапка такая, по щекамъ и затылку отъ нея спускались желѣзные дощечки; задняя же дощечка немного оттопырилась, а это Рыжочкѣ на руку. Онъ съѣздить смѣнить свою пику, взять потоньше, потомъ, какъ подобаетъ христіанскому воину слѣзъ съ коня, повѣсилъ на пику образъ Михаила Святителя, положить передъ нимъ 7 земныхъ поклоновъ и раскланялся на всѣ стороны. Повернувшись же въ сторону родного Яика, онъ проговорилъ: «И вы, братцы-товарищи, старшки наши и все общество наше почтешное, помолитесь, чтобы Господь со-благоволѣлъ!» Послѣ того Рыжочка скинулъ съ себя всю одежду, остался только въ шароварахъ да безрукавной фуфайкѣ, голову перевязать онъ барсовымъ платкомъ, рукава у рубахи засучилъ по локоть, перетянулся шелковымъ пояскомъ и, заткнувши за поясъ хивинскій ножъ, взять въ руки коньцо. Вспрыгнувъ на лошадку, Рыжочка перекрестился и полетѣлъ на супротивника, точно малый ястребъ на орла заморскаго: «держайте людѣ, яко съ нами Богъ!» И шведъ помчался, выставивъ копьѣ въ добрую жердь. Когда Рыжочкѣ уже надо было столкнуться, онъ далъ вилка вправо, и шведъ, словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо. Рыжочка обернулся да хватилъ его коньцомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка оттопырилась — такъ онъ и покатился кубаромъ съ коня. Рыжочка мигомъ соскочилъ на землю, еще того скорѣй отскѣкъ ему голову. Тутъ наша армія возрадова-

лась, зашумѣла, словно волна морская заходила и «ура» закричала. А шведская армія, извѣстное дѣло, приуныла, затихла, хорунжки свои къ землѣ преклонила, словно голубушка, по слою похлебала. Только одинъ король, такой безпокойный былъ, не хочетъ покориться: «Подвохъ, подвохъ! кричить. Русакъ сзади ударить нашего. Подвохъ!» Тутъ ужъ и Царя взяло за ретивое. Подаль онъ знакъ къ бою да и скомацдовалъ: «Катай, безъ пардона катай! На зачипника Богъ!» И пошла чесать наша армія шведскую армейку, дымъ коромысло въ пошесть—иско лоскомъ положила. А король шведскій съ измѣнникомъ Мазепой еле-еле удрали въ Турецкую землю. Тамъ, поворять, они оба въ кабагу пошли къ турку—туда, значить, и дорога...

Когда совѣмъ успокоились, Царь въ слезахъ и спрашиваетъ: «А гдѣ нашъ малышъ, гдѣ безцѣнный Рыжечка?» — «Здѣсь», пицить Рыжечка. — «А, голубчикъ мой, сокровище мое!» и поцѣловаль его въ голову, а Рыжечка поцѣловаль у Царя ручку. — «Чѣмъ же тебя, друже мой, дарить-жаловать? Говори: ничего не пожалѣю». — «Мигъ, надежа-царь, ничего не надо, а, пожалуй, коли твоя милость, наше общество» — Царь и спрашиваетъ: «Чѣмъ? Говори». — «Отъ предковъ твоихъ, благобѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкою Янкою, съ рыбными ловлями, съипными покосами, лѣсными порубами, а грамота на то у насъ пропала. Пожалуй намъ, надежа-царь, за своей высокою рукою, другую грамоту на Янкь-рѣку». — «Съ великою радостью», сказалъ Царь и тутъ же приказаль секретарю написать при себѣ грамоту на Янкь-рѣку, со всѣми присуцими рѣчками и протоками, со всѣми угодыми на вѣки-вѣчные. — «Еще что? Проси!» сказалъ Царь. Рыжечка и говоритъ: «Еще, надежа-царь, пожалуй насъ, коли милость твоя, крестомъ да бородой». — Для кого пѣтъ, а для янцкихъ казаковъ есть! отвѣтить Царь: пиши, секретарь, что я жалую янцкихъ казаковъ крестомъ и бородой на вѣки-вѣчные».

— «Это все для общества, говоритъ Царь: а тебя то чѣмъ дарить-жаловать? Проси, ничего не пожалѣю». — «Позволь мигъ, коли милость твоя, погулять съ товарищами въ твоихъ царевыхъ кабакахъ, безданно-безпошлинно, недѣльки двѣ». — Царь

улыбнулся и говорить: «Развѣ любишь?» — «Грѣшный человекъ, люблю!» — «Гуляй во здравіе, говоритъ Царь. А ты, секретарь, напиши ужъ за-одно въ грамотѣ, чтобы водка продавалась на Янкѣ на всей волѣ казачьей».

Круглый годъ прображничать Рыжечка съ товарищами въ царевыхъ кабакахъ, странствуя отъ города до города, отъ села до села, пока не вышелъ срокъ открытому листу за царской скрѣпой. Вернулся онъ на Янкѣ вдвоемъ съ калмычиномъ тѣмъ самымъ, который обмѣнялъ ему лошадь. Оба они были на счетъ выпивки молодцы, тягуши; прочіе—всѣхъ-то было ихъ 12—не выдержали, сложили свои головы: кто въ кабакѣ, кто подъ кабакомъ—такой ужъ народъ безшабашный. А Рыжечка прожилъ на Янкѣ еще лѣтъ 10, да пошелъ по царскому указу съ Бековичемъ въ Хиву; тамъ, голубчикъ, за компанію съ княземъ и всѣмъ честнымъ воинствомъ, сложилъ свою буйную головушку.

Къ походу Бековича-Черкаскаго относится не менѣе любопытное воспоминаніе, сохранившееся въ памяти у старыхъ казаковъ. По ихъ словамъ, вернулось на Янкѣ въ разное время какихъ-нибудь 2—3 десятка, не больше; а ушло съ Янсы не малое войско, 1½ тыс. казаковъ,—всѣхъ порѣшили изверги хивинцы: которыхъ перерѣзали, которыхъ повернули въ неволю заковали въ тяжелыя цѣпи. Только одному молодому казаку въ тотъ разъ посчастливилось: не видалъ онъ ни рѣзни, ни мукъ мучительныхъ, ничего такого, отъ чего сердце кружится на части разрывается. На квартирѣ, гдѣ стоялъ казачекъ, по жалѣла его молодая хозяйка,—спасла душу христіанскую. В ту самую ночь, когда хивинцы уговорились задать Бековичу всѣмъ нашимъ карачугъ, хившка завела своего постояльца въ садъ, въ глухой, дальній уголокъ, гдѣ сохраняла его, пока не подошло время. Напослѣдокъ, когда со всѣхъ мѣстъ хивинцы съѣхались къ хану праздновать богомерзкое торжество надъ русскими, хившка обрядила казачка въ ихнюю одожду, дала ему провизію, денегъ, потомъ вывела изъ конюшни самую рѣзвую лошадь, тухменскаго аргамака, и, передавъ его на руки казачку, велѣла ему ѣхать на родимую сторону. Казакъ простился съ ней и за родительскія молитвы выѣхалъ на Янкѣ

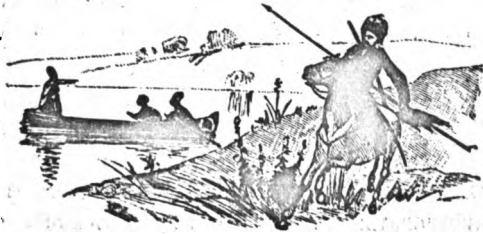
здоровъ и повредимъ. Въ дорогъ онъ не разъ встрѣчался съ хившицами. Однажды повстрѣчалось ему нѣсколько хившищевъ и спрашиваютъ: Кто онъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ? А казачекъ притворился нѣмымъ, ничего не говоритъ, а только мычитъ; потомъ снялъ съ луки уздечку, показать ее хившицамъ, ткнулъ пальцемъ въ гриву и сдѣлать знакъ руками—лошадь-де про-панцую разыскиваю. Этого мало. Слѣзъ казачекъ съ лошади, провелъ у нея ладонью по лбу—лошадь-де лысая, хочеть ска-зать; нагнулся, провелъ рукой по колѣну—лошадь, значитъ, бѣлопояжка. Хившицы поглядѣли-поглядѣли на нѣмого, улыбну-лись и покачали головами: не видали, моль, твоего коня! Потомъ поѣхали, оболтусы, своей дорогой. Казачекъ и радъ, двинулся дальше на родимую сторонушку. Если ему случалось встрѣчаться съ киргизами, отъ нихъ уходилъ вскачь: лошадь-то подъ нимъ ужъ больно была рѣзвая.

Другой казачекъ, Трофимъ Новинскій, инымъ манеромъ спасся. Это былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ, бороду имѣлъ чуть по до пояса, окладистую, сѣдую. Онъ обрядился татарскимъ муллой, т. е. накрутилъ на шапку 2 куска бязи и въ такомъ видѣ пошелъ странствовать: старый казачекъ догадивъ былъ! Куда ни придетъ Новинскій, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоить, накормить, на дорогу провязи дать. Въ шпомъ мѣстѣ спросить: кто онъ и куда странствуетъ? А Новинскій, чтобъ не выдать себя, опуститъ глаза въ землю, поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя: «Алла, Алла, бисмиля!» Орда и ротъ разплетъ, принимаетъ его за молчальника, пуще прежняго отдастъ ему почтеніе. Стучалось, лошадь подъ него давали, провожатыхъ съ нимъ посылали, одно слово: съ поче-томъ и встрѣчали, и провожали. Новинскій представлялся самому Петру Первому, на Волгѣ, когда Царь плыль изъ верхонныхъ городовъ въ Астрахань. Царь удивился и спросилъ, какимъ побытомъ онъ, одинъ-одинехонекъ, прошелъ черезъ орду бусур-манскую?—«Бородушка помогла», отвѣтилъ Новинскій.—«Какъ такъ?» спрашиваетъ Царь и нуцо прежняго дивуется.—«Такъ и такъ», говоритъ Новинскій: по бородушкѣ меня вездѣ съ поче-томъ встрѣчали, съ чостью провожали».

— «Исполать же тебѣ, старинушка, сказалъ Петръ Пер-вый и ласково погладилъ Новинскаго по сѣдой его бородушкѣ.

Значить, не все я пожаловалъ вашу братію, япскихъ казаковъ, бородой. Умѣете ея пользоваться. Что хорошо, то хорошо! А какъ твое имя, отчество и прозвище?»—Новинскій отвѣтилъ. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ: «Такъ какъ провела тебя черезъ орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты отнынѣ навѣки не Новинскій, а Бородинъ».

Царское слово свято: и сталъ послѣ того Новинскій зваться Бородинымъ; отъ него ужъ весь нынѣшній родъ Бородиныхъ; они твердо помнятъ праѣда, которому самъ Царь воздалъ по его заслугамъ.

II.

Яицкая Линія.

азаки яицкіе также долго стояли на стражѣ русскихъ земель. Нужно сказать, что въ царствованіе Императора Петра I и его наследниковъ русское царство расширилось на той окраинѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь. Русскіе люди охотно сажались на новыя земли по рѣкамъ Бѣлой, Яику, Сакмарѣ, и далѣе на востокъ за Уральскія горы. Кромѣ добровольныхъ поселенцевъ, высылались ссыльными; сюда

же, какъ сказано раше, бѣжали крѣпостные люди, бродяги и всѣ, кому не жилось на Руси покойно. Многіе помѣщики, прослышавъ про богатства края, стали скупать земли у башкиръ и татаръ; переселяясь сами, они переводили и своихъ крѣпостныхъ. Среди привольныхъ башкирскихъ степей воз-

никли хутора, поселки, впоследствии—села и города. Въ какихъ-нибудь 40-50 лѣтъ край обрусѣлъ и мало чѣмъ отличался отъ прочихъ, искони русскихъ земель. Для защиты отъ набѣговъ кочевыхъ ордъ, а равно и для управленія краемъ, было приступлено къ устройству пограничныхъ крѣпостей отъ Самары до Татищевой и далѣе по рр. Сакмарѣ и Яику до Орской; наконецъ, былъ основанъ Оренбургъ, куда перешла вся мѣшная торговля съ киргизами и со всѣми народами Средней Азіи. Оренбургская губернія была открыта въ 1744 году, и первымъ ея губернаторомъ назначенъ Неплюевъ, памятный тѣмъ добромъ, которое онъ сдѣлалъ для яицкихъ казаковъ. По его просьбѣ Сенатъ предоставилъ въ пользу казаковъ все теченіе рѣки отъ Яицкаго городка вплоть до Гурьева и этотъ послѣдній съ его рыбными ловлями. Тогда же были построены крѣпости Кулагинская и Калмыковская, а между Яицкимъ городкомъ и Гурьевымъ протянулась на 500 верстъ цѣлая укрѣпленная Линія, состоявшая изъ форпостовъ, реданокъ и третей, расположенныхъ въ перемежку. Форпосты—это маленькія крѣпостицы, а реданки и трети по что иное, какъ малыя редутцы, или укрѣпленные караульные домики: небольшой дворъ, огороженный плетнемъ и окопанный ровомъ, по срединѣ котораго стояла плетеная, вымазанная глиной изба съ вышкой для помѣщенія часоваго. Вотъ такія-то укрѣпленія стояли непрерывной цѣпью: по правому берегу Яика отъ Бударинскаго форпоста до Гурьева, а по лѣвому берегу отъ Бударинскаго форпоста вверхъ до Илецкихъ дачъ, впереди Линіи, откуда и ея названіе Передовая Линія. Дальше начинались форпосты илецкихъ казаковъ, выходцевъ изъ яицкихъ. На реданкахъ проживало обыкновенно отъ 5 — 8 казаковъ, на обязанности которыхъ лежали разъѣзды и наблюденіе вдоль Линіи. Противъ воротъ каждой реданки или трети торчали воткнутыя въ землю жерди, обмотанныя сѣномъ, камышомъ или же паклей: это маяки. Какъ только часовой съ вышки замѣчалъ въ степи появленіе всадника, онъ поджигалъ маякъ, и тревога распространялась по всей Линіи. Главнымъ врагомъ яицкихъ казаковъ въ ту пору были киргизы, врагъ сильный, неутомимый.

Многочисленныя орды киргизовъ вытѣснили калмыковъ и

разбили свои войлочные кибитки на всемъ пространствѣ степей отъ предѣловъ Сибири до Сыръ-Дарьи, моря Каспійскаго и Яика. Толпы этихъ не знавшихъ устали наѣздниковъ на своихъ некрасивыхъ поджарыхъ лошадакахъ, въ высокнхъ малахаяхъ, вооруженные длиннѣйшими пиками, осторожно прокрадывались къ берегамъ Яика, быстро переправлялись на другую сторону, еще быстрѣе кидались на русскія селенія, угощали скотъ, лошадей, арканили людей.

Ихъ ватажки, или «батыри», жадные какъ степные волки, отлично знали всѣ ходы и выходы, умѣли подстеречь добычу, исчезнуть съ нею безслѣдно; погоня за ними по необозримой степи, гдѣ нѣтъ ни бугра, ни кустика, рѣдко бывала удачною. Еще на памяти старожитловъ наѣздничать киргизскій батырь по прозванію Сырымъ. Богатырскаго роста, широкій въ плечахъ, силы необычайной, Сырымъ прославился своею удалью, лихими наѣздами. Равнаго ему не было въ степи. Такую же онь подобралъ себѣ шайку, ставшую грозой цѣлой дистанціи отъ Гурьева до Калмыковской. Въ нѣсколько часовъ исчезали русскіе поселки; стада перегонялись въ степь, населенію попадаю въ Хиву на новолыничій рынокъ. Самъ Сырымъ не былъ воромъ: онь никогда не бралъ себѣ добычи, а все награбленное дѣлилъ между джигитами. Онь только мстилъ русскимъ, которыхъ ненавидѣлъ, какъ истый азіатецъ. Казаки тоже не оставались въ долгу: но одинъ уже его джигитъ попалъ на лшку, но самъ онь былъ неуловимъ какъ молнія. Однажды шайка Сырыма переправилась у Зеленовскаго форпоста, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое называется «Разбойной лукой». Казаки въ ту пору были въ отлучкѣ, чѣмъ киргизы, какъ нельзя лучше, воспользовались: они ограбили форпостъ до чиста; не пощадили ни женъ, ни дѣтей, а затѣмъ поспѣшно переправились на лѣвую сторону. Сырымъ, отправивъ добычу впередъ, прилежъ отдохнуть; лошадей приказалъ стреножить.

Въ Зеленовскомъ форпостѣ проживалъ казакъ Илья Скоробогатовъ, человекъ степенный, всѣми уважаемый. Онь заплатился болѣе другихъ: у него убили родную дочь, рапили сына и угнали любимаго коня. Подобравъ себѣ 8 казаковъ, самыхъ надежныхъ друзей, Скоробогатовъ пустился съ ними въ погоню; другими путями поскакало еще нѣсколько такихъ же

партій. Казаки вообще имѣли обыкновеніе преслѣдовать мелкими партіями, съ тѣмъ расчетомъ, что не та, такъ другая могла потрафить на слѣдъ. На этотъ разъ посчастливилу Скоробогатову: его казаки наскочили на спящаго Сырыма. Они прежде всего растреножили киргизскихъ лошадей, потомъ набросились на джигитовъ: 10 чел. убили; пять, въ томъ числѣ и самъ Сырымъ, очутились въ плѣну. Теперь Скоробогатовъ стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ заклятымъ врагомъ. Другой на его мѣстѣ не задумался бы съ нимъ расправиться по казацкому обычаю: взвелъ бы разбойника на «марь» (холмъ), всадилъ пулю въ его широкій жирный лобъ, и дѣлу конецъ—пусть пропадаетъ какъ собака. Скоробогатовъ поступилъ не такъ. Видитъ «батыръ», что дѣло его дрань,— или надо помирать, или итти въ полонъ, — и говорить: «И только потому сдаюсь, что не могу себя умертвить; твое счастье!» — «И правда, отвѣтилъ ему Скоробогатовъ: такому батырю, какъ ты, стыдно сдаваться живому. Не хочешь ли прикопчить съ собой? Вотъ тебѣ мой пистолеть: не дасть осѣчки, не бойсь!» — Промолчалъ Сырымъ, ни слова не отвѣтилъ. Видно плѣгъ позорный показался ему краше смерти невольной. Онъ слышалъ кругомъ насмѣшки, укоры, по ничто его не смущало.— «Я сдаюсь», сказалъ онъ, накопещъ.

Скоробогатовъ вскипѣлъ отъ гнѣва. Хвастливъ и малодушенъ показался ему киргизскій наѣздникъ: «Ты не батырь, а негодай и трусь!» Съ этими словами онъ схватилъ ножъ, отрѣзалъ ему ухо, толкнулъ въ шею и крикнулъ: «Пошелъ прочь, чтобъ глаза мои не видали тебя! я никогда не убивалъ трусовъ и безоружныхъ: скройся, подлая тварь!» — Такимъ образомъ, Сырымъ за всѣ свои злодѣйства заплатился однимъ ухомъ. Затая злобу, онъ бросилъ разбойничье ремесло и перешелъ въ Букеевскую орду, гдѣ сталъ мирно кочевать со своимъ ауломъ.

Смертельная вражда съ киргизами не ослабѣвала, пока они не ослабѣли сами, перестали быть опасны. Съ ними нельзя было ни вести дружбу, ни заключить мирный уговоръ. Дружба съ однимъ родомъ навлекала вражду прочихъ. Яицкіе казаки почти цѣлое столѣтіе вели постоянную, ожесточенную борьбу съ этимъ народомъ. За каждый набѣгъ они вымещали набѣ-

гомъ же, грабежъ—грабежомъ, и такимъ образомъ обезопасили свою землю и оградилн отъ истребленія мирныхъ поселенія по сю сторону Урала. Въ постоянной и тревожной борьбѣ казаки закалялись изъ поколѣнн въ поколѣнн; дѣды и отцы передавали въ послѣднѣ своимъ сыновьямъ и внукамъ, вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, испытанное оружіе, свои сноровки въ бою, свои примѣты—весь свой боевой опытъ, добытый въ частыхъ встрѣчахъ и схваткахъ съ врагомъ. Такъ выросъ цѣлый народъ, сильный, крѣпкій духомъ, воинственный, способный къ самозащитѣ.

Липцкіе казаки, кромѣ того, что оберегали свою границу, ходили въ степь противъ кочевниковъ, содержали разъѣзды по Сибирской Линіи и, наконецъ, должны были участвовать съ прочими войсками противъ общихъ враговъ отечества. Являлись они на службу обыкновенно, какъ кому было удобнѣе или выгоднѣе: одни выѣзжали съ пиками и пистолетами, другіе съ ятаганами и винтовками, третьи—съ ружьемъ и саблей, словомъ, брали то, что сохранялось отъ отцовъ. На Линіи казаки одѣвались совсѣмъ по домашнему: оружіе надѣвали сверхъ короткихъ стеганыхъ халатовъ, самыхъ пестрыхъ и яркихъ; шапки носили высокія, съ малиновымъ верхомъ, въ родѣ киргизскаго малахая. Старые казаки славились стрѣльбой. Въ 1809 году отрядъ Кульнева переходилъ по льду въ Швецію, черезъ Ботническій заливъ. Глубокій снѣгъ покрывалъ ледяную равнину. Шведскіе егеря засѣли на берегу, за камнями, за деревьями и безнаказанно палили по нашимъ, увязавшимъ въ снѣгу. Чтобы ихъ оттуда выбить, нужна была пѣхота, а отрядъ-то весь состоялъ изъ конницы: гусары, донцы, уральская сотня. Кульневъ выдвинулъ бородачей-уральцовъ, которые шли сзади со своими длинными винтовками и «турками». Уральцы спѣшились, сбросили съ себя верхнюю одежду, шапки, перевязали головы платками и, благословясь, безъ шума, безъ крика, разсыпались по лѣсу и также засѣли за камни и деревья. Шведы слышать только выстрѣлы, да видятъ, какъ падаютъ товарищи, но сами не знаютъ, въ кого цѣлить. Каждый выстрѣлъ мѣткой уральской винтовки находилъ виновнаго. Дрогнулъ непріятель и очистилъ лѣсъ. Наши вступили въ Швецію.—Саблю казаки прежде не жаловали, а больше надѣ-

ялись на ружье да на пшку. Смолоду они стрѣляли гусей, лебедой, утокъ, сайгаковъ, кабаловъ — все пулькой; такъ же они подстерогали и неприятеля, лежа на землѣ. Какъ пesty сыны степей, казаки всегда славились ѣдой. Самую дикую лошадь ураловецъ выѣзжаетъ въ 2—3 подѣли. Подойдетъ къ ней впервые, поглядитъ, ухватитъ за уши, дастъ подоржать кому-нибудь, пакшнетъ сѣдло, сядетъ, а тамъ дѣло пойдетъ своимъ чередомъ. Сколько бы лошадь ни носила, сколько-бы ни была — задомъ ли, передомъ, все равно, когда-нибудь да уходится. Лошади у нихъ киргизскія, покрасивыя, нестатейныя, а на ѣзду пѣтъ лучше: съ малой поредышкой такая лошадь пробѣгаетъ до ста верстъ. И прослѣдовать казаки мастера. «Если бѣжить неприятель, поучаютъ старики, такъ разиѣ въ землю уйдетъ; покидать его нельзя, гоня его со свѣту долой: да не оглянется и не увидитъ, что ты за нимъ бѣжишь одинъ. И бить тоже надо, покуда бѣжить: опамятуется, да остановится, того гляди упрется, и вся твоя работа пропала». — Киргизы, еще въ пору своей силы и славы, никогда не рѣшались штурмовать тѣ ничтожныя укрѣпленія, которыя составляли Япцкую Линію. Бывали случаи, что киргизы нападали шайками, человекъ по сто, и какой-нибудь десятокъ казаковъ успѣвать отсидѣться въ своей реданкѣ, лишь благодаря мѣткой стрѣльбѣ изъ винтовокъ. Самое большое, что успѣвали хитришки, — уничтожить маяки, прежде чѣмъ казаки успѣютъ дать сигналъ. Современемъ и киргизы утратили воинскій духъ: они обратились въ простыхъ разбойниковъ. Лѣтъ 60 тому назадъ шкетные Красноярскаго форпоста, въ надеждѣ, что киргизы не сунутся въ половодье, вернулись втихомолку домой. Красноярцы въ это время были «на северюгахъ», между своимъ и Харкипскимъ форпостами; но такъ какъ день случился праздничнѣй, станичники отдыхали, расположившись артелями вдоль берега; телѣги стояли поодаль, на косогорѣ; на шестахъ колыхались сѣти; лошади гуляли въ лугахъ безъ надзора. Во многихъ мѣстахъ дымилась или уже пылали костры. Кто варилъ изъ наливовъ уху, кто стрепалъ осетринные пельмени, кто жарилъ северюжину или пекъ въ горячѣй солѣ осетровъ; иные, наѣвшись до-сыта, лежали, грѣлись на солнышкѣ. Вдругъ раздался крикъ: «Ай, ай! Киргизы, киргизы!». Лошадей пашихи

гонять киргизы!»—Рыболовы засуетились: каждый хваталъ, что было подъ рукой—ружье ли, весло, топоръ; поднялась суматоха, или, какъ говорятъ казаки, «ватарба».—Человѣкъ около 20 киргизъ подкрались перелѣсками къ берегу, перопылили рѣку повыше стана и пустились лопить лошадь. Какъ ни лопко и проворно они все это продѣлали, однако штука все-таки не удалась. Лошади пались не табуномъ, а «по гривамъ», да еще спутанныя; пока киргизы колесили за ними, чтобы сбить въ одинъ табунъ, казаки успѣли припять свои мѣры: одни бросились съ винтовками въ луга; другіе сѣли въ бударки и пустились, что было мочи, вверхъ по Урмлу къ тому мѣсту, гдѣ киргизамъ надо бы переправляться; тѣ же, которые остались, преимущественно старики, огородились толѣгами. Между тѣмъ, хищники, завидя нашихъ съ винтовками, кинулись какъ угорѣлые въ рѣку, но тутъ со страху наткнулись на плывшихъ въ бударкахъ. «Индю Яйкушка застоналъ, какъ пошли наши мучить нехристей пестами да чекушами»: около десятка ихъ пошло ко дну, остальные выкарабкались на бухарскую сторону, подъ защиту конныхъ, прискакавшихъ къ мѣсту драки. Осыпанные, въ свою очередь, стрѣлами, казаки отчалили обратно.

Почти въ то же время въ Красноярскомъ форноствѣ затрещала на вышкѣ у часового трещотка, вслѣдъ за которой раздались тревожные крики: «Киргизы! Киргизы!» Казаки, сколько было ихъ въ наличности, сѣдлали лошадей, надѣвали оружіе и собирались вокругъ своего приказнаго Ефремова. Когда набралось «храброй братіи» человѣкъ 30, Ефремовъ махнулъ съ ними за Янкъ; второпяхъ онъ забылъ даже оповѣстить сосѣднія станицы—Калмыковскую и Харкинскую. Выбравшись въ степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командѣ, при чемъ оказалось, что только одинъ казакъ, по имени Нефедъ, выѣхалъ неисправнымъ: лошадь подъ нимъ была тяжела на бѣгу,—малтакъ, годный лишь для воза. Нефеду велѣли вернуться, какъ онъ ни напрашивался.—«Ну, ребята, молись!» сказалъ Ефремовъ. Снявъ шапку, онъ перекрестился самъ, казаки сдѣлали то же.—«Съ Богомъ!». Припавъ къ луку, съ пиками на перевѣсѣ, понеслись казаки на облачко пыли. Они скакали молча, кругомъ разстилалась безбрежная степь; лишь

конскій топотъ глухо отдавался въ ушахъ. По временамъ Ефремовъ давалъ приказъ: «сдержи!» или же «припусти!» смотря по надобности. Скачутъ казаки 10, 15, скачутъ 20 верстъ. Вотъ облачко стало рѣдѣть; сначала обозначилась точка, изъ точки выросло пятнышко, все больше, больше, и вотъ, наконецъ, стали примѣтны отдѣльные всадники, киргизскіе наѣзники. Когда бѣглоцы очутились въ полуверстѣ, Ефремовъ скомандовалъ: «Ну, пуцай, чья возьметъ!» По этой командѣ казаки закричали, «загайкали», и вытянулись въ ленту; самыя рѣзвыя уже настигали киргизовъ; они уже несутся на хвостахъ ихъ лошадей. Два киргизскихъ «батыря», отдѣляясь по временамъ отъ партіи, одинъ вправо, другой влѣво, описывали дуги и быстро, съ пронзительнымъ воплемъ, наскакивали на казаковъ, угрожая имъ своими длинными пиками. Пока казакъ придержитъ лошадь, чтобы дать отпоръ, батырь круто повернетъ насадъ, исчезнетъ и снова за свое. «Вирано забирай, ребяташки!» покрикиваетъ Ефремовъ, скакавшій сзади. — Дѣлю-то въ томъ, что справа налѣво ловчѣе бить пикой, почему выгоднѣе имѣть противника съ лѣвой стороны.

Чтобы облегчить лошадей, киргизы сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выкидывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, а иные даже скидывали сѣдла. Ефремовъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что киргизскіе аргамаки видимо притомлялись, тогда какъ его конь чѣмъ больше скакалъ, тѣмъ больше прибавлялъ бѣгу. Онъ продвинулся впередъ и сказалъ Семену Азовскому: «Ты, Сема, бери себѣ голубого, а я возьму краснаго». Азовскій, рослый и сильный казакъ, припалъ почти къ гривѣ своего игреняго, набралъ воздуха въ могучую грудь и, не говоря ни слова, ринулся на «голубого» — то былъ киргизскій батырь, одѣтый въ голубой чапанъ. Смѣтилъ батырь, что ему не уйти, повернулъ круто аргамака и со всѣмъ усердіемъ ткнулъ Семена пикой. Обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ: пика угодила ему въ лобъ, подъ лѣвую бровь. Ловокъ и безстрашенъ былъ Сема Азовскій, а не успѣлъ отбить удара, опоздалъ! Сдѣлились они теперь съ киргизомъ въ рукопашную: крутились-крутились, и оба разомъ свалились на-земь. Тутъ какъ орлы наскакали казаки, вмигъ

прикололи голубого. Тотъ богатырь, что былъ въ красномъ чанагѣ, бросился было на помощь товарищу, но за нимъ уже слѣдилъ Ефромовъ и на ходу пронизалъ его пикой. Остановились казаки, перевязали Азовскую рану—бѣднягѣ было очень плохо—и, давши ему оправиться, поскакали дальше. Между тѣмъ, киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія взяла вправо, другая—влѣво; всею командой казаки повернули за послѣдней. Начинаютъ нагнать опять. «Вотъ, думаютъ, скоро будетъ работа!» Только они это подумали, киргизы скрылись въ лощину. Подѣхали казаки къ лощинѣ—что за чудо?—вся лощина занята неприятелемъ, сотни на четыре, если не больше, и множество значковъ.—«Слѣзай, ребята!» прогремѣлъ голосъ Ефромова. Въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей, скомкнули ихъ въ кучку, пероплели поводьями, а сами взялись за винтовки. Какъ корипуны вылетѣли ордынцы, издавая пронзительные крики; знаменосцы держали высоко свои пшачки, прочіе изготвились разить пиками, торчавшими изъ-подъ мышекъ. Казаки, прижавшись къ лошадямъ, выпалили съ колѣна черезъ ружье, и тотчасъ 10, но то 15 всадниковъ опрокинулись навзничь. Азіятская прыть сразу пропала. Завидя кровь, киргизы растерялись, удалились, послѣ чего только самые храбрые джигиты рѣшались подѣзжать поближе, а остальные лишь кричали да попукивали. Мѣткія пули, между тѣмъ, свое дѣло дѣлали. Вотъ свалился самый главный, до сихъ поръ неуязвимый «батырь», падоѣдавшій казакамъ хуже, чѣмъ оса. Много пуль въ него попало, а онъ все гарцовалъ да гарцовалъ въ своемъ панцырѣ, прикрытомъ халатомъ, пока казакъ Трифонъ Михаличъ не изловчился да не попалъ ему въ лобъ: не вздохнулъ батырь. Тутъ киргизы окончательно присмирѣли, отѣхали еще дальше и стали пускать стрѣлы, а у кого были ружья—пощелкивать пулями. Ни пули ихъ, ни стрѣлы не дѣлали вреда казакамъ, но лошади нугались, могли разстроить ихъ защиту. Кромѣ того, истомленные дальней ѣздой, казаки сидѣли въ осадѣ часовъ 5 или 6. Сначала они постривали назадъ, въ свою сторону, не покажется ли выручка, но ничего не видя, кромѣ голубого неба и сѣрой земли, бросили и смотрѣть. Солнце скоро скрылось, наступала ночь,

надо было спасаться, пока еще не стемгло. Поднялись казаки и тѣсной кучкой, шагъ за шагомъ, стали подвигаться къ Янку, по временамъ отстрѣливаясь и ведя за собой связанныхъ «по шеямъ» лошадей. Киргизы разступились—было въ надеждѣ, что казаки пойдутъ на утекъ; но они слишкомъ опыты, чтобы поддаться на такую грубую уловку, и продолжали тихо отступать, не прибавляя шагу. Прошли такимъ образомъ съ версту.—«Нашп, наши!» закричали нѣсколько голосовъ сразу, завидя передъ собой всадника. Красноярцы запрыгали отъ радости и разомъ грянули «ура!» да такъ громко, что киргизы остановились въ ожиданіи атакъ.—«Постойте, братцы, радоваться, сказалъ сурово Ефремовъ: всмотритесь-ка вы хорошенько, кто это?»—казаки взгляблись и ахнули отъ удивленія: въ одипокомъ всадникѣ они скоро признали Нефеду, того самаго, котораго покинули на берегу Янка. Ему, какъ забракованному, стало стыдно; казаки засмѣяли бы его самого и весь его родъ до седьмаго колѣна, и вотъ онъ по слѣдамъ товарищей поплелся на своемъ маштакѣ.

Навстрѣчу Нефеду отдѣлилась кучка киргизовъ; онъ повернулъ было въ сторону, но маштакъ еле переступалъ съ ноги на ногу. Тогда Нефедъ палъ на колѣни, выстрѣлилъ и въ то же мигновеніе былъ окруженъ. Ему связали назадъ руки, посадили опять на лошадь и повели въ толпу. По пути Нефедъ что-то кричалъ.—«Прощай, прощай, товарищъ!» отвѣчали казаки. Больше они его не видѣли. Однако бѣдняга сослужилъ добрую службу. Онъ объяснилъ киргизамъ, что вслѣдъ за нимъ скчуть сосѣднія станицы, а что самъ онъ ѣхалъ отъ нихъ только передовымъ. Киргизы съѣхались вѣсть, вѣрно на совѣщаніе, потомъ, раздѣлившись по кучкамъ, скрылись въ разные стороны.

Съ честью, со славой возвращались красноярцы домой, и радость ихъ омрачалась лишь потерей двухъ добрыхъ товарищей: Сема Азовскѣвъ на третій день отдалъ Богу душу. А мѣсяца черезъ два пришелъ къ жегѣ Нефедѣ мирный киргизъ съ извѣстіемъ, что тѣло ея мужа лежитъ въ степи, въ такомъ-то мѣстѣ. Послали команду, которая дѣйствительно нашла потерпевшій трупъ. Послѣ уже узнали, что ордынцы отдали

и пѣнишка брату того самаго киргиза, котораго Нефедь смертельно ранилъ. Пока раненый былъ живъ, Нефедю не трогали, а когда тотъ отъ потери крови умеръ, его брать зарѣзали Нефеду, какъ овцу, и выкинули на съѣденіе волкамъ. Горько врыдала вдова, когда внесли въ осиротѣлую сибѣлицу лишенный человѣческаго образа трупъ ея вѣрнаго друга и кормильца, бѣднаго Нефедю.

III

ВЪ ТУМО ВЪВЪЗВЪРАТЪ

— *[The following text is extremely faint and largely illegible due to heavy noise and low contrast. It appears to be a continuation of the narrative or a separate passage.]*

III

Пугачевская смута.

жду благотворными распоряженіями высшаго военнаго начальства были и такія, которыя вызывали неудовольствія среди казаковъ, возбуждали между ними ропотъ. Вожаками непокорныхъ всегда являлись старые казаки, особенно свѣдущіе въ Св. Писаніи, или начетчики. Они не хотѣли признавать никакихъ перемѣнъ, «новшествовъ», хотя бы то было полезно для нихъ самихъ и необходимо для блага государства. Они желали жить по старинѣ, по завѣтамъ и обрядамъ до-Петровской Руси, что было общимъ желаніемъ людей «старой вѣры». А среди япцкихъ казаковъ старая вѣра, до-Никоновская, была въ большомъ почотѣ. На Дону, Яикѣ и южномъ Поволжьѣ находили вѣрное убѣжище ревнители старины, которымъ грозила опасность въ Москвѣ. Ихъ урывали въ скитахъ и монастыряхъ Иргизскихъ, Камышъ-Самарскихъ, Узонскихъ, на прибрежныхъ островахъ моря,—

однимъ словомъ тамъ, куда не могъ проникнуть самый ретивый сыщикъ. Не только расколышники, но и подданные, люди всякаго званія находили себѣ здѣсь мѣсто по недостатку рабочихъ рукъ. Еще Петръ Великій призналъ необходимымъ выдѣлить казачье сословіе, для чего велѣлъ произвести перепись всѣхъ наличныхъ казаковъ. Многимъ это не понравилось. Они утверждали, что счисленіе народа — тяжкій грѣхъ, который навлекъ гнѣвъ Божій и на Давида. Однако ихъ переписали, раздѣлили на сотни, на десятки и положили жалованье: полторы тысячи на все войско, котораго оказалось 3,200 чел., да по осьмнигѣ хлѣба на cadaго. Кромѣ того, Царь отмѣнилъ выборъ войсковаго атамана и сталъ назначать на эту важную должность по своему усмотрѣнію изъ наиболѣе надежныхъ казаковъ. Года за три до воцаренія Императрицы Екатерины послѣдовало утвержденіе ненавистнаго казакамъ «штата»: это было новое положеніе, по которому многія дѣла отходили теперь къ оренбургскому губернатору, тогда какъ прежде рѣшеніе ихъ зависѣло отъ войска. Но это все ничего, если бы въ самомъ войскѣ не было злоупотребленій, вооружившихъ казаковъ даже на сопротивленіе властямъ. Между ними издавна стала обозначаться такъ называемая «старшинская» партія, изъ людей богатыхъ, именитыхъ, отцы и дѣды которыхъ занимали разныя почетныя должности; изъ этой же партіи назначались войсковые атаманы, есаулы и вообще всѣ правящіе въ разныхъ случаяхъ. Они же собирали съ казаковъ деньги для уплаты въ казну за пользованіе гурьевскимъ учугомъ, но при этомъ, не забывая себя, требовали вчетверо больше, чѣмъ слѣдовало; отчета же не отдавали по нѣскольку лѣтъ. Войсковою атаманъ самъ держалъ на откупѣ десятишную пошлину, почему тянулъ сторону старшинъ, а если кто очень домогался отчета, того брали подъ караулъ и наказывали. Взаимныя пререканія и жалобы тянулись нѣсколько лѣтъ, пока одна партія не озлобилась на другую до того, что между ними возгорѣлась неугасимая вражда. Когда эти жалобы дошли до Императрицы, она повелѣла разобрать ихъ и навсегда прервать.

На Яикъ выѣхали два слѣдователя: генераль-маіоръ Траубенбургъ, командующій войсками въ Оренбургской губерніи, и

капитанъ Дурново; одинъ со старшинской стороны, другой съ войсковой. Почему-то они медлили, не приступали къ дѣлу, а, между тѣмъ, несправедливые казакамъ старшины продолжаютъ властвовать. Возникъ ропотъ, волненіе. Въ ночь на 13 января 1772 года, улицы и площади Яицкаго городка наполнились вооруженными казаками; старшинская партія пристала къ регулярной командѣ, бывшей на ту пору въ Яицкѣ. На разсвѣтѣ огромная толпа въ нѣсколько тысячъ приблизилась къ дому Дурново и выслала депутатовъ съ требованіемъ, чтобы дѣло ихъ было рѣшено въ тотъ же день. Дурново отвѣчалъ, что все уладить черезъ недѣлю. Толпа, разразившись криками, бросилась разбирать заборъ; въ соборной церкви загудѣлъ набатъ, по которому выступила процессія съ иконами и хоругвями впереди. Подъ прикрытіемъ святыни, казаки всею толпою молча стали напирать. Впереди шли тѣ же депутаты, повторяя свою просьбу повершить ихъ дѣло. Еще два раза Дурново далъ такой же отвѣтъ, наконецъ, приказалъ выпалить. Разсвирѣпѣвшіе, обрызганные кровью товарищей, казаки овладѣли пушками, смяли драгунъ и ворвались въ домъ. Траубенбергъ былъ убитъ, Дурново избить до полусмерти; войскового атамана Тамбовцева вытащили полуживого на дворъ, гдѣ изрѣзали на куски; большинство казаковъ старшинской партіи также поплатились головами; остальныхъ взяли подъ стражу, а дома ихъ и имущество до-чиста разграбили. — Черезъ четыре мѣсяца явились войска.

Жестокое поплатились тогда казаки: тюремныя избы, гауптвахты, подвалы домовъ были набиты арестантами; ихъ вѣшали, четвертовали, отрѣзали носы и уши или, по приказаніи плетью, отправляли въ Сибирь на поселеніе. По окончаніи казни приступили къ водворенію новаго порядка. Кругіе казачіе были уничтожены, званіе атамана упразднено, а вмѣсто того и другаго учреждено комендантское управленіе; въ городѣ поставленъ гарнизонъ. Уцѣлѣвшіе отъ погрома старые казаки бѣжали въ степи, гдѣ прятались по скитамъ или въ отдаленныхъ хуторахъ. Они разносили повсюду молву, что наступили послѣднія времена яицкому войску; они говорили о казняхъ товарищей, о гибели привилегій. «Прежніе наши обряды вовсе опровержены, и открылся штатъ, котораго мы

вовсе не желаемъ; вмѣсто войсковаго атамана нами командуеъ полковникъ Симоновъ, изъ регулярныхъ». Такъ они жаловались Императрицѣ. Ропотъ и озлобленіе были въ самомъ разгарѣ, когда разошелся зловѣщій слухъ о появленіи въ войскѣ Императора Петра Фодоровича.

Покойный Государь даровалъ при жизни различныя вольности дворянству. Народъ сталъ ожидать себѣ того же. Когда же Петръ Фодоровичъ скончался, пошли суевѣрные толки, что онъ не умеръ, но скрылся въ потаенномъ мѣстѣ. Его образъ сталъ излюбленнымъ, особенно среди раскольниковъ, которые увѣряли, что онъ безсмертенъ. По ихъ толкованію Государь живетъ и понынѣ, за Нерчинскими горами, но придетъ время, когда онъ объявится во всей силѣ, съ безчисленнымъ воинствомъ, возстановитъ на землѣ истинную вѣру и будетъ царствовать съ «вѣрными» по заветамъ прародителей. Въ при-волжскомъ и при-уральскомъ краѣ эти слухи стояли тверже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ крещеной Руси, почему среди казачьяго сословія и проявлялись самозванцы. Явился одинъ — скоро исчезъ, потомъ явился другой. Это былъ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, человекъ безграмотный, трусливый, но смысленный, продувной и даже дорзкій; на языкъ бойкій, подчасъ то хвастливый, то любившій напускать на себя сиротство. Ни въ его осанкѣ, ни въ обхожденіи ничего не было властнаго, ничего такого, что напоминало бы родовитость или знатность происхожденія. Приземстый мужичокъ, съ лукавыми глазками, черной всклокоченной бородкой, ничуть не былъ похожъ на истыхъ, природныхъ атамановъ Дона и Поволжья, каковы, напримѣръ, Ермакъ Тимофеевичъ или Стенька Разинъ — ни тѣни ихъ богатырства или удали. Проживая по хуторамъ и уметамъ, Пугачевъ соблазнялъ простодушныхъ казаковъ такими рѣчами: «Я даю вамъ обѣщаніе жаловать ваше войско, какъ и Донское, по 12 рублей жалованья и по 12 четвертей хлѣба; жалую васъ рѣкою Яикомъ и всѣми притоками, рыбными ловлями и землею, угодыями, сѣнными покосами, безданнымъ, безпошлинно; я распространю соль на всѣ четыре стороны, вези, кто куда хочетъ, и буду васъ жаловать такъ, какъ и прежніе государи, а вы мнѣ за то послужите вѣрой и правдой». Невѣрующимъ въ его достоинство Пугачевъ показывалъ

какіе-то знаки на тѣлѣ, которые онъ называлъ царскими: «Примѣчайте, друзья мои, говорилъ онъ однажды, какъ царей узнають», при чемъ онъ отодвинулъ волосы на лѣвомъ вискѣ. Казаки замѣтили какъ бы пятно отъ золотухи, но знака разглядѣть не могли.

— «Всѣ ли цари съ такими знаками родятся, спросить казакъ Шигаевъ, или это послѣ, Божьимъ изволеніемъ, дѣлается?»

— «Не ваше это дѣло, мой другъ, простымъ людямъ вѣдать этого не подобаетъ», хитро увернулся бродяга. — «Теперь вѣримъ, сказали присутствующіе, и признаемъ въ васъ великаго Государя Петра Федоровича». Тутъ находились Чика, онъ же Зарубишъ, Караваевъ, Шигаевъ и Мясниковъ.

Однако между первыми сообщниками Пугачева не всѣ были такъ просты, чтобы повѣрить его рассказнямъ. Однажды Чика, оставшись наединѣ съ Пугачевымъ, спросилъ у него: «Скажи мнѣ, батюшка, сущую правду про себя, точный ли ты Государь? Насъ здѣсь только двоечко, а Караваевъ-то мнѣ все рассказалъ о тебѣ, какой ты человекъ». — «Что жъ онъ тебѣ сказать?» — «Сказать, что ты донской казакъ». — «Врешь, дуракъ», воскликнулъ Пугачевъ. — «Мнѣ большой нужды нѣтъ, донской ты казакъ или нѣтъ, а если мы приняли тебя за Государя, значитъ тому такъ и быть». — «Если такъ, отвѣтилъ Пугачевъ, то смотри же держи въ тайнѣ. Я подлинно донской казакъ Емельянъ Ивановъ. Я былъ на Дону, и по всѣмъ тамошнимъ городкамъ вездѣ молва есть, что Государь Петръ III живъ и здравствуетъ. Подъ его именемъ я могу взять и Москву. Не потащъ я о себѣ, кто я таковъ: сказывалъ Караваеву, Шигаеву, также и Пьяпову». Чика, несмотря на клятву, рассказалъ Мясникову. — «Намъ какое дѣло, Государь онъ или нѣтъ, отвѣтилъ Мясниковъ, мы изъ грязи сумѣемъ сдѣлать князя. Если онъ не завладѣетъ Московскимъ царствомъ, такъ мы на Яикѣ сдѣлаемъ свое царство». — Такъ же думали и прочіе сообщники самозванца. Имъ нуженъ былъ человекъ, неизвѣстный никому въ войскѣ, который бы вернулъ казакамъ ихъ прежнія права и привилегіи. До остальнаго имъ дѣла не было: пусть его морочитъ русскій народъ.

16-го сентября, на хуторѣ братьевъ Толкачевыхъ собра-

лась толпа въ 30 или 40 человекъ, въ числѣ которыхъ находились бѣглецы русскіе, казаки, калмыки. Въ толпу вошелъ незнакомый человекъ и объявилъ о себѣ такъ: «Я вамъ истинный государь, послужите мнѣ вѣрой и правдой. Богъ за мою прямую къ нему старую вѣру вручаетъ мнѣ царство попрежнему, и я намѣренъ возстановить вашу вольность и благоденство. Я васъ не оставлю, и вы будете у меня первые люди». Всѣ присутствующіе пали на колѣни: «Рады тебѣ, батюшка, служить до послѣдней капли крови! Не токмо мы, но и отцы наши царей не видывали, а теперь Богъ привелъ намъ тебя, государя, видѣть». Пугачевъ приказалъ принести образъ и привелъ всѣхъ къ присягѣ, послѣ чего распустить по домамъ, наказавъ собираться въ походъ. На утро свита Пугачева уже возросла до 80 человекъ. Въ ея присутствіи казакъ Почиталинъ прочелъ манифестъ, въ которомъ повторялись уже извѣстныя обѣщанія самозванца. Во все время чтенія казаки стояли съ поднятыми вверхъ руками. Развернули знамена съ нашими восьмиконечными крестами, прикрѣпили ихъ къ копьямъ и, сѣвъ на коней, двинулись степью. Во всѣ ближайшіе хутора были разсланы гонцы скликать людей. Такъ началось возстаніе, извѣстное подъ именемъ «Пугачевщины».

Вся Линія отъ Яицкаго городка поднялась въ ту пору поголовно: казаки вооружались, готовили запасы, шли знамена, разсылали вѣстовщиковъ съ наказомъ постоять за царя Петра Ѳедоровича и за казачія вольности. По первымъ слухамъ о самозванцѣ, о томъ, что мятежники намѣрены овладѣть Яицкимъ городкомъ, полковникъ Симоновъ выслалъ оренбургскихъ казаковъ схватить Пугачова. Разъѣзды скоро вернулись и доносили, что самозванца уже тамъ нѣтъ, гдѣ его искали, вѣрно сбѣжалъ. А онъ въ это время стоялъ передъ Яицкимъ городкомъ; уже его лазутчики шныряли между казаками, уговаривали ихъ выйти навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью, по обычаю. Въ распоряженіи Симонова находилось всего около тысячи человекъ команды, въ томъ числѣ сотня оренбургскихъ казаковъ. Выступить изъ города онъ не рѣшался, потому что казаки могли не впустить его обратно. Симоновъ выслалъ небольшой отрядъ съ пушками къ Чогаискому мосту. Отъ пугачевской шайки отдѣлился одинъ изъ казаковъ и, держа надъ

головой бумагу, подаль старшигѣ Окутину, сказавъ при этомъ: «Вотъ вамъ указъ отъ государя, прочтите его всѣмъ». — «У насъ есть Государыня, отвѣтилъ Окутинъ, а Государя Петра Федоровича давно нѣтъ на свѣтѣ». Окутинъ передать бумагу капитану Крылову, отцу извѣстнаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Тутъ казаки подняли шумъ и въ числѣ 50 человекъ ускакали къ самозванцу; между ними находились: Андрей Овчинниковъ, Дмитрій Лысовъ, Фофановъ и др. — «Пропало теперь все яицкое войско!» сказалъ Крыловъ.

Отрядъ отступилъ въ городъ, гдѣ казаки волновались такъ сильно, что Симоновъ пригрозилъ поджечь со всѣхъ сторонъ ихъ дома и поступить съ ними, ихъ жепами и дѣтьми, какъ съ сущими злодѣями. Не имѣя кошицы, онъ не могъ истребить шапку Пугачева, которая, наоборотъ, имѣла всѣ способы уклониться отъ боя. На другой день она двинулась вверхъ по Чегану, вдоль Липп. Мѣсто ея стоянки обозначилось повѣшенными трупами 11-ти казаковъ изъ старшинской партіи: то были первыя жертвы наступившей Пугачевщины.

Яицкіе форпосты, состоявшіе изъ плетневыхъ шалашей, обнесенныхъ землянымъ валомъ, со своимъ ничтожнымъ числомъ защитниковъ, — гдѣ 25, гдѣ 30 казаковъ, — не могли оказать серьезнаго сопротивленія самозванцу. Его путь походилъ на торжественное шествіе: крѣпости сдавались одна за другою, частью по измѣнѣ гарнизона, частью по безсилію. Пугачевъ забиралъ пушки, присоединялъ казаковъ, которые съ каждымъ днемъ увеличивали его силу. У поста Рубежнаго самозванецъ приказалъ собрать кругъ, и казаки вольными голосами избрали Андрея Овчинникова атаманомъ, Лысова — полковникомъ, Антошина — осавуломъ, нѣсколько другихъ — хорунжими. Выбранные клѣвными самозванцу руку, послѣ чего Иванъ Почиталинъ прочиталъ казакамъ присягу. На третій день похода Пугачевъ торжественно вступалъ въ Илецкій городокъ, жители котораго встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью. Это были самые закоренѣлые раскольникки, ставшіе съ той поры вѣрнѣйшими сподвижниками самозванца. Онъ взялъ отсюда всѣ годныя пушки и пошелъ дальше. Въ Нижне-Озерной майоръ Харловъ, самъ, съ фитилемъ въ рукахъ, бѣгалъ отъ одного орудія къ другому, пока матежники не отбили ворота и не

ворвались въ крѣпость: вмѣстѣ съ маіоромъ изрубили нѣсколько офицеровъ и солдатъ. На пути стояла теперь Татищева, главный оплотъ Лицкой Линіи. Гарнизонъ Татищевой состоялъ изъ тысячи человѣкъ, при 13 пушкахъ. Мятежники подожгли стоги съ сѣномъ подъ самой крѣпостной оградой; отъ стоговъ загорѣлись сараи, отъ нихъ бревенчатая ограда и дома обывателей. Защитники бросились тушить пожаръ, а въ это время казаки перелѣзли черезъ палисадъ, въ крѣпость. Схвативши тучнаго коменданта, полковника Елагина, злодѣи разложили его и содрали съ живого кожу; бригадиру Билову отрубили голову, офицеровъ всѣхъ перевѣшали. Красавица дочь Елагина, оставшаяся вдовою послѣ Харлова, попала было въ таборъ Пугачева, но, въ угоду своей буйной вольницѣ, онъ приказалъ ее разстрѣлять вмѣстѣ съ семилѣтнимъ братомъ. При первомъ же патискѣ въ крѣпость солдаты побросали ружья, Ихъ вывели въ поле, заставили присягнуть и послѣ присяги всѣмъ плѣннымъ остригли волосы: теперь они должны были называться «государевы казаки». Въ Татищевой Пугачевъ захватилъ большія деньги, провіантъ, соль, вино и, что всего важнѣе, пушки, лучшія по всей Линіи. Отселѣ Пугачевъ являлся не простымъ разбойникомъ, а грознымъ врагомъ, передъ которымъ не могла устоять ни одна изъ попутныхъ крѣпостей или городковъ. Изъ Татищевой онъ могъ идти или къ Оренбургу, или къ Казани. Избери Пугачевъ послѣдній путь, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась его затѣя, но самъ онъ плохо смекалъ, а лицію казаки которые вели его, куда хотѣли, думали, что Оренбургъ важнѣе, какъ главный городъ края; въ случаѣ неудачи имъ сподручнѣе было бѣжать въ Золотую Мочеть, Персію или Турцію..

Къ Покрову, т. е. черезъ 12 дней послѣ появленія Пугачева, мятежь охватилъ весь край, отъ моря до Башкиріи. Главная толпа состояла уже изъ трехъ тысячъ пѣшихъ и конныхъ съ 20-ю пушками; отъ нея отдѣлились молкія партіи поднимавшія на ноги башкиръ и мирныхъ поселенцевъ. Мятежники вступили въ сношенія съ зауральской ордой Нурали хана; заволновался край между Оренбургомъ и Уфой. Всѣхъ прельщали обѣщанія Пугачева: наградить крестомъ и бородами и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и ис

рѣхомъ, вѣчной вольностью. — На 4-й день послѣ Покрова Оренбургъ былъ уже въ осадѣ.

Гарнизонъ Оренбурга, всего-то силою въ три тысячи, почти на половину составляли гарнизонные солдаты, люди престарѣлые и къ тому же плохо вооруженные; собственно же регулярныхъ считалось 170 человекъ; затѣмъ—казаки, рекруты, отставные солдаты и обыватели, вооруженные кое-какъ, чѣмъ попало. Имѣя противника такого дѣятельнаго, какъ пугачевская шайка, нельзя было и думать о дѣйствіяхъ рѣшительныхъ, т. е. наступательныхъ; оставалось одно—запереться и ждать помощи. Но помощь не могла такъ скоро явиться. Войска Императрицы двигались порознь, съ дальнихъ концовъ. Никто не зналъ, когда ихъ можно ожидать, а тутъ, на бѣду, Оренбургъ не былъ обезпеченъ продовольствіемъ. Зато во время продолжительной и бѣдственной для города осады, силы мятежниковъ значительно возросли, власть самозванца окрепла; его именемъ распоряжались самозванцы полковники—въ одну сторону до Уфы, въ другую до Бузулука, также взятыхъ въ осаду. Мѣстопробываніемъ Пугачову служила слобода Борда, въ 7 верстахъ отъ Оренбурга. Самъ онъ жилъ въ домѣ казака Ситникова, извѣстномъ подъ именемъ «государова дворца». Стѣны свѣтлицы были обиты шумихой, украшены зеркалами; на южномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ Паслѣдника Павла Петровича, вывезенный изъ помѣщичьей усадьбы. На крыльцѣ постоянно находились караулъ изъ 25-ти человекъ самыхъ преданныхъ яцкихъ казаковъ; они составляли гвардію Пугачова и конвой. Какъ этотъ конвой, такъ и все полчище самозванца подчинялось Андрею Овчинникову; онъ же командовалъ полкомъ яцкихъ казаковъ; Иванъ Твороговъ—Илюцкимъ, Тимофей Падуровъ—Оренбургскимъ, Хлопуша, ссыльно-каторжный, — полкомъ заводскихъ крестьянъ. «Я грамотѣ не знаю, а потому управлять мнѣ людьми не способенъ», говорилъ онъ Пугачову, когда тотъ назначилъ его полковникомъ.—«У насъ и дубина служить вмѣсто грамоты», отвѣтилъ Пугачевъ: «а вотъ, если что украдешь, то и за алтынъ удавлю».

Калмыки, татары и башкиры также имѣли своихъ начальниковъ; артиллеріей управлять солдатъ Калмыковъ, подъ руководствомъ казака Чумакова. Полки дѣлились па роты, по 100

человѣкъ въ каждой, подъ начальствомъ сотниковъ, есауловъ и хорунжихъ. Всѣхъ должностныхъ лицъ выбирали ящкіе казаки, для чего обыкновенно собирался кругъ, и если выбираемый былъ «не по ихъ мысли», казаки кричали: «Не годенъ, не годенъ!» Какъ велико было это сбродное войско, никто доподлинно не зналъ, потому что люди ежедневно прибывали и убывали; нужно полагать, что къ концу года Пугачовъ имѣлъ не менѣе 15 тысячъ и 86 пушекъ. Все это ополченіе было почти безоружно: пѣхота выходила въ бой или съ палками, къ которымъ прикрѣплялся штыкъ; или просто съ дубьемъ, не то—съ плетью; ружья были въ рѣдкость; чаще попадались шпаги, сабли; бацкиры стрѣляли своимъ обычаемъ, изъ луковъ. «Буде сдѣлается какая тревога, за неизмѣнимъ барабановъ и трубъ, собирали народъ атаманы, сотники и десятники; иногда и самъ самозванецъ бѣгалъ подъ окнами ящкихъ казаковъ, скликаая ихъ въ поле».—Каждый полкъ помѣнялся особо, въ своихъ землянкахъ, имѣлъ свое знамя изъ шелковой матеріи, съ изображеніемъ креста или вышитымъ ликомъ Спасителя, иногда—святителя Николая. Ежедневно полки высылались на сторожевую службу, которая, впрочемъ, исполнялась крайне небрежно. Самъ Пугачовъ почти не вмѣшивался въ управленіе. Всѣ распоряженія дѣлала такъ называемая военная коллегія, состоявшая изъ четырехъ судей; главнымъ ея управителемъ былъ Шигаевъ. Коллегія выдавала указы, чинила судъ и расправу, распорядилась по хозяйственной части,—все это безъ вѣдома Пугачова. Онъ держался далеко, при всякомъ удобномъ случаѣ напускалъ на себя важность, точно того требовало его высокое званіе. Просителей принималъ онъ не иначе, какъ сидя въ креслѣ и имѣя по бокамъ двухъ казаковъ: одного съ булавою, другаго съ топоромъ. Всѣ приходившіе кланялись въ землю, послѣ чего цѣловали ему руку. Всегда одѣтый въ казачье платье, Пугачовъ въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ шаровары малиноваго бархата, голубой шелковый бешметъ, черную мерлушечью шапку съ бархатнымъ дномъ и бѣлую рубаху съ косымъ воротомъ; съ боку прицѣплялъ саблю, за поясомъ торчала пара пистолетовъ. Ходилъ онъ не иначе, какъ поддерживаемый двумя татарками. При такомъ парадномъ шествіи, ящкіе казаки пѣли

нарочито сложенную пѣсню, а пасарь Иванъ Васильевъ подыгрывалъ на скрипкѣ. Невѣжество самозванца было такъ велико, что онъ дерзалъ на святотатство. Однажды, присутствуя въ церкви Георгія Побѣдоносца, Пугачевъ, послѣ божественной службы, сѣлъ на престолъ, желая тѣмъ увѣрить присутствующихъ, что онъ истинный государь. «Вотъ, дѣтушки, 12 лѣтъ, какъ я уже не сиживалъ на престолѣ». — Однако нашлись люди, которые отозвались на это неодобрительно: «Если бы и подлинный онъ былъ Царь, говорили они между собой, то не пригоже ему сидѣть въ церкви на престолѣ.» — Къ такимъ рѣчамъ самозванецъ былъ чутокъ и безъ церемоніи вѣшалъ за малѣйшее сомнѣніе въ его личности. Дмитрій Лысовъ, одинъ изъ его полковниковъ, проговорился какъ-то съ-пьяна: «Знаю, откуда проявился нашъ Государь!» На другой же день онъ былъ повѣшенъ. Пугачевскіе шпіоны шныряли день и ночь между населеніемъ Борды, прислушиваясь къ толкамъ. Это не мѣшало казакамъ жить весело, разгульно: они ѣли и пили всласть, потому что все лучшее изъ добычи попадало прямо въ ихъ руки. Среди же остальнаго сборища происходили ежедневно драки, буйства, насилия и всякія другія безобразія. Слобода Борда обратилась въ вертопъ, гдѣ были забыты и божескіе, и человѣческіе законы. Ежедневныя казни стали любимымъ зрѣлищемъ пресыщенной кровью толпы. Нагіе и обезображенные трупы заполняли всѣ сосѣдніе овраги; никто не помышлялъ о томъ, что ихъ нужно убрать. Иногда самъ Пугачевъ, окруженный своей гвардіей, присутствовалъ на этихъ казняхъ. Отъ бездѣлья казаки устраивали скачки или стрѣльбу въ цѣль, при чемъ тѣшился и самозванный «батюшка»: то онъ пробивалъ кольчугу, набитую сѣномъ, то на всомъ скаку попадалъ въ шапку поднятую на копыя. Присутствуя на подобныхъ забавахъ, онъ зорко высматривалъ лучшихъ скакуновъ, отбиралъ ихъ у хозяевъ и отправлялъ въ свою конюшню, чтобы имѣть подъ рукою на случай бѣгства. Пугачевъ ипаче не выѣзжалъ подъ Оренбургъ, какъ одѣтый въ простое казачье платье и имѣя за собой 5—6 заводныхъ лошадей; подъ выстрѣлами же не былъ ни разу.

Прошло 4 мѣсяца блокады. Хлѣбъ у жителей давно вышелъ; его выдавали изъ казенныхъ магазиновъ, но такъ какъ

приходилось довольствоваться все городское население, то запасы истощались быстро. Лошадей кормили хворостомъ, для рубки котораго высылались особыя команды, часто цѣликомъ попадавшія въ Берду. Положеніе гарнизона и жителей съ каждымъ днемъ все ухудшалось. Никто не зналъ, что творится въ станѣ самозванца, гдѣ войска Императрицы, всѣ сидѣли какъ въ потемкахъ. Самымъ лучшимъ концомъ этой томительной осады былъ бы штурмъ: отбивши мятежниковъ, гарнизонъ перешелъ бы въ наступленіе и захватилъ въ Бердѣ продовольствіе. Однако, Пугачевъ понималъ, что съ такимъ ополченіемъ какъ у него, взять Оренбургъ невозможно, почему онъ считалъ за лучшее извести его голодомъ. Кромѣ того, въ это время онъ помышлялъ о взятіи Яицкаго городка, куда уже отправилъ часть своихъ силъ.

Между тѣмъ Симоновъ не дремалъ. Какъ только пугачевцы двинулись на Линю, онъ взялся за лопаты и окружилъ окопами лучшую часть города, гдѣ помѣщались, между прочимъ, соборная церковь, войсковая канцелярія, гауптвахта и тюрьмы. На колокольню втащили двѣ 3-хъ-фунтовыя пушки, при которыхъ засѣли лучшіе стрѣлки. По окончаніи всѣхъ работъ, Симоновъ поровозъ внутрь укрѣпленія провіантъ, порохъ, дрона, и, наконецъ, размѣстилъ своихъ солдатъ большою частью по землянкамъ. Весь гарнизонъ этого ретраншамена состоялъ изъ тысячи драгунъ и казаковъ. По первому слуху о приближеніи шайки Симоновъ приказалъ ударить въ набатъ, а по этому сигналу всѣ яицкіе казаки должны были поройти изъ городка въ укрѣпленіе. Однако ихъ явилось только 70. Наканунгъ Нового года Толкачовъ съ вооруженной толпой шумно явился изъ-подъ Оренбурга; въ этотъ же день ворота ретраншамена затворились: началась осада, прославившая его доблестныхъ защитниковъ. Мятежники, засѣвши въ высокія избы, или забравшись подъ кровли, били на выборъ пѣхоту, стоящую по валамъ. Симоновъ приказалъ стрѣлять калеными ядрами. Последнія хотя пробивали насквозь городскія постройки, но уходили въ снѣгъ и потухали, не причиняя вреда. Тогда между солдатами вызвались три охотника: они высочили изъ укрѣпленія и подожгли ближайшія постройки. Вечеромъ гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и еще зажегъ нѣсколько строеній. Такъ они

дѣлали подряд нѣсколько дней, пока передъ ретраншаментомъ не очистилась площадь до 100 саж. ширины, въ глубинѣ которой виднѣлись улицы, заваленныя у входовъ. Казаки дѣлали завалы изъ толстыхъ бревенъ; въ избахъ пробивали бойницы, въ различныхъ мѣстахъ насыпали батареи. Тѣмъ же менѣе, Толкачевъ написалъ въ Берду, что ему нужна помощь, а пуще всего пушки. Пугачевъ сейчасъ же выслалъ Овчинникова съ 50-ю казаками, 3 пушки, единорогъ, вскорѣ выѣхать и самъ. Послѣ обычной встрѣчи Пугачевъ осмотрѣлъ укрѣпленіе и приказалъ вести подкопъ подъ одну изъ фланговыхъ батарей, наиболѣе вредившую казакамъ. Главнымъ мастеромъ выбрали мордвина Якова Кубаря. Работу вели тихо, безъ шума, дѣлали частыя отдушны, сажени на 3—4 одна отъ другой; освѣщали галлереею салными и восковыми свѣчами. Когда прошли 50 саж., работа была прекращена; вкатили бочку съ пороховомъ и прикрыли ее тряпичей. Никому изъ этихъ минеровъ не пришло въ голову, что горнъ нужно забить. 20 января, за 3 часа до разсвѣта, Пугачевъ, спустившись съ Кубаремъ въ мину, самъ поставилъ свѣчу на середину боченка. Когда свѣча догорѣла, послѣдовалъ взрывъ: обрушилась часть рва, при чемъ послѣдній засыпало на половину землей. Еще не успѣлъ разсѣяться дымъ, какъ огромная толпа мятежниковъ, среди которой шли казачки, одѣтыя въ бешметы, бросилась на штурмъ. Часть мятежниковъ спустилась въ ровъ, откуда пыталась взобраться на валъ; ихъ встрѣтили штыками, а по остальнымъ ударили нѣсколько разъ картечью. Толпа быстро очистила площадь, потомъ, засѣвъ въ домахъ, открыла безвредную стрѣльбу. Тѣ же, которые спустились въ ровъ, старались подкопать насыпь, рубили заплотные столбы, пытались вскарабкаться наверхъ. Тогда поручикъ Толстопятовъ сдѣлать вылазку, выбилъ ихъ оттуда, и они, попавши также подъ картечь, почти всѣ были перебиты. Штурмъ продолжался 10 часовъ и обошелся Пугачеву дорого: въ 400 человекъ убитыми и ранеными; защитники же потеряли только 15 человекъ. Послѣ такой неудачи казаки пристрѣлили Кубаря и стали искать другаго минера. Опять согнали рабочихъ. Галлереею повели на этотъ разъ не прямо, а колѣнами. Самозванецъ самъ слѣдилъ за работой; онъ не давалъ отдыха ни днемъ, ни

ночью, ни въ будни, ни въ праздники, кромѣ дня своей свадьбы, которая происходила какъ разъ въ это время. Казаки увѣрили самозванца, что если онъ женится, то «войско янцкое будетъ къ нему болѣе прилежно». Сосватали дочь казака Кузнецова, дѣвицу хорошую, постоянную, но какъ отецъ, такъ и сама невѣста, вовсе не были довольны этой честью: дѣвичье сердце чуяло, что ея суженый не царь, а воръ и самозванецъ. Подъ вѣнцомъ Устинья горько плакала, несмотря на то, что ее величали «благовѣрной императрицей».

— «Именю ли ты Государь?» спросила Устинья, оставшись наединѣ съ Пугачевымъ. «Я потому сомнѣваюсь, что ты женился на простой казачкѣ. Ты меня обманулъ и заѣлъ мою молодость: ты человѣкъ старый, а я молодешенька».

— «Я бороду обрѣю, тогда буду помоложе».

— «Безъ бороды тебя казаки любить не будутъ», отвѣтила несчастная.

Въ полночь на 19-е февраля явился въ укрѣпленіе малолѣтокъ Иванъ Неулыбинъ и объявилъ, что казаки подвели подъ соборную колокольню подкопъ. Едва успѣли вывезти часть пороха, какъ колокольня вздрогнула, потомъ «съ удивительною тихостью» начала валиться на ретраншаментъ. На самомъ верху спало 3 человѣка; ихъ снесло на землю, не разбудивъ; пушку съ лафетомъ составило внизъ». Однако 45 человѣкъ все-таки заплатились жизнью. Тотчасъ послѣ взрыва загрохотали въ крѣпости пушки, такъ что казаки не рѣшились двинуться на приступъ, только слышались попуканія старшинъ: «На сломъ! На сломъ, атаманы-молодцы!» Крики продолжались до самаго утра. На другой день Пугачевъ уѣхалъ въ Берду, поручивъ атаману Каргину осаду городка и охраненіе Устиньи. Хотя старшины являлись къ ней на поклонъ, а Каргинъ ходилъ ежедневно съ докладомъ, Устинья не вмѣшивалась въ ихъ дѣла и вела жизнь затворницы, обездоленной въ расцвѣтѣ красоты и молодости. Теперь казаки повели подкопы по дну Старицы, или стараго русла, чтобы ворваться въ крѣпость разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Осажденные въ отвѣтъ стали буровать землю, удвоили караулы. Несмотря на всѣ тягости мучительной осады, несмотря на соблазнительныя увѣщанія казаковъ, выѣзжавшихъ на переговоры, они оставались вѣрны присягѣ.

Запертые тѣсной кучкой на краю крещенаго міра, они не знали, что творится на Руси, гдѣ войска Императрицы, когда можно ожидать отъ нихъ помощи? Только надежда—этотъ лучший спутникъ жизни—поддерживала бодрость и мужество екатерининскихъ солдатъ, голодныхъ, удрученныхъ, но не входившихъ въ сдѣлку съ явными измѣнниками.

IV.

Подвиги екатерининскихъ войскъ и забвеніе винъ казачьихъ.

Стояла глубокая зима, въ полѣ вьюжило, всѣ дороги занесло сугробами снѣга. Люди и лошады утонали въ заносахъ, и горе путнику, которому приходилось сворачивать въ сторону; онъ тамъ оставался погибать безъ помощи. Люди и природа одинаково ожесточились. Воровскія шайки, какъ стам волковъ, рыскали по

снѣжнымъ пустынямъ, отыскивая добычу, упиваясь кровью и терзаніемъ замученныхъ жертвъ. Знатность, богатство, честь, красота, невинность, доброе имя—все, что украшаетъ чело-вѣка, подвергалось поруганію, насилию, искорепенію. Ни предсмертный трепетъ невинныхъ жертвъ, ни вопли, ни укеры или проклятія, ничто не трогало ожесточеннаго сердца. Запустѣли села и деревни, города превратились въ вертепы пьянства и разгула. Весь край, обширный, хлѣбородный, пылать какъ въ

огнѣ, и свои не могли распознать чужихъ: все спуталось, нашло на всѣхъ умопомраченіе: не знали, гдѣ правда, гдѣ ложь. Войска Императрицы, углубляясь въ край мятежа, подвигались чрезвычайно медленно, съ большимъ трудомъ, съ опаской. Впереди обыкновенно шли лыжники, за ними конница, и потомъ уже, по протоптаннымъ слѣдамъ, пѣхота; транспорты съ продовольствіемъ подвигались еще медленнѣе, при чемъ задерживали движеніе отрядовъ. Отъ Самары шель отрядъ генерала Мансурова, отъ береговъ Камы, черезъ Бугульму, отрядъ князя Голицына. Сближаясь къ Оренбургу, они соединились въ Бугурусланъ; дальше на ихъ пути лежала Татищева. Пугачевъ понималъ, что изъ-за этой крѣпости придется выдержать смертельный бой. Здѣсь каждый клочокъ земли былъ облитъ кровью ея защитниковъ, каждый камень вопіялъ о мщени. Всѣ помнили, какъ полгода тому назадъ мятежники, въ опьяненіи успѣха, сдирали съ команданта кожу, събли головы и вѣшали защитниковъ. Пугачевъ забралъ сюда изъ-подъ Оренбурга все, что у него было лучшаго, поручивъ осаду Шигаеву. Въ числѣ 8-ми тысячъ собраннаго войска, находилось около двухъ тысячъ казаковъ и столько же заводскихъ мужиковъ, превращенныхъ въ пѣхоту; остальное — разный сбродъ.

Къ разрушеннымъ стѣнамъ крѣпости мятежники присыпали снѣжные валы, облили ихъ водой, отчего они обледѣли и окрѣпли. Самозванецъ самъ разставилъ пушки, назначилъ прислугу, даже приказалъ сдѣлать промѣры и обозначилъ колышками разстоянія отъ крѣпости. Защитникамъ было строжайше приказано, чтобы въ тотъ день, когда Голицыну прійти къ крѣпости, люди всячески скрывались, наблюдали тишину, ничѣмъ не выдавая своего присутствія, и къ пушкамъ отнюдь не приступали, пока Голицыгъ не подойдетъ на выстрѣль.

За три дня до Благовѣщенья выступилъ изъ Переволоцкой авангардъ екатерининскихъ войскъ подъ начальствомъ Бибикова, имѣя впереди чугуевскихъ казаковъ. Последніе подъѣзжали къ крѣпости, кружились, выглядывали — она показалась имъ незанятою. Стоявшій за воротами Овчинниковъ выслалъ бабу съ хлѣбомъ-солью. Она должна была сказать, что населеніе проситъ князя Голицына вступить и занять крѣпость.

Однако хитрость не удалась: казаки, подѣхавши близко къ воротамъ, замѣтили толпу вооруженныхъ людей. Они бросились уходить; Пугачевъ, Овчинниковъ и еще нѣсколько чело-вѣкъ пустились въ погоню. Одного казака, исколотога копьями, имъ удалось схватить, но онъ успѣлъ только сказать, что у Голицына 5 тысячъ пѣхоты и 70 пушекъ, послѣ чего умеръ. Между тѣмъ, авангардъ занялъ прилежавшую высоту, съ кото-рой крѣпость открывалась какъ на ладони. Князь Голицынъ, осмотрѣвши мѣстность, выслать вправо Мансурова съ тремя батальонами, а влѣво генерала Фреймана съ тремя батальонами гренадеръ и владимирцевъ; колошпа Бибикова, гдѣ находилось 2 батальона пѣхоты и 3 эскадрона конницы, должна была наблюдать правый флангъ противъ обхода. Войска подходили къ крѣпости, а «злодѣи, засѣвши въ своемъ гнѣздѣ, притаи-лись такъ тихо, что не сдѣлали ни одного выстрѣла, не вы-слали ни одной партіи, чтобы наждать на себя и не терять напрасно ядеръ.

Спустившись въ оврагъ, войска Императрицы перестрои-лись въ боевой порядокъ: въ 1-й линіи стала пѣхота, во 2-й конница, Изюмскіе и 2 эскадрона Бахмутскихъ гусаръ, 2 эска-дрона драгунъ, Архангелогородскіе карабинеры и двѣ роты Чугуевцевъ. Какъ только поставили на высотахъ батареи, изъ крѣпости открылся огонь: 30 пушекъ загрохотали въ отвѣтъ. Ядра, рыская по полю, со свистомъ взметали столбы спѣшной пыли, рыли мерзлую землю, прыгали по обледѣвшему валу точно мячи. Болѣе трехъ часовъ гремѣла капопада; Голицынъ видѣть, что ею дѣла не рѣшить. Онъ подалъ сигналъ къ атакѣ: батальоны пошли на приступъ, подвигаясь уступами съ лѣваго фланга. Генераль Фрейманъ шелъ во главѣ владимирцевъ и гренадеръ. Мятежники сдѣлали вылазку; ихъ семи-орудійная батарея, поставленная на пригоркѣ, поражала нашу пѣхоту убійственнымъ огнемъ. Атака была такъ стремительна, что два батальона лѣваго крыла остановились, разстроились. «Братцы-солдаты, что вы дѣлаете? кричали казаки. Вы идете убивать свою братію-христіанъ, защитниковъ Государя Импера-тора Петра III, который самъ здѣсь находится!» Минута была опасная, тѣмъ болѣе, что новыя толпы конницы подва-ливали къ мѣсту рѣшительнаго боя. Голицынъ послѣшно пе-

реводитъ сюда съ праваго фланга пѣхоту Мансурова, а ему поручаетъ копницу. Мятежники не уступаютъ ни шагу, дерутся отчаянно. Уже вся пѣхота праваго фланга вступила въ дѣло, а успѣхъ не обозначился; въ резервъ оставался всего одинъ батальонъ. Голицынъ посылаетъ этотъ послѣдній батальонъ. Бибиковъ получаетъ приказаніе ударить своими егерями и лыжниками во флангъ, а Мансуровъ — двинуть копницу. Въ минуту послѣдняго напряженія силъ, когда резервъ подвигался грознымъ строемъ штыковъ, самъ Голицынъ, молодой и статный красавецъ, устремился въ битву съ приподнятой шапкой: «Впередъ гренадеры! Впередъ, за мной!» Генераль Фрейманъ, схвативъ знамя, тоже протискался впередъ, среди ожесточенной свалки. Гренадеры, какъ бы пристыженные, опередили своего генерала, заняли высоту, на которой только что стояли казачьи пушки, и вся линия перешла въ рѣшительное наступленіе. Пугачевская копница сробѣла, стала укрываться. Уже сгущались сумерки короткаго зимняго дня, надо было спѣшить прикончить. Съ высоты валовъ обдавали солдатъ картечью, но лыжники и егеря уже спустились въ ровъ, уже карабкались на крутые, обледѣлые окопы. Когда поднялись и гренадеры, на скользкомъ гребнѣ закипѣла штыковая работа; наконецъ мятежниковъ сбили; они засѣли въ домахъ, и долго еще подъ покровомъ темной ночи пѣхота выбивала ихъ оттуда, а артиллерія очищала улицы картечью. Многие въ отчаяніи бросались съ крутой стремнины въ Яикъ, гдѣ и «кончали свой животъ». Мансуровъ заблаговременно выслалъ часть копницы съ приказаніемъ порохватить обѣ дороги — въ Илецкъ и Оренбургъ; но Пугачовъ уже успѣлъ проскочить съ четырьмя изъ своихъ сообщниковъ; чужовцы гнали его версты три, однако не догнали. Больше 6 часовъ продолжался этотъ бой, и князь Голицынъ удивился, что «встрѣтилъ въ непроевѣщенныхъ людяхъ такое искусство и дерзость». По дорогамъ валялось около тысячи убитыхъ, да въ крѣпости осталось 1300 труповъ. Вся артиллерія самозванца, состоявшая изъ 36 пушекъ, досталась побѣдителямъ, потерявшимъ въ этомъ дѣлѣ 20 офицеровъ и 600 нижнихъ чиновъ, убитыми и ранеными. Всѣ уцѣлѣвшіе «отъ перваго штаба и до послѣдняго солдата» получили отъ Императрицы не въ зачетъ третное жалованье, генераламъ

фрейману и Мансурову она пожаловала ордена, князю Голицыну помѣстья.

Прискакавъ самъ-четыре въ Борду, самозванецъ поспѣшилъ собрать къ себѣ на совѣтъ наиболѣе ему близкихъ. Рѣчь шла о томъ, что теперь предпринять? Рѣшили идти въ Яицкій городокъ, а пѣшія толпы распустили по домамъ. Шигаевъ приказалъ выкатить нѣсколько бочекъ водки; народъ набросился съ криками, съ шумомъ; произошла свалка, которая увеличилась еще болѣе, когда Шигаевъ сталъ кидать горстями мѣдныя деньги. Тѣмъ временемъ шли сборы къ походу. Съ 12 пушками, съ яицкими казаками и двумя тысячами остальнаго ополченія Пугачевъ покинулъ Борду. Такимъ образомъ Голицыны своимъ подвигомъ освободилъ Оренбургъ изъ шестимѣсячной осады. Но Пугачевъ не пошелъ на Яикъ; сдѣлавъ кружной обходъ къ Сакмарскому городку, мятежники заняли проходы передъ д. Каргалы. Ихъ оттуда выбили, и мятежники обратились въ «наглій бѣгъ». Полковникъ Хорватъ съ Изюмскими гусарами и Архангелогородскими карабинерами гналъ ихъ около 7 верстъ. Гусары на плечахъ бѣглецовъ ворвались въ Сакмарскій городокъ, такъ что самозванецъ не успѣлъ зацѣпиться и здѣсь. Подхватя заводныхъ лошадей, онъ поскакалъ на Тагилъ. Только тутъ Пугачевъ опомнился, сталъ считать своихъ сообщниковъ: Максимъ Шигаевъ, секретарь Иванъ Почиталшгъ, писарь Максимъ Горшковъ, Тимофей Надуровъ и множество другихъ близкихъ ему людей попали въ руки гусаръ. Съ Пугачевымъ оставалось теперь не болѣе 500 чел., съ которыми онъ скрылся до поры до времени въ Башкирію.

Дней за десять до Благовѣщенья изъ Яицкаго городка былъ пушенъ бумажный змѣй съ привязаннымъ къ нему пакетомъ. Какъ только змѣй сталъ надъ ретраншаментомъ, казаки обрѣзали нитку и конвертъ упалъ на землю. Отъ имени Пугачова они уговаривали Симона не производить напрасно кровопролитія, а лучше покоряться; въ противномъ же случаѣ угрожали «звѣрояростной мостью». Защитники въ отвѣтъ выпустили нѣсколько гранатъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе гарнизона становилось безнадежнымъ: продовольствія оставалось не болѣе какъ дней на десять. Уменьшивши дачу, солдатамъ выдавали по $\frac{1}{4}$ фунта муки, безъ крупы, безъ соли, не

смотря на трудную службу, на изнурительныя работы. Половина защитниковъ стояла подъ ружьемъ, другая половина могла дремать, сидя. Холодъ и голодъ изводили людей, а тутъ надо было еще копать слуховой ровъ. О вылазкахъ въ ту пору уже не думали, потому что казаки усилили завалы и зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ укрѣпленіи. Кромѣ того они пускали въ ходъ другія средства: посылали увѣщательныя письма, выкрикивали, что всѣ войска разбиты, что Уфа, Казань, Самара—взяты, а Оренбургъ возьмутъ па-дпяхъ. Многія жены солдатъ оставались въ городкѣ; казаки уговаривали ихъ склонить своихъ мужей къ измѣнѣ, а коменданта посадить въ воду. Въ ретраншаментъ подсылались бѣглые солдаты, погонщики, казаки...

Накопецъ защитники съѣли все, что было припасено. Тогда вспомнили, что въ началѣ осады были брошены на ледъ три убитыхъ лошади: ихъ притащили и грызли кости уже обглоданныя собаками. Нашли какую-то мягкую глину, безъ песку: стали варить изъ нея что въ родѣ киселя. Кошки, собаки, падаль, ремни, кожа—все, что только можно было жевать, глотали несчастные, утоляя мучительный голодъ. Люди стали пухнуть, умирать. Женщины, терзаемыя голодомъ, издавали жалобныя вопли, раздиравшіе душу. Схвативъ полуживыхъ младенцевъ, онѣ бѣжали изъ крѣпости и, валяясь въ ногахъ у казаковъ, умоляли дать кусокъ хлѣба, приютить въ городкѣ; ихъ прогоняли обратно, исключая казачекъ. Старые солдаты ходили молча, блѣдные, съ воспаленными глазами, пошатываясь; отъ истощенія они падали и умирали безъ стопа, безъ звука. Тоска грызла сердце, отчаяніе овладевало умами, всякая надежда исчезла. Подсыльщики и бѣглоцы заговорили громче, смѣтѣе; измѣна и ронотъ проникли мало-по-малу въ сердца самыхъ закаленныхъ... Но на стражѣ долга стояли начальники офицеры. Они старались воскресить въ подчиненныхъ надежду на помощь; они ободряли страдальцевъ и увѣряли, что лучше предать себя на волю Божью, чѣмъ служить вору и разбойнику. И увѣщанія подѣйствовали: за все время осады перобѣжало только 3 человѣка. Наступила Страстная; осажденные уже 15 дней питались глинянымъ киселемъ. Имъ ос-

таналось одно изъ двухъ: или умереть отъ голоду, или умереть на вылазкѣ.

14 апрѣля караульные съ церкви замѣтили, что большія толпы казаковъ выходятъ изъ города, провожаемая женскимъ населеніемъ. Это извѣстіе впервые ободрило страдальцевъ, точно они «съѣли по куску хлѣба».

Медленно, въ самую распутицу, подвигался по Яицкой Линіи генераль Мансуровъ. Илецкій городокъ, крѣпости Озерная, Разсыпная. свидѣтели первыхъ успѣховъ самозванца, уже были оставлены мятежниками. Тѣла убитыхъ подъ Татищевой несло половодьемъ внизъ по Яику. Въ Озерной старая казачка бродила дни и ночи надъ Яикомъ, пригребала клюкой плывущіе трупы, при чемъ приговаривала: «Не ты ли мой Степушка? Не твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?» И, видя незнакомое лицо, она тихо отталкивала трупъ и шла дальше. Всѣ эти крѣпости Мансуровъ занялъ безъ сопротивленія. На р. Быковой, въ тѣспомъ проходѣ, его поджидать Овчинниковъ съ пятью сотнями казаковъ и полусотнею калмыковъ, при пяти пушкахъ. Подъ прикрытіемъ своей батареи, Мансуровъ переправилъ сначала 3 эскадрона гусаръ подъ начальствомъ Бедряги, потомъ атамана Бородина съ вѣрными казаками, дальше батальонъ grenадеръ и егерей. Бедряга одинъ рѣшилъ все дѣло. Онъ ринулся въ атаку и погналъ мятежниковъ, которые потеряли тогда 100 убитыхъ, всѣ пушки и 4 хорунки; Овчинниковъ и Перфильевъ бѣжали въ степь: они послѣ присоединились къ Пугачеву, а Дехтеревъ былъ захваченъ въ плѣнъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ толпа казаковъ вѣхала въ городокъ: раздался ударъ набата, по которому всѣ казаки обратились въ кругъ. Выслушавъ послѣднія вѣсти, кругъ постановилъ связать атамановъ: Каргина, Толкачова, еще 7 человекъ болѣе вишневыхъ и представить ихъ Симонову. Большая толпа народа двинулась къ ретраншаменту. Тамъ приняли ее за штурмовую колонну и выпалили изъ пушекъ. Въ отиѣтъ раздались крики: «Сдаемся! Покорюся милосердой матушкѣ Императрицѣ!» Пальба тотчасъ стихла. Казаки сдавши плѣнныхъ, объявили, что къ дому Устиныи, приставленъ караулъ. Голодающій гарнизонъ прожде всего подкрѣпился нищей, до-

ставленіи тѣмъ-же казакамъ, а на утро 16-го апрѣля и Мансуровъ вступилъ черезъ тѣ самыя ворота, которыя по отпирались съ Нового года. Радость освобожденныхъ трудно описать: тѣ которые отъ голода и болѣзней давно не поднимались, были мгновенно исцѣлены; всѣ разомъ заговорили, забѣгали, благодарили Бога, взаимно поздравляли. Офицеры братски обнимались съ солдатами—бѣда всѣхъ сравнила, всѣхъ сдѣлала братьями. Защитниковъ ожидали щедрыя награды: всѣ они получили годовое жалованье; атаманъ Оренбургскаго войска Могутовъ и старшина Яцкаго войска Бородинъ получили, кромѣ чиновъ, золотыя медали да по тысячѣ рублей денегъ.

Болѣе виновные казаки разбѣжались; всѣ бѣглые безпаспортныя бродяги скрылись. На долю генерала Мансурова выпало очистить край, возстановить прежній порядокъ. Пугачевъ, какъ извѣстно, вынырнулъ еще разъ. Похозяинчавъ на заводахъ, онъ погромилъ Казань и, только разбитый Михельсопомъ, укрылся на Ялкѣ, гдѣ сами казаки его выдали. Пугачевъ былъ страшенъ не своимъ войскомъ, не пушками а тѣмъ, что къ нему склонялось населеніе деревень, поселковъ, заводовъ. Онъ обѣщавъ темному люду самое заманчивое—своеволие: дѣлай, что хочешь, лишь бы признавалъ его государемъ. Главною заботою властей послѣ усмиренія мятежа, стало умпротвореніе края залитаго кровью, зараженнаго своеволиемъ. Особенно печальную память оставилъ послѣ себя мятежь среди казаковъ, гдѣ онъ возгорѣлся и гдѣ прикончился. «Отъ самаго зачатія войска, говорятъ старожилы, не было на Ялкѣ такого кровопролитія, такой смуты, такого безначалія. И добро-бы какой непріятель напасть, а то свои замутились, заколюбродили, братъ на брата, сынъ на отца возстать! — Были на Ялкѣ братья Горбуновы: одинъ братъ, младшій, въ крѣпости быть, на валу стоять, значить, руку Государыни держать, а другой братъ, старшій, на приступъ шель и лѣстницу несть, значить, держать руку самозванца. Младшій кричитъ съ вала «Братецъ родимый! Но подходи! Убую!» — А старшій братъ, что съ лѣстницей-то, ему въ отвѣтъ: «Я те дамъ убую! Постои, влѣзу на валь, надеру тебѣ вихоръ, впредь не будешь страшать старшаго брата». Сказавъ это и подставилъ лѣстницу къ валу. Но лишь только занесъ ногу на первую ступеньку,

младшій братъ съ валу—баць въ него изъ пищали! И пока-
тились старшій братъ въ ровъ. И въ полѣ то же самое бывало:
сѣдуются лошади и заржутъ—узнаютъ другъ дружку. По ло-
шадямъ и вопны узнавали своихъ семейныхъ. Отецъ, бывало,
кричить сыну: «Эй, сынокъ! Иди на нашу сторону! Не то
убью!» А сынъ отцу въ отвѣтъ: «Эй, батюшка, иди на нашу
сторону! Не то убью!»—А тутъ подскокитъ какой-нибудь пол-
ковникъ, да и гаркнетъ: «Въ полѣ сѣзжаться, родней не счи-
таться! Бей!» И хватитъ, выстрѣлитъ кто-нибудь изъ пищали—
либо отецъ въ сына, либо сынъ въ отца! Такое-то было кро-
вопролитіе за грѣхи отцовъ»...

Слѣдуетъ сказать, что не всѣ казаки участвовали въ мя-
тежѣ, лишь нѣкоторая часть: многіе были на сторонѣ вѣрнаго
служы царскаго Мартемьяна Бородинъ, а много было и такихъ,
которые не приставали ни къ той, ни къ другой сторонѣ, не
зная, гдѣ правда. Мартемьянъ Михайловичъ Бородинъ, старый
и умный человекъ, пользовался въ войскѣ большимъ почетомъ
и уваженіемъ; не будь его, всѣ казаки поднялись бы за Пу-
гачева. Бородинъ часто появлялся среди бунтовщиковъ и безъ
страха обличалъ самозванца. Однажды онъ былъ обезоруженъ
и связанъ; одинъ изъ мятежниковъ уже замахнулся на него
топоромъ: «Хочешь покориться батюшкѣ нашему Петру Федо-
ровичу? Говори, не то убью!»—«Ахъ ты, разбойникъ!» закри-
чалъ на него Бородинъ: «какъ ты осмѣлился мнѣ это сказать?
Сто разъ умру, а не покорюсь обманнику, не повѣрую въ
него: онъ плутъ, бродяга!...» Уже топоръ коснулся его голо-
вы, но руку злодѣя во-время удержали: Бородинъ долженъ
былъ предстать на судъ самозванца. Запертый въ избу, онъ
въ ту же почъ былъ освобожденъ своими друзьями.

Какъ бы то ни было, казаки совсѣмъ разорились во время
пугачевской смуты; промыслы почти прекратились, а тутъ къ
довершенію бѣды, киргизы участили свои набѣги. Они, по
обычаю, грабили станицы, травлили луга, отгоняли лошадей,
уводили въ плѣгъ женщинъ, дѣтей. Самъ султанъ поощрялъ
хищниковъ: его ближайшіе родичи водили въ набѣгъ партіи.
Это бѣдствіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вступилъ
въ управленіе казачьими войсками Потемкинъ. Прежде всего
была рѣшена участь виновныхъ: вмѣстѣ съ Пугачевымъ каз-

нили въ Москвѣ и главныхъ его сообщниковъ: сотника Перфильева, казаковъ Максима Шигаева, Падурова и Василя Торпова; Ивану Зарубину отсѣкли въ Уфѣ голову; 14 челювѣкъ послѣ наказанія сослали въ Сибирь, а девять, выданныхъ самозванца, получили прощенье. Въ Оренбургѣ судилось 216 казаковъ, большая часть которыхъ также получили прощенье, и только 18 челов. отправлены на службу или на поселеніе. Заботясь болѣе всего о водвореніи мира и тишины въ Яицкомъ войскѣ, Потемкинъ отіправилъ на Яикъ публичный манифестъ, въ которомъ благодарилъ всѣхъ казаковъ, оставшихся вѣрными: «достоинная ихъ служба, писалъ онъ, праведно воздапа будетъ вознагражденіемъ, о которомъ я, по долгу моего надъ войскомъ симъ начальства, съ душевнымъ удовольствіемъ передъ освященнымъ престоломъ Ея Императорскаго Величества ходатайствовать не престану». Первымъ его ходатайствомъ было: «истребленіе изъ памяти» и преданіе вѣчному забвенію всего послѣдовавшаго на Яикѣ. Указомъ 15 января 1775 года повелѣно: «Войско именовать Уральскимъ, и впредь Яицкимъ не называть; равно Яицкому городку называться отнынѣ Уральскъ». Вмѣстѣ съ этимъ, вины казаковъ были преданы вѣчному забвенію; комендантство упразднено, всѣ дѣла котораго опять перешли къ атаману. При атаманѣ полагалось быть нѣсколькимъ старшинамъ, изъ наиболѣе заслуженныхъ и почтенныхъ стариковъ. Для укрощенія киргизовъ по Линіи собирались сильные конные отряды, въ тысячу челювѣкъ и болѣе, съ пушками. Они проникали въ глубь степей; вторгались въ самыя кочевья орды; брали заложниковъ изъ семействъ, которыя познатнѣе родомъ, отбивали конскіе табуны впредь до возвращенія плѣнныхъ или угнашой скотины. Для усиленія же самой Линіи былъ отіправленъ на Ураль Пермскій пѣхотный полкъ; его расположили по форпостамъ отъ Уральска до Гурьева. Управление Потемкина было благодѣтельно и для хозяйства: онъ разграничилъ уральскія воды отъ астраханскихъ, оставилъ за казаками права пользованія солью съ Узенскихъ озеръ. Съ той поры началось мирное расселеніе казаковъ, какъ въ сѣверной хлѣбной полосѣ Урала, такъ и по рѣкамъ Чегану, Деркулу, Узенямъ, по Общему Сырту. Нельзя скрыть, что уральцы и послѣ того

нѣсколько разъ выходили изъ повиновенія установленнымъ властямъ, при чемъ дѣло доходило даже до кровопролитія, но, тѣмъ не менѣе, они являются вѣрными сподвижниками нашихъ войскъ—на Липи, въ Киргизской степи, на прочихъ окраинахъ, наконецъ, въ заграничныхъ походахъ временъ Императора Александра. Особенно велика польза, приносимая ими въ походахъ степныхъ, въ разныхъ экспедиціяхъ, снаряжаемыхъ для изученія края. Никто лучше уральца не знаетъ степи, не выслѣдитъ хищника и не въ состояніи преслѣдовать его до полного изнеможенія. Этого мало. При завоеваніи Туркестана бывали случаи, что храбрость и стойкость уральцевъ спасали весь край, выручали наши войска, о чемъ будетъ рассказано въ своемъ мѣстѣ. Вотъ почему, не смотря на появленіе ослушниковъ, наши Государи до послѣдняго времени цѣнили доблесть и боевую службу уральцевъ, доблесть, присущія имъ искони, унаслѣдованная отъ отцовъ и дѣдовъ. Особенно любилъ и баловалъ удалцевъ преемникъ великой Императрицы Павелъ Петровичъ. Онъ назначилъ въ гвардію одну сотню уральскихъ казаковъ, которая должна была находиться въ Петербургѣ, при Его особѣ; казаки смѣнялись каждые три года. Другая милость была оказана всѣмъ казачьимъ войскамъ: ихъ чины Государь сравнивалъ съ армейскими, тогда какъ прежде чинъ маіора или полковника давался какъ особое отличіе. Въ памяти старожилловъ сохранился слѣдующій случай благосклонности Императора. Однажды онъ присутствовалъ на разводѣ, гдѣ въ числѣ прочихъ войскъ стояли уральцы въ своихъ малиновыхъ кафтанахъ, въ такихъ же высокихъ остроконечныхъ шапкахъ, опушенныхъ у кого бобримъ, у кого купичей или выдрой. Впереди могучихъ бородачей стоялъ, повѣсивъ голову, старшина Севрюгинъ.

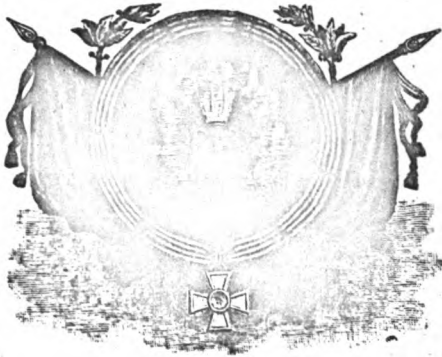
— «Севрюговъ, что ты приунылъ?» спросилъ его Императоръ, обходя ряды.

— «Какъ мнѣ не приуныть, надежда-Государь! Вѣдь они, дѣтки-то ваши, не даютъ мнѣ покоя, всѣ уши прожужжали: «Всѣхъ де батюшка-Царь наградишь, а насъ, грѣшныхъ, забыть».

— «Какъ, что? Ужъ не опять-ли обижаютъ васъ на кухнѣ ухой?»—Государь вспомнилъ, какъ уральцы однажды жаловались, что имъ мало даютъ ухи (щербу).

— «Ахъ, надежа-Царь, совсѣмъ не то: у всѣхъ харунки есть, а у насъ харунки нѣтъ... Вотъ, еслибъ милость была, Ваше Царское Величество!..»

— «Вотъ вамъ хорунка! Служите хорошенько!» сказалъ Государь, при чемъ передалъ Севрюгину знамя, стоявшаго рядомъ съ ними, взвода преображенцевъ. — Съ радостью, съ благоговѣніемъ приняли казаки изъ рукъ Царя священную хоругвь, какъ завѣтъ любви и полнаго забвенія винъ.

Уральцы у себя дома.

уральскихъ, собственно служивыхъ, казачковъ считается 15 тысячъ: почти на 8 дощцовъ приходится одинъ уралецъ. Последніе, какъ и дощцы, живутъ станицами, или селами, отъ 100 до 200 домовъ каждая, расположенными по правому берегу Урала. Всѣхъ станицъ

29, въ томъ числѣ двѣ Плецкихъ. Рѣка Уралъ—«Золотое дно, серебряна покрывка»—кормить, поить, одѣваетъ, обуваетъ. Онъ течетъ по необозримой степи, бесплодной, солонцовитой. Только извѣстныя мѣста, по берегамъ притоковъ до самой рѣки, обильны луговой травой. На каждаго казака приходится по 427 дес. земли, но земледѣльемъ они занимаются мало, живутъ больше отъ своихъ стадъ, пропитываются рыболовствомъ. Такъ повелось издавна.

Уралецъ ростомъ не великъ, зато плотенъ, широкъ въ плечахъ; вообще, народъ они красивый, здоровый, кромѣ того, живой, дѣловитый и гостеприимный. Отъ нихъ пахнеть ста-

ришною Русью. На службѣ они кротки, послушны, въ бою храбры, въ походахъ выносливы на удивленіе. Морозовъ уральецъ не боится, потому что морозъ «крѣпиль»; жары тоже не боится: жаръ костей не ломить; а воды или сырости — еще того меньше, потому что сызмала привыкъ по своему промыслу возиться въ водѣ. Въ своихъ привычкахъ казаки наблюдаютъ простоту. Они по дѣлымъ годамъ не пробуютъ ни осетрины, ни севрюжины или бѣлужины — товаръ этотъ дорогъ: «Не по рылу», говорятъ. Хозяйки варятъ дома черную рыбу, и то по временамъ, когда разрѣшается ловъ. Въ постные дни хлебаютъ пустыя щи да кашичу; въ скоромные рѣжутъ барановъ, ѣдятъ каймакъ, т. е. упаренное густое молоко; въ походъ берутъ пшеничные хлѣбцы съ запечеными яйцами: «кокурками» называются. И въ своихъ обычаяхъ казаки наблюдаютъ сытую старину. Старые казаки никогда у себя не божатся, говорятъ: «ой-ой», «пи-пи»; не скажутъ «спасибо», а «спаси ты Христось». Входя въ избу, останавливаются на порогѣ и говорятъ: «Госноди, Иисусо Христе, Сыне Божіи, помилуй насъ!» какъ это принято въ монастыряхъ или скитахъ. Затѣмъ выжидаютъ отвѣтнаго «Аминь!» При встрѣчѣ съ незнакомымъ, спрашиваютъ: «Чьи вы?» — Наши имена рѣдко встрѣчаются на Уралѣ: тамъ даютъ имя того святого, котораго празднуютъ за седмицу до рожденія. Этотъ обычай строго соблюдается. Если казакъ походомъ или въ какое другое время нарушаетъ дѣдовскій обычай, то утѣшаетъ себя тѣмъ, что родителиницы замолятъ его грѣхъ. Такъ называется все женское населеніе. Казачки строго хранятъ свято-отеческія преданія. Онѣ отлично знаютъ церковную службу, хозяйничаютъ, ткуютъ шелковыя поярки, шьютъ сарафаны, вяжутъ чулки; другихъ работъ нѣтъ: все, вѣдь, кромѣ рыбы и скота, покупное. Дѣвушки у нихъ стыдливы и скромны; развлекаются въ повншихъ забавахъ. Такъ, напримѣръ, любимое ихъ развлеченіе «спичкѣ», или порывіи лодь, на которомъ можно скользить въ нарядныхъ башмачкахъ, выставивъ впередъ ножку; при этомъ онѣ шумятъ, кричатъ, хохочутъ до упаду. Дѣвушкамъ приданаго не даютъ; напротивъ, женихъ долженъ по уговору выдать родителямъ повѣсты «кладбу», т. е. денежную помощь, въ размѣрѣ отъ 50 до 200 рублей,

смотря по состоянію. Въ старину справляли сороку, т. е. женскій головной уборъ, который замѣнялъ дѣвичью подишь. Бывали сороки въ 10—15 тысячъ. Тамъ всѣ дѣвки безприданницы, и этотъ хорошій обычай ведется съ той поры, когда казаковъ было больше, чѣмъ невѣсть. И дѣти казаковъ растутъ такъ же, какъ росли ихъ дѣды и отцы. Съ десяти годовъ они насутъ табуны или ѣздятъ на рыбную ловлю. Слѣдуя берегомъ, мальчуганъ выставитъ какой-нибудь отмѣтный знакъ и перекликается съ отцомъ, чтобы тотъ могъ во всякое время пайти свою повозку или сани. И голодать приучаются мальчишки съ дѣтства. Лѣтомъ жуютъ отъ жажды свинцовую пульку: это холодитъ; зимой закусываютъ снѣжкомъ. Солодковый корень, водяные орѣхи («челимъ»), лебеда, птичьи яйца, даже земляной хлѣбъ—вотъ чѣмъ пропитывается казаченокъ по нѣскольکو дней сряду, попадая въ бѣду. Но зато мальчуганъ всегда долженъ быть ополсанъ; который же распояшется или потеряетъ поясъ, того мать больно прибить: такъ ходятъ только татарчата.

Самый большой праздникъ въ Уральскѣ, когда вступаютъ полки, возвратившіеся съ дальняго похода. Родительницы выѣхали навстрѣчу изъ всѣхъ пизовыхъ станицъ, устѣлаи всю дорогу отъ города вереть на 10; вынесли узелки, мѣшочки, скляницы, штофчики, сулемы,—все это, чтобы накормить, напоить голодныхъ. Волгъ, въ сторонѣ отъ всѣхъ стоятъ древяная старушка, повязанная чернымъ китайчатымъ платкомъ, держать въ рукахъ узелокъ и бутылочку, кланяется пизехонько, спрашиваетъ: «Подгорновъ, родные мои, гдѣ Маркіанъ?»—«Сзади, матушка, сзади!»—Идетъ вторая сотня.—«Гдѣ же Маркіанъ Елѣсьевичъ Подгорновъ, снаси вась Христось и помилуй, гдѣ Подгорновъ?»—«Сзади!» говорятъ. Идетъ 3-я сотня: тотъ же привѣтъ, тотъ же отвѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошла послѣдній взводъ, а отвѣтъ все тотъ же: «Сзади, бабушка!» Когда и обозъ проходилъ, то казаки, кивая назадъ плывою, говорили: «Тамъ, сзади, родная!» Тутъ только старуха догадалась, что оспротѣла навѣки. Она ударилась о-земь, завопила страшнымъ голосомъ и билась, пока казаки не подняли ее бережно и не свели домой.

Службу уральцы отправляютъ не по очереди, а «подмо-

гои), что считают для себя болѣе выгоднымъ, потому что бѣдный казакъ можетъ поправиться. Войсковое правленіе ежегодно дѣлаетъ денежную раскладку, сколько причитается на каждаго казака «подможныхъ»; оно же ихъ собираетъ и выдаетъ поступающимъ на службу по охотѣ, «охотникамъ». Тѣ, которые идутъ въ армейскіе полки, получаютъ меньше, примѣрно 200 р., въ гвардейскій эскадронъ больше, напримѣръ, 250 рублей. Если казакъ по бѣдности не можетъ внести подможныхъ, онъ остается въ «нѣтчикахъ», а года черезъ 2 или 3, когда за нимъ накопится этихъ «нѣтчиковыхъ» денегъ, его зачисляють прямо на службу, при чемъ вычитаютъ изъ его подмоги всю накопившуюся недоимку. Однако, ни одинъ казакъ, будучи въ служиломъ возрастѣ, т. е. между 21 и 35-ю годами, не можетъ постоянно откупаться отъ службы; онъ обязанъ прослужить, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ годъ. Богатые казаки поступаютъ въ уральскую учебную сотню, гдѣ они отбываютъ службу въ одинъ годъ, на своихъ харчахъ и квартирѣ, а всѣ остальные идутъ на 3 года въ полки. Это такъ называемые «обязательные», обязаны прослужить. Въ случаѣ призыва всего войска, поднимаются всѣ казаки, способные носить оружіе, кромѣ отставныхъ.

Уралцы по преимуществу народъ промысловый и ведутъ свое дѣло по порознь, а сообща, всѣмъ войскомъ. Точно также и земля принадлежитъ всему войску, надѣловъ нѣтъ; даже луга находятся въ общемъ пользованіи. Войсковое правленіе назначаетъ день, когда начаться покосу, чаще всего на 1 іюня. Каждый казакъ выбравъ себѣ любое мѣстечко, и въ ночь они уже всѣ на своихъ мѣстахъ. Какъ только покажется солнышко, подается знакъ, по которому казаки начинаютъ обкашивать свои участки. Вся трудность заключается въ томъ, чтобы не захватить больше своихъ силъ. Работаютъ шибко, отрываются только затѣмъ, чтобы испить воды, потому что къ закату солнца дѣло кончается, каждый долженъ обкосить свой участокъ. Если бы кто надумалъ косить раньше урочнаго дня, тою вовсе лишаютъ покоса. Такое же правило и насчетъ рыбной ловли, все равно, хоть бы онъ поймалъ одну рыбу. У нихъ три поры улова: зимній, весенній и осенній.

Ураль замерзъ; снѣжная полена покрыла необозримую

стенъ. Въ воздухѣ тихо, морозно. За 8 верстъ отъ Уральска, въ назначенный день, собрались всѣ казаки, каждый съ длиннымъ багромъ, подбагренишкомъ и пеншей; у каждаго лошадь, санш, подъ присмотромъ кого-либо изъ семейныхъ. Казаки стоятъ у берега и ждутъ сигнала: они намѣчаютъ въ это время мѣста. Морозный воздухъ вздрогнулъ: тринула сыпальная пушка. Въ тотъ же мигъ всѣ бросаются стремглавъ на рѣку; каждый пробиваетъ прорубь, поддѣваетъ багромъ рыбу и, чтобы она не сорвалась, подхватываетъ ее малымъ багромъ, или подбагренишкомъ. Почти каждый ударъ даетъ добычу, особенно въ хорошемъ мѣстѣ. Поглядите, вопъ дюжіи казакъ: даже унарился, несмотря на то, что въ одной рубахѣ! Въ три маха онъ просѣкъ ледь, забагрить рыбу и теперь кричитъ, точно его рѣжутъ: «Ой, братцы, помогите! Не вытаску бѣдуги, сила не беретъ... Скоро, скоро!»—По этому зову бросился къ нему одинъ изъ артельныхъ, живо подбагрить, помочь вытасчить рыбу на ледь. Казаки всегда дѣйствуютъ артелью, человѣка по 3—4, по 5—6, иногда и больше; вся выручка дѣлится между ними поровну. Хорошія мѣста, или «ятови», гдѣ красная рыба зимуетъ, замѣчаются еще съ осени, когда рыба ложится. Тысячи рыболововъ толкуются на такомъ мѣстѣ, въ кусочки искрошатъ ледь, иной разъ три въ водѣ по шею носятся—ничего! Другой наловится да на комочкѣ льда приспособится, такъ и плыветъ къ берегу; рыба у него привязана къ ногамъ, въ рукахъ и зубахъ рыболовная снасть. Покончивъ на томъ мѣстѣ, артели спускаются внизъ по рѣкѣ, продолжая ловлю такимъ же порядкомъ. Лѣтняя и осенняя ловли продолжаютъ по шести недѣль и, само собой разумнѣе, на лодкахъ. Опять цѣлою войско вышло, точно на войну. На тѣсной и быстрой рѣкѣ толпятся тысячи бударокъ, негдѣ аблоку ухватить, не то что вынуть сѣти. Казаки плаваютъ попарно, вытаскиваютъ рыбу, «чекушатъ» (оглушаютъ) и сваливаютъ въ бударки. Тутъ, какотся, всѣ другъ друга передумывать, передавать и до вечера не доживутъ: крикъ, шумъ, брань суматоха на водѣ; какъ въ самой жаркой руконашней. Бударки трещать, казаки, стоя въ нихъ, чуть по клюютъ носомъ воды—нотъ всѣ потонуть!—ничуть не бывало. Всѣ живы, здоровы, разойдутся, а съ разсвѣтомъ опять то же самое нач-

нутъ на слѣдующемъ рубежѣ, — и такъ вплоть до низовыхъ станицъ. Саратовскіе и московскіе купцы слѣдятъ съ берега да готовятъ денежки: по вечерамъ бываетъ обыкновенно раздѣлка. — Это осенній ловъ.

И на лѣтній ловъ есть свои законы, свои правила, отъ которыхъ прежде, бывало, никто не смѣлъ отступить подѣ страхомъ строгой кары. Старые казаки, все равно какъ истые охотники, оживляются, когда рѣчь зайдетъ о рыбѣ: у нихъ глаза разгораются, брови двигаются, высокій лобъ сіяетъ. У такого не дрогнула бы рука приколоть всякаго, кто вздумалъ бы напоить скоть изъ Урала во время хода рыбы. «Рыба тотъ же звѣрь, шума и людей боится: уйдетъ, а тамъ ищи ее!»

И море не страшно казаку; онъ хаживать по немъ съ дѣтства, не только изъ Гурьева въ Астрахань, но и дальше, въ глубь, куда казаки пускаются часто на бударкахъ за лебедями; отъ нихъ въ пользу идетъ пухъ, перья. Какъ истые моряки, казаки умѣютъ лапировать, бороться съ бурями, приспособлять снасти. Особоно славятся гурьовцы. Этого ни за что не разстанется съ моремъ, съ которымъ онъ сроднился, безъ котораго жить не можетъ; отъ моря гурьовецъ богатѣетъ. Какъ бы въ отместку за всѣ благодѣянія, сердитое море перѣдко лишаетъ казака послѣдней копѣйки, дѣлаетъ его нищимъ, пускаетъ по міру; мало того, подчасъ оно втянетъ его въ середину и тамъ, на просторѣ, играетъ его жизнью. Морской зимній промыселъ носитъ названіе «аханцаго», отъ слова «ахангъ», сѣть.

На льду Урала, въ виду своихъ домовъ, собралось все населеніе Гурьева—казаки, семейные, работники-киргизы. Идетъ тихій говоръ, прощаются матери съ сыновьями, жены съ мужьями; разлука долгая, дальняя: кто знаетъ, что можетъ случиться? Въ животѣ и смерти Богъ воленъ. — Атамангъ подалъ знакъ. Промышленники перекрестились: «Прощайте, родные, молитесь Богу!» и разсѣлись по саямъ. Взвѣлись, полетѣли добрые кони; загудѣлъ подъ саями лодъ, раздалось веселье, удалыя пѣсни. Примѣрно черезъ часъ аханцаки въ устьѣ Урала; это отъ Гурьева 14 верстъ. Тутъ, въ виду пустынного моря, они останавливаются, чтобы запастись топливомъ, поздороваться съ батюшкой «Синимъ моремъ» да выпить

про его бурную милость чарку водки. Отсюда казаки, поговорив разбъзжаются въ разныя стороны: одни ѣдутъ вправо, другіе лѣво, а третьи, самые зажиточныя—прямо въ открытое море, искать добычи въ глуби. У нихъ и снасти лучше, у нихъ лошадей и работниковъ больше. Впереди ѣдетъ вожакъ; онъ ведетъ за собой всѣхъ прочихъ, вывѣряя путь по компасу, который у него, какъ и у всѣхъ рыболововъ, всегда за пазухой. Устье Урала, сейчасъ шумное, опустѣло; осталось лишь трое саней: то старикъ Чировъ, сидя на облучкѣ, пригорюнился. Онъ забылъ взять съ собою образъ Николая Угодника, который сопровождалъ его и на Аральскомъ морѣ, и въ Киргизской степи, и на Мангышлакѣ—вездѣ, гдѣ старикъ побывалъ на своемъ долгомъ вѣку. Этотъ образъ спасъ жизнь его родителю, когда подъ Анапой турокъ выстрѣлилъ въ него и пуля почти въ упоръ; басурманская пуля, попавъ въ образъ, разлепешилась. Жутко стало старику, и онъ услалъ за образомъ киргиза-работника.

Далеко отъ береговъ остановились казаки шумнымъ таборомъ; по срединѣ табора разбили кибитку. Изъ нея скоро вышелъ атаманъ и, по старинному обычаю, предложилъ бросить жребіи, кому какимъ участкомъ владѣть. Билеты положили въ шапку, прикрыли платкомъ, послѣ чего каждый казакъ подходилъ по-очереди и вынималъ жребіи: какой номеръ, такой, значитъ, ему достался и участокъ. Въ минуту сдѣлали по льду прорубь и воткнули туда спицы камыша. Отъ этой точки въ глубь моря провели по компасу двѣ линіи, или два «бакена», обозначивъ ихъ вѣхами,—одинъ правѣе, другой лѣвѣе; по нимъ ужъ располагаются казаки, какъ кому выпало по жребію. Въ серединѣ же, между бакенами, никто не можетъ поставить свою сѣть, потому что этимъ путемъ идетъ въ Уралъ рыба. Въ бакенахъ тоже свой порядокъ: казаку положено ставить 50 сѣтей, офицеру 100, генералу 150. Здѣсь опасности нѣтъ, и снасть сохраняется въ цѣлости; на глуби же можно погибнуть въ одинъ часъ, въ одну минуту. Чтобы собраться на глубь, казакъ долженъ обзавестись не менѣе какъ четырьмя лошадьми. Въ Гурьевѣ есть семейства, которыя вывѣзжаютъ на 20—30-ти лошадяхъ. Казаки ѣдутъ верстъ за 50 отъ берега. Тамъ артели разстаются, каждая выбираетъ себѣ любое мѣ-

стечко, иные уѣзжаютъ еще дальше. На избранномъ мѣстѣ ставятъ войлочные кибитки, «кошары»; ихъ окружаютъ саямц, къ саямъ привязываютъ лошадей, укрытыхъ попонами. И люди, и лошади одинаково приучены переносить всѣ неудобства среди пустынного моря, гдѣ гуляютъ-бушуютъ суровые вѣтры, кружатся спѣжные вихри, гдѣ небо и земля скрываются изъ глазъ на многіе дни. Лошади, вмѣсто воды, довольствуются слѣгомъ или мелко-истолченнымъ льдомъ. Съ утра до вечера промышленники ходятъ по рядамъ своихъ ахановъ, подтянутыхъ подъ ледяной корою, и пересматриваютъ, не запуталась ли гдѣ рыба. Если попадетъ, напримѣръ, бѣлуга въ 20 или 25 пудовъ, то ужъ вытаскиваютъ ее лошадыю. Такія бѣлуги, впрочемъ, теперь въ рѣдкость, а прежде попадались и въ 50 пудовъ. Казаку, выѣхавшему на десяти лошадей, надо поймать 500 пудовъ рыбы, чтобы хорошо заработать.

Прошло 6 недѣль, какъ аханщики покинули свои дома. На вольныхъ водахъ они рыбачили на глубинѣ четырехъ сажень; дальше, по совѣту атамана, не заходили, но рыба ловилась тутъ плохо, въ бакенахъ лучше. Они уже помышляли, выбравъ аханы, ѣхать домой, какъ вдругъ въ половинѣ февраля сильнымъ южнымъ вѣтромъ взяло ледъ, почти вплоть до устья Урала; не успѣли еще аханщики опомниться, какъ вѣтеръ завернулъ отъ сѣвера, и ихъ разнесло, разбѣло по морю на льдинахъ. Больше двухсотъ человекъ казаковъ и киргизовъ ушли тогда отъ родныхъ береговъ. Это было въ 1843 году. Ахнули гурьевцы, когда узнали объ этомъ безпримѣрномъ отношеніи. Не было семьи, гдѣ бы не тосковали по своимъ родичамъ. О помощи и думать нечего: дожди лишь каждый день, ледъ на Уралѣ совсѣмъ пропалъ; правда, у морскаго берега еще держался, по такой рыхлой, что по немъ не ступить. Аханщики бѣдовали ужасно. Вотъ плыветъ небольшая артель Затворникова, молодого казака 22-хъ лѣтъ; съ нимъ 4 киргиза, 2 казачьихъ подростка да двое русскихъ рабочихъ. Лыдина имъ попалась тонкая и послѣ двухъ недѣль до того искрошилась, такъ измельчала, что стала погружаться; аханщики стояли на ней по щиколодку въ водѣ. Въ такой крайности Затворниковъ столкнулъ 5 лошадей. Бѣдныя животныя не сразу утонули. Плавая возлѣ льдины, онѣ вскидывали

на нее ноги и жалобно ржали. Затворниковъ въ сердцахъ схвативъ полѣно, сталъ бить своихъ лошадей по головамъ—и жальность, и злоба разомъ имъ овладѣли. Но это мало помогло: льдина часть отъ часу исчезала, внешнее солнце уже въ ту пору жарко пригрѣвало. Затворниковъ бодрился самъ и ободрялъ своихъ горемычныхъ товарищей, которые были навзрыдь или, припавъ ко льдинѣ, лежали точно мертвые; киргизы, сидя съжившись, по временамъ вздыхали, повторяя шопотомъ «Алла! Алла!»

Наступила ночь, 20-я по счету; хлѣба оставалось всего 2 мѣшка. Когда разсвѣло, у Затворникова защемило на сердцѣ; онъ почувалъ, что это послѣдній день въ его жизни: солнце выходило румяное, горячее; стаи птицъ вились около исчезающей льдины; по временамъ ее окружали тюлепи, глядѣвшіе съ завистью: имъ такъ хотѣлось погрѣться на солнышкѣ. Кругомъ—чисто, какъ зеркало, ни льдинки, ни какой другой примѣты; аханщиковъ несло въ невѣдомую глубь. Затворниковъ сдвинулъ всѣ сани, связалъ ихъ веревками, въ надеждѣ хоть сколько-нибудь продержаться на такомъ ненадежномъ плоту. Послѣдній овесъ, какой еще оставался, онъ разсыпалъ и подпустилъ къ нему лошадей, чтобы онѣ насытились вдоволь передъ концомъ жизни. Бѣдныя твари попохали овесъ, но ѣсть не стали. Передерпуло Затворникова. «Ну, думаетъ, близко смерть... успѣтъ бы покаяться?»... Вдругъ у него въ глазахъ что-то мелькнуло, точно черное пятнышко; всматривается—оно все ближе, ближе... Наконецъ, онъ ясно различаетъ троицъ людей и лошадь—тоже плывутъ на льдинѣ.—«Видно такіе же горемыки!» подумалъ Затворниковъ, махнувъ въ ту сторону рукой. Дѣйствительно, то былъ казакъ Курбетевъ, съ мальчикомъ и киргизомъ. Судьба свела страдальцевъ и—къ счастью Затворникова, потому что онъ сейчасъ же перешелъ на льдину Курбетева, которая была гораздо крѣпче. Мало этого, Курбетевъ сейчасъ же надоумилъ дѣлать бурдюки. Въ нѣсколько часовъ лошадей не стало: на мѣсто ихъ явились бурдюки. Аханщики надули ихъ воздухомъ, на подобіе пузырей, потомъ подвязали ихъ подъ сани, по 2 бурдюка на каждыя. Едва успѣли сладить съ этой работой, какъ льдина Курбетева изломалась на мелкіе кусочки. Тогда аханщики разсѣлись по санямъ, взяли за оглобли, за лошадиныя ло-

платки, служившія имъ вмѣсто весель, и повернули лицомъ въ родимую сторону. По временамъ они выходили на встрѣчныя льдины, гдѣ отдыхали или пополняли бурдюки воздухомъ, послѣ чего снова садились на свои плоты. Однажды навстрѣчу имъ попалась льдина, на которой стояли сани съ привязанной лошадыю. Аханщики, придержавши льдину, хотѣли было снять ихъ, но къ удивленію своему увидѣли, что на днѣ саней сидитъ скрючившійся челоувѣкъ, стиснувъ въ окочепѣлыхъ рукахъ мѣдную икону. Снявши съ мертвеца шапку, въ помъ узнали казака Чирова, того самаго, который кручинился, что позабылъ образъ Угодника. Застигнутый въ расплохъ и отбитый отъ людей, старикъ, вѣрно, умеръ съ голоду. «Царство тебѣ небесное, добрый старикъ!» сказали аханщики, перекрестивши трутъ. На ихъ глазахъ льдина Чирова столкнулась съ другой, немного побольше: сначала пошла ко дну лошадь, потомъ сани съ покойникомъ. Морская пучина скрыла ихъ навѣки.

Судьба артелей была разная. Блуждали по морю изо дня въ день, то подъ дождемъ, то подъ жгучими лучами солнца, аханщики подавали о себѣ знаки. Днемъ они подпымали вверхъ шести, на которыхъ развѣвалась рогожа или кошма, а почью дѣлали маяки съ огнемъ, для чего на самый конецъ шеста втыкали тюленью шкуру съ жиромъ, немного пониже — пучъ зажженой мочалы. Жиръ таялъ и каплями падалъ на мочалу, отчего послѣдняя еще больше разгоралась, но горѣла плавно, медленно, все равно какъ свѣтильня. Отъ нечего дѣлать, аханщики били на льдинахъ тюленей, заготавливали бурдюки, весла; остальное время лежали по своимъ кошарамъ или выглядывали астраханцевъ. Эти добрые люди уже не разъ выручали изъ бѣды казаковъ, свозили ихъ на своихъ промысловыхъ судахъ или въ Астрахань, или въ Гурьевъ, смотря куда ближе.

Еще пять дней плавала артель Затворникова и Курбетева. Вѣтеръ кружилъ по морю ихъ утлые плоты, мало повинующіеся жалкому подобію весель. Наконецъ, на шестой день наши аханщики повстрѣчали судно тюленьихъ промышленниковъ. Астраханцы немедленно доставили ихъ въ Гурьевъ. — «Слава Богу», говорили обрадованные гурьевцы: «ужъ коли Затворниковъ вышлеяся, такъ другіе и подавно должны выѣхать».

VI.

Трехдневный бой подъ Инаномъ.

аслуги уральцевъ, ихъ труды и кровь, пролитая въ степяхъ Средней Азіи, не были забыты. 6 мая 1884 года, въ памятный для Россіи день совершеншолѣтія Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, уральцамъ было пожаловано «Общее войсковое георгіевское знамя». Въ Царской грамотѣ были подробно прописаны всѣ ихъ заслуги:

«Почти трехвѣковая отлично-усердная служба и непоколебимая преданность Престолу и Отечеству вѣрно-любезнаго Намъ Уральскаго казачьяго войска всегда вызывало особое Монаршее къ нему благоволеніе въ Бозѣ почившихъ предковъ Нашихъ. Начавъ первую боевую службу свою, какъ показываютъ историческіе документы, въ 1591 году, участіемъ въ походѣ Царскихъ войскъ противъ шамхала Тарковскаго, Уральское войско съ той поры служило живымъ оплотомъ.

государства, охраняя значительную часть границы его от набѣговъ кочевыхъ народовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимало участіе и во внѣшнихъ войнахъ, являя всегда примѣръ самоотверженія и воинской доблести при исполненіи своего служебнаго долга; при завоеваніи же Туркестанскаго края и водвореніи въ немъ порядка, оно, съ самыхъ первыхъ шаговъ туда Нашихъ войскъ, несло непрерывные труды и ознаменовало себя въ многочисленныхъ бояхъ, въ особенности же въ 1864 году, въ дѣлѣ противъ коканцевъ подъ Иканомъ, подвигами отваги и мужества». Въ заключеніе грамоты было сказано: «Да послужитъ священная сія хоругвь символомъ неизмѣнной преданности вѣрноподобнаго Намъ Уральскаго войска Престолу и Государству на грядущія времена, и да осѣптитъ она храбрыхъ сыновъ Урала на высокіе подвиги чести и славы при защитѣ отечества».

По завѣту Петра Перваго русскіе люди подвигались въ глубь Средней Азіи съ двухъ сторонъ: отъ Урала и со стороны Сибири. Шли впередъ не потому, чтобы жаждали новыхъ земель, а въ силу необходимости: того требовали выгоды торговли, обереженіе границы отъ разбойничьихъ набѣдовъ тамошнихъ народовъ. Наши караваны подвергались разграбленію русскіе промышленники и казаки—не десятками или сотнями, а тысячами—томились въ неволѣ: ихъ продавали на рынкахъ хивинскаго ханства, какъ рабочую скотину. Но прежде чѣмъ добраться до Хивы, главнаго разбойничьяго гнѣзда, пришлось втянуться въ долгую войну, построить на берегу Каспія укрѣпленія, овладѣть теченіемъ Сыръ-Дарьи, штурмовать коканскія и бухарскія крѣпости. Завоеваніе Туркестана будетъ рассказано особо. Здѣсь же пока припомнимъ, что на рубежѣ этой многолюдной и обширной страны остановились нѣсколько Оренбургскихъ и Сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Суровыя, опаленныя зноемъ лица старыхъ николаевскихъ солдатъ ясно говорили, что они прошли тяжелую школу труда, лишеній, что они не мало пострадали въ непривычной для нихъ странѣ. Десятки лѣтъ подвигались шагъ за шагомъ линейцы въ киргизскихъ степяхъ, прожигаемые палящими лучами солнца или шли навстрѣчу зимнимъ буранамъ. Трудно сказать, чѣмъ они больше поработали—штыкомъ ли, лопатой

или топоромъ? Сегодня линейцы лежали въ канавѣ, съ ружьемъ на прицѣлкѣ, а завтра копали землю, насыпали брустверы, рубили деревья. Имъ приходилось то взбираться по зыбкой гѣстницѣ на высокія стѣны коканской крѣпости, то мѣсить глину, дѣлать кирпичь, выводить стѣны, класть своды. На пустынныхъ берегахъ Сыръ-Дарьи или Каспійскаго моря появились парходныя пристани, церкви, госпитали, казармы, сады—все это построено руками линейцевъ; каждый камень, каждая щепотка земли—дѣло ихъ рукъ. Зато какихъ-нибудь семь линейныхъ баталіоновъ не только покорили, а обстроили пограничную линію отъ Урала до китайской границы. Рядомъ съ линейнымъ солдатомъ шелъ казакъ, этотъ его вѣрнѣйшій другъ, окрещенный именемъ «Гаврилыча». Сколько разъ запамятый и смѣтливый Гаврилычъ выручалъ линейца изъ бѣды? Сегодня онъ подѣлится съ нимъ хлѣбушкомъ, завтра дастъ испить водицы, послѣзавтра подвезетъ усталую «круну» на своей лошаdkѣ. Онъ берегъ его сонъ, очищалъ ему путь, добывалъ баранту, рядомъ съ нимъ ковырялъ землю, стоялъ на валу. Кромѣ того, что уральцы составляли гарнизоны дальнихъ степныхъ укрѣпленій, они, какъ уже сказано, наряжались во всѣ экспедиціи для изслѣдованія края, они гонялись по степямъ за разбойничьими шайками; уральцы же составляли почетный конвой киргизскихъ султановъ, нашихъ друзей. И первый подвигъ въ Туркестанскомъ краѣ, подвигъ, прогремѣвшій на всю Среднюю Азію, совершенъ уральскими казаками. Это было въ 1864 году, когда наши взяли города Туркестанъ и Чемкентъ; отъ Ташкента же, по малочисленности силъ, пришлось отступить. На усиленіе передоваго отряда была послана изъ форта Перовскій уральская сотня, подъ начальствомъ есаула Сѣрова. 1-го декабря Сѣровъ вступилъ въ Туркестанъ, а черезъ три дня его уже отправили на розыскъ. Прошелъ слухъ, что за городомъ появилась шайка въ нѣсколько сотъ человекъ; надо было ее разогнать, потому что какъ разъ въ это время выржался транспортъ въ Чемкентъ.

На праздникъ Варвары, послѣ полудня, Сѣровъ выступилъ изъ города со своею сотней. Въ ней находился сотникъ Абрамичевъ, 5 урядниковъ, 98 казаковъ и 4 артиллериста при горномъ единорогѣ. Отъ встрѣчныхъ киргизовъ казаки узнали,

что сел. Иканъ, отстоящее въ 20 верстахъ отъ города, уже занято непріятелемъ, но въ какомъ именно числѣ, киргизамъ неизвѣстно. Стало уже томить, когда сотня подходила къ Икану, правѣ котораго горѣли огни. Сброиъ остановился и послать киргиза Ахмета узнать, что это за огни? Киргизъ скоро вернулся съ отвѣтомъ: «Непріятеля такъ же много, какъ камыша въ озорѣ». Тогда Сброиъ отвелъ свою сотню нѣсколько назадъ, занявъ канавку, которую рѣшило намѣтить, и приказалъ сѣсться. Казаки живо развѣючили верблюдогонъ, окружили себя заплатами изъ мѣшкови съ провіантомъ и фуражемъ, лошадей уложили въ середину, а сами залегли по краямъ. Между тѣмъ, коканцы сверху ихъ замѣтили. Не успѣли еще казаки приладиться, какъ конная толпа, приблизившись «тихимъ молчаніемъ», вдругъ, съ визгомъ и оглушительнымъ крикомъ кинулась въ атаку. Уралъцы дали залпъ, артиллеристы угостили картечью, что сразу поубавило азіатскій пылъ. Много убитыхъ, раненыхъ осталось на мѣстѣ. Оправившись, коканцы съ крикомъ: «Алла! Алла!» налетѣли вторично— опять ихъ отбили съ такой же потерей. Еще раза 2—3 они повторили атаку, наконецъ, оставили уралъцевъ въ покоѣ. Въ виду небольшой кучки казаковъ коканцы расположились станомъ, среди котораго скоро запылали костры.

Опасность часъ-отъ-часу становилась очевиднѣй: уйти ночью нельзя, бороться въ открытую нѣтъ мочи, оставалось приподнять заплата да дожидаться выручки. Къ счастью, среди уралъцевъ находились люди бывалые, со знаками отличій, которые не разъ встрѣчались съ коканцами въ полѣ; были между ними даже севастопольцы. Такіе люди не робѣютъ, не падаютъ духомъ, что бы тамъ ни случилось, а распорядительность офицеровъ довершила остальное. Непріятель всю ночь палилъ изъ своихъ трехъ орудій; казаки отстрѣливались изъ еднорога, пока не сломалось въ немъ колесо. Съ разсвѣтомъ огонь усилился. Гранаты и ядра все чаще да чаще ложились въ отрядъ, убивали лошадей, ранили людей. Въ то же время къ непріятельскому стану то и дѣло подбѣгали изъ Икана сарбазы: это кокальская пѣхота, стрѣлявшая изъ ружей. Казаки больше мѣтили въ артиллеристовъ, снимали джигитовъ, подбѣжавшихъ ради удалства поближе; попадали въ началь-

никовъ, отличавшихся своимъ нарядомъ, лошадьми и конскимъ уборомъ. Многие вызывались было броситься въ штыки, однако Стровъ не позволилъ. Имъ и въ голову не приходило, что поредъ ими не шайка бродячая, а цѣлая коканская армія, съ пѣхотой, артиллеріей, обозомъ, боевыми припасами, силой отъ 10 до 12 тысячъ! Алимкуль, правитель ханства коканскаго, послѣ удачной защиты Ташкента распустилъ слухъ, что идетъ къ себѣ домой, а, между тѣмъ, обошелъ нашъ передовой отрядъ, выдвинутый къ Чемкенту, и прямо двинулся на Туркестанъ, въ надеждѣ его отнять. Въ случаѣ удачи онъ могъ бы надѣлать намъ большихъ хлопотъ. Время было зимнее, глухое, никто не ожидалъ отъ коканцевъ такой прыти. Какъ же злились они теперь, что горсть «урусовъ» разрушила ихъ тонкіе расчеты! Атаковать отрядъ открыто они боялись, считали, что онъ гораздо больше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и придумали плестъ изъ хвороста щиты, чтобы, прикрываясь ими, «итти подкатомъ», т. е. подѣзжать на двуколесныхъ арбахъ. Казаки видѣли, какъ арба за арбой подвозили хворостъ. Они продолжали отстрѣливаться такъ же спокойно, мѣтко, какъ въ первую минуту боя; всѣ 4 артиллериста полегли у своего единорога; уральцы заступили ихъ мѣсто, при чемъ должны были перетаскивать на рукахъ подбитое орудіе. Около 2 ч. пополудни, со стороны города, раздались орудійные выстрѣлы; казаки были увѣрены, что къ нимъ поспѣшаютъ на помощь: они участили пальбу, все чаще и чаще поглядывали назадъ—вотъ-вотъ покажется выручка. Здоровые вострепнулись, точно въ нихъ удвоились силы; раненые ожили: приподнимая головы, они глядѣли своими мутными глазами туда же... Пальба то прекращалась, то снова усиливалась; сомнѣнія не могло быть ни малѣйшаго—это наши: они сей часъ появятся изъ-за бугра... Но пальба вдругъ смолкла, еще одинъ-другой выстрѣлъ—и прикончилась. Казаки опять остались одни.

А дѣло было такъ. По выстрѣламъ отъ Икана въ городъ догадались, что казаки отбиваются, и на утро комендантъ выслалъ небольшой отрядъ, въ полтораста человекъ, съ двумя пушками, но съ такимъ приказаніемъ, что если непріятель окажется черезчуръ силенъ, то въ бой съ нимъ не вступать, а отойти назадъ. Въ такомъ большомъ городѣ какъ Туркестанъ,

станъ всего-то находилось 2¹/₂ роты, такъ что каждый защитникъ былъ на счету. Отрядецъ не дошелъ до казаковъ версты 3—4, какъ былъ окруженъ сильными толпами конныхъ, угрожавшихъ отрѣзать его отъ города. Тогда онъ повернулъ назадъ, съ трудомъ уже пробился къ Туркестану, а въ 6 ч. вечера неприятель разсыпался въ городскихъ садахъ. Въ цитадели явственно слышались звуки неприятельскихъ трубъ. Положеніе защитниковъ многочисленнаго города, въ виду окружавшей ихъ измѣны, также становилось опаснымъ.

Былъ удобный случай соблазнить казаковъ на уступку. Алимкуль прислалъ записку: «Куда теперь уйдешь отъ меня? Отрядъ, посланный изъ Азрота, — такъ назывался у нихъ Туркестанъ, — разбить и прогнать назадъ; изъ тысячи твоихъ, — Алимкуль, видно, плохо считалъ, коли сотню принялъ за тысячу, — не останется ни одного; сдайся и прими нашу вѣру; никого не обижу!» Доблестный командиръ сотни не отвѣчалъ; казаки отвѣтили за него мѣткой пальбой. Къ ночи они насыпали нѣсколько новыхъ заваловъ, подтащили убитыхъ лошадей, верблюдовъ и приготовились дорого продать свою жизнь. Всѣ думали какъ одинъ, розни не было.

Наступила ночь. Сѣровъ написалъ записку коменданту. Бравые казаки Борисовъ и Акимъ Черновъ, съ киргизомъ Ахметомъ, вызвались доставить ее въ городъ. Они надѣли поверхъ полушубковъ ружья, взяли по револьверу и, принявъ напутствіе, исчезли въ темнотѣ. То пробираясь между огней, то между коканскихъ разбѣдовъ, избѣгая встрѣчныхъ партій, эти отважные люди появились въ 9 ч., точно выходя изъ того свѣта, въ городскихъ воротахъ.

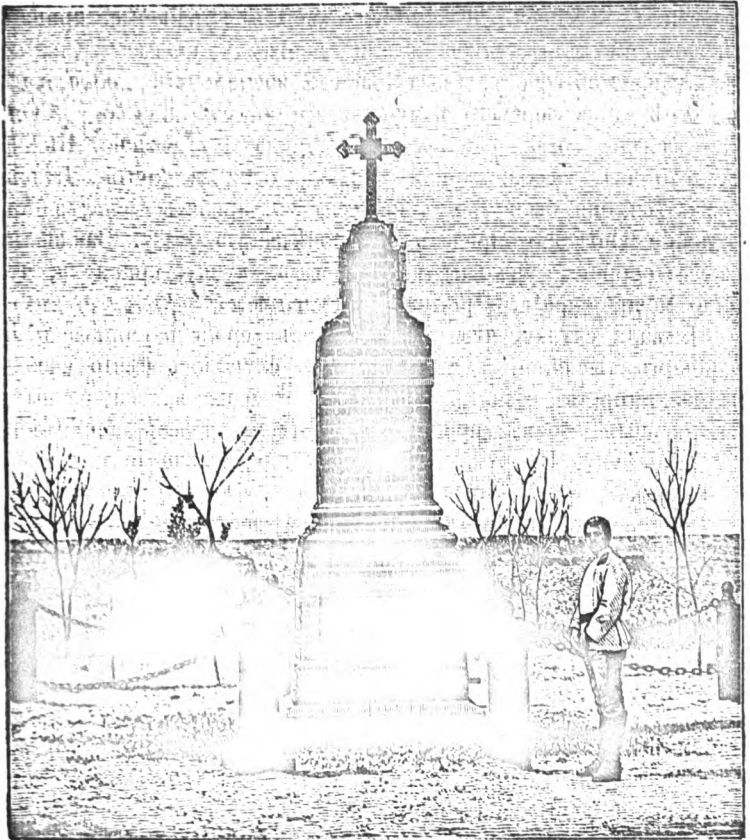
Пересидѣли въ истомѣ уральцы другую ночь, — вотъ и праздникъ заступника русской земли, святителя Николая! «Заступится ли онъ за насъ грѣшныхъ?» думалъ каждый про себя. А, между тѣмъ, казаки насчитали 16 щитовъ, готовыхъ двинуться подкатомъ. Сѣровъ выступилъ изъ-за валовъ и подалъ знакъ рукой, что хочетъ говорить. Съ ихъ стороны подошелъ коканецъ съ ружьемъ. Сѣровъ, поглядывая на дорогу, завязалъ переговоры. Въ этихъ переговорахъ прошло около двухъ часовъ, и, должно быть, коканцы замѣтили, что напѣсалуль хочетъ только оттянуть время: щиты придвинулись,

трое пѣшихъ приближались незамѣтно, ползкомъ. — «Ваше благородіе! закричали казаки: уходите, стрѣлять будемъ!» Въ 7 часовъ утра закипѣлъ отчаянный бой. Непріятель палилъ жарко, наступая разомъ съ трехъ сторонъ. Всѣ лошади были перебиты, 37 чел. лежали уже мертвые; раненые, припавъ ничкомъ къ землѣ, молча ждали смерти; остальные выглядѣли не лучше мертвецовъ: глаза красные, воспаленные, голова какъ въ огнѣ, лица черныя, измученныя; во рту пересохло. Они уже забыли, когда ѣли, жажда мучила ихъ ужасно. Въ какомъ-то чаду казаки отбили 4 атаки, одна за другой. Дальше держаться они были не въ силахъ, но пробиться надѣялись: отчаяніе способно придать нечеловѣческую силу. Заклепавъ свой единорогъ, уральцы собрались въ кучку, крикнули, что было мочи, «ура!» и ринулись наудалую.

Бывали случаи, что кучка бойцовъ геройски умирала подъ напоромъ тысячной толпы, но тутъ случилось нѣчто необычайное: горсть пѣшихъ казаковъ, голодныхъ, изнуренныхъ трехдневнымъ боемъ, пробивается успѣшно черезъ непріятельскую конницу. Въ рукахъ у нихъ были только ружья; была еще дерзкая отвага, готовность умереть. Это-то и устрасило коканцевъ, встрѣтившихъ впервые мужество, несвойственное азіатамъ. Они не посмѣли напасть сразу, сокрушить однимъ ударомъ, а подвозили на крупкахъ своихъ лошадей пѣшихъ сарбазовъ, и тѣ ужъ разстрѣливали проходившихъ мимо уральцевъ. Но если кто-либо изъ послѣднихъ, истекая кровью, падалъ на землю, то конные налетали съ дикимъ восторгомъ на свою жертву и спѣшили отрѣзать у несчастнаго голову. Часто мѣткая пуля снимала такого хищника въ минуту его торжества, когда онъ поднималъ свою добычу. Жутко, обидно становилось на душѣ за такое издѣвательство! Всякій шель, пока только могъ влачить свои ноги; раненыхъ вели подъ руки до полного истощенія силъ. То тамъ, то тутъ среди небольшой кучки шепталъ казакъ: «Прощай, товарищъ!» Это значитъ, приходилъ ему конецъ. Сотнику Абрамичеву пуля попала въ високъ: онъ пошелъ подъ руку; другая ударила въ бокъ: онъ продолжалъ переступать; наконецъ, разомъ двѣ пули прострѣлили ему ноги. «Рубите скорѣе голову, не могу идти!» вскри-

нулъ сотникъ отчаяннымъ голосомъ, склоняясь къ землѣ. После
едва узнали его истерзаннѣйшій трупъ.

Тяжель былъ пройденный путь! Онъ обозначался слѣдами

Памятникъ воинамъ павшимъ подъ Иканомъ въ 1864 году.

(Сооруженъ на мѣстѣ битвы въ 1864 году).

крови, сломанными ружьями, обезглавленными трупами. —
Зимній день кончался, начинало темнѣть. Напрягая послѣднія
силы, уральцы все шли да шли... Наконецъ, подъ самымъ

городомъ, они услышали ружейные залпы, все ближе, ближе, а вотъ, съ пригорка, бѣгутъ имъ навстрѣчу съ радостными криками наши солдаты... Вдохнули казаки свободно, перекрестились: то была вторая выручка, высланная какъ разъ вовремя, чтобы принять на руки уцѣлѣвшихъ бойцовъ. Ихъ уложили на подводы. Такъ на подводахъ и провезли страдальцевъ прямо въ лазаретъ. «Иканская» сотня, какъ ее называютъ теперь, потеряла половину своего состава; сверхъ того, 36 чел. были ранены, артиллеристы тоже, 4 урядника убиты. Государь Императоръ пожаловалъ тогда всѣмъ иканскимъ «героямъ» знаки отличія военного ордена, а есаулу Сѣрову Георгію 4-й степени и слѣдующій чинъ.

На Уралѣ издавна повелся обычай отправлять ежегодно въ столицу, такъ называемый, «царскій кусъ», состоящій изъ лучшей икры и большихъ осетровъ. Въ слѣдующій послѣ того нарядъ попали трое иканцевъ: урядники Борисовъ, Черновъ и казакъ Агафоновъ. Ихъ пожелалъ видѣть Августѣйшій атаманъ. Обласканные имъ и облаженные Царскою милостію, уральцы явились въ Зимній дворецъ. Тутъ они имѣли счастье видѣть въ Божь почившаго Императора Александра Второго, — «Знаете ли вы, спросилъ у нихъ ласково Государь, послѣ того какъ поздоровался, что вашъ единорогъ, взять обратно въ Ташкентъ?» Казаки отвѣчали утвердительно. Его Величеству, еще милостиво побесѣдовавъ, назначилъ ихъ въ гвардейскій эскадронъ и, кромѣ того, пожаловалъ уряднику Борисову серебряный темлякъ, Чернову — серебряную медаль на георгіевской лентѣ; Агафоновъ же произвелъ въ урядники.

И до сихъ поръ въ чести участники этого славнаго дѣла. Въ 1889 году исполнилось 25 лѣтъ со времени Иканскаго дѣла. О нихъ вспомнилъ Августѣйшій атаманъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, и прислалъ отъ себя генералъ-майору Сѣрову подарокъ, есаулу Мизинову 300 рублей, а 15 урядникамъ и казакамъ, оставшимся въ живыхъ, по 50 р. каждому. Ко дню Св. Николая были собраны въ Уральскъ всѣ участники боя, вмѣстѣ съ георгіевскими камералами. Наканунѣ они помолились за упокой убиенныхъ, а въ день праздника, послѣ литургіи и торжественнаго молебствія, иканцы, съ генераломъ Сѣровымъ во

главъ, и всѣ кавалеры стали передъ фронтомъ казачьихъ рядовъ. Тутъ присутствовалъ наказной атаманъ, все войсковое начальство; во фронтѣ находилась учебная сотня и казачій № 3 полкъ. Атаманъ обошелъ ряды, поздравилъ съ Царскимъ праздникомъ, потомъ сказалъ слѣдующее: «25 лѣтъ тому назадъ уральская сотня есаула Сѣрова покрыла себя славой въ трехдневной битвѣ подъ Иканомъ. Подвигъ этотъ составляетъ украшеніе и гордость всею Уральскаго казачьяго войска въ его трехвѣковой жизни на службѣ Царю и Отечеству! Не много осталось отъ этой сотни послѣ боя въ живыхъ, а къ настоящему дню число ихъ еще стало меньше. Воздадимъ же этимъ немногимъ представителямъ славной сотни подобающую имъ честь... Героямъ Икана, слушай, на кра-улъ!» Два хора музыки заиграли войсковою маршъ. Послѣ того войска прошли мимо нихъ и наказного атамана церемониальнымъ маршемъ. За роскошнымъ обѣдомъ пили ихъ здоровье и славили все уральское войско.

По распоряженію преосвященнаго Неофита, бывшаго епископа Туркестанскаго, ежегодно совершается въ городѣ Туркестагѣ, за спасеніе котораго подвизались иканцы, заупокойная служба по павшимъ въ бою. Церковь какъ мать, Царь какъ отецъ, соратники, какъ братья единой семьи,—всѣ одинаково чествуютъ живыхъ героевъ и памятуютъ объ умершихъ.

КУБАНЦЫ.

MILHAM

I.

Войско «вѣрныхъ» черноморцевъ.

«Зруйновали (разрушили) Запорожье,
Буде колись треба (нужно)»...

Въ одинъ голосъ загѣли запорожцы, покидая Сѣчь, свое родное мѣсто, внезапно окруженное русскими войсками въ Духовъ донь 1775 года ¹⁾. Сѣчь была разрушена, войскою князя отбрана, селенія и земли, лежащія по лѣвую сторону Днѣпра, причислены къ Азовской губерніи, а по правую — къ Новороссійской, подъ управленіе князя Потемкина. Часть запорожцовъ ушла въ Турцію, остальные разбрелись по хуторамъ или же осѣли на помѣщичьихъ земляхъ, поступили на оброкъ. Казалось, все было забыто: и вѣковая слава, и грозное имя, наводившее трепеть на враговъ христіанскаго міра; въ тяжелой подновильной работѣ у плуга, казалось, замеръ воинскій духъ сыновъ Украйны, погасла доблесть стяжавшая почетное званіе «лыцарей». Такъ только казалось; но на самоѣ дѣлѣ посмертная кѣсня Запорожья сбылась раньше, чѣмъ думали

¹⁾ Смотри статью «Запорожское братство». «Отечественные героическіе рассказы», стр. 173.

сами «лыцари». Трудами Свѣтлѣйшаго было присоединено къ русской державѣ цѣлое татарское царство, Крымъ; турки обозлились: миръ съ ними висѣлъ на волоскѣ. Кому теперь поручить обереженіе новыхъ владѣній? Кого пустить впередъ на стражѣ прочаго войска?—Потемкинъ вспомнилъ о запорожцахъ, этихъ заклятыхъ врагахъ мусульманства. Онъ понималъ, какую пользу можетъ принести это братство, сплоченное, воинственное, незнавшее страха и къ тому же отлично знакомое съ Крымомъ и съ краемъ, гдѣ предвидѣлась война. Князь Таврической призывалъ на службу разсѣянныхъ казаковъ. На этотъ разъ онъ окружилъ ихъ отеческимъ попеченіемъ, обладалъ, какъ ласкаютъ обиженныхъ дѣтей. Намѣстникъ обширнаго края, знатный вельможа, недоступный для прочихъ, самъ входилъ во всѣ пужды братчиковъ, устраивалъ ихъ, одѣвалъ, любовно бесѣдовалъ. И запорожцы радостно откликнулись на зовъ «вельможнаго папа». Снова воскресло братство, на челѣ котораго явились вожди достойные носить булаву Сагайдачнаго Братства, вмѣстѣ съ новымъ именемъ «Войско вѣрныхъ казаковъ» получило въ даръ отъ Императрицы землю на вѣчное владѣніе; начальство надъ нимъ было поручено первому кошовому атаману изъ русской службѣ, подполковнику Сидору Бѣлому. Князь Потемкинъ передалъ ему черезъ Суворона бывшее въ Запорожѣ большое бѣлое знамя, малыя знамена для куреней, булаву, нѣсколько перначей и новую печать съ надписью: «Печать коша войска вѣрныхъ казаковъ»; по срединѣ печати былъ вырѣзанъ воинъ, опоясанный саблей и державшій въ одной рукѣ мушкетъ, въ другой знамя съ крестомъ. Казаковъ раздѣлили по полкамъ, какъ и въ арміи; конные полки поступили подъ начальство Захара Чопѣги, усерднаго помощника кошеваго атамана, а пѣшіе подъ начальство Антона Головатаго, войсковаго писаря; всѣ офицерскія должности были заняты казаками, получившими армейскіе чины, съ правомъ обшивать свои чекмени такими же галунами, какіе носили въ ту пору на офицерскихъ камзолахъ. Пѣшихъ казаковъ одѣли въ зеленыя черкески, конныхъ—въ синія, съ откидными рукавами, съ обложкой по борту изъ золотаго или серебрянаго шнура; шаровары оставлены турецкія, широкія. На зовъ Потемкина откликнулись и тѣ изъ «невѣрныхъ», кото-

рые поселились въ турецкой землѣ; многіе изъ нихъ, особенно молодые присоединились къ войску «вѣрныхъ» казаковъ, такъ что въ короткое время собралось безъ малаго 3 тыс. конныхъ и 9½ тыс. пѣшихъ. Сидоръ Бѣлый поставилъ на скорую руку первый кошъ за днѣпровскимъ лиманомъ, съ кинбурпской стороны; но прочное устройство осѣдлости было отложено на будущее время, въ виду открытія военныхъ дѣйствій. Войско получило всѣ способы для веденія войны. Его снабдили лодками, артиллеріей, оружіемъ, огнестрѣльными припасами; ему было положено жалованье, провіантъ. И казаки подвизались съ успѣхомъ на морѣ и на сушѣ, пѣшіе и конные. Первые ихъ подвиги, какъ во времена запорожскихъ походовъ, были совершены противъ турецкаго флота.

Въ то время, когда армія Потемкина медленно подвигалась къ Очакову, въ виду этой крѣпости происходили частыя схватки между турецкимъ и нашимъ флотомъ. Въ гребной флотиліи, состоявшей подъ начальствомъ принца Гассау, находились 80 казачьихъ лодокъ, державшихъ охрану. 16 іюня Гассау-паша поднялъ изъ подъ Очакова весь свой флотъ съ тѣмъ чтобы истребить нашу гребную флотилію. Съ трудомъ пробрались турки черезъ отмели, выстроились противъ нашего лѣваго фланга и открыли на всю ночь пальбу. На разсвѣтѣ сѣдующаго дня грозная линія ихъ кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ тронулась на всѣхъ парусахъ. Увѣренные въ побѣдѣ османы съ презрѣніемъ смотрѣли на наши лодки, галеры, плувучія батареи. Принцъ Гассау открылъ огонь; правый флангъ флотиліи велъ контръ-адмиралъ Алоксіано. Черезъ часъ 70-пушечный турецкій корабль сѣлъ на мель, за нимъ другой, 80-ти-пушечный, подъ вымпеломъ адмирала. Гребная флотилія приблизилась, казаки дерзко бросились на-абордажъ. Изумленію турокъ не было предѣловъ, когда они увидѣли себя окруженными своими вѣковыми врагами. Ихъ непаність перешла въ ярость: долго, отчаянно защищались, но казацкая сабля взяла верхъ, какъ и въ былые годы. Въ то же время плувучія батареи, метавшія брандскутели и калопыя ядра, подождли нѣсколько другихъ судовъ, запылавшихъ въ огнѣ. Послѣ четырехъ-часового боя Гассау-паша приказалъ начать отступленіе: онъ потерялъ 2 тыс. убитыхъ; 1½ тыс. остались

въ плѣну. Въ этой битвѣ палъ кошевой «вѣрнаго» войска, храбрый атаманъ Сидоръ Бѣлый. Гребная флотилія пустилась преслѣдовать разбитаго непріятеля. Когда онъ проходилъ мимо Кинбурна, Суворовская батарея осыпала флотъ калеными ядрами: многія суда были взорваны, другія притоплены. Тутъ казаки, мстя за смерть любимаго кошевого, бросились на разстроеннаго непріятеля вторично и сократили его флотъ еще на половину; остальной разсѣяли въ жаркой погодѣ. Такимъ образомъ, почти весь турецкій флотъ, стоявшій подъ Очаковымъ, былъ уничтоженъ. За такія молодецкія дѣла казаки, въ числѣ прочихъ, получили благодарность главнокомандующаго. На мѣсто Бѣлаго, по ихъ желанію, былъ назначенъ Захаръ Алексѣевичъ Чепѣга, которому Потемкинъ подарилъ въ знакъ уваженія дорогую саблю.

Во время осады Очакова Гассанъ-паша вторично появился съ флотомъ, укрѣпиль близъ-лежащій островъ Березань, снабдилъ оттуда крѣпость продовольствіемъ и спокойно отплылъ въ Цареградъ. Укрѣпленіе сильно досаждало Потемкину.

— «Головатый, какъ бы взять Березань?» сказалъ онъ однажды начальнику своего конвоя.

— «Возьмемъ, ваша свѣтлость! А крестъ будетъ за то?» спросилъ хитро Головатый.

— «Будетъ, будетъ, только возьми», отвѣчалъ свѣтлѣйшій.

— «Чуемо», сказалъ Головатый и вышелъ отъ князя, какъ ни въ чемъ не бывало.

7 ноября, поутру, казаки поднялись къ острову, турки встрѣтили ихъ жестокимъ огнемъ съ береговыхъ батарей. Мужественно выдержавъ этотъ огонь, казаки сами сдѣлали залпъ, послѣ чего бросились въ воду и полѣзли на батареи съ быстротою кошекъ. Оторопѣлые турки перебѣжали въ укрѣпленіе, откуда сейчасъ же посыпалась картечь. Тогда казаки повернули противъ укрѣпленія турецкія же пушки, втащили еще свои и открыли настоящую канонаду. Все это было проделано такъ быстро, такъ умѣло, что турки совершенно растерялись. Завидя вдали движеніе нашихъ лодокъ и нѣсколькихъ фрегатовъ, они выкинули бѣлый флагъ. Побѣдители потеряли 29 чел.; зато взяли 320 плѣнныхъ, 23 орудія, 150 бочекъ пороху, большой запасъ хлѣба и нѣсколько знаменъ, за ко-

торыя Потемкинъ приказалъ выдать по 10 руб. за каждое. Фельдмаршалъ остался весьма доволенъ взятіемъ Березани. И дѣйствительно, глядя теперь на эту скалу, не знаешь чему дивиться—дерзости сѣчениковъ или природѣ турокъ такъ легко поддаваться страху?—Прежде всѣхъ явился къ Потемкину Головатый и, подходя, запѣлъ: «Кресту твоему поклоняемся, владыко», послѣ чего положилъ ему въ ноги ключи отъ крѣпости.—«Получишь, получишь», сказалъ ласково князь и на дѣлъ на него Георгія.

На Николая казаки участвовали въ общемъ штурмѣ Очакова и находились на правомъ крылѣ, вмѣстѣ съ донцами. Крѣпкій замокъ Гассанъ, какъ уже извѣстно, безъ труда перешелъ въ ихъ руки.

До какой степени вкоренилось между бывшими сѣчениками братство, и съ какимъ трудомъ они приспособлялись къ новымъ порядкамъ, доказываетъ слѣдующій случай, бывшій за время осады. Одинъ чиновный казакъ въ чемъ-то провинился, и когда свѣтлѣйшій объ этомъ узналъ, то приказалъ Головатому, который самъ же носилъ чинъ полковника, чтобы онъ отъ себя пожурилъ виновнаго. На другой день Головатый, являясь съ рапортомъ, доложилъ, что приказаніе его свѣтлости исполнено въ точности: «пожурили виновнаго по-своему».—«Какъ же вы его пожурили?» спросилъ князь.—«Какъ пожурили? А просто: положили, та кіями откатали такъ, что едва встать...»—«Какъ! Маіора? закричалъ свѣтлѣйшій: да какъ вы могли?...»—«Да и правду пасилу смогли, едва вчетверомъ повалили: не давался. Однако справились. А що за біда, що вигъ маіоръ? Маіорство его не при чему, воно за нимъ и осталось!»—За оказанныя въ этомъ году услуги войско, кромѣ Высочайшаго благоволенія, удостоилось получить наименованіе «Черноморскаго», названіе, которое оно носило со славою и честью 70 лѣтъ.

Черноморцы раздѣляли всѣ труды и походы, пока не кончилась турецкая война. Кошныя полки открывали движеніе неприятеля, доставляли въ опасныхъ мѣстахъ провіантъ и снаряды, держали пикеты, разъѣзды, а главное—служили арміи проводниками черезъ хорошо имъ знакомыя очаковскія степи. Пѣшіе казаки шныряли на своихъ лодкахъ вдоль морскаго побережья или въ камышахъ Дуная, открывали слѣды непріа-

теля, штурмовали его корабли и даже крѣпости. Такъ, при содѣйствіи черноморцевъ, были взяты Килія, замокъ Тульча, крѣпость Исакча. 18-го ноября 1790 года Дунайская флотилія, подъ начальствомъ Рибаса, приблизилась Килійскимъ гирломъ къ крѣпости Измаилу. Антоиъ Головатый съ 12 лансонами и казачьими лодками сталъ ниже крѣпости, а Рибасъ со своей флотиліей выше. На другой день обѣ флотиліи открыли канонаду по крѣпости и неприятельскимъ судамъ, а въ это время были заложены на островѣ Чаталь, какъ разъ противъ крѣпости, наши батареи. Передъ рѣшительнымъ сраженіемъ Антоиъ Головатый получилъ отъ Рибаса на свое судно брѣйдъ-вымпель, дабы «столь почетный командорскій знакъ служилъ вождю храбрыхъ моряковъ-черноморцевъ на казачьей флотиліи честью и славой».

Утромъ 20 ноября обѣ флотиліи, подъ прикрытіемъ огня своихъ батарей, смѣло подошли къ крѣпости на картечный выстрѣлъ и открыли жестокую канонаду. Въ то время, когда наши отважные моряки Ахметовъ и Поскочить громили турецкія суда подъ самымъ бастіономъ, Головатый набросился на ихъ флотилію: 90 судовъ погрузились въ воду или сторѣли подъ натискомъ «вѣрныхъ» черноморцевъ; турки потеряли въ этотъ день 118 орудій; ихъ флотъ пересталъ существовать, оставались сухопутныя твердыни, которыя довелось брать Суворову. Въ знаменитомъ штурмѣ участвовало болѣе 6 тыс. черноморцевъ. Во тьмѣ ночной тихо двигались на веслахъ впереди прочей флотиліи 145 лодокъ съ пѣхотой и черноморцами; за ними слѣдовала остальная флотилія — бригантины, шлюпки, пловучія батареи. Подъ градомъ ядеръ и картечи наши войска высадились на берегъ и тотчасъ принялись за разрушеніе неприятельскихъ батарей; потомъ, въ числѣ прочихъ колоннъ, черноморцы вступили въ городъ, при чемъ случайно наткнулись на Капланъ-Гирея, извѣстнаго татарскаго витязя. Окруженный татарами и турками, онъ накинулся на черноморцевъ, вмѣгъ отнял у нихъ двѣ пушки и готовъ былъ раздавить слабую колонну, если бы не выручили ее 3 батальона егерей. Съ превеликимъ трудомъ они осилили четырехтысячное скопище, на трупахъ котораго палъ самъ Капланъ, его пять сыновей и лучшіе наѣзники Крыма.

За доблестные подвиги вожди черноморцев удостоились Высочайшей награды: бригадиръ Чепѣга получилъ тогда Герогія 3-го класса, полковникъ Головатый—Владимира 3-й степени, есауль Кутина и писарь Котляревскій произведены въ полковники; кромѣ того, 500 черноморскихъ офицеровъ награждены слѣдующими чинами; всѣмъ войсковымъ чиновникамъ, наравнѣ съ офицерами арміи, пожалованы золотые знаки съ надписью: «за отмѣнную храбрость», а на другой сторонѣ: «Измаилъ взятъ 11 декабря 1790 года»;—казакамъ розданы серебряныя медали съ вензелемъ Императрицы, и также съ надписью: «За отличную храбрость при взятіи Измаила декабря 11-го 1790». Черноморцы, побывавши въ такой передрагѣ, довольно дешево отдѣлались: 500 убитыхъ и раненыхъ.

Еще въ началѣ этого года Потемкинъ получилъ отъ Императрицы слѣдующій рескриптъ: «Пріемля за благо ревностные труды ваши по устроенію войскъ казацкихъ, которыя въ теченіи настоящей съ турками войны не одинъ разъ на тверди и водахъ отличились усердіемъ и храбростью, Всемилостивѣйно соизволяемъ, чтобы вы, по главному надъ ними начальству, именовались великимъ Гетманомъ нашихъ казацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ и пребываемъ всегда вамъ Императорскою нашею милостью благосклонны».

Новый гетманъ отблагодарилъ черноморцевъ, какъ подобало его великому сану. Онъ назначилъ имъ подѣ поселеніе привольную землю между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ, по берегу Чернаго моря; кромѣ того, подарилъ имъ собственныя богатая рыбныя ловли на Тамани. Черноморцы начали было уже заселять вповѣ отведенную землю, при чемъ основали свой кошъ въ селеніи Слободзеѣ, какъ случилось большое несчастье: ихъ покровитель и защитникъ передъ трономъ, великій гетманъ внезапно скончался, не успѣвъ испросить Высочайшей грамоты на отведенную землю. Его смерть почти совпала съ окончаніемъ войны. Торжество военной славы омрачилось горестнымъ событіемъ, принятымъ близко къ сердцу. Заплакали черноморцы, напѣвая подѣ бандуру:

„Устань батьку, устань Грицьку!
Великій Гетьмане!“

Не всталъ гетмагъ на зовъ своего «вѣрнаго» и любимаго войска! Въ память его казаки изготовили большое бѣлое атласное знамя, которое и донынѣ хранится въ Екатеринодарскомъ войсковомъ соборѣ; его окружаютъ два голубыхъ знамени, сооруженныхъ въ томъ же году собственно для войска доблестнымъ кошевымъ Захаромъ Чепѣгой.

Не успѣли черноморцы опомниться, не только что обжиться или устроить свой бытъ, какъ получили приказаніе готовиться къ повому переселенію, на Кубань. вмѣстѣ съ тѣмъ пропали недобрые слухи, что казачій урядъ будетъ вовсе уничтоженъ, что изъ нихъ составятъ легкоконные полки, для охраненія Кубани, куда станутъ посылать ихъ по-очередно. Войско собралось на раду печальное, убитое; приговоръ рады былъ таковъ же: «Что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ». Однако они тотчасъ же выслали есаула Гулика для осмотра пожалованной земли, а въ то же время обрядили въ Петербургъ депутатовъ съ тѣмъ, чтобы они испросили грамоту на вѣчное владѣніе. Въ депутаты выбрали Головатаго, двухъ маіоровъ и 5 казаковъ.

Пока есауль Гуликъ странствовалъ по дикимъ пустырямъ Черноморья, Головатый съ товарищами распинались въ столицѣ за судьбу своего войска. Долго они не могли получить доступъ къ Императрицѣ. Вельможи пышнаго двора недоумѣвали, какъ можно ввести во дворецъ этихъ полудикихъ людей? Головы у нихъ бритыя, говорятъ они не по-людски, точно мычать, вмѣсто отвѣта: «Эгэ», «та ні», «а тожъ» — такихъ словъ, вѣдь, никто не пойметъ! Однако Головатый, благодаря старымъ знакомствамъ, добился, что приѣмъ депутаціи былъ назначенъ въ одно изъ воскресеній.

Наступилъ желанный день. Съѣхались во дворецъ придворные, чужеземные послапники, министры; съѣхался весь генералитетъ. Въ тропной залѣ чинно всѣ ожидали выхода Императрицы. Вдругъ входятъ въ залу черноморцы: впереди Головатый въ зеленомъ чекменѣ (бешметѣ), обшитомъ полковничьими галунами, въ бѣлой черкескѣ, широкихъ шароварахъ и въ красныхъ съ серебряными подковами сапогахъ. Весь обвѣшанный орденами, покручивая свои длинные усы, онъ сурово посмотрѣлъ на всѣхъ и сталъ на указанномъ мѣстѣ.

Обѣдья кончилась, говоръ въ залѣ утихъ, и вотъ Государыня величественно вступила между двумя рядами. Медленно и съ кроткой улыбкой она подошла къ черноморцамъ. Старый запорожець оживился, его глаза заблестали радостью; онъ громко и ясно произнесъ по-русски привѣтствіе отъ своего коша. Государыня ласково выслушала и подала ему руку. Головатый упалъ на колѣни, залился слезами, при чемъ троекратно облюбызалъ царскую руку. Государыня еще съ минуту простояла, потомъ удалась въ свои покои. Въ тотъ же день была объявлена воля Императрицы, чтобы Головатый подалъ записку о нуждахъ войска Черноморскаго. Записку сейчасъ составили и подали куда слѣдуетъ. Въ ней Головатый изобразилъ жалкое положеніе бывшихъ съчевниковъ, припущенныхъ послѣпно подниматься въ далекую окраину, распродавать скоть, свои убогіе пожитки, а надолго ли?—про то они не вѣдаютъ.

Пока записка ходила по рукамъ, Головатый проживалъ въ столицѣ. Всѣ знаменитые вельможи наперерывъ зазывали его къ себѣ на обѣды, на вечера, съ жадностью слушали его рассказы про Сѣчь, про нравы и обычаи запорожцевъ. Большинство русскихъ людей того времени признавало въ нихъ не больше какъ разбойниковъ, буйныхъ, непосѣдлыхъ. Часто Головатый бралъ съ собой бандуру и, по просьбѣ хозяевъ, пѣвалъ старыя казацкія пѣсни, то заунывныя, отъ которыхъ щемило сердце и наворачивались слезы, то разгульныя, отъ которыхъ кружилась голова, сами собой ходили ноги. Депутатовъ приглашали на всѣ придворныя празднества. Особенно ласково относился къ нимъ Великій Князь Константинъ Павловичъ. Однажды, проходя мимо Головатаго, онъ завертѣлъ пальцами, точно хотѣлъ завернуть за ухо чуприну, при чемъ спросилъ у него, отчего это черноморцы завертываютъ свою чуприну за лѣвое ухо.

— «Всѣ знаки достоинства и отличій, ваше высочество, какъ-то: сабля, шпага, ордена, носятя на лѣвомъ боку, то и чуприна, какъ знакъ удалства и храбрости, должна быть завернута за лѣвое ухо».

Императрица узнала, что Головатому хочется заглянуть въ ея комнаты, и тотчасъ приказала показать депутатамъ весь дворець, сверху до-низу. Когда ихъ ввели въ ея собственный

кабинетъ и показали на столъ, гдѣ пишеть Государыня, Головатый схватилъ поро, благоговѣнно его поцѣловаль и положи. обратнo на столъ.

30 іюня 1792 года въ Сенатѣ быль полученъ Высочайшій указъ, въ которомъ говорилось, что войску казачьему Черноморскому, собранному покойнымъ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ изъ вѣрныхъ казаковъ бывшей запорожской Сѣчи, дана жалованная грамота на островъ Фанагорію со всѣми угодьями и землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ. А въ грамотѣ, данной черноморцамъ, послѣ перечисленія ихъ боевыхъ заслугъ, было сказано, что «войску Черноморскому предложить бдѣнію и стража пограничнми отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ; на производство жалованна кошевому атаману, войсковымъ старшинамъ и прочіе по войску расходы повелѣвается отпускать по 20 тыс. рублѣй на годъ; предоставляется пользоваться свободною торговлею и вольною продажею вина на черноморскихъ земляхъ; равно впадающихъ въ погрѣшности судить и наказывать войсковому начальству, но важныхъ преступниковъ отсылать къ губернатору таврическому. Высочайшо жалуется знамя войсковое и литавры, кромѣ тѣхъ знаменъ, булавы, першачей и войсковой печати, которыя отъ покойнаго фельдмаршала, по волѣ Императрицы, уже войску доставлены».

Черезъ 2 недѣли депутаты прибыли въ Царское Село, во дворецъ, принести Государынѣ благодарность за ея великую милость къ войску Черноморскому. Головатый выступилъ впередъ и съ благоговѣніемъ произнесъ: «Всемилютейшій Государыня! Ты насъ пріяла яко матеръ. Мы воздвигнемъ грады, напомнимъ села и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ Тебѣ, любовь къ отечеству будутъ вѣчны, чему свидѣтель Всемогущій Богъ». — Допустивши къ рукѣ, Императрица пожаловала Головатому золотую шпагу, а всему войску на золоченомъ блюдѣ хлѣбъ-соль съ вызолоченой солонкой, украшенной двуглавымъ орломъ; всѣ остальные депутаты были награждены слѣдующими чинами, въ томъ числѣ и младшій сынъ Головатаго. Передъ отъѣздомъ изъ столицы имъ вручили Высочайшую грамоту въ богатомъ ковчегѣ, знамя, литавры, войсковую печать, а для кошеваго

саблю, усыпанную драгоценными камнями. Все это депутаты бережно уложили и повезли съ собой. Между тѣмъ конною отрядилъ пятисотенный конный отрядъ, который истрѣтилъ депутатовъ за 30 верстъ отъ Слободзеи.

По праздникъ Успенья собралось въ кошъ все «вѣрное» войско и построилось въ двѣ лавы, по обѣ стороны главной улицы. Около церкви стоялъ уже высокій помостъ, покрытый турецкими коврами, а на немъ столъ, прикрытый парчю для царскихъ подарковъ. По лѣвую сторону помоста стали полукругомъ старшины съ булавами, знаменами и значками; по правую — духовенство въ полномъ облаченіи. Кошовой Ченѣга и войсковою писарь ожидали на возвышеніи. Какъ только подѣхали депутаты, раздалась одинъ за другимъ три пушечныхъ выстрѣла, послѣ чего старшины вышли шавстрѣчу съ хлѣбомъ-солью отъ войска. Головатый, принявъ хлѣбъ-соль, пошелъ между лавами; передъ нимъ несли штабъ-офицеры Монаршіи хлѣбъ-соль, покрытый матеріею; самъ Головатый держалъ бандо съ грамотой; одинъ изъ его сыновей несъ письмо кошовому, другой — жалованную саблю. Все время падали изъ пушекъ. Но вотъ орудія замолкли, Головатый сталъ говорить привѣтствіе. Послѣ краткой рѣчи онъ передать кошовому по порядку всѣ Высочайшіе дары, послѣ чего препоясать его саблею. Кошевою поцѣловать хлѣбъ-соль, а грамоты передать войсковому писарю, который сейчасъ же ихъ прочесть во всеуслышаніе. Послѣ этого Ченѣга привѣтствовалъ отъ себя все войско, собранное на тотъ случай. — «Ой, спасибѣ жъ нашей матери, за ея милости», отвѣчали задушевно черноморцы. — Когда духовенство двинулось въ церковь, штабъ-офицеры понесли столъ съ подарками и поставили его передъ иконою Спасителя. Екатеринославскій архіепископъ Амвросій началъ божественную литургію, послѣ которой былъ торжественно отслуженъ молебенъ съ многолѣтіемъ, при звогѣ колоколовъ, учащенной пальбѣ изъ пушекъ и ружей. Изъ церкви царскіе дары отнесли въ домъ кошевого, гдѣ Монаршіи хлѣбъ раздѣлили на 4 части: одну назначили положить въ войсковую церковь, другую отправить на Тамань, товарищамъ, третью раздѣлить по полкамъ, а четвертую оставить на столѣ у кошевого. Тутъ же пили старшины царское здоровье. Часть го-

стей осталась обѣдать у него, другая отправилась къ Головатому, неся съ большой церемоніей остатокъ царскаго хлѣба. И тутъ, и тамъ долго гуляли, по старому казацкому обычаю, какъ въ бывшее время гуляли запорожцы въ своей Сѣчи.

Еще до прибытія Головатата войско вырядило на Тамань пѣшихъ казаковъ, которые отплыли въ числѣ 4 тысячи, подъ командой полковника Саввы Вѣлаго; черезъ двѣ недѣли послѣ войсковаго праздника выступилъ и кошовый съ пятью полками, со всѣмъ штабомъ и обозомъ; два полка были пока оставлены на мѣстѣ. Въ концѣ октября, поздней осенью, приплыли казаки къ границамъ Черноморья, на р. Ею, изгнуренные долгимъ и труднымъ походомъ. Здѣсь они перезимовали, а въ слѣдующемъ году окончательно заняли всю кубанскую границу. Искорѣ подошолъ и Головатый съ обоими полками и съ семействами переселенцевъ. На первыхъ порахъ жутко показалось черноморцамъ: край новый, совсѣмъ имъ незнакомый; земля необитаема, со многими заросшими камышемъ рѣчками и болотами. Люди, не находя нигдѣ пріюта, зарывались въ землѣ и въ этихъ мрачныхъ, сырыхъ убѣжищахъ проводили зиму и лѣто. Надо было приложить много труда, чтобы оживить мертвую пустыню, а черноморцы пришли, можно сказать, съ голыми руками; у кого было какое хозяйство, бросили на мѣстѣ, за невозможностью поднять. Но сюда явились особые люди, черпавшіе силу въ тѣсномъ, неразрывномъ братствѣ. Оно ихъ выручало въ бывшие годы, ради него они бросили родныя степи, насѣженные вѣками мѣста. И тутъ оно сослужило свою службу. Черноморцы заселили необитаемый край хуторами и куренями (станциями), воздѣляли землю, развели сады, нчель, насыпали запруды, устроили мельницы, поставили храмы Божіи, оградилъ Кубань пикетами и на долгіе годы стали вѣрными стражами далекой окраины. Въ Карасунскомъ кутѣ, близъ Кубани, черноморское войско основало городъ Екатеринодаръ, въ память своей благодѣтельницы. По примѣру запорожскаго коша, здѣсь была построена крѣпость и по сѣчевому уставу курени, или казармы, для помѣщенія бездомнаго товариства; среди крѣпости поставили Свято-Троицкую походную церковь, гдѣ нынѣ возвышается недавно отстроенная камешная; 38 станицъ, разбросанныхъ по Кубан-

ской землѣ, получили названіе запорожскихъ куреней, а два прибавлены вновь: Екатериновскій — въ честь Императрицы и Березанскій — въ память славнаго подвига. Надъ лиманомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Лобязяго, черноморцы основали обитель, преимущественно для своей же братіи изъ казаковъ. Въ этотъ монастырь перешла большая часть ризницы изъ Покровской церкви, что была на Сѣчи, и изъ Кіевскаго Можгорскаго монастыря, содержимаго на средства коша. Мирное заселеніе края и его обогащеніе поднималось медленно, не такъ скоро, какъ сказывается. Прошли не годы, а десятки лѣтъ, пока луга покрылись стадами барановъ или скота, зацвѣли сады, зашумѣли водяныя мельницы, укрѣпились станицы, зазвонили въ храмахъ колокола. Переселенцы явились сюда въ числѣ 17 тыс., но многіе изъ нихъ не переносили болѣзней, неизбежныхъ въ странѣ болотъ и частыхъ тумановъ. Пока одни устраивались, другіе день и ночь стояли на кордонахъ вдоль Кубани.

«Кубань! Кубань! Сколько на рубежѣ твоёмъ провели черноморцы безсонныхъ ночей! Сколько пролито казачьей крови на защиту края!..» восклицаетъ черноморецъ, описавшій судьбы своей родины.

II.

Черноморская Кордонная Линія.

о излучинахъ Кубани, отъ Воронежскаго редута внизъ до Бугаза, почти на 300 верстъ длиною, Чепѣга поставилъ рядъ кордоновъ, получившихъ названіе Черноморской Кордонной Линіи. Въ верхніе кордоны Чепѣга ставилъ отъ 50 до 60 казаковъ, при старшигѣ, а въ нижніе—отъ 25 до 30 чел. Кордоны окапывались глубокимъ рвомъ, съ бастіонами, обсаженными колючимъ терновникомъ; внутри ставили жилье для людей и навѣсы для лошадей. Между кордонами въ болѣе опасныхъ мѣстахъ насыпали батареи и ставили пикеты. Батареи—это были тѣ же кордоны, только вооруженные пушками; что касается «бикетовъ», то они были гораздо меньше, на 8—10 защитниковъ, и походили на круглыя, точно врытыя

въ землю корзинны, окруженная небольшимъ ровикомъ. Надъ каждымъ изъ названныхъ укрѣпленій возвышалась на четырехъ подпоркахъ такъ называемая «вышка». Посрединѣ ея камышевой крыши, подобранной сверху пучкомъ, торчалъ шпиль съ перекладной. На обоихъ концахъ перекладины качались плетеные шары, въ родѣ коромысла съ ведрами. Это вѣстники тревоги, «маякъ», какъ его называли казаки. Когда сторожевой увидитъ съ вышки непріятеля, онъ кричитъ: «Черкесы! Богъ съ вами!» — «Маякъ же, небоже!» отвѣчали ему внизу. Шары поднимались вверхъ: они «маячили» тревогу. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленія врывалась въ землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сѣномъ и извѣстная подъ именемъ «фигуры». Если въ темную ночь непріятель прорвалъ гдѣ-нибудь Линію, прежде всего загорались «фигуры», проливая багровый свѣтъ по берегу. Учащенные выстрѣлы, топотъ коней, крики, ревъ быковъ, бляеніе баранты — вотъ признаки ночной тревоги. И часто на зеленомъ холмѣ, возмѣ «фигуры», стоятъ покачивувшись крестъ: то палъ въ одиночномъ бою постовой казакъ. На всомъ длинномъ протяженіи Кордонной Линіи раскинулись плавни и болота, покрытыя непрогляднымъ лѣсомъ камыша, скрывавшимъ въ своихъ трупцахъ дикаго кабана. Воздухъ пахнетъ гнилью; мириады комаровъ и мошекъ посяютъ тучами, не щадя ничего живаго. Въ такомъ то краю проводили черноморцы жизнь, въ трудѣ, лишенияхъ, вѣчной опаскѣ. Пластуны въ своихъ поискахъ за черкесомъ рыскали по плавнямъ, гдѣ на каждомъ шагу патыкались на дикихъ звѣрей, угрожавшихъ страшными клыками. Бывали случаи, что храбрцы, обознавшись, стрѣляли другъ въ друга. А сколько было тамъ потрачено удалства, хитрости, терпѣнія — про то вѣдаетъ лишь мать сыра-земля, сокрывшая ихъ кости!

По ту сторону Кубани жили горскіе народы разнаго наименованія: шапсуги, бжедухи, абазинцы, нахтухайцы и др. Всѣ они признавали своимъ верховнымъ повелителемъ турецкаго султана, владѣвшаго тогда Анапой. Анапскому пашѣ было поручено наблюдать и управлять черкесскими народами. Однако горцы были послушны только тогда, когда паша прищмалъ ихъ сторону или же явно поощрялъ вражду къ рус-

скимъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они дѣлали, что хотѣли. До переселенія войска закубанскіе горцы привыкли пользоваться лугами и пашнями по сю сторону Кубани; даже временно здѣсь проживали. Съ прибытіемъ русскихъ черкесы собрали свой хлѣбъ, забрали хозяйство и ушли безъ всякой вражды. Первое время сосѣди жили какъ будто въ ладу. Черкесскіе князья частенько наѣзжали въ Екатеринодаръ, гдѣ всегда находили радушную встрѣчу. Они толковали, какъ бы лучше сохранить миръ, «кунакались», пили, ѣли, послѣ чего возвращались довольные къ себѣ въ горы. Многіе князья напращивались въ русское подданство, клялись соблюдать вѣрность, бывали даже случаи переселенія цѣлаго племени, только все это продолжалось не долго. Отчасти природное хищничество, старая привычка пощипать сосѣда, отчасти подстрекательства турокъ вызывали частые набѣги закубанцевъ, отчего жизнь въ Черноморіи рано сложилась на военную ногу. Особые вооруженные отряды охраняли всю ночь станицы; всѣ находившіеся въ пути еще до солпечнаго заката собирались подъ защиту ближайшаго кордона; пограничные поселенцы ходили не иначе, какъ вооруженные съ головы до ногъ. Въ темныя пепастныя ночи, пробирался между нашими секретами, черкесы воровали скоть, уводили плѣнныхъ, увѣчили, мучили несчастныя жертвы. Бывали примѣры, что, подрѣзавъ плѣннымъ жилы, бросали ихъ въ плавняхъ на съѣденіе комаровъ, а кого уводили въ горы, того ожидало мучительное рабство. Кордонная служба съ каждымъ годомъ становилась все труднѣе и труднѣе: болѣе опасные кордоны пришлось усилить до 200 защитниковъ; во многихъ мѣстахъ насыпали новыя батареи, увеличили число пикетовъ. Съ первымъ свѣтомъ дня сторожевой поднимался на вышку, откуда зорко глядѣлъ на Кубань. Когда же наступали сумерки, спѣшенные казаки расходились съ цостовъ и украдкой залегали берегъ въ опасныхъ мѣстахъ, по 2—3 чел. вмѣстѣ. Это «залога». Казаки, оставшіеся на постахъ, держали лошадей въ сѣдлѣ, чтобы по первому выстрѣлу скакать сломя голову, куда призоветъ опасность. Кромѣ того, вдоль Липи, по прибрежнымъ тропинкамъ, или «стежкамъ», сновали копные разбѣды. Стежки прокладывались по мѣстамъ скрытымъ, между кустарникомъ,

камышомъ. Разъѣздамъ дѣлали частую смѣну, потому что горцы имѣли обыкновеніе подстергать на засадахъ. Перекинуть черезъ стежку арканъ либо лозу, пропустить мимо себя разъѣздъ, потомъ гикнуть и гонять на арканъ, отчего всадникъ съ лошадыю падаютъ на землю. Послѣ такихъ случаевъ казаки стали ѣздить гуськомъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Последний разъѣздъ снималъ залогъ, но въ сильные туманы залога не снималась вовсе, разъѣзды ходили до полудня. Зимой, когда Кубань покрывалась льдомъ и можно было ожидать нападенія въ большихъ размѣрахъ, пѣшія залогі замѣнялись усиленными разъѣздами.

Ни темень, ни вьюга, ни стужа — ничто не избавляло казаковъ отъ трудностей кордонной службы. На кордонѣ хоть бывало жимье, сходились люди, дымилась труба — можно отогрѣться, отвести въ бесѣдѣ душу. Но вотъ вернулъ изъ поиска казакъ на свой пикетъ, гдѣ нѣтъ другаго пріюта, кромѣ шалаша: разведетъ огонекъ, подсядетъ мрачный, съ тяжелой думой, съ морщинами на лбу. Онъ голоденъ, усталъ, продрогъ. Хорошо еще, если подойдетъ коть да замурлычить, тогда морщины на лбу расправятся, вспомнить родную семью, ему станетъ легче, онъ гладитъ кота по шерсткѣ... Черноморцы умѣли держаться противъ непріятеля даже въ этихъ корзинахъ, которыя назывались «бикетами». Приказный Сура съ десятью товарищами долго отбивался отъ скопича шапсуговъ, пробравшагося на разгромъ Полтавскаго куреня. Казаки не обращали вниманія на обычное приглашеніе горцевъ: «Эй, Иванъ, гайда за Кубань!» и мѣткими залпами осаживали толпу при каждомъ ея патискѣ. Они не только отбились, но спасли Полтавскій курень. Послѣ того черкесы перестали нападать на пикеты, а, пускаясь въ набѣгъ, оставляли небольшія партіи для наблюденія, чтобы казаки не могли оповѣстить сосѣдніе кордоны.

На первыхъ порахъ своего водворенія черноморцы имѣли право только защищаться, прогонять хищниковъ обратно, но самимъ ходить въ горы для наказанія или возвращенія своего добра строго запрещалось. Какъ Императрица, такъ и ея ближайшіе преемники, Императоры Павелъ, Александръ I, желали тишины, поддержанія сосѣдской дружбы. Однако кро-

тость и уступчивость не повели ни къ чему, дерзость горцевъ только возрастала: азіаты повинуются лишь страху, уважаютъ только силу. Едва было снято запрещеніе, связывавшее насъ по рукамъ и по ногамъ, началась война, война безпощадная: черноморцы мстятъ за каждый набѣгъ; они вносятъ мечъ и огонь въ горныя аулы, въ неприступныя лѣсныя труппы, казнятъ хищниковъ, возвращаютъ добычу, предають пламени ихъ запасы и селитбы, послѣ чего отходятъ къ себѣ за Кубань. На короткое время водворялась тишина, черноморцы отдыхали. Теперь горцы, въ свою очередь, собираются въ силы, переходятъ цѣлыми отрядами Кубань, нападаютъ на станицы, на кордоны, гдѣ творятъ то же самое; встрѣтившись съ казаками, грудь съ грудью, бьются на смерть. И такъ—изъ года въ годъ, десятки лѣтъ тревожной боевой жизни, пока черкесы не покинули Кавказъ. Для усиленія Линіи назначались егерскіе полки. Соединенныя дружины егерей и черноморцевъ много разъ водилъ преемникъ Чепѣги атаманъ Бурсакъ; пмя его стало грозой въ горахъ Кавказа.

Однажды, по веспѣ 1809 года, вышковой Новоигорьевскаго кордона замѣтилъ, будто въ плавнѣ что-то зашумѣло, о чемъ дать знать постовому начальнику сотнику Пахитонову. Послѣдній тотчасъ выступилъ на встрѣчу черкесамъ и сдѣлать уже нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, оповѣщая тѣмъ сосѣднія станицы, но потомъ, переговора съ вышковымъ, вернулся на постъ. Черкесовъ пороправилось около 2 тыс., а казаковъ и солдатъ считалось только сто. Несмотря на свою малочисленность, защитники такъ удачно отбивались картечью, что непріятель продержался не болѣе получаса, послѣ чего отступилъ, потерявши около сотни раненыхъ и много убитыхъ. Пахитоновъ со своей слабой командой пустился преслѣдовать; сначала горцы отступали, потомъ, получивъ изъ-за Кубани подкрѣпленіе, дружно, какъ одинъ, бросились въ шашки. Пахитоновъ былъ раненъ, казаки и артиллерійская прислуга перебиты. Изъ артиллеристовъ осталось только двое: одному пуля угодила въ сумку съ зарядами, отчего произошелъ взрывъ, растерзавшій калюшника; другой лишился чувствъ. Лишь только артиллерія замолкла, горцы обскакали фланги и теперь уже смѣло врубались въ ряды. Они отбили пушку, сбили казаковъ,

вязали плѣнныхъ. Правда, около 2-хъ сотенъ черкесовъ пало на штыкахъ и пикахъ, но нашихъ-то уцѣлѣло всего 25 человекъ, успѣвшихъ добѣжать до кордона. Пахитоновъ остался подъ стѣнами; команду принялъ штабсъ-капитанъ Фетисовъ. Всѣ уцѣлѣвшіе засѣли теперь съ ружьями въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ; они еще надѣялись отстоять свое послѣднее убѣжище. Тогда черкесы перебросили въ кордонъ кучи зажженного навоза, отъ котораго загорѣлись постройки, и пожаръ распространился по всему кордону. При видѣ такой бѣды, Фетисовъ собралъ свою команду и объявилъ слѣдующее: «Братцы! Теперь все равно погибать — отъ огня ли, отъ неприятеля. Спасайтесь, кто куда потрафить!» Растворили каплитки, бросились изъ кордона, но лишь тремъ казакамъ да двумъ солдатамъ удалось какъ-то въ дыму проскочить къ обрыву, откуда они бросились прямо въ Кубань. Всѣ прочіе попали въ неволю. Новогеоргиевскій постъ былъ разграбленъ и сожженъ. Черкесы разнесли по горамъ вѣсть о взятіи кордона, съ пушкой, съ артиллерійскими запасами и уже мечтали разорить всю Черноморію. Чтобы посбавить у нихъ слѣси, ровно черезъ мѣсяць пятитысячный отрядъ подъ начальствомъ атамана Бурсака перешелъ на тотъ берегъ у Александровскаго поста. Тутъ находились конные и пѣшіе полки черноморцевъ при 6 орудіяхъ, батальонъ егерей и гарнизонная рота. На пути къ рѣчкамъ Шедуккѣ и Маттѣ атаманъ сжегъ нѣсколько ауловъ измѣнника Баты, много разъ клявшагося въ преданности Россіи. Жители удалились въ горы. Сначала черкесы вовсе не показывались, но дальше, пользуясь лѣсной мѣстностью, стали появляться партіями, около 500 чел. каждая. Бурсакъ шелъ впередъ, пролагая путь пушечными выстрѣлами. Огнь безъ пощадъ разорялъ аулы и жегъ всѣ притоны. Когда отрядъ уперся въ дремучіе, непроходимые лѣса, атаманъ остановился на ночлегъ. Горцы собрались уже въ числѣ двухъ тысячъ; ихъ удерживали на должномъ разстояніи лишь пушечнымъ огнемъ. На другой день Бурсакъ опять вступилъ въ землю Баты. 18 ауловъ поплатились за гибель Новогеоргиевскаго поста. Множество хуторовъ, пасѣкъ, запасы хлѣба, сѣна — все было истреблено, до основанія. Черкесы потеряли въ схваткахъ болѣе 500 убитыхъ и до 300 раненыхъ. Отрядъ

возвращаясь обремененный добычей; казаки гнали стада быковъ, тысячи барановъ.

Въ томъ же году прибылъ въ Черноморію Новороссійскій губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье, извѣстный устроитель города Одессы. Онъ надѣялся привлечь на свою сторону горцевъ мирными переговорами, для чего были вызваны въ Екатеринодаръ всѣ знатнѣйшіе закубанскіе владѣльцы. Генераль уговаривалъ ихъ жить въ дружбѣ съ черноморцами, угощалъ, дарилъ цѣнными подарками, деньгами, и князя на все соглашались, пока ѣли и пили; вернувшись же за Кубань, ничего не исполнили. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ подобрали 3 сотни самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, прокрались возлѣ Петровскаго поста, гдѣ неподалеку засѣли въ топкихъ болотахъ ждать проѣзда генерала. Конечно, приманкою служилъ богатый выкупъ за щедраго вельможу. Къ счастью, постовой начальникъ, есаулъ Иваненко, во-время провѣдалъ ихъ коварный умыселъ. Съ командой отборныхъ казаковъ, съ пушкой, онъ подошелъ къ мѣсту засады и послѣ залпа бросился на «ура!» Черкесы сразу побѣжали. Отважный сотникъ ринулся въ погоню, при чемъ захватилъ въ плѣнъ четырехъ шѣздниковъ. Всѣ 60 казаковъ получили отъ Государя по серебряному рублю, а Иваненкъ далъ крестъ. Въ память этого событія насыпали въ томъ мѣстѣ батарею, названную по имени генерала Емануиловскою.

Въ началѣ слѣдующаго 1810 года, вблизи Ольгина поста, вторгнулись въ предѣлы Черноморіи 4 тысячи горцевъ подъ начальствомъ самыхъ именитыхъ князей. Они раздѣлились по значкамъ на четыре партіи; пѣшіе стали по кордонамъ, конные понеслись грабить станицы. Полковникъ Тиховскій разослалъ во всѣ концы гонцовъ съ вѣстью объ опасности и въ то же время вырядилъ особаго гонца къ атаману. Этому послѣднему только и удалось добраться, потому что всѣ дороги оказались перехвачены. Однако въ Ивановской станицѣ майоръ Бахмановъ успѣлъ собрать жителей и сюю небольшую регулярную команду. Горцы бросились поджигать дома; Бахмановъ дружнымъ ударомъ въ штыки заставилъ ихъ ретироваться и даже преслѣдовалъ огнемъ.

Между тѣмъ, Тиховскій, видя, что предстоитъ разореніе

всего края, посѣпно выступилъ противъ остальнаго скопища со всей своей командой; къ нему присоединился есаулъ Гаджановъ, прискакавшій на помощь съ Ново-Екатериинскаго поста. Черкесы тотчасъ же атаквали небольшой конный отрядъ, состоявшій всего-то изъ 200 всадниковъ. Тиховскій, не въ первый разъ встрѣчавшій враговъ грудью, спѣшился; бывшее съ нимъ орудіе дало подъ-рядъ 3 картечныхъ выстрѣла. Черкесы, не ждавшіе такого отпора, стали посѣпно подбирать убитыхъ, съ намѣреніемъ уходить, но въ это время перебежали Кубань пѣшіе резервы. Бой закипѣлъ снова, упорный, кровопролитный. Пѣшіе черкесы то изводили огнемъ, то кидались въ пашки, селясь раздавить кучку казаковъ. Послѣдніе чередовались черезъ ружье: убійственнымъ мѣткимъ огнемъ они сокращали число враговъ; картечь рвала толпу на куски. Прошелъ часъ, другой, третій — казалось, никакія силы не могли разорвать тѣсное кольцо людей, готовыхъ умереть. На исходѣ четвертаго черкесы утомились, потеряли много убитыхъ; надежда на успѣхъ пропала. Они вторично приступили къ уборкѣ тѣлъ, какъ тутъ подскочила къ нимъ на помощь конная партія, отбитая маіоромъ Бахмановымъ. У черноморцевъ опустились руки. Артиллерійскіе снаряды вышли, патроны были на исходѣ; почти половина казаковъ лежали ничеомъ, безъ движенія, остальные теряли силы; кто молча истокалъ кровью, кто громко призывалъ смерть. Несмотря на то, слабые остатки жизни вызвали послѣдній подвигъ. Полковникъ Тиховскій при помощи Гаджанова поднялся съ трудомъ на ноги, одушевилъ казаковъ и ударилъ съ ними «въ ратища». Черкесы, выдержавъ отчаянный напоръ, приняли ихъ въ пашки. Тогда весь израненный, собравъ послѣднія силы, Тиховскій ринулся съ уцѣлѣвшими казаками на проломъ. Разрубленный горцами, огъ палъ на полѣ чести, рядомъ съ нимъ его ибрыные сподвижники, заплатившіе своею жлзнью за спасеніе края. Ихъ оказалось 140, кромѣ двухъ хорунжихъ и четырехъ есауловъ. Есаулъ Гаджановъ съ 16 казаками, пользуясь темнотою ночи, успѣли скрыться, но большая ихъ часть перемерла послѣ, отъ ранъ; всѣ же остальные, съ пушкой, уведены въ горы. Кромѣ того, изъ станицъ было увлечено тогда 50 плѣнныхъ, захвачено 2 тыс. рогатаго скота, 1¹/₂ тыс.

овецъ, сотня лошадей. Но и черкесамъ не дешево обошелся этотъ набѣгъ: они покинули на мѣстѣ болѣе 500 убитыхъ, а сколько увезли съ собой, осталось неизвѣстнымъ. На мѣсто кроваваго побоища прискакали изъ Мышастовской станицы есаулъ Голубь, но все ужъ было кончено: мѣсяцъ освѣщать изрубленные трупы, тихо струилась по талому льду человѣческая кровь, смѣшиваясь съ грязью, а тамъ, къ сторонѣ рѣки, раздавался глухой конскій топотъ, прерываемый по временамъ ревомъ упрямыхъ быковъ, подгоняемыхъ ударами пашекъ. Нынче это мѣсто украсено памятникомъ.

Жестоко отомстили Бурсакъ за кровь черноморскую, за разрушеніе мирныхъ селитьбъ. Ровно черезъ 4 недѣли онъ былъ ужъ за Кубанью, въ землѣ черченейцевъ и абадзеховъ. Занявъ оба берега рѣки Супъ, онъ отправилъ отсюда одну колонну вправо, другую самъ повелъ влѣво. Въ 6 часовъ утра обѣ колонны вступили въ дѣло. Застигнутые врасплохъ, горцы защищались отчаянно; тѣ же, которые не успѣли вооружиться, спасались въ бродъ черезъ рѣчку. Ожесточились казаки. Они рубили враговъ, невзирая ни на полъ, ни на возрастъ. Бурсаку едва удалось спасти въ плывшихъ аулахъ 14 мужчинъ и 24 женщины. Мѣдная посуда, турецкія ткани, бумажный холстъ, оружіе, рогатый скотъ, овцы, лошади—были забраны казаками; все остальное предано безпощадному огню. Когда казаки выючили добычу, кругомъ все пылало, горцы бѣжали въ лѣса. Потеря казаковъ въ этомъ дѣлѣ была ничтожная, а добыча велика. Изъ нея Бурсакъ выбралъ богатый лукъ со стрѣлами въ колчанѣ и отличное ружье въ подарокъ Дюкде-Ришелье.

16 лѣтъ атаманствовалъ Федоръ Яковлевичъ Бурсакъ. Много добра онъ сдѣлалъ родному краю, который любитъ какъ отецъ и устроилъ какъ мудрый хозяинъ. Богатырскаго роста, величавый и степенный, Бурсакъ, несмотря на свои преклонные годы, казался лѣтъ на 20 моложе, еще когда онъ гнулъ подковы и свалилъ однажды разъяренного быка. Подобно всемъ именитымъ украинцамъ того вѣка, атаманъ жилъ въ простотѣ, строго соблюдая обычай старо-казацкаго быта, особенно по части гостепримства. Герцогъ Ришелье при посвѣщеніи Екатеринодара долженъ былъ два раза садиться за столъ,

при чемъ гости, особенно французы, непривыкшіе къ малорусскому хлѣбосольтву, высиживали за обѣдомъ и за ужинномъ по три часа. По обычаю, гостей обносили каждымъ кушаньемъ три раза; по третьему разу хозяинъ возглашалъ: «Во славу Святыя Троицы!» Въ эту минуту раздавались одинъ за другимъ три пушечныхъ выстрѣла, за которыми слѣдовало громовое «ура»: то кричали казаки, выстроенные передъ домомъ атамана. На сонъ грядущій гости, по примѣру хозяина, выпивали по 3 стакана чаю и по столько же рому. Однажды за обѣдомъ герцогъ спросилъ: «Атаманъ, сколько у васъ дѣтей?» — Бурсакъ меньше всего думалъ о дѣлахъ домашнихъ. — «Трофимъ, спросилъ онъ у казака, стоявшаго за его стуломъ: сколько у меня дѣтей?» — «Одиннадцать дітокъ, пане атамане», отвѣтилъ казакъ. — «Всѣ мальчики?» продолжалъ допрашивать Ришелье, едва удерживая смѣхъ. — «Трофимъ, сколько у меня дочерей?» — «Четверо дѣвчатъ, батьку», отвѣчалъ невозмутимо сѣдой черноморецъ. Атаманъ получилъ прозвище Бурсака потому, что обучался въ Кіевской бурсѣ. Своими частыми походами за Кубань онъ такъ принудилъ горцевъ просить мира. Правда, миръ былъ не прочень, не долго онъ продолжался, но все же казаки имѣли время хоть вздохнуть, сберечь лишняго кормильца семьѣ. А люди въ ту пору были дороги: обширный край еще пустовалъ. Въ закубанскихъ походахъ участвовали почти всѣ казаки, способные носить оружіе; по хуторамъ и станицамъ оставались лишь малолѣтки съ мамками да сестренками. Богатая земля лежала итуне. Въ 1820 году на помощь черноморцамъ явилось 25 тыс. малороссійскихъ казаковъ. Эти бѣдняки пришли съ пустыми руками, голодные и заморенные. Но въ самое короткое время черноморцы собрали въ ихъ пользу большой по тогдашнему времени капиталъ, подѣлились хлѣбомъ, скотомъ, лошадьми, овцами, всѣмъ, что сами имѣли, что только могли удѣлить изъ своихъ скудныхъ достатковъ. Часть переселенцевъ осѣла на Кордоной Днищ, котормя по приказанію Ермолова стала въ ту пору заселяться станицами. Здѣсь и земля была лучше, тутъ ловилась рыба, воделся звѣрь и птица. Такъ какъ переселенцы получали на 2 года льготу, то многіе изъ черноморцевъ охотно выселялись на Днищю. Чтобы лучше обезопасить эти селитбы

отъ нечаянныхъ набѣговъ; поселенцамъ разрѣшили рубить на той сторонѣ лѣсъ, изъ котораго они ставили свои первыя постройки.

Дѣла на Кордонной Линіи замѣтно улучшились съ назначеніемъ ея начальникомъ донскаго войска генерала Власова. Бдительный неутомимый и отважный; онъ напомнилъ черноморцамъ времена первыхъ кошевыхъ—Чепѣги, Бурсака, когда врагъ чуялъ казацкую силу и съ трепетомъ ждалъ расправы за каждую учиненную имъ на Линіи пакость. Дошло до свѣдѣнія Власова, что турецкій султанъ прислалъ въ Анапу судно съ товарами и деньгами. Горскіе князья разгласили въ горахъ, что у нихъ есть султанскій фирманъ, призывающій всѣхъ правовѣрныхъ на борьбу съ гяурами, что въ Анапу назначенъ новый паша съ войсками, и что война уже объявлена. За Кубанью охотно вѣрили самымъ нелѣпымъ слухамъ, особенно буйныя головы. Огромное скопиче придвинулось къ Кубани. На другой день послѣ Покрова 1821 г. передовые прискакали на Петровскій постъ съ извѣстіемъ, что непріятель подошелъ къ Давыдовкѣ. Власовъ, который случился въ это время на посту, собралъ все, что было подъ рукой: 600 конныхъ и 65 пѣшихъ казаковъ. Поздно вечеромъ, въ бурную осеннюю погоду, Власовъ выступилъ съ отрядомъ, выслѣдилъ переправу и пропустилъ партію мимо. Горцы пошли на хутора, стоявшіе за 15—30 верстъ. Какъ только направленіе непріятеля обозначилось, Власовъ послалъ вслѣдъ ему сначала одну небольшую команду, потомъ другую, подъ начальствомъ есаула Загѣскаго. Казаки повели дѣло отлично, занявши непріятеля ружейной пальбой. Тутъ подоспѣла на помощь еще одна сотня съ орудіемъ изъ Славянскаго поста. Власовъ послалъ и се вслѣдъ черкесамъ. Только что грянула отъ нихъ пушка, какъ въ ту же мшуту запылали по Линіи маяки, раздалась перекатомъ выстрѣлы, означавшіе тревогу. Горцы, не понимая въ чемъ дѣло, оторопѣли. Въ темнотѣ, на далекомъ разстояніи и за спиной пылали огни, палили пушки, трещали ружья. Шашуги совсѣмъ струсили. Напрасно старшины пытались ихъ уговорить. Они повернули назадъ къ Кубани, но тутъ ждала ихъ облава: прямо въ лицо выпалила имъ картечью пушка, поставленная при дорогѣ; они отхлынули влѣво—тутъ съ двумя

орудіями встрѣтилъ ихъ Власовъ: опять залпъ картечи. Тогда горцы, потерявъ надежду пробиться, бросились вразсыпную. Власовъ неся наперерѣвъ, двинувъ главный отрядъ слѣва, такъ что горцамъ оставалось спастись въ пропойный Калаускій лиманъ. Покуда было можно, казаки гнали ихъ, рубили шапками, пронизывали пиками; тѣ, которымъ удалось скрыться, погибли большею частью въ болотѣ, вмѣстѣ съ лошадьми. По собственному сознанію шапсуговъ, они потеряли болѣе тысячи воиновъ и 20 князей. Казакамъ досталось въ добычу 500 лошадей, множество прекраснаго оружія, 2 значка. И по сю пору жители находятъ въ болотахъ черкесскія шапки и панцири. Императоръ Александръ I пожаловалъ Власову орденъ св. Владиміра 2-го класса; а войско черноморское поднесло ему оправленную въ золото саблю, на клинкѣ которой была изображена Калауская битва. Войсковой старшина Журавскій, начальникъ Петровскаго поста, и есаулъ Залѣскій получили также Владимірскіе кресты.

Съ тѣхъ поръ прошло 75 лѣтъ; замолкъ громъ оружія на Кубани, край умиротворился, но многіе горцы и донцы вспоминаютъ въ заунывной пѣснѣ Калаускую битву. Упавшіе духомъ черноморцы ободрились. Власовъ жилъ, точнѣе сказать, скитался по Кордошней Линіи. Едва онъ узнавалъ о сборищѣ, то не дожидаясь, пока оно явится, самъ переходилъ Кубань и вызывалъ его на бой или продавалъ пламени аулы безпокойныхъ. Бывали случаи, что партія уходила отъ него и наткнулась на него вторично. Русскіе отряды бороздили въ ненастную осень и въ суровую зиму по закубанскому краю. Въ пылавшихъ селеніяхъ черкесы гибли сотнями—или отъ огня, или отъ казацкаго оружія; нерѣдко женщины, предпочитая смерть неволѣ, бросались въ бурные потоки. Кромѣ множества плѣнныхъ, преимущественно изъ племени абадзеховъ и шапсуговъ, войска загоняли цѣлыми тысячами стада, вывозили цѣнное имущество, состоявшее изъ дорогой посуды, шелковыхъ одеждъ, турецкихъ матерій, наряднаго оружія, богатой конской сбруи, щегольской одежды, панцирей, превосходныхъ аргамарковъ—все это шло на поправленіе домашняго хозяйства обдѣнанныхъ казаковъ. Власовъ всю военную добычу отдавалъ казакамъ. Однажды онъ разыскалъ въ аулѣ мѣдную шестифун-

товую пушку турецкаго издѣлія; она хранится цопынгѣ, какъ диковинка, въ войсковомъ арсеналѣ; другой разъ вывели изъ неволи черноморца, сидѣвшаго въ цѣпяхъ, въ глубокой ямѣ. Судьба плѣнныхъ братьевъ особенно кручинила казацкое сердце.

Несмотря на всѣ попеченія Власова о благоденствіи черноморскаго войска, оно мало поправлялось. Тяжелая служба на Кордонной Линіи, вѣчныя тревоги и опасенія за свои стада и табуны, за нажитое добро, наконецъ, плѣненіе отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ, горькая доля которыхъ была хорошо извѣстна, все взятое вмѣстѣ, не красило жизнь черноморца, не могло его обогатить. Особенно тяжела была служба въ отрядахъ, которые по нѣскольکو мѣсяцевъ блуждали отъ одного поста къ другому, проводили дни и ночи подъ открытымъ небомъ,—вѣчно хмурымъ и непривѣтливымъ, то обливавшимъ ихъ дождемъ, то обсыпавшимъ мокрымъ снѣгомъ. Постовые казаки могли хоть обогрѣться у своихъ печурокъ, а отрядные должны были довольствоваться скудными бивачными огнями, да и то не всегда, смотря по вѣстямъ. Въ особенно тревожные мѣсяцы лазутчики то и дѣло шныряли, при чемъ подавали вѣсти, не всегда вѣрныя, а чаще всего сбивчивыя, отчего отряды понапрасну только вязли въ непролазной грязи. Зато черноморцы въ ежедневныхъ схваткахъ, въ частыхъ поискахъ освоились съ врагомъ, узнали его нравъ, привычки, во многомъ стали ему подражать. Здѣсь они имѣли передъ собой лучшую конницу въ мірѣ, легкую, подвижную, въ блестящихъ кольчугахъ, съ прѣвосходнымъ оружіемъ, на арабско-персидскихъ коняхъ. Черкесь, можно сказать, рожденъ для войны. Ради добраго оружія, онъ не пожалѣетъ ни золота, ни серебра, ни любимой дочери. Чтобы добыть булатный клинокъ, онъ разрываетъ прахъ отцовъ; чтобы добыть хорошую винтовку, онъ продастъ за море красавицу-дочку. Сберечь родовое оружіе у нихъ то же, что у насъ сберечь доброе имя. Хотя черкесь обвѣщанъ оружіемъ съ головы до ногъ, у него все прилажено, ни что не бречитъ, не болтается. Самъ онъ чутокъ какъ звѣрь, ходитъ по землѣ неслышно; его конь не ржетъ въ засадѣ. Сѣдло у черкеса легкое, никогда не испортитъ спины, хоть бы лежало цѣлую недѣлю. Кони ихъ отлично выѣзжены, легки, выносливы и добронравны. Никто, кромѣ

аравовъ, не ухаживаетъ такъ за лошадыю и никто такъ не школить ее, какъ черкесы. Конюшни у нихъ не такія, какъ у насъ, съ окнами, съ широкими воротами, нѣтъ: это самыя темныя закуты, чтобы лошадь пріучалась видѣть ночью лучше, чѣмъ видить кошка.

Пѣсни и сказанія, переходя изъ поколѣній въ поколѣнія, разжигали страсть къ набѣгамъ. Пѣшихъ хищниковъ, которые пробираются за добычей ползкомъ, украдкой, черкесы называютъ «психадзе», что значить по-русски «водяные псы». Когда же горецъ выѣхалъ изъ аула на добромъ конѣ, съ рядомъ въ ружьѣ, съ кускомъ сыра въ сумкѣ и съ арканомъ въ торокахъ, онъ—«хеджретъ», что значить «бѣглець», бездомовникъ. Казацкія войны много расплодили такихъ бездомовниковъ, которые «свишцомъ зашѣвали, подковой косили, шашкой жали»; для хеджрета жизнь копѣйка, голова наживное дѣло. По одеждѣ это послѣдніе бѣдники, по оружію—первыя богачи. Самая возжелѣнная награда для хеджрета, если красавица, дочь хозяина, на большомъ пиру подастъ ему руку и поведетъ въ танецъ. За такую ласку, особенно за сложешную въ честь его пѣсню, онъ поидетъ куда угодно: онъ не моргнетъ глазомъ подъ русской картечью, не дрогнетъ передъ грознымъ штыкомъ.

Только нѣсколько дней въ году, во время ледохода, Кубань служила проградой для набѣга. Въ полую воду черкесы переправлялись на бурдюкахъ, при чемъ пѣшіе подвязывали ихъ подъ мышки, а конные къ переднимъ лопаткамъ. Встрѣчая русскихъ на открытыхъ равнинахъ, они бросались въ шашки, но у себя умѣли отлично скрываться за деревьями, за камнями. И горе, бывало, нашимъ, когда попадали въ дремучіе лѣса, въ мрачныя ущелья: какъ изъ-подъ земли выросли черкесы, бросаясь въ рукопашную съ кинжаломъ въ одной рукѣ, съ шашкою въ другой. Едва отрядъ выходилъ на поляну, они мгновенно исчезали: «вырастаютъ несѣяные, пропадаютъ некошеные», говорили про нихъ казаки. Хеджреты никогда не сдавались въ плѣнъ, предпочитая смерть.

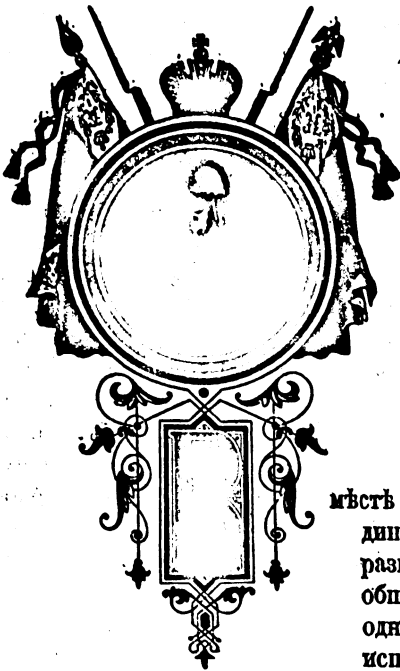
Ловкость черкесовъ, ихъ лихое наѣздничество, славились на Кавказѣ издавна, почему сынамъ Запорожья, привыкшимъ имѣть дѣло съ татарами, надо было поступиться многимъ, въ

горной войнѣ непригоднымъ, чтобы не остаться въ накладѣ. Пѣшіе казаки скоро приспособились; изъ черноморской пѣхоты выдѣлился особый разрядъ воиновъ, изучившихъ своего врага до тонкости: это были пластуны. Конница же не такъ скоро могла потягаться, прежде всего потому, что степные татарскіе кони во многомъ уступали черкесскимъ; потомъ, вооруженіе и снаряженіе черноморца было тяжелово, не такъ ловко пригнано, а надъ ратникомъ запорожца черкесы даже смѣялись. Между тѣмъ, оно, какъ наследіе отцовъ, было у нихъ въ большомъ уваженіи. Однако время и нужда взяли свое. Между молодыми казаками стало прививаться щегольство оружіемъ и конскимъ уборомъ; легкость и подвижность всадника брали явный перевѣсъ въ набѣгѣ и схваткѣ; черкесская джигитовка, мало-помалу, входила въ народный обычай. Черкесская одежда, сбруя, оружіе, конь—стали возбуждать зависть, явилось соревнованіе: сначала обрядились офицеры и урядники; ихъ примѣру оставалось послѣдовать казакамъ.

III.

Полувѣковая служба.

мѣсть съ защитой своей новой ро-
дины, черноморцы дрались на
разныхъ концахъ Руси съ ея
общими врагами. Не было ни
одного случая, чтобы они не
исполнили наряда, не пошли

туда, куда ихъ призывала державная воля. Еще при жизни
блаженной памяти Императрицы Екатерины черноморцы вы-
рядили въ Польшу два доброконныхъ полка, подъ начальствомъ
опытныхъ полковниковъ Высочина и Малого; кошевой Чепѣга
получилъ приказаніе захватить по пути въ столицу. Здѣсь онъ
былъ допущенъ къ рукѣ, послѣ чего приглашенъ къ царскому

столу. За обѣдомъ Императрица прислала для него вина; по окончаніи стола, собственноручно наложила на тарелку персиковъ и винограду. Съ разрѣшенія Государыни Чепѣга осматривать всѣ царскіе покои, кунсткамеру, арсеналь и прочія достопримѣчательности какъ въ Царскомъ Селѣ, такъ и въ Петербургѣ. Подобнымъ вниманіемъ старому запорожцу была оказана «великая честь». При отпускѣ Императрица благословила кошевого хлѣбомъ-солью, пожаловала саблю, украшенную алмазами, при чемъ сказала ему на прощанье: «Бей, сынокъ, враговъ отечества». На царской кухнѣ черноморцамъ, въ числѣ прочей провизіи, спекли пирогъ съ рыбою въ аршинъ длиною. Въ августѣ, черезъ 2¹/₂ мѣсяца похода, полки пришли на Вольну, гдѣ поступили подъ начальство Дерфельдена. Вмѣстѣ съ этимъ генераломъ они прошли боемъ до самой Праги, частью въ авангардѣ, частью въ арріергардѣ; бывали въ разѣздахъ, стояли на пикетахъ и во всѣхъ случаяхъ отличали себя храбростью и мужествомъ; въ ихъ руки часто попадали цѣлыя польскія банды. Подъ начальствомъ великаго Суворова черноморцы участвовали въ общемъ штурмѣ г. Праги. За успѣхъ этого послѣдняго дѣла Чепѣга получилъ генеральскій чинъ и орденъ св. Владимира 2-й степени; всѣмъ офицерамъ Государыня пожаловала золотые знаки, а казакамъ—серебряныя медали съ надписью: «За трудъ и храбрость». Послѣ того казаки еще годъ простояли кордономъ и только въ декабрѣ 1795 г. вернулись въ Черноморію. Тутъ была объявлена война персіянамъ. Графъ Зубовъ отписалъ кошевому, чтобы казаки были наряжены въ походъ самыя отличныя, способныя отбывать не только пѣшую или конную службу, но привычныя къ морю, чтобы дѣйствовать на лодкахъ. 26 февраля слѣдующаго года, Головатый, отслуживъ напутственный молебень, выступилъ въ походъ со своимъ тысячнымъ отрядомъ. Тогдашній таврическій губернаторъ Жегулинъ прислалъ своимъ любимцамъ черноморцамъ икону Спаса, 25 рублей на молебень да 200 рублей на горѣлку, чтобы они росли за здоровье «милостиваго батька кошеваго и его», т. е. Жегулна.

Въ Астрахани Головатый сѣлъ на суда и отплылъ въ Баку. По приѣздѣ сюда главнокомандующаго, графа Зубова,

черноморцы, по казацкому обычаю, встрѣтили его подь развернутыми знаменами, въ лавахъ, при чемъ троекратно выпалили изъ ружей. Зубовъ былъ очень доволенъ. Онъ просилъ Головатаго вписать его въ списки черноморцевъ войсковымъ товарищемъ, а своего сына Платона полковымъ есауломъ; всѣмъ участникамъ похода приказалъ выдать тройную порцію вина. Изъ Баку черноморцы отплыли на островъ Сару противъ Талышинскаго берега, гдѣ имъ довелось отбывать больше морскую службу. Часть казаковъ подь начальствомъ Смолы ходила по Куръ, доставляя въ армію провіантъ; остальные забирали подь руку Государыни персидскіе острова, рыбы и тюленьи промыслы, помогали штурмовать персидскія крѣпости и въ то же время оберегали Талышинское ханство отъ набѣговъ татаръ. Однажды казаки отбили на морскомъ поискѣ нѣсколько киржимъ, частью пустыхъ, частью съ товарами. Сильнымъ порывомъ вѣтра одну киржцму, подь командой лейтенанта Епанчина, отбило отъ прочихъ и понесло къ непріятельскому берегу. На суднѣ находились 10 черноморцевъ, изъ нихъ еще двое больныхъ, и армянскіе купцы съ товарами. Съ берега ихъ замѣтили: около полутораста персіанъ выѣхало на вѣрную добычу. Лейтенантъ Епанчинъ пересѣлъ съ двумя матросами въ лодку, посадивъ еще 4-хъ купцовъ, и отплылъ съ ними къ стоявшему невдалекѣ нашему боту, а казаковъ покинулъ спастись, какъ знаютъ. Черноморцы не испугались, несмотря на то, что всѣ армяне, бывшіе въ киржимѣ, залѣзли подь палубу. Первымъ долгомъ они выбрали за старшаго Игната Сову. Когда персіане выкинули на своихъ лодкахъ красный флагъ, Сова приказалъ распоясать одного армянина и поднять его поясъ, также краснаго цвѣта. Персіане отвѣтили градомъ пуль; казаки съ своей стороны ударили изъ ружей, «съ уговоромъ: безъ промаху», при чемъ уложили всѣхъ персидскихъ старшинъ; потомъ стали выбивать «підстаршихъ панківъ». Персіане сразу притихли; многіе со страху попрятались за борты. Такъ, не солоно похлебавъ, повернули они къ берегу. — «Еще казацкая слава не сгинула, писалъ Головатый, если 8 чловѣкъ могли дать почувствовать персіанамъ, що въ черноморцѣвъ за сила!»

Вскорѣ казаки потеряли этого любимаго ими вождя, глав-

наго печальника о своихъ нуждахъ: Антонъ Андреевичъ Головатый умеръ въ началѣ 1797 года. Почти въ то же время все Черноморье оплакивало кончину своей благодѣтельницы Императрицы Екатерины, до конца жизни благоволившей къ войску «вѣрныхъ» казаковъ. Вслѣдъ за ней сошелъ въ могилу и братолюбивый отецъ черноморской семьи, Захаръ Алексѣевичъ Чепѣга. Несмотря на генеральскій чинъ, онъ оставался вѣренъ обычаямъ старшины, соблюдалъ въ одеждѣ, въ обычаяхъ ту же простоту, которой держались старые запорожцы. Послѣ Чепѣги атаманы назначались уже не по выбору войска, а Высочайшей властью. Тогда же вмѣсто прежняго войсковаго управленія была учреждена Войсковая канцелярія, въ которой, кромѣ атамана и старшинъ, должны были засѣдать особыя лица по назначенію Государя.

Въ тяжелую годину Отечественной войны черноморцы не отстали отъ другихъ областей государства. Войсковая казна отправила 100 тыс. рублей, да болѣе 14 тыс. было собрано добротныхъ даяній. Кромѣ того, въ концѣ 1811 года, выступила въ походъ гвардейская сотня, сформированная по Высочайшему повелѣнію. По переходѣ нашихъ войскъ черезъ границу эта сотня состояла все время при особѣ Государя Императора; она участвовала въ знаменитой атакѣ французской конницы подъ Лейпцигомъ, рассказанной на стр. 117. 4-й конный полкъ участвовалъ въ партизанскихъ дѣйствіяхъ подъ начальствомъ князя Кудашева и атамана донцовъ Платова. Когда подъ городкомъ Цейцомъ французы укрѣпили высоты своими батареями, князь Кудашевъ, дѣйствіемъ артиллеріи, заставилъ ихъ сняться съ позиціи. Едва французы тронулись, конница помчалась въ атаку; впереди ея неслись черноморцы. Они первые ворвались въ городокъ, сбѣжились и пошли штурмовать фабричныя постройки, откуда засѣвшій непріятель открылъ ружейный огонь. Казаки вмѣстѣ съ гусарами выбили французовъ, при чемъ взяли въ плѣнъ 36 офицеровъ, 1400 солдатъ, отбили знамена, пять пушекъ. По возвращеніи изъ Силезіи черноморскій полкъ отправился на родину, а гвардейская сотня вступала, въ числѣ прочихъ войскъ, въ столицу Франціи.

По примѣру своего отца Павла Петровича и державнаго

брата Александра Павловича, покойный Императоръ Николай Павловичъ также благоволилъ къ войску Черноморскому. Какъ уже извѣстно, онъ поставилъ во главѣ всѣхъ казачьихъ силъ, — а силы эти нынче не малыя: 200 тысячъ слишкомъ, — своего старшаго сына и Наслѣдника Престола. Наказному атаману Безкровному удалось отнять подъ Анапой въ числѣ прочаго оружія богатѣйшую турецкую саблю, которая была отправлена Его Высочеству. Въ осадѣ этой крѣпости участвовало 4 черноморскихъ полка, получившихъ знамена съ надписью: «За отличіе при взятіи крѣпости Анапы 12 іюня 1828 года». Многіе изъ участниковъ, уже старыми казаками, съ длинными сѣдыми усами, черезъ 26 лѣтъ явились въ рядахъ пластунскихъ батальоновъ на защиту Севастополя*). Въ томъ же, двадцать восьмомъ году, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій на берегахъ Дуная откликнулись братья черноморцевъ, бывшіе сѣчевики.

Надо припомнить, что послѣ разгрома Сѣчи часть запорожцевъ ушла въ Турцію, гдѣ получила въ даръ землю и основала такъ называемую Задунайскую Сѣчь. Хотя они жили безбѣдно, пользуясь хорошими угодами и большими рыбными ловлями на Дунаевцѣ, но тоска по родинѣ, измѣна христіанскому знамени, грызла сердце казачье, смущала душу христіанскую, привыкшую видѣть въ мусульманахъ враговъ своей вѣры и отчизны. Однако число запорожцевъ не уменьшалось, потому что ихъ курени быстро пополнялись бѣглецами изъ Руси, особенно крѣпостными. Вся «запорожская регула», забытая на берегахъ Кубани, здѣсь соблюдалась во всей строгости: женатый никакъ не могъ попасть въ войско, развѣ обманомъ. Такъ и сдѣлалъ Осипъ Михайловъ Гладкій, покинувшій на родинѣ, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, жену и четырехъ дѣтей. Въ числѣ прочихъ запорожцевъ онъ усмиралъ проковъ, возставшихъ противъ турокъ, а за годъ до объявленія войны русскимъ былъ избранъ кошевымъ. По обычаю, султанъ утвердилъ это избраніе особымъ фирманомъ. Какъ только обозначилось, что турки готовятся къ войнѣ, кошевой распустилъ слухъ, что запорожцевъ не оставлять на мѣстѣ

*) См. „Черноморскіе пластуны подъ Севастополемъ“. — Отечественныя героическіе рассказы, стр. 329.

военныхъ дѣйствій, а выселять въ Египеть; потомъ, въ тайгѣ, стать склонять къ переходу въ Россію сначала куренныхъ атамановъ, наконецъ, и остальное товариство. Большинство было согласно, но люди, за которыми на совѣсти оставался какой-нибудь грѣхъ, а также бѣглецы помѣщичьи крестьяне или бывшіе военные поселяне наотрѣзъ отказались, потому что боялись стать въ отвѣтъ. Тогда на сходкѣ кошевой смѣло объявить, что всѣ вины будутъ имъ отпущены. Въ этомъ онъ былъ обнадеженъ письмомъ измаильскаго градоначальника генерала Тучкова. Въ величайшей поспѣшности запорожцы разобрали свою походную церковь, уложили ее въ лодки, и, покинувъ большую часть имущества, вышли Дунаевцемъ въ море, затѣмъ черезъ Килійское гирло поднялись къ крѣпости Измаилу. Представленные Государю Императору, запорожцы поверглись къ стопамъ Его Величества, находившагося въ ту пору при своей арміи. Государь, принявъ отъ кошевого грамоты и регалии, жалованныя турецкими султанами, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Богъ васъ проститъ, отчизна прощаетъ, и я прощаю. Я знаю, что вы за люди!» — Когда Государь спросилъ у кошевого, женатъ ли онъ и гдѣ его семья? Гладкій отвѣчалъ, что онъ холостъ.

Въ это время главная квартира русской арміи была сильно озабочена переправой. Непріятельскій берегъ казался такъ хорошо укрѣпленнымъ, что не знали, гдѣ бы лучше сдѣлать высадку. Государь обратился за совѣтомъ къ Гладкому. А такъ какъ запорожцы, кромѣ рыбной ловли, промышленяли охотой, то они тотчасъ припомнили, что на томъ берегу есть мѣсто верстъ на 20 поросшее камышемъ, въ родѣ плавни, гдѣ турки никакъ не могутъ ожидать высадки. Тамъ, по ихъ словамъ, поперекъ плавни тянется земляной валъ, то поднимаясь, то опускаясь подъ водой, а въ одномъ мѣствѣ онъ расширяется въ площадку, на которой можно собрать цѣлую дивизию. Кошевой просилъ разрѣшенія съѣздить, размыслить конецъ вала, гдѣ онъ упирается въ берегъ. Гладкій съ однимъ изъ куренныхъ атамановъ побывали ночью на томъ берегу, прошли до широкой поляны, обсаженной деревьями, потомъ, сдѣлавши на камышахъ замѣтку, вернулись и просили доложить Государю. Чтобы удостовѣриться въ справедливости пхъ

словъ, Государь послалъ въ слѣдующую ночь одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ: все оказалось вѣрно. Тогда войска перенесли на рукахъ 42 запорожскихъ лодки какъ рать противъ указаннаго мѣста, и въ ту же ночь началась переправа дивизіи Рудзевича. Часть запорожцевъ подвозила солдатъ, а остальные были разставлены вдоль вала для указанія дороги. Дивизія Рудзевича двинулась съ музыкой и барабаннымъ боемъ въ тылъ ближайшей турецкой крѣпости Исакчи; въ то же время дунайская флотилія, подъ начальствомъ Гамалѣя, сдѣлала фланговую атаку. Турки, пораженные ужасомъ, покинули крѣпость, которую Рудзевичъ сейчасъ же занялъ. Последній пришелъ въ такой восторгъ, что объявилъ кошевому, что если онъ не будетъ сегодня полковникомъ, то онъ, Рудзевичъ, не хочетъ быть генераломъ, отдать свои эполеты Государю. Какъ тутъ пріѣзжаетъ флигель-адъютантъ съ приказаніемъ, чтобы кошевой на своей лодкѣ и со своими гребцами прибылъ къ Государю. Осипъ Михайловичъ сѣлъ за рулевого, 12 куренныхъ атамановъ взяли за весла, и когда порѣхали въ Измаиль, Государь, оставивъ свою свиту, одинъ вошелъ въ запорожскую лодку и приказалъ опять грести въ Исакчу. Здѣсь паша поднесъ ему ключи крѣпости, и здѣсь же Государь, выпувъ изъ чемодана полковничьи эполеты и Георгіевскій крестъ, собственноручно навѣсилъ ихъ Гладкому, а 12-ти куреннымъ пожаловалъ знаки отличія военнаго ордена. На той же лодкѣ Государь проѣхалъ къ своей флотиліи поблагодарить моряковъ за молодецкое дѣло. Изъ запорожцевъ былъ составленъ пятисотенный полкъ подъ названіемъ «Ильшаго дунайскаго казачьяго полка». Осипъ Михайловичъ Гладкій сдѣланъ командиромъ полка, куренные атаманы назначены за офицеровъ. Казакамъ поручили наблюдать за исправностью моста, а Гладкій на все время войны былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ.

Государь Императоръ, покидая армию, приказалъ Гладкому слѣдовать за собой. Въ Одессѣ онъ представилъ его Императрицѣ, которая обласкала и пригласила бывшаго кошевого къ своему столу. По окончаніи войны Гладкій, по приказанію Государя, отправился на Кавказъ выбрать удобныя мѣста для поселенія своего войска. Пока онъ тамъ ѣздилъ, пришло

въ столицу донесеніе, что кошевой имѣетъ въ Полтавской губерніи жену и четырехъ дѣтей. Государь, хотя и былъ обманутъ, но нисколько не разгнѣвался. Напротивъ, онъ велѣлъ доставить двухъ его дѣтей въ Петербургъ для воспитанія на счетъ казны. И кошевого онъ встрѣтилъ ласково, выслушалъ докладъ объ осмотрѣ земли и только потомъ спросилъ, отчего Гладкій скрылъ отъ него правду? Осипъ Михайловичъ доложилъ, что въ присутствіи всѣхъ запорожцевъ ему иначе нельзя было поступить: товарищи перестали бы ему вѣрить и во всемъ остальномъ. Государь исполнилъ его одобрилъ. Обласканный монаршими милостями Гладкій поспѣшилъ на родину, въ Полтавскую губернію. Въ глубокую зиму онъ подѣхалъ къ бѣдной хатѣ, въ деревенскомъ захолустѣ, гдѣ нашель въ сборѣ всю свою семью, покинутую имъ 10 лѣтъ тому назадъ. Велика была радость бѣдной матери, осиротѣлыхъ дѣтей, еще больше изумленіе односельчанъ, знававшихъ его въ ту пору, когда онъ ходилъ въ простой казацкой сермягѣ.

Прослывшіе въ свое время «невѣрными», запорожцы были поселены на берегу Азовскаго моря, между Мариуполемъ и Бердянскомъ, подъ именемъ Азовскаго казачьяго войска, наказнымъ атаманомъ котораго считался Осипъ Михайловичъ. Въ проѣздъ Государя на Кавказъ черезъ Керчь, Гладкій встрѣчалъ его въ числѣ прочихъ начальствующихъ лицъ. Государь, мнуня другихъ, подошелъ прямо къ нему и милостиво сказалъ: «Здравствуй, мой вождь и витязь Осипъ Михайловичъ!» — Такъ высоко цѣнилъ Монархъ заслуги кошевого, снявшаго грѣхъ со своихъ братьевъ-запорожцевъ!

Вообще, покойный Государь при всякомъ удобномъ случаѣ выражалъ свое благоволеніе къ войску Черноморскому. Въ 1844 году исполнилось 50 лѣтъ со времени водворенія казаковъ на Тамани. Государь прислалъ къ этому времени большое бѣлое знамя св. Побѣдоносца Георгія. Для торжественнаго приѣма новопожалованнаго знамени были собраны въ Екатеринодарѣ атаманы всѣхъ черноморскихъ куроней. Каждый изъ нихъ сопровождали малолѣтки и престарѣлые казаки, служившіе еще въ «славному войску Низовомъ Запорожскомъ». Старики сходились порадоваться торжеству

молодежи да вспомнить на закатѣ дней славныя времена матушки-царицы; подростки были призывапы затѣмъ, чтобы передать своимъ уже внукамъ, какъ они принимали царскія милости. На войсковой праздникъ получили приглашеніе мирныя черкесы и даже помирныя шапсуги. Стеченіе народа по случаю троцкой ярмарки было необычайное. Среди воинскаго стапа, у порога атаманской ставки, вкопали старый чугушный единорогъ, дуломъ вверхъ; по обѣ стороны ставки приготовили изъ зеленого дерпа длинныя столы. По особому наряду, охотники набили къ этому дню множество фазановъ, утокъ, зайцевъ, кабановъ, оленей, козъ; рыбаки паловили разныхъ сортовъ рыбы. Посуду приготовили старую, казацкую, деревянную. Къ Николину дню все было кончено. Лагерь сталъ наполняться народомъ, валили конные и пѣшіе, скрипѣли черкесскія арбы. Ровно въ полдень зазвонили во всѣ колокола, что означало пріѣздъ въ городъ владыки. Къ вечеру войска выстроились порядъ лагеремъ. Къ атаманской ставкѣ собрались всѣ чины войскового управленія, позади котораго стали въ рядъ 59 станичныхъ атамановъ; между ними, въ перемежку, размѣстились старики съ подростками. Снова зазвонили колокола: то выѣхать изъ города владыка, преосвященный Іеремія, прослѣдовавшій прямо въ атаманскую ставку. Здѣсь, противъ дверей, помѣщался во весь ростъ портретъ Государя; у его подножья лежали серебряныя литавры, трубы, атаманскія булавы, перпачи, древнее казацкое оружіе, фальконеты; на большомъ столѣ лежало распростертое новое знамя, осѣненное сверху старыми, времянь Екатерины, Павла, Александра I. Преосвященный благословилъ знамя, послѣ чего наказной атаманъ Завадовскій вбилъ первый гвоздь; потомъ, по старшинству, молотокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, начиная съ владыки и кончая присутствующими казаками. Изъ лагеря царствовала тишина: пѣшіе батальоны держали на караулъ, конныя полки сабли на-голо, устроивъ взоры въ атаманскую ставку, откуда глухо доносился стукъ молота. Прибавкой знамени закончилось торжество перваго дня. Всю ночь горѣлъ въ ставкѣ огонь; знамя охранялъ почетный караулъ изъ урядниковъ. На другой день, въ 8 час. утра, изъ крѣпости раздались три выстрѣла, на которые отвѣчали

въ лагерѣ. Это былъ призывъ къ литургіи, совершаемой преосвященнымъ. Когда началось чтеніе Евангелія, загорѣлась учащенная пальба въ крѣпости и въ лагерѣ. Такъ же праздновали въ былые дни и запорожцы свои большіе праздники, открывая перекатную пальбу по валамъ Сѣчи. Словами любви и мира вторилъ громъ оружія: «Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ». За послѣдними тремя выстрѣлами, означавшими окончаніе литургіи, войска стали за лагеремъ въ ружье. Они расположились покоемъ вокругъ высокаго амвона; четвертую сторону каре заняли старцы, подростки и ученики войсковаго училища. Обширная поляна пестрѣла тысячами собравшагося народа; конные черкесы держались по-одаль, пѣшіе тѣснились въ общей толпѣ.

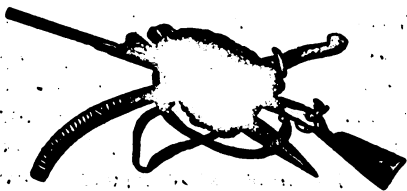
По прибытіи въ лагерь высшаго начальства и преосвященнаго, знамя вынесли къ войскамъ. Громъ барабановъ и звукъ оружія привѣтствовали его появленіе. Затѣмъ послѣдовало освященіе знамени, совершенное епископомъ соборно съ архимандритомъ Діонисіемъ и 75 священнослужителями, собранными со всего Черноморья. Послѣ многолѣтня войсковою атаманъ прочелъ Высочайшую грамоту, при которой пожаловано знамя. Музыка заиграла «Боже Царя храни», раздались пушечные залпы, загремѣло «ура», громовое, несмолкаемое; за войсками его подхватили всѣ присутствующіе, все слилось въ одинъ торжественный отвѣтъ словамъ Монарха; даже горскія дружины гикнули въ честь русскаго Царя. На томъ берегу Кубани, у аула Бжегой, стояли, внимательно вслушиваясь, хамышейцы. Они въ восторгѣ загикали, открыли пальбу и, бросившись въ рѣку, присоединились на своихъ борзыхъ коняхъ къ идущему войску. Утихли бурныя выраженія восторга, наступила тишина: архипастырь, съ крестомъ въ рукахъ и взоромъ, поднятымъ къ небу, сказалъ краткое назиданіе, какъ слѣдуетъ хранить завѣтъ чести, послѣ чего, благословивъ, передалъ его наказному атаману. Этотъ послѣдній принялъ войсковую святыню, опустившись на колѣни. Затѣмъ началась присяга на вѣрность новому знамени; послѣ присяги его обнесли по рядамъ и водрузили въ жерло стараго турецкаго единорога. Войска вернулись въ лагерь, гости сѣли обѣдать. За дерновыми столами черно-

морцы «время Очакова и покоренія Крыма» угощались родными запорожскими блюдами. Круговой «михаликъ» переходилъ изъ рукъ въ руки между съдыми сподвижниками Потемкина, Суворова, Бѣлаго, Чепѣги, Головатого и Власова. Старики помолодѣли, вспомнили бывшее время. Одинъ столѣтній чубатый черноморецъ, украшенный очаковскимъ крестомъ, рассказывалъ, какъ они во тьмѣ карабкались на неприступную Березань, какъ спяли часовыхъ, переодѣлись сами турками и врасплохъ накрыли гарнизонъ. Другой вспомнилъ «батька» Харьку Чепѣгу, какъ тотъ подплывалъ на челнахъ къ стѣнамъ Хаджибея, что теперь называется Одессой, и поджигалъ подъ носомъ у янычаръ турецкіе магазины; третій указывалъ на берегу Кубани мѣсто, гдѣ 50 лѣтъ тому назадъ онъ вбилъ первый коль кордоннаго оплота... На правомъ флангѣ лагеря роскошествовали по своимъ обычаямъ до 500 человекъ горцевъ, мирныхъ и дикихъ, ненадежныхъ друзей и заклятыхъ враговъ. Они были приглашены раздѣлить радость черноморцевъ, повеселиться, позабывъ на время кровавыя встрѣчи съ оружіемъ въ рукахъ. Вездѣ, и въ атаманской ставкѣ, и за дерновыми столами, въ лагерь и среди горцевъ, было обычное радушіе, изобиліе во всемъ — вездѣ ѣли, пили, славили Царя и матушку Русь святую. Угостившись дѣбре, два съдыхъ запорожца, усатыхъ, съ роскошными чупринами, бойко и плавко отбивали «казака» подъ войсковую музыку; выпивши по ковшу горѣлки, они сѣли другъ противъ друга и пѣли забугскія пѣсни, сложеныя Головатымъ; потомъ, опять подкрѣпившись, лихо отбивали «гайдука» — земля дрожала, у людей захватывало духъ, глядя на широкій казацкій разгулъ. — А зная тихо развѣвалось надъ волнами народа, переливавшими съ мѣста на мѣсто. Молодой казакъ глядѣлъ на него молча, и ему чудилось что двуглавый орелъ расправляетъ свои крылья, силится подняться на гѣ снѣга горы, политыя братскою кровью...

Вечеромъ зажглись потѣшныя огни, влетѣли ракеты, зашипѣли бураки, заискрились огромныя разноцвѣтныя литеры П, А, М — между такихъ же узорчатыхъ красивыхъ елокъ. Огромный вензель Государя Императора былъ виденъ на той

сторонѣ Кубани. Въ то время, когда въ атаманской ставкѣ черноокія казачки усердно отплясывали подъ бальную музыку, войсковою пѣвческой хорь въ сотый разъ затыгивалъ любимую черноморцами пѣсню:

„Оя, годі намъ журиться,
Треба перестати:
Заслужили отъ Царицы,
За службу запнати!“...

IV.

Пластуны.

епершніе пластуны, можетъ быть, и не знаютъ, съ какихъ временъ повелась ихъ служба и самое званіе. Еще запорожцы въ днѣпровскихъ камышахъ залегали пластомъ, высматривая подолгу то татарскій чамбуль, то неприятельскій разъѣздъ. Въ числѣ 40 куреней значился Пластунскій курень, товарищество котораго исполняло, вѣроятно, эту трудную и опасную службу. На Кубани пластуны явились главнѣйшими стражами Кордошой Линіи. Они были разбросаны по всѣмъ постаемъ особыми партіями и всегда держались на самыхъ передовыхъ притопахъ, батареяхъ, гдѣ имѣлись сигнальныя пушки. Когда неприятель наступалъ слишкомъ быстро и въ боль-

шихъ силахъ, пластуны палили «на гасло», на тревогу. Подражая походкѣ и голосу разныхъ звѣрей, они умѣли подхо-

дѣть и вѣть по-волчьи, кричать оленемъ, филиномъ, либо дикой козой, пѣть пѣтухомъ, и по этимъ сигналамъ подавали другъ другу вѣсти, собирались въ партіи. Отъ прочихъ казаковъ пластуны отличались какъ по виду, такъ и по одеждѣ, даже въ походкѣ. Ходили неуклюже, переваливаясь, какъ бы похотя; изъ-подъ нависшихъ бровей глаза глядятъ сурово, лицо совсѣмъ бронзовое отъ загара и вѣтровъ; черкеска на пластунахъ мстрепанная, вся въ заплатахъ; папаха порыжѣлая, вытертая, хотя всегда заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетипой паружу. Таковъ былъ старшій пластунъ на Кубани, подъ Севастополемъ, на берегахъ Дуная. За плечами у него сухарная сумка, въ рукахъ добрый штуцеръ съ тесакомъ, на поясѣ разная мелочь: пороховница, пулочница, отвѣрка, шило, иногда котолокъ, иногда балалайка или скрипка. Кромѣ забавы, скрипка выручала зачастую изъ бѣды. Пластунъ Омелько Вернигора, будучи на льготѣ, ходилъ часто на охоту за Кубань. Постѣ удачной охоты онъ захаживалъ въ мирные аулы и потѣшалъ молодежь игрой на скрипкѣ, за что его угощали и подчасъ ссужали арбой перевезти за Кубань убитаго кабана. Особенно его жаловали дѣвушки и «барапчуки»; если онъ долго не навертывался, начинали по немъ скучать. Охота за Кубанью была въ ту пору дѣломъ опаснымъ, требовала большой оглядки. И Омелькѣ не разъ случалось въ своихъ дальнихъ поискахъ встрѣчаться въ одиночку съ немирными. Эти встрѣчи долго сходили ему съ рукъ: онъ не прятался, а черкесы дѣлали видъ, будто его не замѣчаютъ. Наконецъ, выпала Омелькѣ и недобрая встрѣча: шапсуги подстрѣлили его въ ногу и накрыли лежачаго. Затѣмъ, извѣстное дѣло, засадили въ яму. Сидитъ подстрѣленный пластунъ, думаетъ свою думушку. Онъ давно бы выбрался на свѣтъ Божій, да нога болитъ, подстрѣлена. Какъ только дошла объ этомъ вѣсть въ мирные аулы, черкешенки взялись за дѣло такъ горячо, что скоро пластунъ былъ выкраденъ ихъ же молодежью. Такіе случаи считались на Кубани дѣломъ обычнымъ.

Былъ еще пластунъ Стрѣкачъ, котораго знало все Черноморье, да не только Черноморье, всѣ черкесы его знали. Тоже ходилъ на охоту, только, Богъ его знаетъ, почему-то излюбилъ черкесскіе камыши; когда же вернется, бывало, домой, сосѣди

замѣчаютъ у него то новую винтовку въ серебрѣ, то пашку съ дамасскимъ клинкомъ или кинжалъ новый, за поясомъ. Какъ-то онъ вернулся съ пустыми руками, невеселый; товарищи пристали къ нему и заставили его рассказать свое горе. «Забрался я, говоритъ Стрѣкачъ, въ черкесскія плавни и вижу, что не туда попалъ, куда хотѣлось; ну, думаю, дѣлать, почего, останусь. Только что хотѣлъ свернуть съ битой дорожки въ камышъ, глядь: черкесь бѣжитъ. Отскочилъ я шаговъ пять и схоронился въ густомъ камышѣ. Сажу и думаю: что бы, примѣръ, сдѣлать черкесь, если бы на моемъ мѣстѣ былъ? Пропустилъ бы онъ меня или убилъ?—Убилъ бы, думаю, и черкеску мою взялъ, и падъ тѣломъ моимъ наглумился... Такъ моя эта думка, знаето, разсердила, что кшоль и курокъ и стрѣльнулъ. Напугать только хотѣлъ, а онъ въ самомъ дѣлѣ съ коня хлопнулся; конь побѣжалъ въ обратную. Хотѣлъ перохватить его—нѣтъ: шустрый такой, ушелъ. Онъ-то мнѣ и напакостилъ!»

«Жалко, думаю, коня, а еще жальче черкеса: на чемъ онъ теперь поѣдетъ? Подбѣгаю къ нему, хочу руку подать, а онъ не встаетъ; зачерпнулъ воды—по хочеть. Бѣда, думаю: что тутъ дѣлать? Распоясалъ я его,—знаето, какъ они поретягиваются?—снялъ пашку, на себя повѣсплъ, не бросать же ее? Нѣтъ, не дышетъ, хоть ты что хочешь! Давай скорѣй снимать винтовку, пороховницу, кинжалъ; снялъ бурку, черкеску. Совсѣмъ, кажется, легко ему стало, а онъ не ворухится! Затянулъ я его въ терновый кустъ, пошолъ самъ дальше, и такъ мнѣ его жалко. Надо, думаю, ему пару сыскать: что ему одному лежать? Онъ вѣрно привыкъ семейно жить. Прошелъ этакъ съ четверть версты, вижу, ѣдутъ за мной человекъ 10 черкесовъ. Э, думаю, смерть моя пришла! Какъ приструнилъ я, какъ приструнилъ, такъ, я вамъ скажу, и лисица не допала бы меня. А черкесы тоже, какъ припустить, какъ припустить, такъ въ глазахъ и помутилось, душа замерла—не отъ страху, нѣтъ, ей Богу: отъ жалости, что одинъ, скучно... Островокъ тамъ есть, такой славный: кругомъ трясина и топъ такая, что ни зимой, ни лѣтомъ не проѣдешь. Шлепнулъ я въ эту трясину, сѣме по поясъ, дальше увязъ по шею; карабкаюсь, что есть мочи, и выбрался на островокъ. Ну, думаю,

слава тебѣ Господи! Теперь еще потягаюсь! Только что успѣть спрятаться за кустъ, и черкесы вскочили въ плавно. Я схватилъ черкеску, что съ убитаго у меня невзпачай осталась, раскинулъ ее сверху, а самъ перескочилъ въ другой кустъ, потомъ дальше... Одинъ дурный и выстрѣлилъ въ черкеску. Всѣ туда бросились, думали, угорѣлые, что я убить. Накинулъ я тогда на кустъ бурку, прикрылъ ее папахой, да вмѣсто того, чтобы бѣжать дальше, разобрала меня охота потѣшить себя: какъ шарахнулъ въ самую кучку, ажъ перья посыпались. Олюбилась они здорово, кинулись къ моему кусту: но тутъ-то быю—я вже сидѣть за дальнимъ. Однако по всѣмъ примѣтамъ, мнѣ бы пропадать тутъ надо; всего оставалось камышомъ шаговъ 200, дальше чистая поляна, погдѣ зацѣпиться. Думалъ, что они задоржата буркой: пока расчихаютъ, а уснѣю поробѣжать чистоту, а вышло совсѣмъ другоо. Сколько-то черкесовъ бросились къ кусту, а одинъ прямо на меня съ гвинтовкой въ рукахъ; такъ и лѣзеть, бостіа, въ самую гущину, безъ всякой опаски. Э, думаю, убить тебя не убью, а проучу, на всю жизнь будешь помнить: «А ты, дурный!» крикнулъ ему въ ухо, сколько было силы. Какъ вскочить отъ меня черкесь, какъ побѣжить, и гвинтовку свою выпустилъ... Я ее заразъ прибралъ: теперь у меня 2 заряда; черкесовъ же осталось только четверо: бо одного ранилъ, перепугалъ до смерти другого.

«Стали черкесы смѣяться надъ своимъ товарищемъ, что онъ съ переляку (испугу) и гвинтовку бросилъ. Смѣются, ажъ мнѣ весело стало.—«Ей, Иванъ, шалтанъ-болтай-гайда сарай!» кричатъ мнѣ изъ-за кустовъ.—«Чорта зъ-два, озвался я по-ихнему: еще кого-нибудь убью, а меня не підстрѣлите, чортови діти!...» Имъ хотѣлось взять меня живьемъ, потому чести больше; свои же могутъ засмѣять, если узнаютъ, что насѣли на одного... Передумалъ я это, что имъ стрѣлять не приходится, да какъ завихрилъ—въ одинъ духъ перемахнулъ чистоту, даже самъ себѣ удивился. Черкесы стрѣляли, да ничего: руки-то дрожать при скорости; кинулись догонять—не такія ноги, чтобъ догнать пластуна! Вскочилъ я въ камышъ, взялъ вправо, влево, и легъ подъ кочкой. А камышъ тамъ, знаете, какой? Какъ лѣсъ стоитъ, казакъ съ пикой сховается!

Послушаю—шолохтятъ новіри: я опять прилягу, выжду; а какъ пройдутъ и полѣзу вслѣдъ за ними, такъ, чтобы не разнѣться отъ ихъ шаговъ, да все въ сторону, въ сторону, то въ одну, то въ другую: двое сутокъ вылазівъ, а не піймали! тільки дуже проголодався. Спасибо, на кордоші поівъ борщу, то стало легче...»

Въ послѣдній набѣгъ закубанцевъ старый пластунъ, уже въ чинѣ сотника, былъ посланъ съ сотней такихъ же молодцовъ на ту сторону перехватить обратный путь. Среди бѣла дня они прокрались кустами и заняли опушку лѣса, не будучи замѣчены постовыми горцами, сидѣвшими на высокихъ доревьяхъ, откуда тѣ слѣдили за движеніемъ своей партіи. Набѣгъ былъ неудаченъ; остатки разбитой партіи попали подъ выстрѣлы пластуновъ. Это было въ 1862 году, а въ турецкую кампанію 77—78 годовъ, Стрѣкачъ вызвался уже по охотѣ. Сказываютъ, что 80-ти-лѣтній старикъ жпівъ и поныгъ—то рыбачить на Кубани, то вырѣзываетъ изъ дерова ложки и чарочки: это любимое занятіе всѣхъ пластуновъ.

Если пластунъ и попадетъ въ желѣзный ошейникъ хеджрета, то не долго въ немъ будетъ сидѣть, выкрутится. Да и пользы отъ него хозяину мало. Что ни спросятъ, одинъ отвѣтъ: «не вмю», а на умѣ свое: какъ бы уйти! И непременно уйдетъ. Одного черноморца водили по всѣмъ горамъ: никто не хотѣлъ покупать, пока не догадались отпилить ему чубъ. Это было вскорѣ послѣ переселенія. Въ болѣе недавнее время прославился пластунъ Бѣлзоръ. Онъ два раза бѣжалъ изъ плѣна; когда попался третій разъ, его заковали въ кандалы и, продержавъ нѣкоторое время въ ямѣ, заперли въ саклю, прикованнаго при помощи ошейника желѣзною цѣпью къ столбу. Полгода онъ провелъ въ такомъ положеніи. На его счастье три хозяина, когорымъ онъ принадлежалъ, перессорились между собой, и одинъ изъ нихъ снялъ съ пластуна свой ошейникъ. Плѣннику полегчало; онъ сталъ теперь обдумывать свое бѣгство. Однажды джигиты уѣхали на охоту, оставивъ Бѣлзора на попеченіе прислуги. Случай былъ подходящий, и пластунъ отлично имъ воспользовался. Онъ началъ забавлять свою стражу шутивными разсказами, смѣшными выходками, потомъ пѣлъ пѣсни, игралъ и, наконецъ, когда сняли съ него оковы, пу-

стился въ присядку. Это продолжалось съ ранняго утра до полудни; караульщики такъ измаялись, что уснули какъ убитые; Бѣлзоръ растянулся первымъ, повидимому, безъ чувствъ. Но какъ только все утихло, онъ разомкнулъ при помощи гвоздя свои оковы и полѣзъ черезъ окошко, дверь-то была заперта снаружи. Окошечки въ сакляхъ маленькія, Бѣлзоръ въ помъ и застрялъ; была минута, что онъ не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ... Тутъ бѣдняга понатужился и ужъ выгѣзъ весь изорванный, исцарапанный до крови. Наступалъ разсвѣтъ; Бѣлзоръ быстро сообразилъ, что ему далеко пойти и бѣжалъ не къ Кубани, какъ задумалъ раньше, а въ горы, гдѣ скрывался нѣсколько дней, пока не обшарили все плавни.

И въ знойное лѣто, и въ суровую зиму эти торпячіе люди идутъ безбоязненно навстрѣчу всѣмъ бѣдамъ; чутко сторогутъ приближеніе врага, первые встрѣчаютъ его своими мѣткими выстрѣлами, первые приносятъ вѣсти на посты. Повстрѣчавшись съ непріателемъ, они никогда не дадутъ подавить себя многочисленностью. Были примѣры, что 5—6 пластуновъ послы на своихъ плечахъ цѣлую партію: присядутъ за первымъ кустомъ, приложатся и ждутъ, грозя вѣрной смертью. Горцы начнутъ оглядываться, нѣтъ ли засады, пускаются въ обходъ, иногда бросаются въ шашки—анъ тамъ торчатъ лишь пахахи: пластуновъ и слѣдъ простылъ. Когда горцы пытались взять Крымское укрѣпленіе, что за Кубанью, они выслали сначала партію джигитовъ. Бабичъ, въ свою очередь, отрядилъ 40 пластуновъ, чтобъ ихъ отогнать. Черкесы отвели ихъ за нѣсколько верстъ, потомъ сразу обнаружили свои силы: оказалось большое скопище, примѣрно отъ 2 до 3 тысячъ; большая его часть бросилась подъ укрѣпленіе, остальные окружили пластуновъ. Крыжаповскій былъ между ними за старшаго. Онъ укрылъ ихъ подъ обрывомъ рѣченки, за большой колодой, послѣ чего началось отсиживаніе. Ни силой, ни хитростью горцы не могли одолѣть кучки пластуновъ: они били на выборъ, не теряя ни одного заряда даромъ, не торопясь, мѣтко, спокойно. Прошло болѣе двухъ часовъ, пока укрѣпленіе отбилося и могло подать помощь героямъ этой замѣчательной самообороны.

Пока не было за Кубанью наших укрѣплений, пластуны пропикали въ горы, сторожили непріятельскія партіи, слѣдили за ихъ передвиженіями. При этомъ скрывая свой собственный слѣдъ, они то «задкуютъ», т. е. пятятся назадъ, или топчутся на мѣстѣ; по слѣдамъ же непріятели узнаютъ силу партіи, когда она прошла и куда направить порвій ударъ. Въ закубанскихъ укрѣпленіяхъ пластуны проводили дни и ночи въ поискахъ, оберегали наши настища, сѣнокосы, рубки дровъ и огороды. Нечаянныя нападенія стали дѣломъ невозможнымъ. Когда начальство снабдило укрѣпленія на случай штурма ручными гранатами, пластуны стали брать ихъ съ собой на поиски. Въ крайности, если не было иного спасенія, они зажигали гранату, швырили въ носъ шапсугамъ, а сами давай Богъ ноги, съ приговоромъ: «Ну-то жъ, ноги, та не лускайте!»

Въ набѣгахъ нашихъ отрядовъ, громившихъ аулы, пластуны рыскали впереди, какъ ищейки, оберегали безопасность войскъ, намѣчали кратчайшій путь, снимали горскіе никеты.—Вотъ въ темную непроглядную ночь, отрядъ перешелъ Кубань и повернулъ влѣво, черезъ плавни. Коня спотыкаются, фыркаютъ, пушки прыгаютъ по кочкамъ, никакъ не уберечься, чтобы подойти тихо. Версты за три отъ аула отрядъ остановился, вырядили четырехъ пластуновъ осмотрѣть, гдѣ ли никетовъ и можно ли итти дальше. Пройдя половину пути, пластуны замѣчаютъ, въ кустахъ что-то блеститъ.—«Это огонекъ», говорилъ урядникъ, слушайте хлопці: оцей бікетъ безпримно надо винчожить. Ще трошки підийдемъ, а далі полизимо. Якъ дамъ вамъ повістку по-шакалячому, то сразу кидайтесь и давите ихъ».—Пластуны вошли въ дремучій лѣсъ; чѣмъ дальше углублялись, нога все тише и тише становилась на сучья и кочки. За 200 шаговъ они поползли. Еще немного, урядникъ пискнулъ: они остановились, а онъ поползъ дальше. Костеръ догоралъ. Подлѣ него сидѣли 4 черкеса, пятый ходилъ на часахъ; два, должно быть, что-то варили, остальные вали бесѣду. Прошло съ четверть часа, урядника гдѣ; между тѣмъ, поднялся сильный вѣтеръ, нагнало тучи, грянулъ громъ, засверкала молнія. Черкесскій огонекъ разгорѣлся пуце, а сами они, закутавшись въ бурки, протяжно

завыли: «Алла! Алла!»—«Псь!» отозвался урядникъ: «Ты, Петро, кипешься на часового и положи его отъ разу, а потомъ намъ помогай; ты, Хома, на того, что подлѣ огня лежитъ; а мы съ тобой, Герасимъ, управимся съ остальными. Съ Богомъ!» Вынули пластуны кинжалы, потѣзли... Глядитъ Петро, а часовой такой здоровенный, что и въ темной хатѣ быть бы замѣтенъ, да дѣлать нечего: бросился, охватилъ его правой рукой, а лѣвой всадилъ ему кинжалъ прямо подъ сердце. И не пискнулъ бѣдняга. Тогда Петръ бросился къ одному изъ снящихъ, всадилъ ему кинжалъ между плечъ: горецъ заревѣлъ такъ, что лѣсъ дрогнулъ. Завязалась борьба: то горецъ лежалъ внизъ, то Петръ хрипѣлъ подъ нимъ. Ужъ рука черкеса поднялась, сверкнулъ кинжалъ, но Петръ увернулся и опять очутился сверху: теперь онъ ждалъ, пока помогутъ товарищи. Однако черкесъ сразу какъ-то утихъ, кинжалъ самъ собой выпалъ изъ рукъ. Когда Петръ обернулся назадъ, то увидѣлъ, что Герасиму прѣходить конецъ: уже два раза прыгнуть его кинжаломъ горецъ, замахнулся въ третій... Тигромъ паскочилъ на него Петръ, прикончилъ, а все-таки дядьку Герасима не могъ воскресить! Плакать было некогда, обернули убитыхъ черкесовъ, тѣла затащили въ кусты, кровь притоптали, какъ будто бикеть ушелъ въ обходъ. Урядникъ умудрился взять живьемъ одного черкеса; ему завязали ротъ и пошли дальше. На обратномъ пути пластуны подняли тѣло товарища.—Ни одна собака не злаяла: такъ ловко подвели они войска; обложили аулъ кругомъ, пролежали ночь, а съ разсвѣтомъ бросились въ середину. Тутъ ужъ конецъ извѣстенъ.

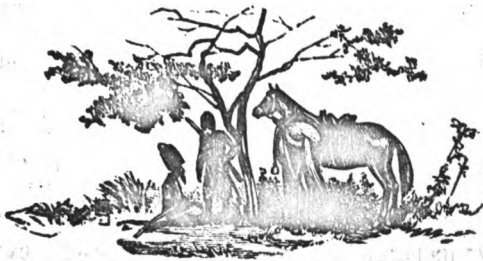
Въ прежнее время пластуны принимали къ себѣ въ товарищи по собственному выбору. Кромѣ смѣтки и терпѣнія, пластунъ долженъ хорошо стрѣлять, потому что одинъ потерянный выстрѣлъ губитъ все дѣло; онъ долженъ быть хорошимъ ходоконъ, что необходимо для продолжительныхъ поисковъ въ лѣсахъ, болотахъ или залубанскихъ топяхъ. Впрочемъ, бывали случаи, что пластуны сами зывали къ себѣ какого-нибудь необстрѣленного «молодика»: значить, его отецъ былъ славный пластунъ, сложившій свои кости на плавиѣ. Вообще, у пластуновъ свои совсѣмъ особые обычаи, повѣрья, примѣты; они знаютъ заговоръ отъ вражеской пули, отъ уку-

шенія гадюки; они умѣютъ лѣчить самыя опасныя раны, оставивать кровь.

Къ своей трудной службѣ пластуны готовятъ въ той же школѣ—въ плавняхъ, въ лѣсахъ, гдѣ водятся въ изобиліи дикій кабанъ, олень, дикая коза, волкъ, лисица, барсукъ, выдра. На охотѣ за кабаномъ требуется подчасъ хитрость, подчасъ отвага. Однажды два пластуна, отецъ съ сыномъ, залегли ночью на кабаньемъ слѣду. Только разсвѣло, слышать они пыхтѣнье, хрустъ: огромный черный кабанъ несетъ свою семью къ водопою. Пластуны дали знать о себѣ, и кабанъ, настороживъ уши, остановился какъ вкопанный. Отецъ выстрѣлилъ первый. Раненый кабанъ шарахнулся было впередъ, потомъ повернулся и покотился вслѣдъ за своимъ стадомъ. Пока старшій пластунъ, недовольный своимъ выстрѣломъ, собирался зарядить винтовку, его сынъ со всѣхъ ногъ махнулъ по горячему слѣду. Слышитъ онъ трескъ очерота, видитъ кровавую струйку, а кабана не замѣчаетъ въ густомъ камышѣ. Вдругъ его что-то толкнуло въ ноги и больно, будто косою,хватило по икрамъ. Пластунъ упалъ на-взничъ и очутился на спишѣ кабана. Тряхнулъ свирѣпый звѣрь спшой, однимъ махомъ располосовалъ черкеску съ полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одинъ взмахъ клыка, и пластуны надо бы разстаться съ жизнью, но въ это мгновеніе раздался мѣткій выстрѣлъ: пуля угодила звѣрю въ самое рыло, пониже лѣваго глаза, при чемъ расщепила его клыкъ, острый какъ кинжалъ. Съ разинутою пастью растянулся кабанъ во всю свою трехъ-аршинную длину. «А что, хлопче, будешь теперь гнаться, да не оглядаться?» спросилъ отецъ, дѣлая сыну перевязку. Обѣ его икры были прохвачены до костей. — Изъ такой-то выучки выходили старые пластуны. Есть и другіе промыслы, гдѣ казакъ привыкаетъ къ тому, что его ждетъ на службѣ. Около табуновъ, незнакомыхъ со стойломъ, онъ дѣлается наѣздникомъ; около стада, угрожаемыхъ звѣремъ,—стрѣльцомъ. Съ малолѣтства онъ свыкается съ невзгодами пастушеской жизни. Въ поискахъ за своимъ стадомъ изощряется распознавать мѣста, какъ въ ясный день или темную ночь, такъ и въ дождь или туманъ. Въ степномъ одиночествѣ казакъ учится терпѣнью, становится чутокъ, зорокъ, что идетъ ему на пользу

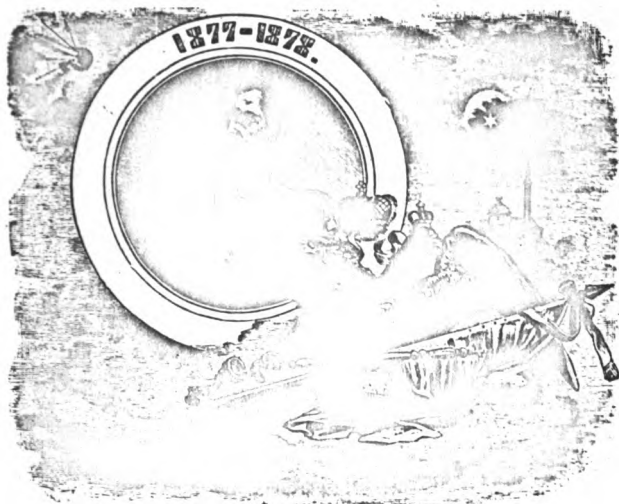
послѣ, въ одиночныхъ караулахъ, засадахъ. — Изъ такихъ-то казаковъ пабирають теперъ батальоны пластуновъ.

Въ случаѣ всеобщаго призыва, черноморцы, переименованные недавно въ кубанцевъ, выставляютъ грозную силу въ 74¹/₂ тыс.: такое число казаковъ считается въ служиломъ возрастѣ. У нихъ своя артиллерія, конница, свои пѣшіе батальоны; они могутъ составить отдѣльный корпусъ, воювать своими силами. Несмотря на долгіе годы мира, на то, что нынѣшній казакъ сдружился больше съ плугомъ, сталъ «хлѣборобомъ», кубанцы сберегли завѣты украинской старины, какъ уральцы хранятъ старину русскую. На Кубани еще не забыто то доброе старое время, когда черноморцы величали другъ друга «братомъ», а кошевого «батькомъ»; когда «рыцари» жили подъ соломенной крышей, въ свѣтличкахъ, о трехъ окнахъ; когда казацкія жены и матери ѣзжали попросту въ старинныхъ кибиткахъ, а казаки поселились на стременахъ. Тогда за дружеской бесѣдой пили родную варенуху, заѣдали мнѣшками; подъ цымбалы отплясывали «журавля» да «метелицу»; тогда вѣрили, что того, кто никогда не оглянулся, не возьметъ ни пуля, ни сабля. Память отцовъ еще жива и свято чтится среди этого добродушнаго, простаго и гостепріимнаго воинства. А призывный кличъ войны бурлитъ запорожскую кровь. Подобно сподвижникамъ Богданка, гетмана Хмельницкаго, атамановъ Сѣрка, Бѣлаго, Чепѣги и многихъ другихъ прославленныхъ вождей Украины, Запорожья и Черноморья, ихъ внуки такъ же предпочитаютъ смерть позорной неволѣ, такъ же любятъ и воспѣваютъ старинную доблесть.

V.

„Горѣли, сгорѣли, а не сдались!“

Прошло три года, какъ замеръ звукъ оружія на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи: смирился Дагестанъ, поступилась Чеч-

ня; уже старый Шамиль жилъ на покой, и тамъ, гдѣ прежде карабкались по обрывамъ скалъ или пробирались дремучимъ лѣсомъ, мирно проходилъ одинокій путникъ, не опасаясь засады, свободно двигался транспортъ, нагруженный провіантомъ или срочными вещами. А на правомъ флангѣ все еще кипѣлъ бой, все еще горцы надѣялись отстоять себѣ свободу жить, какъ хотять, грабить, когда вздумаютъ. По пятамъ враговъ кубанцы, рядомъ съ прочими войсками, подвигались все дальше и дальше за Кубань, душили волка въ его собственной ямѣ. Дорого отдавали намъ горцы свою родную землю,

еще дороже платился за нее русский солдат и казакъ своею собственною кровью и костью. Какъ въ Чечнѣ закрѣпляли каждый шагъ впередъ построшкой укрѣплений, такъ же и за Кубанью возникали укрѣпленія, передовые посты. Они стерегли выходы изъ ущелій, стояли въ опасныхъ мѣстахъ, но, между тѣмъ, были не велики и слабы защитой. Въ числѣ такихъ постовъ стоялъ одиноко, окруженный на пушечный выстрѣлъ вѣковымъ лѣсомъ, въ землѣ непокорныхъ натухайцевъ, Липкинскій постъ. Его круглая насыпь возвышалась въ видѣ холма, изъ-за котораго сиротливо глядѣла единственная пушка. Пластуны Липкинскаго поста обитали въ тѣсномъ помѣщеніи, построенномъ въ расщелинѣ горы, куда рѣдко заглядывало солнышко; такое же убогое помѣщеніе занималъ сотникъ Горбатко, одинокую жизнь котораго раздѣляла его вѣрная жена Марьяна.

Всѣхъ защитниковъ на Липкинскомъ посту считалось 34 человекъ, въ томъ числѣ урядникъ Иванъ Молька, но каждый изъ нихъ несъ службу за десятерыхъ. Этихъ людей нельзя было обмануть, что-нибудь отъ нихъ вывѣдать. Горбатко, извѣстный у горцевъ подъ именемъ «султана», считался хитрѣе чорта. Однажды натухайцы выпросили у мирныхъ горцевъ арбу съ быками, нарядили своего джигита въ женское платье, закутали его съ ногъ до головы въ чадру и посадили съ трехлѣтнимъ мальчишкой; другой горець сѣлъ за кучера. Въ сильный дождь арба, проѣзжая мимо поста, какъ будто невзначай опрокинулась: марушка стала кричать благимъ матомъ, ребенокъ тоже запищалъ. Человѣкъ 20 пластуновъ выбѣжало съ поста; одинъ добрый человекъ захватилъ даже топоръ, но хитрый горець просилъ, чтобы его жену приютили на время въ казармѣ. Доложили сотнику. Тотъ вышелъ самъ, далъ какое-то лѣкарство въ пузырькѣ, сунулъ малюткѣ 4 куска сахару, бубликъ, однако на постъ не пустилъ, даже ребенка не позволилъ внести въ казарму. Къ тому же и дождь пересталъ. Хитрость горцевъ, желавшихъ вывѣдать внутренность укрѣпленія и число казаковъ, не удалась. Зато они держали защитниковъ почти какъ въ тюрьмѣ, хотя, впрочемъ, пластуны никогда не оставались въ долгу. Однажды они пробрались въ горы, верстъ за 20, гдѣ

украли корову. Мальчишка-пастухъ это видѣлъ и даль знать въ ауль. Чересы сѣли на лошадей — въ догонку; ѣздили, ѣздили -- нѣтъ чластуновъ, точно провалились сквозь землю. Горцы подумали что они корову убили, гдѣ нибудь забросили, а сами скрылись. Вышло не такъ. На другой же день, на высокомъ шестѣ, среди поста, красовалась напоказъ коровья голова со шкурой. Горцы сдѣлали по ней нѣсколько выстрѣловъ, посмѣялись, съ тѣмъ и разѣхались. Такъ проводили время заброшенные въ горы пластуны Липкинскаго поста. Наступила осень 1862 года, теплая, чудесная. Это лучшее время на Кубани, когда и люди, и скоть отдыхаютъ послѣ знойнаго лѣта съ его жгучими вѣтрами. Только не радовала она нашихъ затворниковъ: сердце чуяло что-то недоброе. Хотя кругомъ было все то же, такъ же мрачно глядѣлъ лѣсъ, по его опушкѣ проходили партіи черкесовъ, по временамъ стрѣляли въ крѣпость, но со всѣмъ этимъ они свыклись. Невѣсть отчего тоска разбирала все пуще и пуще. Паня Марьяна, чтобы отвлечь свою тяжелую думку, взялась за винтовку и выучилась стрѣлять такъ хорошо, что попадала въ мишень за полтораста шаговъ. И эта утѣха скоро ей прискучила; старые пластуны тоже насупились, молча готовили патроны; многіе почему-то надѣли чистыя сорочки, точно наступать праздникъ...

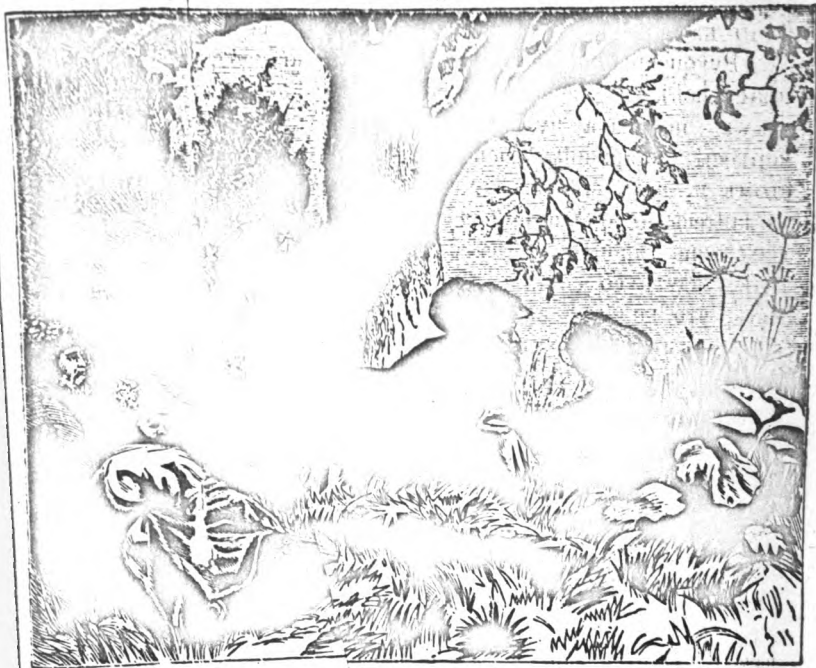
А въ это самое время огромная партія натухайцевъ стояла въ сборѣ у Неберджаевского ущелья. Князя и лучшіе джигиты держали совѣтъ, куда направить свой ударъ. Одни желали броситься на Липкинскій постъ, другіе совѣтовали переждать и пройти прямо на станицы, третьи, напротивъ, старались отговорить отъ набѣга, потому что партія припоздала, упустивъ лучшее время. Близость Липкинскаго поста искушала джигитовъ, и хотя болѣе опытные старшины совѣтовали ни въ какомъ случаѣ не трогать пластуновъ, такъ какъ это дѣло опасное, ихъ голоса были заглушены криками молодежи: «Долой трусовъ! Развѣ мы хуже пластуновъ? Мы всѣ готовы поклясться надъ священнымъ оружіемъ, что возьмемъ надъ ними верхъ: долой трусовъ!» — Неизвѣстно, чѣмъ бы кончились эти споры, если бы въ ту пору не раздались 2 выстрѣла со стороны Липкинскаго поста, ми

нуты через двѣ ударила пушка, а вскорѣ завыли волки. То пластуны подавали тревожныя вѣсти: они подстрѣлили разѣздъ и замѣтили приближеніе партіи. Тревога подлила масла въ огонь: молодежь, всегда жадная на подвигъ, заставила умолкнуть старшинъ. Отрядъ двинулся впередъ.

Джигиты заскакали съ двухъ сторонъ и отѣпили укрѣпленіе, чтобы не выпустить ни одного пластуна; пѣхота раздѣлилась на двѣ части: одна толпа, примѣрно около 2 тысячи, двинулась на приступъ, другая, въ тысячу человекъ, заняла дорогу. Къ пѣшей толпѣ присоединились джигиты. Пластуны уже сидѣли за гребнемъ, уже поджидали враговъ. На 100 шаговъ они дали залпъ, повторили его, — и сотни горцовъ какъ не бывало. Толпа съ остервенѣніемъ ринулась къ оградѣ и открыла пальбу, безтолковую пальбу, потому что горцы толкали другъ друга, стрѣляли то вверхъ, то внизъ, не причиняя вреда, а въ то же время каждая пуля изъ-за гребня находила себѣ жертву. Старшины придвинули остальную пѣхоту, но это только увеличило давку и беспорядокъ. Тогда раздалась команда: «Гайда на заборъ!» Сотни отважныхъ стали сгоряча барабкаться, ихъ подсаживали, поддерживали, по тутъ они натыкались на грозный штыкъ или рубѣсистый прикладъ, — группы въ страшныхъ корчахъ валились назадъ; ихъ топтали свои же, среди отчаянныхъ криковъ и воплей. Послышались голоса: «Бросимъ! Нельзя взять!» Въ отвѣтъ на это раздалась насмѣшка старшинъ: «Что, джигиты, трусились? Не вы ли клялись оружіемъ осплнить гауровъ!» Тутъ муллы зачѣли священныя молитвы, возбуждавшія храбрость. Во второй разъ ринулись отважно горцы, опять полезли на заборъ, опять встрѣчали то же самое — штыки, приклады, отъ ударовъ которыхъ трещали головы, валились группы. Въ безсиліи, въ досадѣ, не зная, что дѣлать, черкесы в сннова открываютъ бесполезный огонь. Прошло немного времени, какъ раздалась новая команда: «Руби заборъ!»

Отобрали сотню самыхъ ловкихъ, поставили ихъ возлѣ воротъ и заставили рубить; убитаго или усталаго замѣняли другимъ. Изъ укрѣпленія, между тѣмъ, послышался голосъ сотника Горбатка. Стали прислушиваться, но оставъ стрѣльбой, за стукомъ топоровъ, доходили лишь отдѣльныя слова: «Дѣды,

отцы, Самъ Богъ!.. Штыкомъ, штыкомъ! Два, три, подавай!.. Только и слышался его одинокій голосъ; пластуны работали молча; слышенъ былъ еще женскій голосъ: «Есть! есть!» что не мало удивляло горцевъ. Но вотъ раздался трескъ: упалъ заборъ, сажени на 3 шириной. Волной хлынули горцы въ это отверстие и опять наткнулись на штыки: передніе пали, задніе навалились, притоптали пластуновъ, но за ихъ спиной съ приподнятой шапкой, врѣзался въ толпу самъ сотникъ Горбатко. Онъ рубилъ направо, налево: «Не робѣй, братцы!» и

Залогъа берегу Кубани.

опять свергала его шапку какъ молнія въ небѣ. Однако его подскли: «Онъ упалъ на кони, чуть слышно повторяя: «Не робѣйте, братцы!» Рядомъ нимъ работалъ могучій богатырь, съ бородой по поясъ, украшенный крестомъ. Онъ отбивался

прикладомъ; когда же перебилъ свой прикладъ на головѣ одного черкеса, то схватилъ другаго за шею и сталъ его душить руками. Сдавленные въ толпѣ, горцы не могли его зарубить, а подсунули кинжалы, отъ которыхъ богатырь-пластунъ свалился возлѣ сотника. Тутъ со страшнымъ крикомъ рванулась въ толпу жена сотника, Марьяна. Горцы оторопѣли: они еще ни разу не встрѣчали въ открытомъ бою «марушку». Князья кинулись было ее выручать, но Марьяна, ставъ надъ трупомъ своего мужа, выстрѣломъ убила одного горца, штыкомъ проколола на смерть другаго. Освирѣпѣли горцы, изрубили на куски Марьяну; князья опоздали ее выручить.

Рукопашная рѣзня прекратилась, но небольшая команда пластуновъ, 7 не то 8 человекъ, заперлась въ казармѣ, откуда посылала пулю за пулей: то тамъ, то тутъ падали черкесы. Старшины распорядились обложить казарму хворостомъ и, пока его таскали, пытались вступить въ переговоры. «Сдайтесь, говорили они, мы вамъ худаго ничею не сдѣлаемъ; все равно пропадете; намъ жалко, что такіе храбрые джигиты уйдутъ со свѣта». Пластунъ, стоявшій у дверей, отвѣчалъ, что не было еще примѣра, чтобы его братья сдавались: «Что хотите, то и дѣлайте съ нами, а лучше всего идите, откуда пришли: мы не будемъ стрѣлять» — «Русскій воинъ не сдается!» крикнулъ другой голосъ изъ казармы. Князья еще долго уговаривали, устрашали огнемъ, ничего не помогло, пластуны стояли на своемъ. — Солнце уже показалось на вершинахъ горъ, черкесы могли ожидать приближенія страшнаго Бабука — такъ они называли герала Бабука — почему рѣшились прикончить разомъ. Нѣсколько человекъ полѣзли на верхъ казармы, но въ это время загорѣлся хворостъ: казарму охватило палменемъ, палль прекратилась... Дымъ началъ душить защитниковъ. Они давали раздиравшіе душу крики; чаще всего слышалось: «Боже мой! Боже мой!» однако ни одинъ не выскочилъ, ни одинъ не просилъ пощады. Они умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Горцы, не видавшіе ничего подобнаго, пришли въ влленіе; въ сердца самыхъ отчаянныхъ проникла жалость къ этимъ безвременно погибавшимъ людямъ.

Князья собрали партію и стали быстро отступать, боясь привлечь пожаромъ подкрѣпленіе. За пять версть отъ поста они остановились, сдѣлали привалъ, стали считать убитыхъ, перевязывать раненыхъ. Муллы прочли молитву, всѣ помолились за убитыхъ братьевъ. Послѣ того эфенди, или старшій мулла, сказалъ слѣдующее: «О, до какого стыда мы дожили, правовѣрные, если уже марушка двоихъ у насъ убила! Случай неслыханный между храбрыми горцами! Это позоръ и наказаніе намъ отъ Аллаха! Не означаетъ ли онъ, что мы должны покориться Московіи? Нѣтъ, не то: мы покинемъ родную землю, станемъ искать защиты у правовѣрнаго султана, вмѣстѣ съ нимъ мы ударимъ на Московію, и кровь нашихъ братьевъ, отцовъ не пропадетъ даромъ — ею обольются гяуры!» — Мулла закрылъ глаза: онъ горько плакалъ; заплакали и горцы. Когда же эфенди открылъ лицо, то громко и протяжно, какъ бы въ укоръ присутствующимъ сказалъ: «Горѣли, сгорѣли, а не сдались!»

«Горѣли, сгорѣли, а не сдались!» повторили хоромъ всѣ горцы. — У нихъ такой обычай повторять послѣднія слова старшаго.

The following information is being furnished to you for your information and use. It is not intended to constitute an offer of insurance or any other financial product. The information is provided for your general information only and should not be relied upon as a basis for any investment decision. The information is provided for your general information only and should not be relied upon as a basis for any investment decision. The information is provided for your general information only and should not be relied upon as a basis for any investment decision.

ТЕРЦЫ.

111931

I.

Гребенское войско и Терское.

изяро-Гребенской, Горско-Моздокской, Волгской и Сунженско-Владикавказской — вот имена четырех полков, поселенных в Терской области и известных нынче под общим названием Терцев. Эти имена напоминают треххвостую историю Терцев, их первоначальное водворение, переселения с места на место, боевые труды, пережитую славу. Уже судя по двойному названию полков можно заключить, что прежде их было гораздо больше: одно

время считалось 13 полков. Эти старые полки служили как бы звеньями той цепи, которая была растянута от моря Азовского до моря Каспийского, от Бургаза до устья Терека. Черноморская Кордонная Линия оканчивалась урочищем «Изрядный Источник», что на Кубани; весь остальной

промежуткоъ—по верхамъ Кубани, по Тереку, по Сунжѣ примѣрно на 700 верстѣ, замкнула Кавказская Линія. Оплотомъ и грозой ея стали линейные казаки, подвиги которыхъ прогремѣли по всему свѣту. Кавказская Линія много лѣтъ служила приманкой какъ для тѣхъ, кто жаждалъ славы или отличій, такъ равно и для тѣхъ, кому жизнь опостыла. На равнинахъ по сю сторону Терека, въ бурныхъ волнахъ рѣкъ, въ скалахъ Кабарды и въ лѣсахъ Чечни—вездѣ воинъ встрѣчалъ смерть: на каждомъ шагу она ждала свою жертву. На смѣну павшихъ бойцовъ являлись другіе; и такъ изъ года въ годъ, десятки, сотни лѣтъ, пока не зампрился Кавказъ.

Длинная Кавказская Линія замкнулась не сразу, а по частямъ. По мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба, выдвигалось то или другое звено этой цѣпи постовъ, кордоновъ и станицъ. На защиту Линіи шли казаки разныхъ наименованій: съ Дона — донскіе, съ Волги — волжскіе, съ Яика — яицкіе, съ Хопра—хоперскіе, изъ Украины—украинскіе; сюда шли мирные поселяне, обывкые въ тревогахъ войны, и селились подъ ружейнымъ огнемъ горцовъ; наконецъ, между защитниками Линіи встрѣчались кабардинцы, черкесы, татары, частью крещеные, частью некрещеные. Но корень и начало укрѣпленію Линіи положили искони русскіе люди, православные по вѣрѣ. Остальные пристраивались позже, вплоть до тридцатыхъ, даже сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Давно это было, болѣе 350 лѣтъ тому назадъ, когда Москва наложила свою руку на Рязанскую землю: послѣдняго рязанскаго князя заперли въ тюрьму, его мать Аграфону услали въ монастырь, въ рязанскія волости были посажены московскіе намѣстники. На Дону, въ волости Червленый Яръ, сидѣли до того казаки. Они оберегали Рязанскую землю отъ лихихъ татаръ; между дѣломъ, какъ водилось въ старину, хаживали на Волгу, на Синее море, на промыселъ вольный, казачій. Когда намѣстники Москвы объявили, что теперь надо казакамъ выселяться въ Суздальскую землю и служить по стрѣльцкому уряду, Червленый Яръ зашумѣлъ, заволновался. Удаля головы не задумались покинуть насиженное мѣсто, построили струги, и какъ только вскрылись рѣки, караванъ

отплылъ изъ Червленого съ пищальной палкой, съ пѣснями. Знакомымъ путемъ онъ спустился Дономъ до царичинской перволоки, перетянулся на Волгу и отсюда Синимъ моремъ прошелъ въ устье Терека. Жившіе адѣсь татары, приняли ихъ

Русскій воинъ XII столѣтія.

дружелюбно, однако казаки не остались съ ними, а поднявшись еще выше, осѣли на пустопорожнихъ земляхъ по пре-

вому берегу Сунжи, возлѣ нынѣшней крѣпости Грозной. Тутъ они поставили свои городки: Червленый, Шадринскій, Кордюковскій, Старогладовскій и Новогладовскій; по гористому же мѣстоположенію получили названіе Гребенскихъ казаковъ. Съ женами и дѣтьми ихъ насчитывалось около 4 тысячъ. Они скоро вошли въ дружбу съ сосѣдними горскими народами — чеченцами и кабардинцами, отъ которыхъ получили на первое обзаведеніе хлѣбъ, скоть, лошадей и даже «женъ невѣнчальныхъ». Запуганные татарами, горцы смотрѣли на этихъ пришельцевъ съ Русси, знакомыхъ съ огненнымъ боемъ, какъ на своихъ защитниковъ.

Полтора ста лучшихъ людей Кабарды, или, какъ ихъ тогда называли, «Пятигорскихъ Черкасъ», явились въ Москву просить молодого Царя Ивана Васильевича взять подъ свою державу вольную Кабардинскую землю. Съ кабардинцами находилась и станца Гребенскихъ казаковъ. Тѣхъ и другихъ Государь принялъ ласково, пожаловалъ первыхъ русскихъ поселенцевъ вольною рѣкою Терекъ съ его протоками и велѣлъ имъ службу служить да беречь свою кабардинскую вотчину. Когда же Царь женился на дочери кабардинскаго князя Темрюка, дѣла этой земли стали ему еще ближе къ сердцу. По просьбѣ тестя и другихъ кабардинскихъ князей посланы были на Терекъ воеводы «съ огненнымъ боемъ и многими людьми», которые построили на лѣвомъ берегу рѣки крѣпкій городъ, названный Теркомъ. Эта первая русская крѣпость на Кавказѣ была поставлена на удобномъ пути между Крымомъ съ одной стороны, Дербентомъ и Шемахой съ другой, почему сразу не полюбилась ни крымцамъ, ни туркамъ. Опираясь на нее, гребенцы скоро сдѣлались хозяевами этого важнаго пути; они держали заставы на переправахъ черезъ Сунжу и ея притоки, караулили проѣзды черезъ горныя тѣснины, ѣздили гонцамъ, ходили въ проводникахъ или въ охранной стражѣ при караванахъ и, наконецъ, были царскихъ недруговъ. Когда турки и крымцы постыдно бѣжали изъ-подъ Астрахани въ свои улусы, кабардинцы вмѣстѣ съ гребенцами, гнали ихъ нещадно черезъ голодныя степи, гдѣ осталось болѣе половины турецко-татарскаго полчища.

Однако Терскій городокъ простоялъ не долго; по совѣту съ боярами Царь присудилъ его снести и поставить новый въ устьяхъ Терека, ближе къ Астрахани. Опечалились князья Кабарды, когда узнали, что стрѣльцы ихъ покидаютъ; они упросили воеводъ не сносить, по крайней мѣрѣ, городскихъ стѣнъ, въ которыхъ и засѣли гребенцы. Такъ какъ городокъ былъ несоразмѣрно великъ, а защитниковъ мало, то князья призвали съ Волги еще вольную ватагу казаковъ; противъ нихъ ополчились крымцы и ногаи. Много разъ отбивались съ успѣхомъ казаки отъ вражескихъ нашествій, даже имъ платили съ лихвой, какъ тутъ подступилъ съ большой татарской ратью самъ шамхаль Тарковскій, о которомъ уже уномнилось при исчисленіи походовъ уральцевъ. Послѣ многихъ приступовъ татары отвели воду отъ крѣпости. Чтобы не помереть отъ жажды, казаки стали копать внутри колодцы. Прошло 20 дней томительной осады, наступилъ праздникъ Св. Троицы. Казаки отпѣли молебенъ, прося у Бога дождика. Къ вечеру пошелъ проливной дождь, а на утро крѣпостной ровъ былъ уже полонъ воды. Шамхаль упалъ духомъ и покинулъ осаду. Въ слѣдующую же ночь казаки догнали его таборъ, многихъ татаръ перебили и вернулись съ богатой добычей. Тѣмъ не менѣе, нашествіе татарскихъ полчищъ со всѣмъ ихъ обездолило: поля были вытоптаны, стада отогнаны, порохъ и снаряды за время продолжительной осады израсходованы. Въ это время казаки прослышали, что царскіе воеводы поставили въ устьѣ Терека другой городокъ, «Новые Терки», и что тамъ собирается новое войско. Сошлись они въ кругъ, думали, толковали и порѣшили бросить свой городокъ. Пушки закопали въ землю, частоколь, надолбы и всѣ деревянныя строенія сожгли, къ великому неудовольствію кабардинскихъ князей. Мамсрюкъ, младшій братъ Темрюка, подговоривши сотни три волжской вольницы, перешелъ съ нею къ Новымъ Теркамъ, а прочіе гребенцы опять расселились по своимъ старымъ мѣстамъ.

Русскіе удалцы издавна охотно посѣщали устье Терека, гдѣ находили обильныя угодыя для рыбнаго и звѣринаго промысла; многіе оставались тутъ на зимовлю, а лѣтомъ ходили

промышлять въ море. Сюда же спасались воровскія шайки отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, очищавшихъ Волгу. Кромѣ русскихъ людей, въ этомъ укромномъ углу находили пріютъ выходцы изъ горцевъ и степныхъ кочевниковъ: кабардинцы, чеченцы, черкесы, ногаи — народъ такой же отпѣтый, на все готовый. Когда воеводы прибыли изъ Астрахани, чтобы ставить тутъ городокъ, вольница явилась къ нимъ съ повинной и оказала на первыхъ порахъ большую помощь. Такимъ поведеніемъ она выслужила свои вины, получила царское прощенье; узнавши про то, часть япцкихъ казаковъ также явилась съ повинной. Войско еще умножилось тѣмъ, что сосѣдній кабардинскій князь, родичъ Темрюка, по имени Джанклишъ, билъ отъ себя челомъ Царю Ивану Васильевичу, да съ Сунжи, какъ уже сказано, прибылъ съ дружиной вольницы Мамсрюкъ. Изъ такихъ-то сходцевъ, русскихъ и нерусскихъ, повелось другое войско, Терское, которое отличалось отъ Гребенскаго своимъ разноязычіемъ и наклонностью къ морскому промыслу. Разноплеменность Терскаго войска еще болѣе увеличилась, когда съ ливонскихъ и литовскихъ городовъ стали насылать сюда въ большомъ числѣ плѣнниковъ, что, конечно, также умножило войско. Терцы жили и управлялись по старымъ казацкимъ обычаямъ, но нарядъ на службу завсѣлъ отъ царскихъ воеводъ. Новокрещеные и вообще всѣ казаки нерусскаго происхожденія подчинялись роду князей Джанклиша: его сыну Сунчалю, внуку Муцалу и правнуку Каспулату.

Русскій городокъ подъ охраной казаковъ разросся въ большой многолюдный городъ, украсился садами и многими общественными зданіями, какъ, напримѣръ: караванъ-сарай, банн, таможенные дворы, приходскія церкви, монастырь, гдѣ крестились иновѣрцы, гостинные дворы и т. п. Въ Теркахъ заторговали шибко: сюда съѣзжались купцы изъ Каффы, что въ Крыму, изъ персидскихъ городовъ, изъ нашей Астрахани. Одинъ верблюжій караванъ смѣнялся другимъ; персидскіе «бусы-кораблики» сегодня разгружались, завтра снова нагружались. — Кромѣ сторожи и развѣдокъ, казаки отбывали государеву службу въ дальнихъ походахъ. Соединенныя дружины гребенцевъ и терцевъ чаще всего водили потомки князя Джан-

кляпша. Они любили казачью удасть и прославили ее въ горахъ Кавказа. Кромѣ того, эти вѣрные слуги царскіе часто вступались въ распри воеводъ съ казаками и приводили ихъ на миръ, въ доброе согласіе. Но хорошее для терцевъ старое время продолжалось недолго; вскорѣ начались бѣды.

Кахетинскій царь Александръ просилъ у государя помощи противъ ихъ стараго и общаго недруга шамхала Тарковскаго, владѣнія котораго примыкали однимъ бокомъ къ Тероку. Вскорѣ послѣ смерти Ивана Васильевича Грознаго, воевода Хворостининъ получилъ повелѣніе выступить изъ Астрахани съ ратными людьми на Терекъ къ старому городку, откуда вмѣстѣ съ гребенцами наступать на владѣнія шамхала. По вѣснѣ 1594 года воевода съ пятитысячной ратью былъ уже на Терекѣ, гдѣ къ нему присоединилось Гребенское войско. Хитрый шамхаль очистилъ передъ русскими не только переправу на Сунжѣ, но даже уступилъ безъ боя Тарки, свою столицу. Засѣли въ немъ русскіе, стали его укрѣплять. Работали въ знойное лѣто, на самомъ солнцепекѣ, что съ непривычки породило болѣзни; особенно изводила злая лихорадка; кромѣ того, оказался недочетъ въ припасахъ. Между тѣмъ полчища шамхала облегли городъ все тѣспѣе и тѣснѣе, а обѣщанная царемъ Кахетин помощь не являлась. Чаше и чаще случались схватки, и какъ ни храбръ былъ воевода Хворостининъ, однако видѣлъ, что дѣло можетъ кончиться въ худую. Составили совѣтъ, на которомъ долго не спорили. Въ темную ночь, побросавъ всѣ лишнія тяжести, русскіе тайкомъ покинули городъ. Шли, шли и вдругъ, при свѣтѣ луны, замѣтили, что сбились съ дороги, бредутъ въ болото. Гребенцы бросились въ разныя стороны и разыскали пастушка. Пока съ его помощью выбрались на дорогу, наступилъ день. Тутъ налетѣла конница шамхала; вдали, въ облакахъ пыли, настигали пѣшіе. Отбиваясь отъ конницы, Хворостининъ приказалъ бросить тяжелый нарядъ (артиллерію), всѣ повозки, даже съ ранеными и больными воинами, лишь бы поскорѣе отойти. Какъ голодные волки бросились татары на добычу, и наши ратники слышали вопли замученныхъ. Въ полдень надвинулась уже вся сила басурманская. Впереді толпы шли муллы, держа надъ головами священныя свитки,

и пронзительно завывали стихами корана. Русская рать то останавливалась, при чемъ строилась «въ кольцо» и отбивалась всѣми силами, то продолжала движеніе, угрожаемая спереди и сзади, сдавленная съ боковъ. Только по закатѣ солнца она добралась до Сулака, гдѣ битва сама собой стихла. Хвостининъ привелъ на Терекъ едва четвертую часть; изъ тысячи гребенцевъ, вернулось 3 сотни.

Черезъ 10 лѣтъ походъ повторился. На этотъ разъ подступила къ Таркамъ 10-ти-тысячная рать, въ которой находились оба казачьи войска, Гребенское и Терекое. Воеводы напомнили русскимъ воинамъ о гибели братьевъ въ этой предательской землѣ и такъ успѣли ихъ одушевить, что тѣ поклялись передъ распятіемъ сложить свои головы. Бутурлинъ повелъ стрѣльцовъ съ одной стороны, Плещеевъ— боярскихъ дѣтей и казаковъ съ другой. Хотя городъ оказался уже укрѣпленнымъ, но войска сразу имъ овладѣли; улицы и площади были завалены множествомъ убитыхъ. Шамхаль бѣжалъ въ горы къ аварскому хану, поручивъ оборону страны своему сыну Муту. Воеводы принялись вторично за городскія стѣны; прежде всего они заложили на верхнемъ уступѣ, гдѣ стояли двѣ высокія башни, каменную крѣпость. Работы шли успѣшно, пока не пристигла зима, а вмѣстѣ съ тѣмъ не повторилась та же бѣда—припасы были на исходѣ. Воеводы были вынуждены отпустить половину стрѣлцкихъ полковъ въ Астрахань. А тѣмъ временемъ Султанъ Муть не дремалъ. Онъ успѣлъ поднять на ноги весь Дагестанъ, собралъ кумыковъ, пригласилъ ногайцевъ, такъ что въ короткое время собралось подъ его начальствомъ до 20-ти тысячъ. Съ этимъ скопищемъ Муть подступилъ къ Таркамъ. Въ ту пору защитники питались уже остатками толокна и вяленой говядины; даже казаки не могли нигдѣ промыслить. Истощенные голодомъ, изнуренные трудами, русскіе люди все-таки оборонялись; особенно вредили неприятелю высокія башни, съ которыхъ отборные пищальники стрѣляли безъ промаха. Вдругъ, одна изъ башенъ влетѣла на воздухъ, даже горы взрогнули, и въ ту же минуту все скопище ринулось на штурмъ. Русскіе не испугались, отбили приступъ. Однако лучшіе стрѣлки и казаки погибли подъ развалинами башни, уничтоженной подкопомъ. Султанъ Муть также

потерпѣлъ не малый уронъ. Зашла рѣчь о мирѣ. Послѣ недолгихъ переговоровъ, согласились на томъ, что русскіе отойдутъ безпрепятственно на Терекъ, больныхъ же и раненыхъ оставятъ до выздоровленія въ городѣ, на попеченіи шамхала; порукой въ томъ, что ихъ доставятъ въ Терки, будетъ служить сынъ Мута, взятый въ заложники. Шамхалъ утвердилъ договоръ шертью на коранѣ, самъ клялся и 10 сановниковъ; сына отдалъ въ аманаты.

Съ пѣснями, подѣ грохотъ бубенъ выступила рать, направляя путь къ тому же Сулаку. И въ станѣ татарскомъ шло ликованье: то былъ праздникъ Байрама. Муллы завывли молитвенные азамы и, войдя въ азартъ, объявили всенародно отпущеніе въ клятвѣ, данной «гяурамъ». На радостяхъ Мутъ приказалъ отдать сотни тузлуковъ, припасенныхъ по случаю его свадьбы съ дочерью аварскаго хана, на угощеніе своихъ полчищъ. Скрытно, какъ волки, стаями, двинулись татары по слѣдамъ русскихъ. Они настигли ихъ на первомъ же ночлегѣ за р. Озень, гдѣ ратники безопасно варили кашу. Упившись бузой, наѣзники врѣзались въ середину стана, такъ что русскіе не могли устроиться, не успѣли зарядить нищалей. За конными нахлынули пѣшія толпы, вооруженныя длинными кинжалами. Ратные люди, стиснутые въ кучи, отбивались стойко, мужественно, въ плѣнъ не сдавались. Воевода Бутурлинъ, богатырь съ длинной сѣдой бородой, собственноручно изрубилъ въ куски аманата, но тотъ былъ не сынъ султана, а подставной татаринъ, приговоренный къ висѣлицѣ. Прошло нѣсколько часовъ страшной рукопашни, обагрившей рѣчку кровью. Пали оба воеводы, полегла вся русская рать. Но и татарамъ не дешево обошлось ихъ вѣроломство: самъ султанъ былъ убитъ изъ первыхъ. Раненые, покинутые въ Таркахъ, погибли самою мучительною смертью: ихъ таскали по улицамъ, надъ ними издѣвались женщины, ругались мальчишки.

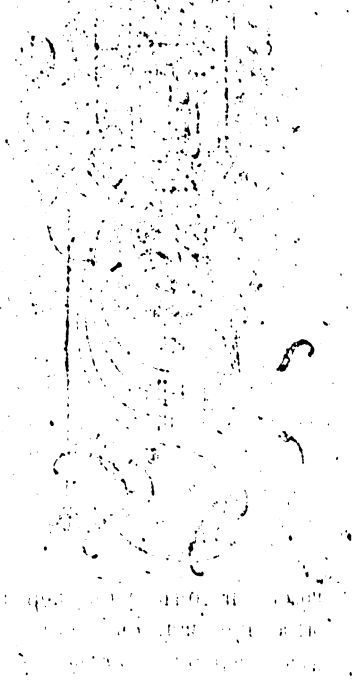
Два такихъ похода сильно поубавили боевую силу казаковъ. Были и другія бѣды, изводившія казаковъ, особенно терскихъ. Они обитали, какъ уже сказано, около Новаго Терка, въ мѣстахъ низменныхъ, болотистыхъ, а, слѣдовательно лихорадочныхъ, къ тому же подверженныхъ частымъ наводненіямъ. Терпя нужду въ хлѣбѣ и питаясь одной «рыбенкой», терцы

годъ отъ году хпрѣли, вымиралн цѣлыми семьями. Многіе погибали на морскомъ промыслѣ. Не только голытьба, но люди семейные, жившіе въ пригородныхъ слободахъ, даже гребенцы, болѣе домовитые, соблазнялись приманкой богатой поживы. Постѣ удачнаго морскаго набѣга, казаки переряжались изъ своихъ сермягъ и лаптей въ бархатные кафтаны, въ сафьяновые сапожки; щеголяли въ атласныхъ рубахахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, и шапкахъ, унизанныхъ жемчугомъ. Только эти богатства приходили не даромъ. Сердитое море много поглотило казачьихъ тѣлъ, да и схватки съ караванами обходились не дешево, тѣмъ болѣе, что казаки набѣгали на «бусы-кораблики» на своихъ досчанникахъ или въ утлыхъ чолнахъ. Ко всѣмъ испытаніямъ терцевъ надо еще прибавить два нашествія кубанскаго сераскира Казы-Гирея, погромившаго ихъ юрты; городокъ едва отбилсѣ. Однимъ словомъ, ко времени воцаренія Петра Великаго, осталось терскихъ казаковъ едва ли третья часть, не больше тысячи. Чтобы прикрыть несчастный городокъ отъ татарскихъ нападений, астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ уговорилъ гребенскихъ казаковъ переселиться изъ-за Сунжи на лѣвый берегъ Терека, что они охотно исполнили. Пovyше Сунженскаго устья гребенцы поставили Червлёный городокъ, а остальные четыре по Тереку впизъ, на разстояніи 80-ти верстъ. Такимъ образомъ 1712-й годъ нужно считать началомъ заселенія Кавказской Лппи, о которой было говорено раньше. Спустя 10 лѣтъ, устья Терека навѣстилъ самъ Царь. Осмотрѣвъ Терки, онъ увидѣлъ его малолуство, бѣдность казачью и приказалъ перевести остатки Терскаго войска на Аграхань. Къ малолуственному Терскому войску была выселена тысяча семейныхъ донцовъ. Тутъ, на болотистой Аграхани, зарывшись въ землянки, тѣ и другіе промаялись еще 12 лѣтъ, пока всѣ завоеванія великаго Царя не отошли опять же къ персіянамъ. Терское войско водворили тогда на Терекѣ, при вновь построенной крѣпости Кизлярѣ. Оно осѣло здѣсь такимъ малолуствомъ, что едва могло выставить на службу 600 казаковъ: старыхъ терцевъ 200, да переселенцевъ, или «семейныхъ», какъ ихъ долго называли, 400 чел. Послѣдніе поставили свои три го-

родка особо, между гребенцами и крѣпостью Кизлярскъ. При
окончательномъ устройствѣ Кавказской Линіи, что было въ
1836 году, Терско-Кизлярское войско переименовано въ Киз-
лярскій полкъ. Такимъ образомъ, оно составило второе звено
Кавказской Линіи; первымъ же ее звеномъ были и остались
гребенцы.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

II.

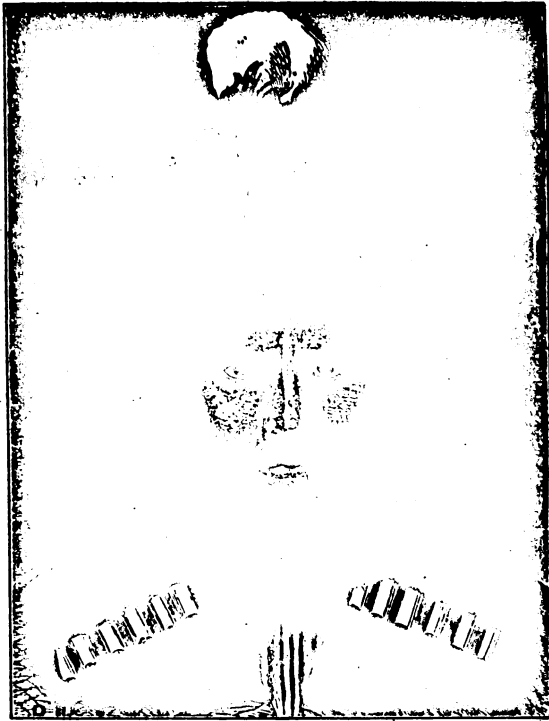
Какъ они жили и отправляли Государеву службу.

е смотря на то, что гребенцы были искони русскіе люди, по плоти и духу, они, войдя въ сосѣдство и дружбу съ горекими народами, позаимствовались отъ нихъ многими обычаями, особенно пригодными въ воинскомъ быту. Кабардинцы давали тогда моду въ горахъ: имъ подражали черкесы, старались подражать грубые и бѣдные чеченцы. Одежда кабардинца состояла изъ верхняго zipуна съ открытой грудиной и бешмета, обшитаго галунами; деревянные патронташи, или хазыри, обдѣланные въ кость, иногда въ серебро, смотря по достаткамъ, носились прежде на

поясѣ, потомъ ужъ перешли на грудь. Праздничная шапка была круглая, съ узкимъ кѣховымъ околышкомъ и суконнымъ верхомъ, также обшитымъ галунами; будничная же

шапка—высокая изъ чернаго бараньяго мѣха. Защитой отъ дождя и снѣга служилъ башлыкъ; бурка замѣняла кабардинцамъ плащъ, служила постелью, одѣяломъ и шатромъ. Какъ плащъ, она прикрываетъ все снаряженіе всадника и

Кабардинецъ.

въ то же время предохраняетъ его отъ сабельныхъ ударовъ; при горячимъ отступленіи, когда нужно спрыгнуть съ кручи, ее набрасываютъ на глаза коню. «Сѣделечко черкасское» даже упоминается въ казацкихъ пѣсняхъ, какъ самая желанная и цѣнная добыча. Богатые князья и уорки покрывали себя доспѣхами московскаго издѣлія; кольчуги, шишаки, стальные поручни—все это было не по карману казакамъ, но одежду и все прочее снаряженіе, равно выправку, ухватки лихова наезд-

ничества они скоро переняли отъ рыцарей Кабарды. Въ свою очередь, гребенцы стали примѣромъ подражанія и зависти для другихъ позднѣйшихъ поселенцевъ Кавказской Линіи. Какъ черноморцы прославились своимъ пластуствомъ, въ такую-же славу вошла лихость и удача липейцевъ. На нихъ пріѣзжали взглянуть лучшіе наѣзники изъ англичанъ и венгерцевъ. Они переносились съ быстротою молніи, летали со стремителемъ и переплывали бѣшеные потоки, крались какъ кошки въ глубокихъ ущельяхъ или дремучихъ лѣсахъ, исчезали въ травѣ или подъ бугромъ, лежа неподвижно со своимъ вѣрнымъ конемъ.

Что касается жилья, гребенцы ставили свои дома по-русски, прочно, окружая ихъ общей оградой или городкомъ съ вышками. Зато внутреннее убранство во многомъ было сходно съ кабардинскимъ: въ одномъ углу висѣло на стѣнѣ оружіе, разные доспѣхи; въ другомъ стояла постель, а на самомъ видномъ мѣстѣ, на полочкахъ, блестя нарядно разставленная домашняя посуда; въ красномъ углу, какъ водится, висѣлъ кіотъ съ образами. Если случались въ гостяхъ у казака кабардинцы или кумыки, образная пелена поднималась вверхъ, скрывая такимъ образомъ святыню. Въмѣсто телѣги гребенцы стали употреблять двухколесную арбу и ѣздить на быкахъ; конь же остался для сѣдла. Легкій кабардинскій плугъ и самый способъ обработки земли, гдѣ пахутъ мелко, также цѣлкомъ перешелъ къ казакамъ. Кромѣ земледѣлія, трудолюбивые гребенцы издавна занимаются разведеніемъ винограда, шелковичныхъ червей и марены, что идетъ на краску.— «Гдѣ виноградная лоза, говорятъ на Терекѣ, тамъ и женская краса, тамъ и мужская храбрость и веселая бесѣдушка за чапурой родительска вина». Гребенцы сбывали свои вино въ Терки, а марену продавали наѣзникамъ персидскимъ купцамъ. И рыбкой они пользовались: въ Терекѣ водилась лосось, въ родѣ нашей семги, рыба очень вкусная. Такъ какъ на правомъ берегу издавна рыбачили чеченцы и кумыки, то этотъ промыселъ не считался особенно доходнымъ.

Въ домашнемъ быту терскихъ и гребенскихъ казаковъ всѣ работы исполняла женщина, съ придачей въ помощь ей работница, ногойца или чеченца. Казакъ же зналъ только служебные наряды да походы, зналъ однѣ побѣжки, то на тревогу около своихъ городковъ, то на подмогу какому-нибудь кабар-

динскому князю, затѣвавшему усобицу; еще по душѣ ему были ночные паѣзды подь ногайскіе табуны, а въ ину пору молодекіе поиски на Синее море. Тутъ ужъ терцы давали урядъ. Во времена затишья казаки ходили въ «гульбу», т. е. травить звѣря или стрѣлять птиць. Около гребенскихъ городковъ, въ лѣсахъ, водились дикіе кабаны, козы, кошки; тамъ перелетали съ вѣтки на вѣтку терскіе фазаны, плодились журавли съ двумя хохликами и разная другая мелкая птица. Съ особенной охотой казаки ходили по наряду въ кабардинскія горы бить оленей и «штейнбоковъ», по-нашему горшыхъ козловъ, которыхъ нарочито доставляли къ царскому столу. Оставаясь дома, казакъ въ досужее время ладилъ плетень, чистилъ ружье, вязалъ уздечку. Всѣмъ остальнымъ дѣломъ, включая и заботу о конѣ, заправляла казачка. Она сѣдала коня, подводила его мужу, по возвращеніи съ похода она же первая съ низкимъ поклономъ его встрѣчала, водила коня по двору и снимала сѣдло; но горе казаку, если его саквы оказывались пусты.

Какъ повелось у другихъ казаковъ, войсковою кругъ рѣшаль всѣ дѣла, касающіяся войска. Онъ же судилъ виновныхъ. Въ этомъ случаѣ казаки слѣдовали мудрому правилу черноморцевъ, которые говорили про виноватаго: «Берите его, да бийте швидче (скорѣе), а то відбрешется (отоврется)!» Однажды на Дону посадили въ воду московскаго воеводу Карамышева, за то, что онъ не скинулъ шапку при чтеніи царской грамоты, а стоялъ «закуся бороду». Ежегодно войско избирало вольными голосами свою старшину, или начальство: войсковаго атамана, которому вручалась насѣка, или цалица, оправленная въ серебро; войсковаго есаула, наблюдавшаго за порядкомъ въ войскѣ, за исполненіемъ постановленій войсковаго круга; войсковаго хорунжаго, который хранилъ знамя и выносилъ его въ кругъ предъ лицомъ атамана, или же бралъ на свое попеченіе во время походовъ. Войсковою писарь, или впоследствии дьякъ, въ ту давнюю пору, когда мало занимались отпиской, былъ не великій человекъ. Гораздо больше значилъ, чѣмъ всѣ упомянутыя лица, совѣтъ почтенныхъ казаковъ, отличенныхъ по своему уму, заслугамъ войску или сабельнымъ рубцамъ. Совершенно такое же устройство имѣлъ каждый отдѣльный городокъ и станичный кругъ судилъ своего казака тѣмъ же за-

вѣщеннымъ отъ отцовъ обычаемъ. «Такъ установили отцы», говаривали старые казаки, противъ чего никто не могъ прекословить.

Въ нѣкоторыхъ городкахъ старина и ея завѣты соблюдались строже, въ другихъ слабѣе. Такъ жители Червленной станицы издавна отличались большимъ хлѣбосольствомъ, привѣтливостью; женщины тамъ держали себя свободнѣе, казаки слыли первыми наѣздниками. Населеніе другихъ городковъ глядѣло какъ то суровѣе; отъ него вѣяло точно холодомъ: это мрачные постники, побывавшіе въ иргизскихъ монастыряхъ; отъ нихъ исходило нареканіе на червленскихъ, что тамъ вѣра не крѣпка. Когда гонимые на Руси расколоучители стали скрываться въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ окраинахъ, они, между прочимъ, излюбили Куму и Терекъ. Число скитовъ, а равно и скитниковъ, съ каждымъ годомъ умножалось. Скитами назывались маленькія уединенныя крѣпостцы, огражденные высокимъ частоколомъ и охраняемыя постами съ высокихъ деревьевъ. Въ скиту устраивалась обыкновенно молельня, гдѣ ставили старые образа, восьмиконечные кресты; тамъ молились двуперстнымъ сложеніемъ, читали и пѣли по старопечатнымъ книгамъ, ходили по солнцу. Молитва и чтеніе въ безмолвной лѣсной пустыни, видъ согбеннаго старца въ клобукѣ и мантии, нерѣдко въ желѣзныхъ веригахъ, привлекалъ казаковъ, искавшихъ духовнаго утѣшенія. Предвѣщанія отшельниковъ, обречшихъ себя на нищету и опасности скитальческой жизни, получили силу пророчествъ; простодушные казаки повѣрили, что спасеніе можно найти только въ старопечатныхъ книгахъ. Скоро скитники стали находить пріютъ въ самыхъ городкахъ, почему православные храмы закрывались и пастыри оставались безъ пасомыхъ. Но казаки, чтя церковную старину, никогда не были изувѣрами: они старовѣры, но не раскольники.

Воинскій урядъ терцевъ или гребенцовъ ни въ чемъ не отличался отъ порядковъ въ остальныхъ казачьихъ дружинахъ. Походные казаки, прежде чѣмъ сѣсть на-конь или въ струги, рассчитывались на десятки, полусотни и сотни; тутъ же выбиралось вольными голосами походное начальство, начиная съ десятника и кончая походнымъ атаманомъ. Если послѣдній приходится по душѣ казакамъ, они творили съ нимъ чудеса храб-

рости. Власти такого атамана не было предѣла: жизнь и смерть ослушника зависѣли отъ единого его слова или единого знака. Службу казаки начинали въ то время рано, по 15-му году; освобождались отъ нея лишь люди престарѣлые да калѣки безногіе, но бывало, что и старецъ древній карабкается на вышку, чтобы постеречь станицу, пока вернутся походные казаки. Малолѣтки, становясь въ ряды, поступали какъ бы подъ опеку своихъ сродниковъ. Ихъ оберегали въ походѣ, прикрывали своею грудью въ кровавой свалкѣ. Зато на привалахъ или ночлегахъ, когда старые казаки отдыхали, малолѣтки приучались къ сторожевой службѣ; какъ это водилось у горцевъ, они оберегали коней, обходили дозоромъ, окликали встрѣчныхъ.

Съ водвореніемъ гребенцовъ на лѣвомъ берегу Терека одинъ пятисотенный полкъ постоянно находился на Государевой службѣ; на него отпускалось изъ казны денежное и хлѣбное жалованье; прочіе казаки отбывали службу на мѣстѣ и служили по казачьему выраженію «съ воды да съ травы» т. е. безъ всякаго содержанія. За полученіемъ денежнаго жалованья ежегодно выряжалась съ Терека зимовая станица съ войсковымъ атаманомъ. Казаки очень дорожили этимъ правомъ предстать предъ царскія очи, слышать себѣ похвалу и получить подарки. Войскового атамана жаловали по обычаю почетною саблей и серебрянымъ ковшемъ; войскового есаула, писаря, сотника и казаковъ— когда деньгами, когда соболями. Иногда станица привозила на родину Высочайше пожалованныя знамена. Уже въ то далекое время прошла по Руси молва объ испытанной вѣрности и воинской доблести казаковъ, сидѣвшихъ на Терекѣ. Про нихъ говорили, что они не знаютъ заячьяго отступленія: при встрѣчѣ съ врагомъ многочисленнымъ схватываются съ коней и бьются на мѣстѣ. Такъ у нихъ повелось изстари и такъ осталось навсегда. Въ совмѣстныхъ и дальнихъ походахъ съ ратными людьми, казаки, въ маломъ числѣ, съумѣли отличить себя, подать примѣръ неслыханной въ ту пору отваги. Въ украинскихъ походахъ время Царя Алексѣя Михайловича, они были подъ Чигириномъ, въ нынѣшней Кіевской губерніи, гдѣ съ царскими ратными людьми «людей турецкихъ и крымскихъ побили, съ чигиринскихъ горъ окопы ихъ, городки, обозы, наметы, пушки и знамена сбили, многіе языки поймали, отчего визирь тур-

скаго султана и крымскій ханъ, видя надъ собой такіе промыслы и поиски, отъ обозовъ отступили и пошли въ свои земли». — Такъ было сказано въ царской грамотѣ, данной Каспулату Черкасскому, водившему казаковъ.

Въ малолѣтство Петра Великаго гребенцы и терцы ходили добывать Крымъ; когда же Царь двинулъ свою рать подъ Азовъ, казаки вышли навстрѣчу передовому корпусу Гордона къ царщинской переволочкѣ; потомъ, вмѣстѣ съ прочими войсками, раздѣляли труды и славу успѣха. Сильно закручинился Царь, когда пришлось снова вернуть Азовъ въ руки невѣрныхъ. Онъ добывалъ море, искалъ выгодныхъ путей русской торговлѣ а море не давалось. Тутъ то онъ надумался двинуть въ Хиву воинскій отрядъ, чтобы завязать съ ней торговлю, а потомъ, со временемъ, пройти кратчайшимъ путемъ въ Индію, которая сулила еще больше выгодъ. Въ 1717 году у Гурьева городка собралось 6,000 войска, въ томъ числѣ Гребенскій полкъ и часть терцевъ. Въ памяти гребенцевъ остался рассказъ казака Ивана Демушкина, участника несчастнаго похода. Иванъ Демушкинъ ушелъ въ походъ молодымъ, а вернулся сѣдымъ какъ лунъ старцемъ, глухимъ подслѣповатымъ. Не зналъ онъ даже, что городокъ Червленый перенесенъ на другое мѣсто. Ползаетъ ветхій днями старикъ по городищу, ищетъ ворота, разыскиваетъ плетни, свою улицу и домишко, гдѣ онъ возросъ, гдѣ онъ игрывалъ еще малымъ ребенкомъ — ничего не находитъ, кромѣ заросшихъ бурьяномъ покнутыхъ ямъ; ни людей, ни слѣдовъ людскихъ — все сгнуло, пропало навѣки! Удрученный горемъ старикъ повернулся къ рѣкѣ и надрывающимся отъ слезъ голосомъ воскликнулъ:

«Скажи мнѣ, Терекъ Горынычъ, батюшка ты нашъ родимый, что случилось съ нашимъ городкомъ Червленымъ?» — Тронулся Горынычъ воплемъ старца, поднесъ ему сулукъ чистой какъ слеза водицы и утѣшилъ его вѣсточкой, что городокъ здравствуетъ понынѣ; потомъ, полюбопытствовавъ, сталъ расспрашивать: «Откуда странникъ ты бредешь и самъ ты кто таковъ?» — Тутъ Иванъ Демушкинъ присѣлъ на камешекъ и повѣдалъ скорбную повѣсть о хивинскомъ походѣ.

«Вѣдомо тебѣ, Терекъ Горынычъ, какъ мы взяли отъ отцовъ и матерей родительское благословеніе, какъ распроща-

лись съ женами, съ дѣтьми, съ братьями да сестрами и отправилсь къ Гурьеву городку, гдѣ стоялъ князь Бековичъ-Черкасскій. Съ того сборнаго мѣста начался нашъ походъ безталанный, черезъ недѣлю или двѣ послѣ Красной горки. Потянулась передъ нами степь безлюдная, жары наступили нестерпимые. Идемъ мы песками сыпучими, воду пьемъ соленую и горькую, кормимся казеннымъ сухарикомъ, а домашнія кокурки давно ужъ постратили. Гдѣ трафится бурьянъ, колючка какая, сваримъ кашу, а посчастливится, подстрѣлимъ сайгака, поѣдимъ печенаго мяса. Недѣли черезъ три кони у насъ крѣпко исхудали, а еще черезъ недѣлку стали падать, и казенные верблюды почали валиться. На седьмой или восьмой недѣлѣ мы дошли до большихъ озеръ: сказывали япцкіе казаки, рѣка тамъ больно перепружена. До этого мѣста киргизы и трухмены два раза нападали,—мы ихъ оба раза какъ мякшу по степи развѣяли. Япцкіе казаки дивовались, какъ мы супротивъ длинныхъ киргизскихъ пики въ пашки ходили, а мы какъ понажемемъ халатниковъ да погонимъ по-кабардинскому, такъ они и пики свои по полю побросаютъ; подберемъ мы эти шести оберемками, да послѣ на дрова порубимъ и каши наваримъ. Такъ-то.

У озеръ князь Бековичъ приказалъ дѣлать окопъ: прошель, вишь, слухъ, что идетъ на нашъ отрядъ самъ ханъ хивинскій съ силой великой, басурманской. И точно, подошла орда несмѣтная. Билась она три дня, не смогла насъ одолѣть, на четвертый—и слѣдъ ея простыть. Мы тронулись къ Хивѣ. Тутъ было намъ небесное видѣніе. Солнышко пекло, пекло, да вдругъ стало примеркать; дошло до того, что остался отъ него одинъ краешекъ. Сдѣлалсь среди бѣла дня сумерки. Въ отрядѣ все притихло, на всѣхъ нашель страхъ. Лошади и верблюды ежата, какъ бы чуютъ звѣря. Мы крестимся, говоримъ про себя: «Господи Исусе!» а какіе были въ отрядѣ татары, тѣ раскинули по песку свои епанчи и стали дѣлать поклоненіе явленному въ денную пору молодому мѣсяцу. Прошло полчаса, коли не больше, потомъ, солнце начало мало-помалу открываться, прогонять бѣсовскій мракъ и опять засіяло во всю силу. Пошелъ по отряду говоръ, только не веселый говоръ. Всѣ старые люди, казаки, драгуны, астра-

ханскіе купцы—въ одинъ голосъ сказали: «Сіе знаменіе на радость магометанъ, а намъ не къ добру».

Такъ оно и вышло. За одинъ переходъ до Хивы ханъ замирился, прислалъ князю Бековичу подарки, просилъ остановить войско, а самого князя звалъ въ гости въ свой хивинскій дворець. Бековичъ взялъ съ собою нашихъ гребенскихъ казаковъ, 300 человекъ, подъ коими еще держались кони; и я съ дядей Ювомъ попалъ въ эту честь. Убрались мы въ новые чекмени, надѣли бешметы съ галуномъ; коней посѣдлали наборной сбруей, и въ такомъ нарядѣ въѣхали въ Хиву. У воротъ насъ встрѣтили знатные ханскіе вельможи, низко кланялись они князю, а намъ съ усмѣшкой говорили: «Черкесь-казакъ якши, рака будетъ кушай!» — Ужъ и дали они намъ рака, пзмѣшники треклятые! — Повели черезъ городъ, а тамъ были заранѣе положены двѣ засады. Идемъ мы это улочкой, по 2, по 3 рядомъ больше никакъ нельзя, потому улочка узенькая, изгибается какъ змѣя, и заднимъ не видать переднихъ. Какъ только миновали мы первую засаду, она поднялась, запрудила улочку и бросилась на нашихъ заднихъ, а вторая загородила дорогу переднимъ. Не знаютъ наши, впередъ ли дѣйствовать или назадъ. А въ это время показалась орда съ обохъ боковъ и давай жарить съ заборовъ, съ крышъ, съ деревьевъ. Вотъ въ какую западню мы втюрились! И не приведи Господи, какое началось тамъ побоище: пули и камни сыпались на насъ со всѣхъ сторонъ, даже пиками трехъ-саженными допымали насъ сверху, шишъ, какъ рыбу багрятъ вимой на Шикѣ. Старшины съ самаго начала крикнули: «Съ конь долой, ружье въ руки!» а потомъ подають голосъ: «Въ кучу, молодцы, въ кучу!» — Куда-жъ тамъ въ кучу, коли двумъ человекамъ обернуться погдѣ! — Бились въ растяжку, бились не на животъ а на смерть, поколь ни одного человека не осталось на ногахъ. Раненые и тѣ отбивались лежачіе, по хотѣли отданаться въ полонъ. Подъ конецъ дѣла, панихъ раненыхъ тонтали въ переполохѣ свои же лошади, а хивинцы ихъ дорѣзали. Ни одинъ человекъ не вышелъ изъ треклятой трущобы, всѣ полегли. Не пощадили изверги и казачьи труповъ: у нихъ отрѣзывали головы, вадѣвали на пика и носили по базарамъ. Бековича схватили раненаго, какъ видно

не тяжело, поволобли во дворець и тамъ вымучили у него приказъ, чтобы отрядъ расходился маъыми частями по ауламъ, на фатеры; а когда разошлись такимъ глупымъ порядкомъ, въ тѣ поры однихъ побили, другихъ разобрали по рукамъ и повернули въ ясыри. Послѣ того какъ Баковичъ подписалъ такой приказъ, съ него еще живого сдирали кожу, приговаривая: «Не ходи, Давлетъ, въ нашу землю, не отнимай у насъ Амудари-рѣки, не ищи золотыхъ песковъ».

Я безотлучно находился съ боку дяди Юва. Когда спѣшились, онъ велѣлъ мнѣ держать коней, а самъ все отстрѣливался. «Держи, держи, говорилъ: дасть Богъ отмахаемся, да опять на-конь и погонимъ ихъ поганцевъ!..» Тутъ покойникъ неладно изругался, а меня вдругъ трахнуло по головѣ, и я повалился безъ чувствъ лошадямъ подъ ноги. Очнулся не на радость себѣ, во дворѣ одного зпатнаго хивинца; дворъ большой, вокругъ меня народъ, а дядина голова, смотрю, торчитъ на пикѣ. На меня надѣли цѣпь какъ на собаку, и съ того страшнаго дня началась моя долгая, горькая неволя. Нѣтъ злѣе каторги на свѣтѣ, какъ жить въ ясыряхъ у бусурманъ!» — Хивинскій плѣнникъ кончилъ свой рассказъ. Когда онъ поднялъ глаза, то увидѣлъ, что по лицу Горыныча катятся дробныя слезы. — «По комъ ты плачешь, Терекъ Горынычъ?» — «По гребенскимъ моимъ по казачькамъ. Какъ-то я буду отвѣтъ держать передъ грознымъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ?» печально промолвилъ Горынычъ.

Кромѣ Ивана Демушкина вернулся еще Шадринскаго городка казакъ Петръ Стрѣлковъ. Послѣдняго до самой смерти звали «хивиномъ», и это прозвище унаслѣдовали его дѣти.

III.

Кавказская Линія.

о границѣ Черноморья протекала Кубань, раздѣлявшая два враждебныхъ стана; на Линіи такое же значеніе имѣлъ Терекъ, впоследствии Сунжа и другія кавказскія рѣки. И тамъ, и тутъ казаки больше оборонялись, а горцы нападали, отчего сложились особая привычки, особая военныя сноровки. Терекъ заправлялъ всѣмъ ходомъ дѣла. Онъ бурлитъ — казакъ лежитъ; онъ молчитъ — казакъ не спитъ, точно слышитъ: «Не спи, казакъ, во тьмѣ ночной, чеченецъ ходитъ за рѣкой». — На Линіи жизнь была особая, тревожная. Подъ охраной станицы находилось не только все домашнее, но и полевое

хозяйство. Какъ только скрывалось кавказское солнышко, все живое спѣшило подь защиту ограды. Въ опустѣломъ полѣ тихо и осторожно ѣдетъ вооруженный, закутанный въ бурки и башлыки, ночной разъѣздъ. А тамъ, на берегу рѣки, залегъ невидимый почной секретъ, слушаетъ въ оба, не плещеть ли Горынычъ? Прошла тревожная ночь, наступаетъ разсвѣтъ. Однакоже, никто не тронется изъ станицы, прежде чѣмъ не съѣдутся утренніе разъѣзды, да не объявятъ, что вездѣ тихо. Ни въ какую работу, ни въ какую поѣздку казакъ не отправлялся безъ оружія, даже отдыхать подь сѣнью родительской винтовки. Когда казаки выходили на работу въ сады, ихъ провожали подростки и тихошко занимали посты на высокихъ деревьяхъ. Внизу раздавалась дѣвичья пѣсня:

„Въ саду дѣвушки гуляли,
Со травы цвѣточки рвали,
Вѣночки плели,
Всякая себѣ“...

а наверху бодрствовалъ братишка. Если же бдительность ослабѣвала, то слѣдовало «расплохъ». Подобно шакаламъ или гіенамъ выростали изъ земли чеченцы, эти мастера на засады, мгновенно производили рѣзню и хватали добычу: отгоняли скотъ, лошадей, уводили жепцинь, дѣтой; остальное, чего не могли взять, безжалостно разрушали, истребляли огнемъ. А по то, бывало, подползуть темной ночью вдвоемъ, втроемъ, вырѣжутъ книжалами прорѣху въ плетивъ и вынодятъ черезъ нее корювъ либо быковъ, что тамъ ближе случится. На такія продѣлки были особенно способны абреки. Какъ только ударялъ колоколъ, вспѣвшій у сѣзжей избы, мгновенно вскипала тревога. Для тревоги не было урочнаго часа; она прерывала и работу, и забаву, плачь и веселье; она нарушала самыя снятые обряды. Однажды, при выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, былъ выхваченъ молодой. По тревогѣ выбѣгалъ станичный резервъ; погоня неслась за Терокъ на одинъ перегонъ добраго коня. Иногда удавалось отбить и полонъ, и добычу, но случалось и нарѣзаться на засаду. Тутъ линейцы спѣшивались и бились, пока не получали подмоги или пока не бывали сами перебиты. Если отсталые въ погонѣ завидятъ, что ихъ товарищи стиснуты огромнымъ скопищемъ, они никогда ихъ не покинуть: пробьются, чтобы испить вмѣстѣ съ братьями смерт-

ную чашу. Самые великіе подвиги стали на Линіи дѣломъ обычнымъ. Былъ однажды такой случай. Казакъ Новогладковской станицы выѣхалъ съ женой въ свой садъ на работу. Абреки, сидѣвшіе за плетнемъ, выждали, когда казакъ сталъ распрягать воловъ, ранили его выстрѣломъ, подхватили его самого, жену, быковъ и подались къ Тереку. Работавшій въ сосѣднемъ саду Василій Дохторовъ, услышавши выстрѣлъ, побѣжалъ на мѣсто происшествія, оттуда, по слѣдамъ крови, къ берегу. Чеченцы уже успѣли подвязать турлуки и спуститься вмѣстѣ съ добычей на воду. Тогда Дохторовъ сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ и, выхвативъ шашку, бросился въ Терекъ съ крикомъ: «Сюда, братушки, за мной!» — Чеченцы дались въ обманы: покинули полощъ, сами дальше, на-утекъ. Дохторовъ взвалилъ раненаго товарища себѣ на плечи, а женѣ подаль налыгачъ, которымъ связываютъ быковъ. Съ такими-то трофеями побѣдитель торжественно вступилъ въ станицу. Его наградили крестомъ.

Между станцами стояли отдѣльные посты, или небольшія плетенныя крѣпостцы, съ вышкой для постового казака. Днемъ наблюдали съ вышки, на ночь выражались секреты, какъ на Кубани. При большихъ тревогахъ не только всѣ постовые казаки спѣшили примкнуть къ резервамъ, но садился на-конь всякій, кто былъ въ ту пору дома. Это случалось обыкновенно въ морозныя зимы, когда Терекъ покрывался льдомъ. Собираясь въ большихъ силахъ на Линію, горцы всегда задавались мыслию смести казаковъ съ лица земли и пройти до самаго Дона, гдѣ, по ихъ мнѣнію, копчается Русь. Сборы производились тайно, по свойственной азіатамъ болтливость и страсть къ вѣстямъ породили ремесло лазутчиковъ: эти почныя птицы разносили по станицамъ угрожающія вѣсти, какъ только горцы садились на коней. Чаще всего они, впрочемъ, служили и нашимъ, и вашимъ.

Такъ же почти было и на всей Кавказской Линіи: такая же тревожная жизнь, одинакіе порядки. Разница лишь въ томъ, что гребенцы поставили свои городки раньше, остальные пристроились позже. Такъ, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины, въ лѣсистомъ урочищѣ Мездогу было построено небольшое укрѣпленіе, названное Моздокомъ, для при-

крытія переселившихся сюда преданныхъ намъ кабардинцевъ. Вскорѣ форпостъ этотъ былъ превращенъ въ сильную крѣпость, вооруженную 40 пушками; для прислуги при орудіяхъ выселили съ Дона сто семейныхъ казаковъ, населившихъ Луковскую станицу. Такъ какъ горская команда оказалась слишкомъ слаба и ненадежна, то тогда же перевели съ Волги болѣе 500 семей и поселили ихъ пятью станицами между Моздокомъ и Гребенскимъ войскомъ, каждую станицу вооружили трехъ-фунтовыми пушками, а для артиллерійской службы вызвали еще 250 семей съ Дона; подъ названіемъ капошировъ ихъ распредѣлили по всѣмъ станицамъ по-ровну. Это линейное поселеніе получило названіе Моздокскаго полка. Кабардинцы недружелюбно смотрѣли, какъ подъ посомъ у нихъ строилась сильная крѣпость. По ихъ проискамъ Шабазъ-гирей, крымскій калга, выступилъ съ громаднымъ полчищемъ татаръ и закубанскихъ горцевъ, къ которымъ пристало 500 некрасовцовъ. Это было въ 1774 году. Половина орды вступила въ Кабарду, чтобы поднять ее противъ новой крѣпости, а другая, числомъ до 10 т., бросилась на станицы Моздокскаго полка. Четыре станицы были сметены въ одинъ мигъ; казаки съ семействами укрылись въ пятую, Наурскую, которая считалась лучше укрѣпленной. Шесть дней татары приступали къ валамъ и шесть дней казаки отбивались, не сходя съ валовъ. Костры не потухали ни на минуту: старики и женщины грѣли смолу, кипятили воду и обливали ею сверху, когда ожесточенный врагъ карабкался на брустверь; если не хватало воды, защитники не жалѣли горячихъ щей, лишь бы чѣмъ-нибудь сдержать бушевавшія толпы. Стоя рядомъ съ мужьями и братьями, моздокскія казачки металы въ гущу неприятеля топоры, косили его косами, колоты ухватами, вилами. Въ то же время, подростки и ветхіе старцы перетаскивали, крихтя, чугунныя пушечки, куда приказывалъ Савольвъ. Дѣломъ всей защиты заправлялъ Иванъ Дмитріевичъ Савольвъ, извѣстный впоследствии кавказскій генералъ. Чтобы уберечься отъ сильнаго огня наурцевъ, татары поставили на арбы деревянные щиты; подъ ихъ защитой, скопище двинулось на штурмъ, съ оглушительнымъ боемъ, при усиленномъ метаніи стрѣлъ. Казалось, наступалъ послѣдній часъ геройской защиты. Непри-

тель вскарабкался на валъ; въ кровавой рукопашной все смѣшалось: свои и чужіе, старые и малые. Послѣднія силы напрягали наурцы. Среди вопля сражавшихся, треска и ударовъ оружія, они слышали ободряющіе крики некрасовцевъ, стоявшихъ въ сторонкѣ: «Подержитесь, братья, еще, еще немного! Сбейте его, нехрестя! Сегодня же сбѣжить: все равно съ голоду помреть—жрать ему нечего!»

Разсказываютъ, что казаку Перепорху удалось счастливымъ выстрѣломъ изъ своей пушечки сорвать высокую ставку калги, при чемъ ядро свалило на смерть его любимаго племянника, юношу-красавца. Тутъ калга, пораженный горемъ, повернулъ свою орду вспять.—Какъ бы то ни было, но наурцы отбили, и хотя 4 станицы лежали въ развалинахъ, зато уцѣлѣлъ Моздокъ, главный оплотъ Липши, которая, мало-по-малу, обстроилась вновь. Долго еще при встрѣчѣ кабардинца съ обожженнымъ лицомъ, лицецъ не пропускалъ случая спросить: «А что, досъ (пріятель), не щил ли въ Наурѣ хлѣбаль?» И кабардинцы никакъ не могли забыть того стыда, что ихъ отбили бабы.

Изъ другой половины Волгскихъ казаковъ, числомъ около 5 тысячъ, былъ составленъ Волгскій полкъ, поселенный пятью станицами рядомъ съ Моздокскимъ, отъ Моздока до Ново-георгіевска, значить—вверхъ по Тереку и по верховьямъ Кумы, примѣрно верстъ на 200. Случилось такъ, что казаки этого полка были въ отлучкѣ, въ дальнемъ походѣ, о чемъ провѣдали горцы и напали на одно изъ передовыхъ укрѣпленій. Тутъ отбили отъ нихъ картечью. Тогда горцы бросились на сосѣднюю беззащитную станицу, въ надеждѣ сорвать на ней свою неудачу. Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли на валахъ густые ряды вооруженныхъ казаковъ; при первомъ появленіи партіи, выпалила даже сигнальная пушка. Горцы прошли мимо, станица уцѣлѣла. А это оказались волгскія казачки: онѣ поспѣшно обрадились—которая въ башлыкѣ, которая въ бурку и, подхвативъ подростковъ, высыпали на валъ съ вооруженіемъ, присвоеннымъ женскому полу: съ ухватами, кочергами, метлами и т. п. Сперва онѣ рассчитывали только «помаячить», но затѣмъ, если бы пришлось, могли за себя и постоять.

Остальная часть передовой Линіи замкнулась частью поселенцами съ Дона, частью изъ однодворцевъ Слободско-Украинской губерніи. Они составили три полка, расположенные вдоль Кубани: Кавказскій, примкнувшій къ черноморцамъ, Кубанскій и Хоперскій по сосѣдству съ Кавказскимъ. Но этимъ заселеніе Линіи не кончилось. По мѣрѣ углубленія, обнажались верхи рѣкъ, впадающихъ въ Терекъ и Кубань; прочное ихъ занятіе заключалось въ ностройкѣ укрѣпленій и водвореніи станицъ, населенныхъ казаками. Тутъ возникли поселенія Горскаго, двухъ Владикавказскихъ, Сунженскихъ и Лабинскихъ полковъ. Горскій полкъ водворилъ Ермоловъ между моздокцами и волгцами, при чемъ главной ихъ станицей назначилъ Екатериноградскую. А названіе свое полкъ получилъ оттого, что къ нему была причислена горская команда, проживавшая въ Моздокѣ; но эти «моздокскіе братья» не хотѣли брататься съ казаками; они какъ волки глядѣли больше въ лѣсъ. Гораздо надежнѣе оказались крестьяне, переименованные въ казаки, какъ, напр., это было въ Ставропольскомъ полку. Они быстро «оказывались», потому что росли на Линіи и мужали среди бранныхъ тревогъ, сжились и сроднились съ неутомимыми и закаленными борцами за ея охрану. Вообще же, заселеніе передовыхъ Линій шло такимъ порядкомъ, что старые линейцы то по охотѣ, то по жребію или станичнымъ приговорамъ покидали дѣдовскіе очаги и шли въ горы со своими семействами, имуществомъ; мѣста ихъ попольнялись выходцами съ Руси. Окончательно упрочилась и замкнулась Кавказская Линія сравнительно недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ; при Бяратинскомъ полку, поселенные по Кубани съ ея притоками, получили общее названіе Кубанскаго войска, а полки по Тереку съ его притоками — Терскаго войска. Такимъ образомъ, старыя и славныя имена Линейцевъ и Черноморцевъ были преданы забвенію.

Конечно, если бы горцы оставались тѣми же добрыми друзьями, какими мы знали ихъ вначалѣ, не было надобности выводить на Линію столько людей, тратить столько денегъ на сооруженіе крѣпостей. Прежде нищія, чеченцы вдругъ стали алчны къ золоту, вообще къ легкой наживѣ путемъ грабежа; кабардинцы и безъ того слыли за народъ воинственный; у

них издавна славилось удалство и храбрость. Но тут были и другія, болѣе важныя причины, раздувшія кровавую долготѣнную борьбу на жизнь или смерть. Среди горцевъ по временамъ появлялись проповѣдники, которые пытались то силою своего слова, то мнимыми чудесами или похвалбой соединить доселѣ разрозненныя и враждебныя племена, возжечь въ нихъ ненависть къ пришельцамъ, т. е. русскимъ, и разомъ ополчиться противъ враговъ Магомета. Лучше другихъ удалось это дѣло Шамилю, который умѣлъ подчинить себѣ горцевъ, управлять ими всевластно, посылать на вѣрную смерть; но пророки стали появляться гораздо раньше. Таковъ былъ, напримѣръ, шейхъ Мансуръ, родомъ чеченецъ, изъ селенія Алды, занятіемъ пастухъ. Чеченцы повѣрили его розказнямъ, будто среди ночи явились къ нему два всадника и приказали именемъ Божиимъ итти на проповѣдь. Раздѣливъ скудные достатки между бѣдными, Мансуръ сталъ пророчествовать, при чемъ обѣщаль награду тѣмъ, кто ему повѣритъ, и грозилъ вѣчнымъ срамомъ своимъ противникамъ. «Когда наступитъ время сражаться, говорилъ пророкъ, тогда каждый изъ васъ получитъ отъ меня по небольшому ножу, который при каждомъ взмахѣ противъ христіанъ будетъ удлиняться, колоть и рубить невѣрныхъ, а противъ магометанъ будетъ скрываться. Всѣ жители русскихъ селеній послѣдуютъ нашему закону». Жители селенія Алды, по его примѣру и внушенію, перестали курить табакъ, пить бузу, начали одѣваться по-турецки и составили вокругъ пророка особую стражу. Однажды онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: «Сегодня я умру, но вы меня не хороните до другаго дня, и ежели я въ этотъ срокъ не возстану изъ мертвыхъ, то тогда погребите». Прикинувшись мертвымъ, Мансуръ пролежалъ безъ движенія цѣлыя сутки, потомъ возсталъ ко всеобщему удивленію. Разказъ о его смерти и воскресеніи быстро разнесся по чеченскимъ ауламъ. Слава о его пророчествахъ и чудесахъ разоплась и за предѣлы Чечни: о немъ прослышали кумыки, лезгины, кабардинцы. Мансуръ только этого и ждалъ. Онъ принялъ званіе шейха и потребовалъ, чтобы всѣ вокругъ него соединились, забыли вражду, прекратили между собою грабежи, воровство и строго соблюдали законъ Магомета. Всѣмъ же ополчившимся на брань

Мансуръ послушилъ вѣчное блаженство. Бывшій тогда старшимъ начальникомъ на Линіи генералъ Потемкинъ, двоюродный братъ князя Таврическаго, приказалъ усилить посты, а полковнику Піери двинуться съ отрядомъ въ Алды, сдѣлать увѣщаніе чеченцамъ и попытаться захватить пророка.

4 іюля 1785 г. Піери выступилъ отъ Наура съ полкомъ Астраханцевъ, батальономъ кабардинскихъ егерей, двумя ротами Томскаго полка и сотней терцовъ. Оставивъ на Сунжѣ весь обозъ, онъ пошелъ дальше налегкѣ. Дорога пролегла дремучимъ лѣсомъ; она была такая узенькая, что по ней могли идти рядомъ не болѣе четырехъ человекъ. При всемъ томъ, аулъ былъ захваченъ врасплохъ и сожженъ, но пророкъ успѣлъ скрыться. Когда отрядъ сталъ отходить къ Сунжѣ, его окружили алдынцы и жители сосѣднихъ деревень. Солдаты отступали мужественно, шагъ за шагомъ, какъ вдругъ, на половинѣ дороги, полковникъ Піери былъ убитъ наповаль, майоръ Комаровскій смертельно раненъ. Потеря въ такую минуту двухъ начальниковъ совершенно разстроила отрядъ, тѣмъ болѣе, что чеченцы, всегда пылкіе въ бою, замѣтили это и стали насѣдать сильнѣе. Егеря побѣжали первые, послѣ чего отрядъ превратился въ нестройную, бѣжавшую безъ оглядки толпу, которую горцы совершенно безнаказанно полосовали шашками. Немногіе добѣжали до Сунжи, да и то не всѣ изъ нихъ переплыли на свою сторону. Первую удачу Мансура народъ приписалъ его чудесамъ. Отовсюду и большими толпами стекались горцы подъ его знамена, а черезъ недѣлю уже въ разныхъ мѣстахъ начались нападенія на Линію. Мансуръ приобрѣлъ такую власть, что сталъ казнить безъ суда и расправы. Его послѣдователи распространяли въ горахъ новое ученіе, возбуждали народъ къ возстанію: заволновалась Кабарда, возмущился Дагестанъ. Въ концѣ августа, стоявшіе на пикетахъ гребенцы донесли Кизлярскому коменданту, что огромное скопище, примѣрно въ 10 т., переправляется черезъ Терекъ въ 15 верстахъ, отъ города. Здѣсь были чеченцы, кабардинцы, лезгины, но, главнымъ образомъ, кумыки.

По вѣстямъ лазутчиковъ кизлярцы давно съ тревогой ожидали, что надъ ними разразится гроза нашествія. Городъ опустѣлъ, многіе повиѣхали въ Астрахань; женщины и дѣти бѣ-

гали по улицамъ съ плачемъ, старики глядѣли мрачно, исподлобья; даже казаки, отправающиеся наканунѣ за Терокъ, заключили другъ друга постоять за родныя станицы, а въ случаѣ, если не одолѣютъ «настуха-волка», то падать сипшою въ Терокъ.— По-утру, когда за Терокомъ обозначились черныя тучи пыли, армянскіе и русскіе священники пошли по улицамъ съ молебнымъ пѣніемъ, окропляя христіанъ св. водою. Въ тотъ же день толпы разсыпались въ городскихъ садахъ, грабили дома, жгли постройки, рубили фруктовыя деревья; пророкъ не въ силахъ былъ собрать и разомъ двинуть ихъ на штурмъ. Такъ прошли цѣлые сутки. Тѣмъ временемъ бригадиръ Вишняковъ приготовился къ встрѣчѣ. Защита ретраншаментъ, прикрывавшаго Кизляръ, была поручена князю Беконичу-Черкасскому съ терцами; Томскій полкъ, подъ начальствомъ Лунина, сталъ сзади, а для защиты собственно города былъ составленъ особый отрядъ въ 2¹/₂ тыс., въ которомъ, кромѣ пѣхоты, находились гребенскіе и терскіе казаки. Вечеромъ 20 августа скопище бросилось на ретраншаментъ, откуда разомъ его скатили изъ всѣхъ орудій; часть его отхлынула, часть засѣла во рву, гдѣ впрочемъ, пробыла не долго, потому что всѣхъ засѣвшихъ выбили терцы. На другой день горцы атаковали стоявшій открыто Томскій полкъ. Изъ каре встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ, потомъ потихоньку стали отходить назадъ. Когда горцы бросались въ шашки, полкъ останавливался, кидался въ штыки и снова отходилъ. Едва онъ скрылся въ воротахъ, всѣ орудія открыли учащенный огонь, вскорѣ очистившій поле битвы, усѣянное сотнями труповъ.— Кизляръ былъ спасенъ. По донесенію Лунина, особенно храбро защищались терцы, бывшіе подъ начальствомъ князя Черкасского, и гребенцы съ атаманомъ Сохинымъ.

Хотя скопище Мансура потерпѣло неудачу, и самъ онъ на время скрылся въ горахъ, но съ той поры хищническіе набѣги не прекращались, такъ что небольшіе русскіе отряды, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, должны были охранять длинную и въ ту пору еще не заселенную Линію отъ прорыва какъ большихъ, такъ и малыхъ партій. За неимѣніемъ другой конницы, особенно тяжкіе труды выпадали на долю казаковъ, которые только и могли выслѣдить хищниковъ, а въ случаѣ

пораженія преслѣдовать ихъ по пятамъ. По приказанію Потемкина въ концѣ октября полковникъ Нагель послѣнно выступилъ изъ Моздока, чтобы помѣнать Мансуру, успѣвшему собрать новую скопищу, увлечь кабардинцевъ. Въ отрядѣ Нагеля находились торцы, гробенцы и донцы. Только что отрядъ сталъ подниматься въ горы, какъ печально наткнулся на горцевъ, занявшихъ лѣсъ и сосѣднія ущелья. Это было на границѣ Кабарды, возлѣ Григоріополиса. На разсвѣтъ 30 октября они атаковали нашъ отрядъ, но отбитые, по своему обычаю, засѣли опять въ ущелья, откуда открыли огонь. Нагель выслалъ казаковъ съ гренадерами Московскаго и Карабинернаго полковъ, которые проникли въ ущелья и очистили ихъ частью штыками, частью шашками. Горцы скрылись въ лѣсъ. Тогда Мансуръ приказалъ запрудить всѣ горныя рѣчки, что заставило Нагеля переимѣнить свою стоянку. Пророкъ принялъ это движеніе за отступленіе и уже приказалъ возвѣстить въ горахъ полную побѣду. 2 ноября онъ двинулъ на русскихъ все двадцатитысячное скопище. Казалось, онъ долженъ былъ раздавить нашъ малочисленный отрядъ. Справа гарцовали въ своихъ нарядныхъ напцыряхъ лихіе наѣзники Кабарды, имѣя во главѣ князя Дола; съ тыла надвигалась, точно туча, огромная толпа кумыковъ, которую велъ подъ священнымъ знаменемъ самъ пророкъ, шейхъ Мансуръ; слѣва устремились тавлинцы и съ фронта приближалось главное скопище изъ чеченцевъ. Воздухъ огласился гикашемъ, криками, возгласами, призывающими гибель на головы русскихъ; свистѣли стрѣлы, трещали ружья—дымъ стоялъ коромысломъ, и лишь неподвижно, оцепенившись, грознымъ строемъ вросло въ землю русское каре, ожидая команды.

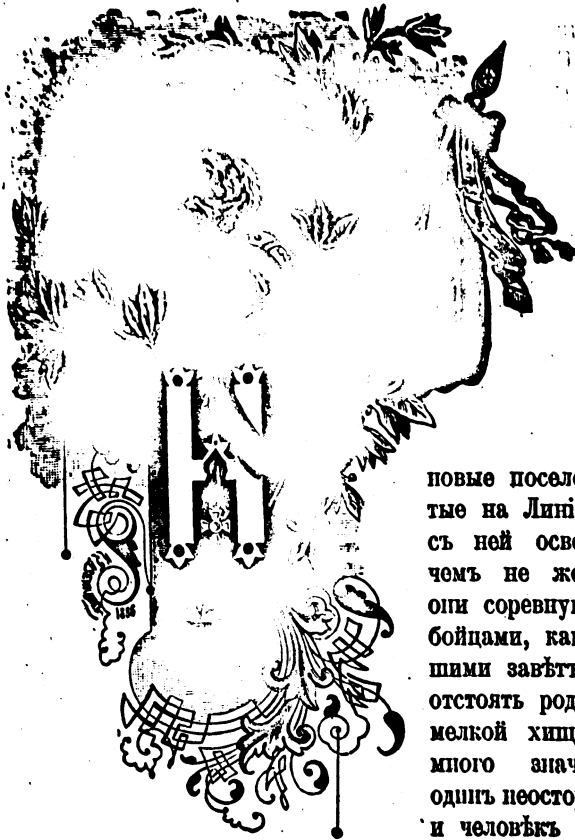
Тавлинцы нападали отчаянно, съ остервенѣніемъ; прочіе держались больше вдаль, пострѣливая изъ-за кустовъ или камней. Дружный залпъ и ударъ въ штыки разсѣяли тавлинцевъ. Тутъ пророкъ воспламенилъ кумыковъ. Они нокатали передъ собой бревенчатые щиты. И щиты не утрашили русскихъ. Московцы, селенгинцы и гренадеры разрушили эти подвижныя стѣны штыками, послѣ чего вынеслись въ карьеръ казаки съ астраханскими драгунами. Они погнали кумыковъ, какъ обезумѣвшее стадо барановъ. Пророкъ ускакалъ изъ пер-

выхъ. Все свое имущество горцы покинули въ ущельяхъ, гдѣ долго потомъ казаки находили бурки, котелки, оружіе и разную рухлядь. Большая часть приверженцовъ пророка искала прощенья и помилованія; кабардинцы смирились; однако поймавъ Мансура все-таки не удалось по причинѣ наступленія неурядицы и холодовъ. Онъ напелъ пріютъ у закубанскихъ народовъ. Какъ разъ въ ту пору турки готовились къ войнѣ. Анапскій паша, въ надеждѣ, что Мансуръ подниметъ противъ русскихъ всѣхъ горцовъ, принялъ его ласково и снабдилъ помощью султана. Дѣйствительно, Мансуру еще разъ удалось составить ополченіе среди воинственнаго населенія Кабарды, только прокомандовалъ онъ имъ недолго. Генералъ Токоли, смѣлшійшій Потомкина, нанесъ ему такое пораженіе, что пророкъ удиралъ по вершинамъ сілговыхъ горъ, теряя по пути старыхъ и малыхъ «вѣрныхъ» его знамени. При штурмѣ крѣпости Анапы, когда русскіе уже овладѣли городомъ, пророкъ спрятался въ погребъ. Онъ не хотѣлъ сдаваться, пока ему не пригрозили, что взорвутъ его на воздухъ. Тогда только онъ вышелъ. Сосланный послѣ допроса въ Шлюссельбургскую крѣпость, Мансуръ умеръ въ заточеніи; но сѣмена вражды, заброшенныя имъ въ горахъ Кавказа, принесли свои горькіе плоды.

IV.

„Лѣвый флангъ“ и „Правый флангъ“.

новые поселенцы, выдвинутые на Линію нозже, скоро съ ней освоились. Ни въ чемъ не желая отставать, они соревнують со старыми бойцами, какъ бы припявшими завѣтъ своихъ отцовъ отстоять родные берега. Въ мелкой хищнической войнѣ много значать сноровки: одинъ неосторожный шагъ — и человекъ гибнетъ, одинъ

нечаянный выстрѣлъ портитъ задуманное дѣло; зазѣвался часовой — плывають станицы, рѣжутъ людей, отгоняютъ

стада. А походы въ ненастье, въ суровыя зимы, встрѣчи съ неприятелемъ въ лѣсахъ Чечни, въ ущольяхъ Кабарды или равнинахъ прикубанскихъ — опять вызывали смѣтку, какимъ именно способомъ легче взять надъ нимъ верхъ. Въ такой боевой школѣ закалялись даже войска регулярныя, служившія оплотомъ линейцамъ, какъ, напр., пѣхотные полки — Кабардинскій и Куринскій, драгунскій Нижегородскій, полки, выросшіе на Липи, составившіе себѣ неувядаемую славу. Изъ этой школы выходили генералы, больше того — главнокомандующіе.

Въ дистанціи Волгскаго полка стоялъ Патрикѣевскій постъ. Уже двѣ недѣли шныряли лазутчики съ донесеніями о сборѣ кабардинцевъ. Генераль Мейеръ, шефъ Казанскаго полка, передвинулъ къ Патрикѣевскому посту часть своихъ казаковъ. Линейцы не пошли на постъ, гдѣ горцы могли ихъ замѣтить, а, разѣхавшись по-волчьи, расположились невдалекѣ, по глубокимъ балкамъ. Въ полночь услышали на посту всплески волнгъ: то былъ знакъ, что кабардинцы переправляются. Только успѣла ихъ толпа выбраться на берегъ, какъ сотникъ Софіевъ вышесся изъ ближайшей засады, и молча, безъ выстрѣла, ударилъ волнгъ. Кабардинцы оторопѣли, храбрѣйшіе наѣздники рванулись впередъ, но ихъ тутъ же изрубили шашками, а между тѣмъ съ другой стороны неслись еще три сотни. Отбитые отъ брода, кабардинцы ринулись въ Малку съ крутого обрыва. Сколько покалѣчилось людей и лошадей при этомъ смертельномъ прыжкѣ — про то вѣдаетъ лишь Малка. Казаки съ берега открыли пальбу по безобразной кучѣ людей и животныхъ, гдѣ живые топтали мертвыхъ, а мертвые топили живыхъ. Это было въ августѣ 1804 года, — время особенно тревожное на Правомъ флангѣ Липи.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго случая Мейеръ выступилъ на р. Золку съ батальономъ казанцевъ и четырьмя сотнями казаковъ. Но кабардинцы уже его упредили, успѣвъ переправиться черезъ Малку. Отрядецъ, свернувшись въ каре, продолжалъ движеніе, имѣя за флангами волгскихъ и моздокскихъ казаковъ; доиской же полкъ Крюкова, выѣхавъ вперодъ, пробираясь между густыми зарослями бурьяна Кабардинцы, ничего не подозрѣвавшіе, валили густою толпой; впереди ѣхали знатнѣйшіе князья въ своихъ парадныхъ доспѣхахъ. Казаки

вдругъ вынеслись изъ бурьяна прямо навстрѣчу: одна сотня мчалась противъ шести тысячъ. Донцы врѣзались въ средину, гдѣ находились отборные всадники; сотникъ Шуруповъ такъ далеко занесся съ шестью казаками, что пропалъ безъ вѣсти. Послѣ жаркой схватки кабардинцы взяли верхъ; они смяли, опрокинули донцовъ. Самъ Крюковъ, раненый стрѣлой въ ногу, уже попалъ въ ихъ руки. На помощь командиру бросился казакъ Упарниковъ: его изрубили въ куски; тогда прорубились сквозь толпу два урядника, Петрухинъ и Банниковъ: передъ ихъ безумной отвагой непріятель спасовать. Крюковъ былъ спасенъ. Теперь кабардинцы обрушились на пѣхоту: маленькое каре очутилось въ волнахъ конницы, запрудившей его спереди и съ фланговъ; тылъ оберегали линейцы. Въ одиночныхъ схваткахъ отличались тѣ и другіе: рубились на шапкахъ, отбивались штыкомъ. Фельдфебель Сумцовъ уложилъ знаменитаго черкесскаго богатыря Ашибъ-Оглу. Донцы, между тѣмъ, успѣли оправиться: вынесся полкъ Персіянова, со своимъ лихимъ командиромъ впереди. Тутъ горцы не выдержали, дали тылъ; линейцы устремились по слѣдамъ. Была уже темная ночь, когда разбитые кабардинцы прискакали на Малку, но переправа оказалась занятой моздокскими казаками, скакавшими напрямикъ. Снова закипѣлъ бой на жизнь и на смерть: кабардинцы силились овладѣть переправой, линейцы ихъ не пускали. Мейеръ, подойдя съ пѣхотой, поспѣшно разставилъ ее малыми засадами и, когда все было готово, гаркнулъ молодецкимъ голосомъ: «Казаки назадъ!» — Разгоряченные боемъ кабардинцы увязались было за казаками, но пѣхота охватила ихъ «какъ неводомъ», со всѣхъ сторонъ. Разметанные залпами, они кидались какъ безумные то впередъ, то назадъ; наконецъ, не видя иного спасенія, бросились внизъ, исчезая въ ночномъ мракѣ. Было 10 час. ночи, бой продолжался съ четырехъ. На полѣ битвы валялось болѣе сотни тѣлъ; остальныхъ успѣли подхватить. Пѣхотные показали, что въ отрядѣ находилось отъ 6 до 7 тысячъ, въ томъ числѣ 6 мулъ, много владѣтельныхъ князей и уздеповъ. Они имѣли намѣреніе, отдохнувши на Золкѣ, напасть ночью на Георгіевскъ, откуда пробраться на Кубань, въ тылъ отряду Лихачева.

На Терекъ было то же самое, при чемъ обѣ стороны ожесточались съ каждымъ годомъ все больше и больше. Слова «пардонъ» или «аманъ» тамъ были неизвѣстны: бились, пока рука могла держать оружіе, пока боецъ дышалъ. Однажды въ темную ночь прокрались къ посту 3 чеченца и дали выстрѣлъ по часовому. Донской урядникъ Щепакинъ съ десятью казаками погнался за ними и, проскакавши версть 20, замѣтилъ, что у него въ тылу появилась сильная конная партія. Казаки бросили въ добычу чеченцамъ своихъ лошадей, а сами скрылись въ кусты, гдѣ успѣли отсидѣться, не смотря на то, что на каждаго изъ нихъ приходилось по 20 враговъ. Въ другой разъ небольшая партія пробралась черезъ Терекъ, потомъ махнула къ Маджарамъ, на берега Кумы,—конецъ не малый! Однако по свѣжей сакмѣ ее открыли и съ разныхъ сторонъ началось преслѣдованіе. Долго летали чеченцы, какъ въ заколдованномъ кругу, наконецъ когда кони обезсилѣли, они ихъ зарѣзали и засѣли въ первой встрѣчной ямѣ. Окруженные линейцами, чеченцы сначала отстрѣливались, потомъ, перестрѣлявши всѣ заряды, разбили о камни свои пистолеты, ружья, переломали шапки и остались съ одними кинжалами. Казаки поняли въ чемъ дѣло: они бросились толпой; въ глухой свалкѣ прошло нѣсколько минутъ, раздалось 2—3 выстрѣла, потомъ все смолкло...

Гдѣ-то на Кубани 2 горца отбивались въ дѣсу, за колодой, отъ цѣлой сотни донцовъ полка Аханова. Подъ-рядъ 12 часовъ они посылали, чередуясь, выстрѣлъ за выстрѣломъ. Много донцовъ они уложили и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы линейцамъ не удалось выманить разомъ 2 выстрѣла, послѣ чего они мгновенно бросились въ шапки. Возлѣ Екатеринограда чеченцы схватили какъ-то ѣхавшаго безопасно солдата, который подъ угрозой смерти разболталъ, что станичный табунъ пасется подъ прикрытіемъ казачать, а всѣ старые казаки паходятся въ отлучкѣ. Дѣло было въ позднюю осень: ночи темныя, длинныя, такъ что чеченцы успѣли на своемъ берегу, покрытомъ густымъ кустарникомъ, прорубить просѣку для прогона лошадей; другая половина партіи переправилась черезъ Терекъ выслѣживать табунъ. Передъ свѣтомъ они наѣхали, гикнули—лошади шархнулись. Однако бойкіе

казачата сейчас же открыли пальбу, да такую мѣткую, что многихъ чеченцевъ уложили на-смерть; одинъ казаченокъ самый смѣлвый, полетѣлъ оповѣстить станцію. Но оттуда уже по первымъ выстрѣламъ вынесся конный резервъ; съ сосѣднихъ постовъ тоже скакали резервы. По приказанію сотника Лучкина часть казаковъ усѣлась на бударки, на плоты—что было подъ рукой—и, спустившись внизъ по Тереку, перехватила пере-

Линейный казанъ.

праву. Казаки принялись глушить чеченцевъ чѣмъ попало—веслами, баграми, прикладами. Рѣка обагрилась кровью; на ея мутныхъ волнахъ качались трупы людскіе и конскіе—ни одинъ чеченецъ не добрался до берега. Самъ же Лучкинъ переправился выше того мѣста и бросился на другую половину партіи, ожидавшую табунъ; къ казакамъ вскорѣ присоединились 2 эскадрона нижегородцевъ. Чеченцы бѣжали, по-

кинувъ много лошадей и оружія. Лучкину достался тогда чудесный вороной конь, легкій какъ птица, съ которымъ онъ уже не разставался.

Вообще, горцы умѣли пользоваться ослабленіемъ Линіи, что случалось въ тѣ поры часто, когда войска уходили на завоевываніе приморскихъ городовъ: Баку, Дербента и другихъ. Хищники, прокрадываясь сильными партіями, громили цѣлыя станицы, при чемъ жгли, рѣзали, хватили сотнями въ полонъ. Мирные поселенцы, запуганные, израненные, спасались по лѣсамъ, не смѣя вернуться на свои пепелища; тамъ же, гдѣ только ожидали погрома, жили точно на бивакахъ: все крестьянское добро лежало сложенное на возахъ, часовые слѣдили съ колоколенъ за передвиженіемъ шаекъ. Поля въ ту пору стояли невоздѣланныя, начинялся голодъ. Въ Ставропольскомъ полку сильная партія горцевъ ворвалась въ селеніе Каменнобродское. Жители искали спасенія въ храмъ Божию. Запоры были сломаны и потоки крови обагрили церковный помостъ. Горцы увели тогда 350 чел. полону, отогнали весь скоть, сожгли хутора, вытоптали озимые посѣвы. Дерзость чеченцевъ возрастала по мѣрѣ удачи. Однажды проѣзжалъ между гребенскими станицами генераль Дельпоцо, командующій войсками. На поворотѣ дороги изъ чащи кустарника высочило около 20 горцевъ. Изрубить трехъ конвойныхъ гребенцовъ и кучера было для нихъ дѣломъ минуты, раненаго генерала связали, перекинули черезъ сѣдло и увезли въ горы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда были открыты слѣды его пребыванія, начались переговоры о выкупѣ. Напѣ посланный ужаснулся при видѣ почтеннаго воина, запертаго въ саклѣ, съ тяжелыми оковами на рукахъ и ногахъ, съ желѣзнымъ ошейникомъ на замкѣ и прикованнаго цѣпью къ столбу; полуодѣтый генераль валялся на кускѣ рваной овчины. Горцы запросили сначала арбу серебра, но потомъ, спуская понемногу, удовлетворились восемью тысячами рублей, которые были раздобыты слѣдующимъ образомъ. Гребенцы съ двумя ротами пѣхоты отогнали множество скота, ходившаго между Теракомъ и Сунжею; скоть этотъ немедленно распродали: часть пошла на выкупъ Дельпоцо, остальное выдано потерпѣвшимъ отъ набѣговъ.

Вожаками чеченскихъ партій почти всегда являлись абреки.

Такъ называли горцевъ, давшихъ клятву не падить ни своей крови, ни крови людей, истреблять ихъ какъ дикихъ звѣрей. «Если сердце мое забьется къ кому-нибудь любовью или жадностью, пусть родная земля не приметъ меня, пусть вода не утолитъ моей жажды, хлѣбъ не насытитъ меня, а прахъ мой пусть осквернится кровью нечистаго животнаго» — такъ клялись абреки, а поклявшись, исполняли свои страшные обѣты. Абрекъ считалъ счастливою минутою жизни проскакать подь сотней ружейныхъ стволовъ, нахлобучивъ на глаза кабардынку, и врѣзаться въ середину русскихъ. Но они какъ звѣри были одинаково опасны и для своихъ горь. Для русскихъ встрѣча съ ними обходилась дорого: абреки никогда не сдавались.

Въ самый разгаръ обоюдной ненависти былъ назначенъ главнокомандующимъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, имя котораго пронеслось грозой по ущельямъ и горамъ Кавказа. Обѣхавши Линію, онъ прежде всего намѣтилъ выселеніе мирныхъ горцевъ, или «мирныхъ мошенниковъ», какъ онъ ихъ называлъ; за-те-речныя земли, по его мнѣнію, должны были отойти къ казакамъ, гдѣ они издавна держали свои сады. Подь прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ, войска приступили къ постройкѣ укрѣпленій на берегахъ Сунжи; тогда возникли Преградный Станъ, Усть-Мартанскій редутъ, Злобный окопъ, крѣпость Грозная, отъ нихъ небольшой рядъ укрѣпленій, связавшихъ Сунженскую Линію съ Владикавказомъ. На сообщеніяхъ между ними, а равно на сообщеніяхъ между Терекомъ, были прорублены широкія просѣки, по которымъ могли двигаться войска и транспорты. Чеченцы поняли, что имъ готовить «Ярмуль», и вступили въ смертельную борьбу. О подвигахъ русскихъ войскъ въ тѣ времена рассказано подробно въ другомъ мѣстѣ. *) Передовыми бойцами какъ въ походахъ, въ битвахъ, такъ и въ охранѣ при вырубкѣ лѣсовъ, являлись липойные казаки. Ермоловъ сперва ихъ не одобрялъ, но послѣ ряда подвиговъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ самъ, сталъ думать иначе. «Изъ всѣхъ казаковъ, существующихъ въ Россіи, говорилъ онъ, нѣтъ имъ подобныхъ. Я никогда не видалъ, чтобы липоноецъ стрѣлялъ попусту; никогда не видѣлъ, чтобы онъ ска-

*) См. «Наступленіе въ Чечню и Дагестанъ». «Отечественные героическіе рассказы».

какъ подъ непріятельскими пулями—всегда ѣдетъ шагомъ.» А, нужно замѣтить, Ермоловъ не любилъ хвалить даромъ.

Покончивъ съ Чечней, Алексѣй Петровичъ принялся за Кабарду. Послѣ цѣлаго ряда походовъ здѣсь также была проведена новая Линія, отъ Владикавказа до верхней Кубани; укрѣпленія располагали при входахъ горныхъ рѣкъ Баксая, Чегема, Уруха; въ промежуткахъ ставили посты. Кабардинцы умоляли остановить постройку укрѣпленій. «Просьбы бесполезны, отвѣчалъ Ермоловъ: я сказалъ, что укрѣпленія будутъ, и они строятся.» До Ермолова никто изъ вождей Кавказа не дѣйствовалъ такъ смѣло, рѣшительно и никто не каралъ такъ сурово, какъ онъ. «За земли, которыми вы пользуетесь, писалъ Алексѣй Петровичъ кабардинцамъ, вы должны отвѣтствовать и защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ».

Начальникомъ всѣхъ казачьихъ резервовъ въ Кабардѣ онъ назначилъ нижегородскаго драгуна штабсъ-капитана Якубовича. Этотъ неутомимый наѣздникъ, можно сказать, не сходилъ съ коня. Со своими линейцами, не менѣе его отважными, на все готовые, Якубовичъ часто углублялся въ нѣдра горъ, разрушая тѣмъ самые тайные замыслы враждебныхъ князей. Рассказываютъ, что въ 1823 году, на Святую пещлю, онъ проникъ съ казаками къ подножію Эльбурса, этого снѣжнаго велпкана, торчащаго копусомъ въ 6¹/₂ версть высоты. Среди могильной тишины, въ царствѣ вѣчныхъ снѣговъ, казаки Якубовича слышали звонъ христіанскихъ колоколовъ. По ихъ догадкамъ, тамъ поселились некрасовцы, бѣжавшіе изъ Кабарды отъ нашего сосѣдства. Глубокіе снѣга помѣшали Якубовичу удостовѣриться въ справедливости догадокъ. Слава о немъ, какъ лучшемъ джигитѣ, разнеслась по горамъ Кавказа: знатнѣйшіе князья искали его дружбы, славили его безкорыстіе, рыцарскіе поступки. Якубовичъ никогда не бралъ выкупа за плѣнныхъ женщинъ и дѣтей; одну красавицу-княгиню онъ самъ оберегалъ, стоя по ночамъ у ея шатра. Мужъ этой княгини сталъ послѣ того его вѣрнѣйшимъ другомъ и часто извѣщалъ о сборѣ закубанцевъ. По одождѣ и вооруженію Якубовичъ ни въ чемъ не отличался отъ горцевъ, но превосходилъ храбростью самыхъ храбрѣйшихъ: онъ всегда бросался въ битву первымъ. Одного слуха о появленіи Якубовича было достаточно, чтобы

удержать горцевъ отъ нападенія; его посланные проходили между ауловъ безоружные, и никто не смѣлъ ихъ тронуть. Въ Кабардѣ Якубовичъ пробылъ не долго: его перевели на Кубань, гдѣ дѣла также были плохи. Между тѣмъ, кабардинцамъ предстояло одно изъ двухъ: или переселиться на равнину, т. е. покорится русскому царю, или уходить къ черкесамъ, покинувъ родныя горы. На общемъ совѣщаніи сосѣдей рѣшено было освободить Большую Кабарду и разгромить Линію. Началось дѣло схватками, кончилось боями.

Въ полночь, на Вербное Воскресеніе, партія въ 60 человекъ появилась изъ-за Кубани и напала на хутора Темижбекской станицы. Сторожа успѣли ударить въ набатъ, но горцы, бросившись по избамъ, вырѣзали нѣсколько человекъ, а 19 увлекли въ полонъ; хутора были выжжены. Раньше другихъ напали на слѣдъ хищниковъ урядникъ Кавказскаго полка Каширинъ съ постовой командой и урядникъ Кубанскаго полка Аверинъ со станичнымъ резервомъ. Соединившись, они смѣло пустились за Кубань; маіоръ Пирятинскій, бывший тогда за старшаго въ Кавказской станицѣ, едва могъ собрать 40 линейцевъ. Онъ бросился съ ними сначала на хутора; тамъ ужъ все было кончено. Тогда онъ повернулъ назадъ, на Кубань. Тутъ, съ вершины высокаго холма, Пирятинскій увидѣлъ, какъ небольшая горсть казаковъ несется во весь духъ за партіей горцевъ, не замѣчая того, что въ двухъ верстахъ сзади отъ нея приближается другая партія, несравненно сильнѣйшая. При видѣ этой западни Пирятинскій бросается самъ за Кубань. Но его скоро замѣтили. Черкесы тожо не хотятъ выпустить изъ рукъ вѣрную добычу: съ двухъ сторонъ они бросаются на скакавшихъ впереди линейцевъ. Аверинъ растерялся: «Спасайся, кто можеть!» крикнулъ онъ потерявъ рассудокъ. Резервъ шарахнулся назадъ, но спинамъ загуляли черкесскія шашки. Пирятинскій, навстрѣчу которому неслась теперь эта ватага, очутился въ незавидномъ положеніи; но мужество и чувство долга подсказали ему, что дѣлать: «Стой, слѣзай!» скомандовалъ онъ. Не успѣли его казаки сплотиться, какъ на нихъ налетѣли бѣглецы; впереди всѣхъ скакалъ окровавленный Аверинъ, съ крикомъ: «Бѣгите, спасайтесь, не то перерубятъ!» — Многие поддались было страху, хотѣли бѣжать, но офицеры заступили

имъ дорогу, угрожая смертью. Кубанцы опомнились: они сплотились и перестали думать о жизни. Цѣлый день кружились черкесы около кучки бойцовъ, однако ничего не могли подѣлать: они три раза кидались въ пашки—ихъ три раза отбили; предлагали сдаться—имъ не отвѣчали. Въ послѣдней атакѣ шапсугскій старшина Бей-султанъ, закованный въ панцирь, одинъ врѣзался въ кучку казаковъ и взмахнулъ пашкой надъ головой маіора. Въ это мгновеніе схватился съ нимъ сотникъ Найденовъ, а казакъ Якимовъ вынулъ изъ него изъ пистолета. Шапсугъ только успѣлъ выскочить: его подхватили уже мертваго. Теперь черкесы смутились, тѣмъ болѣе, что замѣтили приближеніе новыхъ резервовъ. То скакалъ самъ командиръ кубанцевъ маіоръ Степановскій. Черкесамъ ничего больше не оставалось, какъ по-добру по-здорову убираться. Изъ 60 или 70 казаковъ, бывшихъ въ дѣлѣ, ранено 30, убито 15, и то по вѣщъ сотника Аваринова, потому что Пирятинскій потерялъ только 7.

Еще болѣе дерзкое нападеніе было сдѣлано на станцію Круглолѣсскую, гдѣ черкесы убили 90 душъ и увели въ плѣнъ 350; одгѣхъ лошадей угнали до 600, да скота 800 штукъ. Хищникъ не пощадили даже праха отцовъ: они разрывали могилы въ поискахъ скрытыхъ богатствъ. Многолюдная цѣлующая станція обратилась въ развалины, покрытая трупами обезображенныхъ жертвъ, обломками оружія, разбитыми сундуками, дымящимся трюпемъ. Населенію всей линіи пришлось въ ужасъ отъ такого погрома. Требовались мѣры рѣшительныя, и Ермоловъ послалъ своего начальника штаба Вельяминова. Стянуть сильныя резервы, Вельяминовъ самъ выступилъ за Кубань, и разгромилъ какъ ногайскіе, такъ и черкесскіе аулы по обонимъ Зеленчугамъ, по Малому и Большому. Такъ называются притоки Кубанц. Всю эту экспедицію вынесли на своихъ плечахъ линейцы, при поддержкѣ конныхъ орудій. Полторы тысячи плѣнныхъ были частью отправлены на казенныя работы, частью розданы въ станцы. Тѣмъ не менѣе, набѣги, угоны скота и лошадей не прекращались. За два дня до Покрова 1823 года Вельяминовъ вторично двинулся за Кубань. Отрядъ состоялъ изъ 3,000 пѣхоты при 16 орудіяхъ и 8 сотенъ линейцевъ—Кубанскаго, Кавказскаго, Волгскаго и Хоперскаго полковъ.

Войска шли по ночамъ, днемъ скрывались въ глубокихъ балкахъ. Когда бывший впереди Якубовичъ далъ знать, что онъ переправился за Лабу и стоитъ подь самыми аулами, Вельяминовъ выслалъ ему 6 сотенъ линейцевъ. Изъ трехъ ногайскихъ ауловъ не ушелъ ни одинъ человекъ, кромѣ владѣтельнаго князя Мансурова, покинувшего даже свое семейство. Вельяминовъ, простоявъ еще недѣлю на Лабѣ, поднялъ свой отрядъ, обремененный множествомъ плѣнныхъ, огромной добычей, и повелъ его обратно. Черкесы по обыкновенію провожали, но на этотъ разъ довольно слабо. Въ полдень подулъ сильный встрѣчный вѣтеръ; отрядъ медленно подвигался, не дорогой, а прямо цѣлипой, между густыхъ зарослей бурьяна. Черкесы сообразили, какой страшный вредъ они могутъ нанести. Во весь духъ обскакали стороной отрядъ и скрылись изъ вида. Не болѣе какъ черезъ четверть часа пахнуло гарью, потомъ повалилъ дымъ, и пошла навстрѣчу огненная стѣна. Поднялась тревога: обозы и артиллерія повернули назадъ. Но сухой бурьянъ разгорался все пуще и пуще: бѣда грозила страшная. Къ счастью, кто-то догадался поджечь траву сзади, гдѣ отрядъ расположился уже въ полной безопасности. Между тѣмъ, еще не потухло пламя спереди, какъ сквозь него проскочилъ Якубовичъ; за нимъ рванулось 3 сотни спѣшенныхъ линейцевъ и цѣль Навагинскаго полка. Черкесы остолбенѣли, когда увидѣли передъ собой этихъ отчаянныхъ людей. Раздался дружный залпъ, скрестились шашки, пошли въ ходъ киялы, приклады, прошло не больше 10 минутъ предсмертной борьбы, среди удушательнаго смрада—и горцы, совершенно разбитые, бѣжали безъ оглядки. Случись на ту пору ихъ больше, злую штуку могли-бы сыграть!

По отъѣздѣ Вельяминова Правый флангъ остался на попеченіи Кадырова, вождя суроваго, но опытнаго. А тогда опытность и храбрость замѣнили силу. Рѣка Кубань на протяженіи 250 верстъ, отъ границъ Черноморья до Баталпашинска, оборонялась только двумя полками: Кубанскимъ и Кавказскимъ, да пятью батальонами пѣхоты при 35 орудіяхъ. Но это были особые, «кавказскіе» солдаты. Въ 6 дней они проходили Кабарду, т. е. 300 верстъ, потому что иначе не успѣвали-бы всюду. Одѣвались они по-кавказски: въ куртки

разнаго покроя, лохматыя черкесскія шапки, пестрыя рубахи и синія холщевыя шаровары; навьюченные сверху донизу рюкзаками, сумками, мѣшками, они, тѣмъ не менѣе, глядѣли отважно, врагамъ спуску не давали. Кацуровъ никогда не держалъ войска на виду, а размѣщалъ ихъ или въ ближайшихъ селеніяхъ или въ скрытыхъ мѣстахъ лагерями; въ нужную минуту онъ разсылалъ приказанія собраться всѣмъ къ назначенному мѣсту. Никто никогда не зналъ, куда отрядъ будетъ направленъ. «Иди на такое-то урочище», говорилъ Кацуровъ проводнику, и тотъ вѣлъ. А проводники у него были лучшіе, испытанные, потому что онъ золота не жалѣлъ. Войска дѣлали переходы всегда по почамъ. Поутру, на разсвѣтѣ, они уже стояли передъ ауломъ, и горе ждало вповныхъ...

Много бѣглыхъ кабардинцевъ, не желавшихъ покориться русскимъ, поселились на верхней Кубани, вошли въ дружбу съ черкесами и вмѣстѣ составляли сильные партіи, всегда готовые броситься то въ Кабарду, то за Кубань. Изъ Кабарды они выселяли земляковъ; за Кубанью, какъ водится, громили станицы. Проходили цѣлые годы, а бѣглые кабардинцы не унимались, такъ что стали сущимъ бѣдствіемъ для поселеній Праваго фланга. Эти тревожныя событія вызвали еще разъ генерала Вольямплова. Весною 1825 года онъ пороправился черезъ Кубань у Прочнаго окна и на четвертый день похода разбилъ свой лагерь на берегахъ Лабы. Были свѣдѣнія, что въ аулахъ кабардинскаго князя Кара-Мурзина уже извѣстно о приближеніи русскихъ. Вольямпловъ отрядилъ князя Боковича-Черкаскаго съ линейцами провѣрить справедливость слуха, а также подобрать баранту, покинутую горцамъ. Три съ половиною сотни казаковъ переправились черезъ Лабу, гдѣ сразу наткнулись на большой конскій табуръ. Взятые подъ допросъ, пастухи показали, что въ аулахъ Кара-Мурзина дѣйствительно всю ночь не спали, но теперь, по всему видно, перестали тревожиться, полагая, что русскій отрядъ еще далеко. Линейцы понеслись въ карьеръ по отлогости горы Ахметъ, пропеслись мимо Слепеевскихъ ауловъ, гдѣ все спало, еще разъ переправились черезъ Лабу и очутились въ узкой, точно расщелина, тѣснинѣ. По-одному, по-два казаки поднимались все въ гору, но едва примѣтной каменистой тропинкѣ. Такъ карабкались

они версты 20. Съ вершины послѣдняго уступа передъ ними открылся не простой аулъ, а цѣлый городокъ, въ которомъ находилось по крайней мѣрѣ 200 укрѣпленныхъ домовъ съ узкими, какъ амбразуры, окошками. Отступать было уже поздно: сзади бчеленевицы, спереди эта твердыня, гдѣ могутъ сойчасъ проснуться. Бековичъ знаетъ своихъ закаленныхъ сподвижниковъ, знаетъ, что ихъ мужество возрастаетъ вмѣстѣ съ опасностью. Онъ объѣхалъ ряды для того только, чтобы запретить казакамъ грабить, прежде чѣмъ кончится бой.

Занималась зари, тихая, прекрасная; вершины горъ стали бѣлѣть. Казаки крикнули «ура!» и понеслись вихремъ. Населенію востропнулось, уже облитое пламенемъ; тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы, слышался трескъ горѣвшихъ построекъ, клубы чернаго дыма поднимались къ небу, омрачая румяное утро. Дадымовъ скакалъ впереди Кавказскаго полка и налетѣлъ на самого князя Кара-Мурзана, выскочившаго изъ своей сакли полураздѣтымъ, съ пистолетомъ въ рукахъ. Онъ выстрѣлилъ, но промахнулся.—«Теперь ты мой!» закричалъ Дадымовъ. Пуля поразила главнаго виновника похода въ голову: онъ упалъ мертвымъ. Княгиня выбѣжала съ мѣшкомъ червонцовъ. Казаки мгновенно подхватили золото и понеслись дальше. Жена одного узденя высыпала кучу червонцовъ въ яму, сама подожгла свой дворъ и сгорѣла вмѣстѣ со всѣмъ добромъ. Послѣ боя во многихъ мѣстахъ казаки находили слитки золота и серебра. Вообще, добыча была огромная. Князь Кара-Мурза считался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцовъ; его всегда окружала многочисленная толпа узденей и джигитовъ. Казаки отогнали до 4,000 головъ скота и лошадей; плѣнные были отправлены впередъ, подъ особымъ конвоемъ.

Въ лагерь на Лабѣ пріѣхала раньше другихъ вдова-княгиня, окутанная съ ногъ до головы густымъ покрываломъ; за ней подѣхали другія, менѣе знатныя; наконецъ, привезли дѣтей. Видъ итѣнницъ былъ жалокъ. Одна молодая дѣвушка, раненая въ ногу, громко стонала; другая рвала свои длинные прекрасные волосы; тамъ плакали навзрыдъ, тутъ безмолвно обнимались. Рѣзвые дѣти разыскивали своихъ матерей, которыя, несмотря на всѣ ужасы прошедшей ночи, успѣли припасти для нихъ кусочки родного чурека. Поодаль отъ другихъ стояла,

выпрямившись во весь ростъ, жена богатаго узденя, красивая и статная, какъ черпый лебедь; ея благородныя черты лица были искажены и страхомъ, и горестью. Такое же страданіе изображалось и на лицахъ почтительно ее окружавшихъ молодыхъ дѣвушекъ, съ длинными косами, въ нестрыхъ халатахъ. Утоливши первый голодь и не понимая, что вокругъ творится, рѣзвыя дѣтншки забѣгали, стали прыгать, перекидываться другъ черезъ дружку, и такія откалывали штуки, что приводили въ изумленіе нашихъ солдатъ: «Ахъ, прахъ тебя побери, черномазый! Ну, колѣнице—въ жисть не видалъ!»

Лабинцы и Хоперцы.

ба Зеленчука, Большой и Малый, берега Бѣлой и Лавы прославились

пластунствомъ. Эту часть Линіи оберегали лабинцы, сыны Украины, слѣдовательно братья черноморцевъ. Лабинская Линія, какъ одна изъ самыхъ передовыхъ и позже устроенныхъ

состояла изъ ряда небольшихъ укрѣпленій, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ и соединенныхъ цѣлью слабыхъ постовъ. Многоводныя рѣки, большіе лѣса, заросли и болота, однимъ словомъ, все то, что облегчало нападеніе и затрудняло защиту, вызывали особую бдительность, чрезвычайную осторожность, тонкій расчетъ. Пластуны стали здѣсь первыми людьми. Пластунствовали офицеры, простые казаки, дѣти; даже собаки приучались наживать и выслѣживать непріятеля. Ближайшими сосѣдями лабинцевъ были хоперцы, поселенные на верхней Кубани. По дружбѣ и сосѣдству они дѣлили съ лабинцами радости и горе линейной службы. Хоперцы такъ охололачилились, что въ нихъ даже трудно признать давній отпрыскъ Дона.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Шамиль, въ ту пору всесиль-

ный, прислалъ къ закубанскимъ горцамъ своего ставленника Магометъ-Эмина, принявшаго громкій титулъ шейха. Горцы ждали отъ него великихъ подвиговъ. По веснѣ 1847 года стало извѣстно, что шейхъ пытается прорваться за Кубань. Вдоль Линіи заскакали нарочные съ «цыдулками», или «летучками». Такъ назывались секретныя распоряженія, въ конвертахъ, припечатанныхъ двумя перышками, сложенными на крестъ. Начальникъ Линіи генералъ Волковъ приказалъ запретить всѣ станицы, укрѣпленія и посты, прекратить полевыя работы, усилить дневные разъѣзды, выставить залого и высылать по ночамъ сильныя секреты. Такія мѣры принимались только въ крайности.

Между тѣмъ сильная залога изъ 20 доброконныхъ казаковъ 2-го Лабинскаго полка, при урядникѣ Солодухинѣ, была выставлена въ десяти верстахъ отъ станицы Лабинской, близъ устья рѣчки Ходзь, мѣсто глухое, прикрытое съ обоеихъ береговъ Лабы густымъ лѣсомъ. Двое сутокъ залога Солодухина стояла въ «Дубкахъ»; днемъ казаки сторожили свой постъ спѣшными, держа лошадей въ поводу; ночь проводили въ сѣдлѣ. Кромѣ того, по обоеимъ берегамъ Ходзь зорко наблюдалась окрестная мѣстность одиночными шкетами, которые по утрамъ взбирались на высокія деревья, а подъ вечеръ залегали въ секретъ. Къ вечеру третьяго дня разыгралась гроза. Встревоженные птицы попрятались въ гнѣзда, лишь ласточки сноважи надъ рѣкой. Лѣсъ и окрестности сразу охватило тьмой; оглушительные удары, одинъ за другимъ, потрясали воздухъ; сверкнула ослѣпительная молнія, съ шумомъ пронесся градъ, слѣдомъ за нимъ хлынулъ дождь. Казаки искали защиты, кто подъ раскидистымъ деревомъ, кто подъ обрывомъ берега. Въ это время явился къ уряднику казакъ Головинъ съ донесеніемъ, что онъ съ вершины высокаго чинара высмотрѣлъ большую партію горцевъ, которая скрылась теперь подъ обрывомъ. Солодухинъ сейчасъ же уславъ одного казака къ начальнику Линіи, а самъ отправился на указанное мѣсто и своимъ опытнымъ глазомъ опредѣлить численность партіи въ 200 чел. Гроза въ это время пронеслась, солнце бросало косые лучи, прощаясь съ землею. Въ воздухѣ стояла тишина глубокая, невозмутимая, какъ бываетъ только послѣ бури. На смѣну дневному

свѣтилу показался молодой мѣсяць. При мягкомъ его свѣтѣ горцы стали переправляться черезъ Лабу, не замѣчая того, что старый урядникъ выльзъ изъ труппы, ѣдетъ по ихъ слѣдамъ, все видитъ, даже слышитъ ихъ разговоры. А говорятъ они про то, что въ эту же ночь еще нѣсколько партій пройдутъ между Шалоховскимъ постомъ и Ахметъ-горскимъ укрѣпленіемъ. Сейчасъ же былъ посланъ туда приказный Малюковъ съ пятью казаками; въ Лабинскую поскакалъ второй голецъ. Передъ свѣтомъ залегъ такой туманъ, что казаки не видѣли головъ лошадей; между тѣмъ до ихъ слуха долеталъ всплескъ воды отъ копскихъ копытъ. Солдухинъ и четыре казака поползли какъ змѣи. Притаившись за кустами и пнями, они насчитали еще до 50 всадниковъ съ однимъ большимъ значкомъ, изъ чего заключили, что тутъ находится самъ шейхъ. Магометъ-Эмишъ. Приказный Стрѣльниковъ получилъ приказаніе слѣдить за ними съ четырьмя казаками. Солдухинъ оставался на броду до полного разсвѣта. Приказные Малюковъ и Стрѣльниковъ исполнили приказаніе въ точности: они проводили свои партіи вплоть до Кубани, гдѣ шесть партій, соединившись вмѣстѣ, составили одну, силою до двухъ тысячъ. Бросились горцы на Сентилѣвку, что за Кубанью, но тамъ, по вѣстямъ пластуновъ, ихъ давно ждали и съ позоромъ прогнали.

Въ 1853-мъ году, поздней осенью, русскій отрядъ подъ начальствомъ Евдокимова, погромивъ абадзехскіе аулы, медленно подвигался вверхъ по р. Бѣлой. Изъ сосѣднихъ ущелій наскакивали горцы, джигитовали передъ фронтомъ и снова скрывались. Видимо, они старались задержать движеніе отряда и тѣмъ протянуть время. Были свѣдѣнія, будто въ горахъ что то затѣвается, а что именно—никто навѣрно не зналъ. Генераль поручилъ Шпаковскому выбрать 20 самыхъ опытныхъ пластуновъ, проникнуть съ ними въ горы, вывѣдать силу и направленіе партій. Отважные лабишцы забрались за Майкопское ущелье къ Богорсуковскимъ ауламъ. Какъ истые охотники, они расположились цѣпью; Шпаковскій взобрался на утесъ, откуда ауль и часть ущелья обозрѣвать какъ на ладони. Продолжали они сколько-то времени и видятъ, что одинокій всадникъ пробирается ущельемъ. Вотъ онъ остановился, выслалъ впередъ собаку разнохатъ по зарослямъ, потомъ ужъ смѣло

выѣхалъ изъ ущелья и повернулъ къ аулу. Пластуны сразу узнали стараго муллу Абдуль-Керима, отчаяннаго жожака всѣхъ партій. Онъ остановился въ густой рощицѣ, привязалъ къ дереву коня, а самъ вышелъ на опушку и сталъ глядѣть на минаретъ. Въ аулѣ спали глубокимъ сномъ. На освѣщенномъ луной минаретѣ появился человѣкъ, вытянулся во весь ростъ, потомъ взмахнулъ кускомъ бѣлаго холста и подержалъ его надъ головой. Внизу отвѣтили свѣтомъ, точно вспыхнулъ порохъ. Вскорѣ изъ аула показался горецъ, навстрѣчу которому пошелъ мулла. Они долго о чемъ-то говорили, показывая знаками въ ту сторону, гдѣ находился русскій отрядъ. Въ это время конь муллы былъ уже въ рукахъ пластуна Зенченки, а его вѣрная собака плавала въ крови отъ запущеннаго въ нее кинжала. Пластуны Алеменьевъ и Бойко обратились за мостикъ, перекинутый черезъ рѣчку; старшій Мандруйко съ товарищами ползли лугомъ слѣдомъ за горцами, вслушиваясь въ ихъ разговоръ. Вдругъ мулла остановился, схвативъ горца за руку: ему послышался шорохъ въ кустахъ. — «Не ошибся ли ты?» спросилъ у него горецъ. — «Нѣтъ, я слышалъ, что шелестѣли вѣтки. А когда проѣзжалъ Майкопскимъ ущельемъ, то вдали отдавался конскій топотъ: наши такъ не ѣздятъ, это навѣрно казаки!» — Мулла свистнулъ свою собаку но вѣрное животное уже не могло явиться на зовъ хозяина. Простоявъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, мулла видимо успокоился и пошелъ дальше. Не успѣлъ онъ ступить на мостъ, какъ два дюжихъ пластуна загородили ему дорогу; мулла бросился назадъ — столкнулся съ Мандруйкой, въ котораго сейчасъ же выстрѣлить. Пуля пролетѣла мимо. Мандруйко сбилъ муллу съ ногъ, товарищи живо его связали и всунули въ ротъ «мячъ» изъ овечьей шерсти, «щобъ вінъ не вопивъ». Другой горецъ тѣмъ временемъ исчезъ. Но Мандруйко не смутился. Онъ поглядѣлъ на рѣчку и скоро замѣтилъ на поверхности воды пузырьки: «Дивись! Вінъ сховався (спрятался) у воду!» сказалъ старикъ и побѣжалъ внизъ по теченію. Каково же было его удивленіе, когда шаговъ за 200 отъ него выбрался горецъ на берегъ и какъ заяцъ пустился бѣжать по зарослямъ. Мандруйко вернулся сердитый. Теперь семеро пластуновъ, взваливъ муллу на плечи понесли его къ Шпаковскому.

Стало свѣтать. Пластуны раздѣлившись на три партіи, разъѣхались на поискъ. Партія Шпаковского наткнулась на двѣ конныхъ арбы: хозяевъ забросили въ глубокую балку, кони, равно какъ и оружіе, взяты съ собой, слѣды уничтожены. Мандруйко захватилъ косякъ въ 28 коней, а партія Рибасова подхватила двухъ горцевъ, рубившихъ дрова. У озера Хазырь всѣ три партіи съѣхались, какъ было условлено. Въ полдень густой туманъ растянулся непроницаемой пеленой, зачастилъ мелкій дождичекъ, а это пластунамъ на руку. Дорогу они знали отлично. Въ полумракѣ неслась конная партія, направляя путь къ урочищу Геды, на р. Бѣлой, гдѣ поджидалъ ихъ Евдокимовъ. Версть за 10, не доѣзжая мѣста, передовые наткнулись на отару барановъ. Всѣ пластуны съѣхались на совѣтъ, какъ быть съ барантой: отогнать ли ее, или лучше объѣхать? — Порѣшили отогнать. По уговору часть пластунъ должна была скучить отару, остальные палетѣть.

Три чабана, закутанные въ дырявыя бурки, лежали у оголька; они, какъ будто, спали, но за нихъ бодрствовали свирѣпыя псы. Когда раздалось ихъ ворчанье, пастухи, поднявшись на ноги, стали обходить отару, подозрѣвая близость волка или шакала. Вдругъ, бѣжавшія впереди собаки съ визгомъ бросились назадъ, пораженные кнжалами; въ то же мгновеніе поднялись на ноги 5 пластунъ съ наведенными ружьями. Пастухи окаменѣли. Раздался свистокъ урядника, по которому налетѣли конные пластуны. Перевязать пастуховъ было не долго, и черезъ часъ испуганная баранта, подкидывая своими жирными курдюками, неслась вслѣдъ за козломъ, котораго вель на арканѣ передовой пластунъ. Шлышники со связанными назадъ руками и перехваченными подъ брюхомъ лошадей ногами скакали впереди подъ наблюденіемъ трехъ пластунъ; по сторонамъ мчались боковыя цѣпи, сзади — арьергардъ. Когда они явились въ отрядъ, Евдокимовъ такъ былъ доволенъ ихъ вѣстями, что приказалъ сейчасъ же выдать по «доброй чарѣ горілки», что всегда составляло лучшую награду пластуну, вернувшемуся изъ дальней или трудной развѣдки.

Въ 4 часа утра отрядъ Евдокимова снялся съ позиціи, а передъ разсвѣтомъ уже стоялъ въ той самой рощѣ, гдѣ муля подъ ястребиными глазами пластунъ бесѣдовалъ накануне съ

горцемъ. Четыре сотни спѣшенныхъ лабищевъ тихо облегли аулъ; ракетные станки взобрались на тотъ самый утѣсъ, съ котораго Шнаковскій наблюдалъ за свиданіемъ; дивизионъ орудій, пройдя ущельемъ, вытянулся передъ фронтомъ аула. Въ мертвой тишинѣ орудія снялись съ передковъ и, поднявъ дула, грозно смотрѣли на виновныхъ, безмятежно спавшихъ. Когда луна скрылась за высоты, отбрасывавшія на батарею тѣнь, взлетѣла изъ роуци сигнальная ракета. Въ отвѣтъ сверкнулъ изъ фланговой пушки огонекъ, зашипѣли съ утеса одна за другой ракеты, въ аулѣ раздались частые выстрѣлы, мѣстами взвились огненные языки: то наступилъ часъ мщенія за долгія безсонныя ночи, за грабежи и разореніе лабинскихъ станцъ, за плѣненіе братьевъ и сестеръ.

Въ особенно тревожную пору на Лабинской линіи назначали въ секреты мальчугановъ отъ 13 до 17 лѣтъ, изъ дѣтей офицеровъ и урядниковъ; они ходили въ походы и перѣдко зарабатывали кресты, наравнѣ со старыми казаками, отъ которыхъ получили кличку «бісовы собачата». Эти собачата ни за что, бывало, не уснутъ въ секретѣ; они были вдвое бдительнѣе, вдвое осторожнѣе, чѣмъ старые пластуны; отъ ихъ вниманія не ускользала не только всплескъ воды, но даже шорохъ пробужденной птички. Однажды сильный секретъ съ 4 ракетными станками залегъ возлѣ ст. Лабинской; въ немъ находилось трое собачатъ: Потаповъ, Братковъ и Красновскій; старшему изъ нихъ только минуло 15 лѣтъ. Погода стояла отвратительная: мелкій осенній дождь сѣялъ какъ черезъ сито; порывистый вѣтеръ гналъ черныя грозныя тучи; молнія, ослѣпляя глаза, сверкала непрерывно; удары грома глухо повторялись въ ущельи, точно раскаты отдаленной пальбы. Имѣнно такія ночи, когда добрый хозяинъ не выгонитъ собаки, были лучшими спутниками какъ русскихъ походовъ, такъ и горскихъ набѣговъ. Завернувшись въ бурки и башлыки, пластуны лежали на-сторожѣ, особенно тревожились собачата: имъ во всемъ мерещились горцы, хотя бы то пошевелился сосѣдь. Вдругъ, вспыхнувшая въ нѣсколькихъ мѣстахъ молнія ярко освѣтила рѣку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большую толпу горцевъ, которые переправлялись прямо противъ пластуновъ. Собачата чуть не вскрикнули: ихъ отправили съ приказаніемъ, чтобы приблизи-

лись секреты. Между тѣмъ пластуны, вынувъ изъ чехловъ вшитовки, поползли къ обрыву на вѣздѣ брода. За оглушительнымъ ударомъ грома наступила тишина. Казаки ясно слышали всплескъ воды, прорѣзаемой грудью добрыхъ коней, по времени храпѣвшихъ. Вотъ уже передовые кони, бултыхая, ступаютъ на землю по прибрежной отмели. Собачата тѣмъ временемъ успѣли вернуться; всѣ секреты сблизились, ждутъ только сигнала. Выпалилъ сотникъ на всплескъ, за нимъ почти мгновенно сверкнули выстрѣлы секретныхъ, пронеслись драконами 4 боевыхъ ракеты. Снизу раздались вопли, проклятія; грузно падали люди и кони. Когда горцы открыли пальбу, секреты, сдѣлавъ свое дѣло, далеко ужъ отползли. По первымъ выстрѣламъ загорѣлся сосѣдній маякъ, что возвѣщало тревогу. Съ угловой станционной батареи грянулъ пушечный выстрѣлъ: яркій брандскугель освѣтилъ зарѣчье какъ разъ противъ мѣста переправы; туда же полетѣли свѣтящіяся ядра, изъ станицы выпесся резервъ. Пока все это происходило, секретные, вскочивъ на лошадей, переправились черезъ Лабу и во весь духъ помчались къ ущелью, чтобы перехватить единственный путь отступления. Съ превеликимъ трудомъ горцы выбрались, наконецъ, изъ воды, подобравъ всѣхъ раненыхъ. На полныхъ рысяхъ они уже приближались къ ущелью, когда изъ темной его щели раздался тотъ же ужасный трескъ и злобщее шипѣнье ракетъ. Испуганные кони взвились на дыбы, при чемъ топтали мертвыхъ всадниковъ. Тогда, въ отчаяніи, горцы опять устремляются къ Лабѣ—навстрѣчу имъ скачетъ резервъ... Уже наступило утро, пасмурное, дождливое, а многіе джигиты все еще метались, не зная, куда скрыться. Болѣе сотни осѣдланыхъ коней было согнано въ станицу; казаки потеряли 15 товарищей. Собачата ни на шагъ не отставали отъ прочихъ. Вскорѣ они были зачислены на дѣйствительную службу, и груди ихъ украсились серебряными медалями на георгіевской лентѣ, съ надписью: «За храбрость».—Если старые, сѣдые казаки, надѣвая заслуженный крестъ, ходили въ ту пору на малыхъ ребятахъ, то какова же была радость этихъ мальчугановъ и какъ гордились ими ихъ заслуженные отцы!

У старыхъ казаковъ была та же повадка, что и на Кубани, а именно: при случаѣ подшутить надъ горцемъ, напу-

гать его до смерти, за что послѣдній расплачивался своею кровью. Между станицами Баталнашанской и Суворовской, на покатои мѣстности, высится одинокій курганъ, какъ часовой надъ привольной роскошной долиной, которая стелется здѣсь на десятки версть. Отъ горцевъ перешло по наслѣдству древнее сказаніе, что ежедневно съ закатомъ солнца на этомъ курганѣ появляется бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ. Онъ выѣзжаетъ навстрѣчу путнику, скачетъ съ нимъ рядомъ, дуетъ страшнымъ вихремъ ему въ лицо и въ уши коню до тѣхъ поръ, пока оба, и путникъ и конь, не падутъ отъ изнеможенія или не умрутъ отъ страха. Тогда только всадникъ ихъ покидаетъ, снова появляется на вершинѣ холма, но какъ только первые лучи солнца озолотятъ его вершину, онъ уходитъ въ нѣдра земли. По сказанію, то была тѣнь убитаго измѣной аталыка, мстившаго людямъ за совершенный ими грѣхъ. У горцевъ существовать обычай аталычества, т. е. отдача сыновей на воспитаніе въ чужія руки, почему аталыкъ становился своему питомцу, какъ бы вторымъ отцомъ.

Урядникъ Суворовской станицы Переверзневъ ѣхалъ по дѣламъ службы въ Баталнашанскъ. Дорогой онъ наткнулся на дикихъ козъ и, какъ завзятый охотникъ, долго за ними гонялся, пока не притомилъ коня да и самъ не усталъ порядкомъ. Солнце стояло еще высоко, урядникъ стрепожилъ коня и прилегъ на курганъ, гдѣ тотчасъ уснулъ. Проснулся онъ, оглядѣлся, видитъ, что проспалъ не мало: вдали за синѣющимъ лѣсомъ уже догораетъ заря. Тутъ Переворзневъ вспомнилъ о мертвецѣ и струхнулъ порядкомъ, такъ что морозъ пробѣжалъ у него между плечъ. Однако время было торопиться. Казакъ впуздалъ коня, сталъ спускаться съ кургана, какъ, вдругъ, вскинувъ глазами, видитъ, что надъ Кубанью двигается точно кучка — все ближе, ближе; наконецъ, кучка разсыпается: онъ ясно различаетъ всадниковъ, бѣгущихъ крупной рысью. Переверзневъ скоро смекнулъ, что казакамъ тутъ позачѣмъ быть: очевидно, это горцы. Проскакавши съ версту, партія, чловѣкъ 15, стала приближаться шагомъ, при чемъ ясно можно было различить ихъ говоръ. Переворзневу ничего не стоило переждать въ кустахъ, пока партія пройдетъ, но у стараго хоперца забурила кровь. Онъ придумалъ разыграть мертвеца,

кстати на помъ была бѣлая черкеска, бѣлая папаха, подъ нимъ — бѣлый конь. Вскочивъ мигомъ на коня, онъ медленно поднялся на самую вершину кургана и, озаренный послѣднимъ проблескомъ зари, казался чуднымъ сказочнымъ боатыремъ. Горцы ѣдутъ, болтаютъ, ничему не замѣчая, какъ случись, что у одного изъ нихъ споткнулся конь и затѣмъ шарахнулся въ сторону. Глаза всѣхъ разомъ вскинулись на курганъ; страхъ попуталъ разсудокъ: повернувъ коней, они пустились вскачь. Съ оглушительнымъ крикомъ, какъ ураганъ, слетѣлъ урядникъ съ кургана, и погнался за горцами съ шашкой на-голо, съ винтовкой на помощь лѣвой руки. Нагнавъ задняго горца, онъ на скаку хватилъ его шашкой, да еще гикнулъ такъ пронзительно, что кровь могла остановиться въ жилахъ. Теперь горцы погнали своихъ лошадей безъ памяти. Еще восьмерыхъ изрубилъ удалой хоперець. Испуганные кони, облегченные отъ ноши, обгоняли партію, что еще пуще усиливало страхъ: горцамъ казалось, что слѣдомъ за ними несется не одинъ мертвецъ, а цѣлое ихъ воинство. Наконецъ, они бросились въ Кубань прямо съ кручи, не разбирая путей. Переверзневъ еще ранилъ одного горца на плаву, послѣ чего, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, поѣхалъ на сосѣдній постъ рассказать свою «оказію». Казаки живо переловили лошадей, а на утро стащили убитыхъ. Генераль Эмануель, узнавши о подвигѣ урядника, выхлопоталъ ему крестъ. Между тѣмъ горцы, уцѣлѣвшіе отъ тяжелой руки хопера, рассказывали въ горахъ о страшной гибели своихъ джигитовъ. Полузабытое сказаніе снова воскресло въ памяти. Проншло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, однако ни казакъ, ни мирный горець не проѣдутъ мимо кургана, чтобы украдкой не взглянуть наверхъ.

Если пластунамъ случалось попадаться въ бѣду, они, какъ и на Кубани, умѣли не только извернуться или выйти сухими, но даже оставить по себѣ память. Пластуны Зимовинъ, Коротковъ и Мамоновъ пробрался въ верховья Лабы, въ боговскіе аулы, гдѣ, находящіяся довольно, думали возвращаться во-свои, какъ случилось несчастье. Купакъ (пріятель) Короткова измѣнилъ ему: спящаго пластуна схватили соннаго въ сакль, заковали въ кандалы и бросили въ глубокую яму. Долго и безуспѣшно товарищи раскивали Короткова, пока

случайно не наткнулся на этот самый ауль, дажо узнали, какой готовится бѣднягѣ конецъ. Сидитъ въ ямѣ нашъ пластунъ, пригорюнился, перебираетъ въ головѣ семью родную; сердце его поетъ, жаль ему покидать все дорогое, прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Вдругъ слышитъ онъ знакомый окликъ: «Пу-гу! пу-гу!» Короткова передернуло: но вѣрить онъ близости счастья! Однако отозвался, тихо, заунывно. Долго повторялся отраднѣй окликъ; сердце у него заколотилось, точно выскочить хотѣло; въ голову ударила кровь. Потомъ, слышитъ, опять филинь свое: «Пу-гу! пу-гу!» Вскочилъ, гремя цѣпями узникъ, да такъ гаркнулъ въ изступленіи, что проснулся караульщикъ, который ткнулъ въ него прикладомъ. Тогда только Коротковъ опомнился. Между тѣмъ окликъ все ближе, ближе... Не смѣетъ пластунъ объявиться: дюжій горець можетъ догадаться, тогда все пропало. Затаивъ дыханіе, онъ только слушаетъ. По маломъ времени оклики стали замирать. На счастье, горець вылѣзъ изъ ямы, вѣрно пошелъ за смѣной. Тутъ ужъ Коротковъ, забывъ все на свѣтѣ, сталъ усердно звать своихъ друзей; руки и ноги у него дрожали, голосъ надрывался. Вотъ филинь гукнулъ падъ самой ямой. — «Сюда хлопці! Лѣстница съ лѣвой стороны!» Черезъ минуту всѣ три друга очутились вмѣстѣ. Только что они принялись распиливать оковы — отмычки и пила всегда у пластуна за поясомъ — какъ слышали приближеніе шаговъ. Это были караульные: старшій и повый. Послѣдній сталъ спускаться въ яму — тутъ его ждали 2 кинжала. Тѣло горца грохнулось съ шумомъ на дно. — «Что случилось?» спросилъ сверху его товарищъ. Мамоновъ отвѣтилъ съ бранью за убитаго, что онъ оступился и ушибъ себѣ ногу. Обманутый горець также полѣзъ въ яму, гдѣ попалъ на тѣ же кинжалы. Покончивъ съ нимъ, пластуны обрядили товарища въ одежду и оружіе убитыхъ, послѣ чего поспѣшили выбраться изъ ямы. Едва Коротковъ увидѣлъ свѣтъ Божій, какъ въ немъ закипѣла месть: онъ уговорилъ товарищевъ поджечь саклю кунака-измѣнника. Натаскали они втроемъ хворосту, обложили со всѣхъ сторонъ саклю и разомъ подожгли. Ауль проснулся, поднялась тревога. Каждый старался отстоять и спасти свое добро, а пластуны, какъ ни въ чемъ не бывало, вертѣлись тутъ же, смѣшавшись съ толпой. Вотъ выскочилъ изъ своей сакли ку-

пакъ Короткова, съ просопокъ ничего не понимая, что кругомъ творится; но, спасаясь отъ дыма, пашель смерть, гдѣ ее вовсе не ждалъ: онъ прямо наткнулся на врага, и тотъ не промахнулся.

Никѣмъ не замѣченныо, пластуны пустились въ лѣсъ. Возгъ кладбища они слышали конскій топотъ и скрылись въ кусты. То ѣхаль навстрѣчу имъ гороцъ съ тремя заводными лошадьми въ поводу. Въ воздухѣ просвистѣлъ кинжалъ: гороцъ, не шкпувъ, свалился съ коня. Теперь пластуны, всё верхами, да еще съ заводнымъ копомъ, мчались по лѣсу какъ птицы. На другой день къ полудню они явились въ Надеждинское укрѣпленіе, гдѣ Коротковъ доложилъ начальнику Зеленчукской Линіи, что горцы собираются сдѣлать набѣгъ. Свѣдѣнія эти, какъ послѣ подтвердилось, были совершенно справедливы.

VI.

Сунженцы.

овый полкъ, Сунженскій, занялъ мѣста, издавна знакомыя, по которымъ много разъ проходили грозныя русскіе отряды съ конницей и артиллеріей. По пути впередъ они шли побѣдоносно, громили аулы, разгоняли скопища чеченцевъ. Возвращаясь назадъ, отходили медленно, упорно отбиваясь на каждомъ шагу. И много разъ обогрѣлась Сунжа русскою кровью отъ временъ первыхъ казачьихъ поселеній до тѣхъ поръ, пока не вспомнили порядки Ермолова. Хотя русскія войска не терпѣли поражений, но чеченцы все-таки торжествовали, потому что оставались хозяевами на своей землѣ. Тогда, по завѣтамъ Ермолова, начали строить укрѣпленія, заселять подъ ихъ защитой станицы, рубить просѣки, жечь непокорныя аулы, переселять мирные. Такъ образовалась Сунженская Линія. Впередѣ ея простиралась равнина, самая плодородная въ цѣломъ краѣ, мѣстами пересѣченная балками, богато орошаемая горными рѣчками, каковы: Асса, Фортанга, Надхой, Валерикъ, Гехи. Боль-

шная часть этой равнины, покатою къ сторонѣ горъ, густо заросла вѣковыми дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ жили враждебные намъ чеченцы. Они не хотѣли уступить безъ боя лучшія свои земли, отходившія теперь подъ казачьи станицы. И въ то время, когда надо было сесться, строиться, обрабатывать пашню, выгонять стада, ежедневно вѣстовая пушка по нѣскольку разъ возбуждала тревогу. Но сунженцы пришли съ Терека, гдѣ росли и мужали ихъ отцы въ бранныхъ тревогахъ. Командиромъ сунженцевъ и вмѣстѣ начальникомъ Верхне-сунженской Линіи былъ Слѣпцовъ, не только опытный вождь, но мудрый правитель и попечительный хозяинъ. Въ четыре года Николай Павловичъ Слѣпцовъ очистилъ отъ непріятеля всю плоскость Малой Чечни и покорилъ два нагорныхъ общества: галашеевцовъ и карабулаховъ. Онъ былъ молодъ; его любили солдаты и офицеры; сунженцы души въ немъ не чаяли, почему Слѣпцовъ могъ выполнять такіе замыслы, которые въ то пору казались еще слишкомъ смѣлы. Средняго роста, худощавый, онъ былъ статенъ и красивъ; въ его прекрасныхъ глазахъ то свѣтилась ласка и русское добродушіе, то пылалъ огонь рыцарской отваги. Слѣпцова знала вся Чечня; его побаивался самъ Шамиль. Однажды Слѣпцовъ разогналъ десяти-тысячное скопище, собранное имамомъ для разоренія Сунжи. Матери-чеченки, чтобы унять крикливаго мальчишку, говорили: «Слѣпцовъ идетъ!» — и ребенокъ умолкалъ. Въ то же время злѣйшіе враги приходили къ нему изъ горъ съ просьбою разобратъ ихъ ссору. Когда въ дѣлѣ подъ Валерикомъ былъ убитъ наибъ Анзоровъ, Слѣпцовъ приказалъ передать вдовѣ, что онъ очень сожалѣетъ о смерти храбраго воина, и послалъ ей дорогіе подарки. Оружіемъ онъ покорялъ аулы; великодушіемъ, щедростью, быстротою дѣйствій и безумной храбростью — онъ привлекалъ сердца, покорялъ умы обитателей горъ.

Въ 1848 году лѣвый берегъ Сунжи былъ окончательно заселенъ станицами; по правому же берегу стояли разбросанные хутора чеченцевъ, и хотя они часто подвергались полному истребленію, но такъ же скоро появлялись вновь. Въ темныя ночи чеченцы прокрадывались мимо нашихъ укрѣпленій и тихо, осторожно вновь селились на привольныхъ мѣстахъ подъ сѣнью родныхъ лѣсовъ. Ихъ близкое сосѣдство сейчасъ обозначалось

рядомъ грабежей, безъ чего они не могли спокойно усидѣть. Тогдашній главнокомандующій князь Воронцовъ приказалъ очистить Сунжу отъ этихъ воровскихъ пѣздъ.

Въ ночь на 17-е февраля Слѣпцовъ выступилъ со своимъ отрядомъ, изъ 7-ми ротъ пѣхоты, 11¹/₂ сотенъ кавалеріи и конно-ракетной команды, при двухъ орудіяхъ. Войска, не останавливаясь, шли цѣлую ночь. На переправѣ черезъ Сунжу Слѣпцовъ оставилъ пѣхоту и артиллерію, а съ конницею пошелъ дальше, между рѣками Валерикомъ и Гехи, къ аулу Ясанъ-Юртъ. Дороги не было, шли густымъ лѣсомъ, обходя куни валежника, чтобъ не дѣлать шума. За небольшою поляною тѣнулся опять лѣсъ, до того густой и мрачный, что казался непроницаемъ. Тутъ стояли первые чеченскіе хутора, но они казались пусты. Слѣпцовъ углубился въ лѣсъ. Какъ всегда, онъ ѣхалъ впереди отряда, и первый увидалъ чеченскій аулъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что надъ высокими плетнями, окружающими каждую саклю, торчатъ папахи и сотни продвинутыхъ вишповокъ ждутъ появленія русскихъ. Не успѣла конница выстроиться на площадкѣ, какъ ее встрѣтили дружнымъ залпомъ; нѣсколько нуль прожужжали мимо Слѣпцова. Онъ только молча протянулъ руку къ оградѣ, и казаки стремительно бросились, прежде чѣмъ горцы успѣли зарядить свои ружья. Они отступили въ лѣсъ, откуда продолжали перестрѣлку. Черезъ 2 часа, ни аула, ни окрестныхъ хуторовъ уже не было: темные своды лѣса окутались дымомъ, сквозь который проскакивали языки огня. Зимній день приходилъ къ концу, надо было подумать объ отступленіи; и безъ того трудное въ лѣсахъ Чечни, оно становилось тѣмъ опаснѣе теперь, что у Слѣпцова не было пѣхоты. Три сотни спѣшенныхъ сунженцевъ подъ его личнымъ начальствомъ двинулись въ авангардъ; сзади сотня владикавказцевъ и милиція; въ серединѣ раненые, плѣнные, вся добыча и коноводы—подъ прикрытіемъ казаковъ. Медленно, шагъ за шагомъ, двигалась колонна. Какъ только мѣстность немного обнажилась, чеченцы сунулись слѣва, чтобы вырвать плѣнныхъ; но сунженцы, одушевленные присутствіемъ Слѣпцова, бросились имъ навстрѣчу съ обнаженными шашками. Потомъ опять ряды сомкнулись, колонна тронулась. Еще ударили чеченцы, и снова авангардъ встрѣтилъ ихъ фронтомъ.

Перестрѣлка между тѣмъ не умолкала ни на минуту, только на нее не обращали вниманія. Наконецъ, лѣсная чаща кончается, впереди видѣтъ просвѣтъ, что означаетъ близость поляны. Тутъ горы, предчувствуя, что добыча ускользаетъ, всѣми силами и разомъ набросились съ праваго фланга. Прозвучала лихая команда, послѣ которой авангардъ и аррьергадъ встрѣтили непріятеля дружной атакой, при чемъ многихъ изрубили. Бой мгновенно прекратился: вѣрно чеченцы потеряли предводителя. А тутъ вышла навстрѣчу и пѣхота, оставленная на Суикѣ. Въ 11 часовъ утра войска уже переправлялись на свой берегъ.

Въ лѣто того же 1850-го года, возлѣ укрѣпленія Куринскаго, памятнаго читателямъ пребывавшемъ Бакланова, производились большія работы по прорубкѣ лѣса, что привлекло цѣлое скопище чеченцевъ. Они не только палили изъ-за Мичика въ лагерь, но ставили батареи, чтобы бомбардировать Куринское. Кромѣ потерь отъ непріятельскаго огня, русскій отрядъ изнемогалъ отъ усиленныхъ трудовъ въ самое жаркое время года, таялъ отъ болѣзней. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи начальникъ Лѣваго фланга генераль Козювскій просилъ Слѣпцова поднять тревогу въ тылу чеченскаго скопища. Слѣпцовъ откликнулся, хотя на его мѣстѣ не всякій бы рискнулъ на такое опасное дѣло. Ему предстоялъ путь просѣлкой, черезъ Шалпинскую поляну, а эта поляна была перекопана въ ту пору грознымъ окономъ въ $4\frac{1}{2}$ версты длиною, съ трехъ саженымъ ровомъ по всей его длинѣ и башнями на концахъ; на лѣвомъ флангѣ окна, у самой опушки лѣса, стоялъ редуть; правымъ флангомъ онъ упирался въ лѣсъ. Болѣе пяти тысячъ горцевъ трудились надъ этимъ заваломъ, при помощи котораго Шамиль надѣялся отстоять Шалпинскую поляну, самую плодородную часть Большой Чечни. Чѣмъ больше берегли его чеченцы, тѣмъ сильнѣе хотѣлось овладѣть имъ пылкому Слѣпцову.

Приготовленія къ этому походу были рассчитаны такъ ловко, что обманули всю Чечню. Какъ бы угрожая непокорнымъ ауламъ, Слѣпцовъ выставилъ за Суижей, на р. Ассѣ, небольшой отрядъ, а въ это время возлѣ ст. Михайловской собралось 5 сотенъ сунженцевъ, 150 донцовъ, конно-ракетная команда и небольшой отрядъ пѣхоты. Въ ночь Слѣпцовъ повелъ ихъ берегомъ по пути къ Грозной, но съ половиною дороги

отправилъ пѣхоту назадъ съ приказаніемъ возвращаться открыто, чтобы непріятельскіе пикеты могли ее видѣть; самъ же съ конницей скрылся въ тущобахъ Сунжи, гдѣ пробылъ цѣлый день. Въ это время всѣ чеченскіи партіи, бывшія въ сборѣ, разошлись по домамъ въ ожиданіи набѣга. Стѣпцову только и нужно было. Съ днюшки онъ написалъ коменданту Грозной письмо съ просьбой помочь ему пѣхотой, такъ какъ свою онъ отправить назадъ. Комендантъ обѣщавъ выслать 3 роты съ одной сотней конницы, на сутки, не больше. Вечеромъ 21 августа Стѣпцовъ вышрнулъ изъ тущобы, переправился черезъ Сунжу и пошелъ напрямкѣ лѣсами. Обѣщанная изъ Грозной помощь присоединилась на отдыхъ у Ханкальскаго ущелья. На разсвѣтъ, въ день коронаціи покойнаго Государя Николая Павловича, отрядъ перешелъ возлѣ крѣпости Воздвиженской на правый берегъ Аргунн, откуда направился прямо къ Шалшиской просѣкѣ. Въ 6 часовъ утра русскіе стояли передъ грознымъ окопомъ. Изъ-за туровъ торчали высокія чеченскія папахи: тамъ сидѣло 500 защитниковъ, при одномъ орудіи; на башняхъ развѣвались значки двухъ наибовъ: Талгика и Лабизана. Стѣпцовъ пустилъ сначала милицію; она бойко взяла съ мѣста, но, встрѣченная дружнымъ залпомъ, отскочила назадъ. Тѣмъ временемъ Стѣпцовъ обозрѣлъ расположеніе окопа и намѣтилъ его слабыя мѣста. Пѣхоту онъ повелъ самъ, опушкой лѣса, противъ праваго фланга, а двѣ сотни сунженцевъ, подѣ начальствомъ Предимрова, направилъ въ лѣсъ, вправо отъ просѣки, гдѣ стоялъ редуть. Одною изъ этихъ сотенъ командовалъ тогда князь Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій главноначальствующій. Имъ было приказано выслать цѣпь изъ лучшихъ наѣзтниковъ съ тѣмъ, чтобъ завязать перестрѣлку и такимъ образомъ отвлечь вниманіе паиба отъ праваго фланга.

Когда маленькая пѣхотная колонія приблизилась на ружейный выстрѣлъ, горцы загѣли предсмертную молитву, потомъ дали залпъ; послѣ котораго продолжали учащенную пальбу. Солдаты молча добѣжали, спустились въ глубокій ровъ и стали карабкаться по крутому эскарпу на гребень. Прошло нѣсколько тревожныхъ минутъ, пока рѣшилось дѣло: наши овладѣли правымъ флангомъ, горцы отступили къ лѣвому, гдѣ перестрѣлка постепенно разгоралась. Радостнымъ «ура!» привѣтствовали

кавказцы первый успѣхъ. Слѣпцовъ оставилъ при себѣ одну роту, остальные отправилъ къ редуту. Солдаты весело бѣжали по гребню бруствера, скидывая прочь туры; впереди ихъ поспѣли по тому же гребню чеченцы. Изъ редута нашихъ встрѣтили ружейнымъ залпомъ и выстрѣломъ изъ пушки, до сихъ поръ молчавшей. Это не остановило храбрыхъ линейцевъ: они кинулись на штурмъ. Въ ту же минуту наѣздники прекратили стрѣльбу, 2-я Сунженская сотня спѣшилась и вмѣстѣ съ донцами, прибывшими изъ резерва, полѣзла съ другой стороны. Горцы такъ растерялись, что не пытались обороняться: покинувъ редутъ, они убѣжали въ лѣсъ. Такъ легко достался въ наши руки окопъ, на возведеніе котораго было потрачено столько времени и труда!

Въ 10 ч. утра прибыло изъ крѣпости Воздвиженской сильное подкрѣпленіе, но и горцы не дремали. Ихъ гонцы разносили повсюду тревогу, сзывая на залицу конныхъ и пѣшихъ. Въ скоромъ времени впереди окопа выросло цѣлое скопище, около 2^{1/2} т., и расположилось частью противъ редута, частью подальше на просѣкѣ, имѣя въ виду запереть нашъ путь. Отсюда вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ—одинъ, потомъ другой, третій... Въ это время чеченцы, замѣтивъ, что казаки уже садятся на лошадей, поспѣшно затащили свою пушку въ лѣсъ. Дѣйствительно, изъ-за редута выѣзжали крупной рысью 8 казачьихъ сотенъ; рядомъ съ ними, ближе къ опушкѣ, бѣжалъ егеря. Пѣшіе чеченцы тотчасъ скрылись въ лѣсъ, вслѣдъ за пушкой, но конные оказали удивительную стойкость. Они дали подъ-рядъ 2 залпа. Казаки тоже выпалили 2 раза, потомъ, выхвативъ шапки, крикнули «ура!» и поспѣли вскачь. Чеченцы пытались было задержать ихъ въ перелѣскахъ; тогда скакавшее рядомъ съ линейцами донское орудіе мигомъ снялось съ передка, ударило картечью, потомъ опять поспѣлось, снова остановилось и повторило выстрѣлъ, что окончательно принудило чеченцевъ обратиться въ бѣгство. Долго еще казаки гнались за ними, увлеченные побѣдой, а когда возвращались къ окопу, то лѣсъ дрожалъ отъ залхватской пѣсни:

«Пыль клубится по дорогѣ,
Слышны выстрѣлы порой:
Изъ набѣга удалого
Вдуть Сунженцы домоги!»

Вечеромъ весь отрядъ перешелъ на ночлегъ въ Воздвиженское, а на другое утро Слѣпцовъ повелъ его на Сунжу. По обѣ стороны дороги стояли пѣшія и конныя партіи, провожая русскихъ; на Валерикѣ Слѣпцова встрѣтили двое старшинъ мирныхъ ауловъ и поздравили съ побѣдой. — Черезъ мѣсяцъ онъ былъ произведенъ въ генералы; ожидалъ еще георгиевскаго креста 3-го класса, но судьба готовила ему деревянный.

Въ концѣ сентября Слѣпцовъ уже выселялъ послѣдніе аулы чеченской плоскости; наибы Шамиля съ тоской и досадой глядѣли, какъ ихъ покидали послѣдніе защитники праваго берега Сунжи. Тогда перешло подъ защиту русскихъ поселеній болѣе полутора ста семей со всѣмъ своимъ имуществомъ. Мирныя занятія по вырубкѣ лѣсовъ, устройству мостовъ, по водворенію казачьихъ станицъ и ауловъ безпрестанно прерывались тревожными вѣстями изъ Нагорной Чечни. Водвореніе мира было душевнымъ желаніемъ молодого вождя, но онъ никогда не прощалъ измѣны, не позволялъ безнаказанно хозяйничать наибамъ Шамиля. Такъ, Слѣпцовъ узналъ, что тѣ самые старшины, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ клялись въ вѣрности, принимаютъ у себя знаменитаго наѣздника Хаджи-Мурата, размѣщаютъ по своимъ хуторамъ и продолжаютъ его конницу. Несмотря на то, что ихъ большіе и многолюдные аулы были расположены или по уступамъ горъ, или въ дикихъ, неприступныхъ ущельяхъ, откуда вытекаютъ Шалажъ, Валерикъ, Гохи, — Слѣпцовъ быстро собрался и выступилъ въ ночь съ 30 на 31 января.

Въ эту экспедицію онъ взялъ въ первый разъ нѣсколько линейныхъ ротъ, стоявшихъ по крѣпостямъ для отбыванія гарнизонной службы. Летучій отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ непріятеля; но на половинѣ пути долженъ былъ заняться расчисткой огромнаго завала, сложеннаго изъ деревьевъ, связанныхъ хворостомъ и убитыхъ земель, на что ушло почти два часа трудной работы. Когда стало разсвѣтать, раздались 3 сигнальныхъ выстрѣла: отрядъ былъ открытъ. Слѣпцовъ поскакалъ и увидѣлъ цѣлый рядъ скученныхъ ауловъ, одинъ другого больше; они составляли оплотъ поселенія Нагорной Чечни. Въ то же время густыя толпы чеченцевъ спускались съ верхнихъ уступовъ. Слѣпцовъ возвратился къ отряду и приказалъ на-

чать отступленіе. Путь предстоялъ не легкій: сначала лѣсомъ, потомъ черезъ большую поляну, пересѣченную глубокимъ оврагомъ. Спѣшныя сунженцы отправились впередъ и заняли опушку лѣса на той сторонѣ поляны, чтобы принять на себя отступавшую пѣхоту. Въ то время, когда они располагались по опушкѣ, чеченцы въ большихъ силахъ перехватили оврагъ. Едва они завидѣли головныя роты, какъ бросились въ шашки— и линейные солдаты, непривыкшіе къ такимъ встрѣчамъ, побѣжали. У Слѣпцова хлынула изъ рта струя желчи. Въ пылу гнѣва и стыда онъ не замѣтилъ, что остался совершенно одинъ и пѣшій; кругомъ надали люди. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя: «Сунженцы, ко мнѣ!» Не успѣлъ затихнуть его повѣлѣвающій призывъ, какъ 4-я сотня уже окружила своего начальника. Непрiятель наступалъ дерзко, намѣреваясь отнять даже пушки. Сунженцы, занимавшіе опушку лѣса, поняли въ чемъ дѣло. Они самовольно ее бросили, перебѣжали черезъ оврагъ и ворвались въ лѣсъ подобно урагану. Чеченцы отошли стройной толпой, остановились, дали залпъ шаговъ на 30, потомъ еще отошли, выстрѣлили другой разъ, почти въ упоръ— все это сунженцы выдержали, а затѣмъ ринулись въ шашки и ужъ тутъ никому не давали пощады. Они прошли весь лѣсъ, навалили труповъ и вернулись, когда чеченцы скрылись. При дальнѣйшемъ отступленіи они появились снова, но теперь казаки отходили медленно, черезъ оврагъ перекатною гнѣбью, артиллерія огрызалась картечью. Послѣ пяти часовъ боя отрядъ потерялъ 50 убитыхъ и 130 раненыхъ,—потеря большая, къ чему Слѣпцовъ не привыкъ. Это несчастное дѣло залегло у него на душѣ тяжелымъ камнемъ. Тутъ онъ въ первый разъ увидѣлъ бѣгство русскихъ солдатъ, горько сожалѣлъ, затѣмъ взялъ въ набѣгъ линейную пѣхоту, и все думалъ, какъ бы доставить ей случай поправиться.

Тѣмъ не менѣе, Чечня приуныла. Слѣпцовъ наносилъ ей мѣткіе удары. Со своими не знающими отдыха сподвижниками онъ проникалъ въ такія дебри, которыя до сихъ поръ считались недоступны. Вырубка лѣсовъ по верховьямъ горныхъ рѣчекъ открывала къ нимъ свободные пути; раньше или позже, а Нагорная Чечня должна была покориться. Начальникъ Верхне-сунженской линіи не имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько

войскъ, чтобы разомъ прикончить; тамъ, гдѣ нужны были полки или батальоны, онъ могъ двинуть лишь нѣсколько ротъ. И съ такимъ-то, можно сказать, ничтожными средствами Слѣпцовъ поражалъ Шамиля въ самое сердце, отнимая у него наиболѣе надежные опорные пункты. У имама опускались руки. Еще недавно онъ былъ въ полной силѣ; его власти одинаково были покорны лѣса Чечни и горы Дагестана. Казацкой пашкой разгонялись его скопища, топоръ валилъ лѣса; грозный штыкъ проникалъ въ ущелья, разрушалъ аулы на скалистыхъ выступахъ горъ. Новые вожди Кавказской арміи дѣйствовали не только смѣло, но основательно, закрѣпляли за собой каждую пядь земли, добытую русской кровью. Тогдашній главнокомандующій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, самъ старый ветеранъ наполеоновскихъ войнъ, уважалъ и высоко цѣнилъ ихъ дарованія, ихъ боевую доблесть. Слѣпцова онъ любилъ какъ сына. И для всей Кавказской арміи, проникнутой духомъ братства, Слѣпцовъ былъ утѣхой, радостной надеждой: его успѣхамъ радовались, его неудачи отзывались болью въ сердцахъ, незнавшихъ, что такое зависть. Для послѣдней экспедиціи, въ которой участвовалъ Слѣпцовъ, составъ отряда былъ определенъ самимъ главнокомандующимъ. На этотъ разъ вошли 5 батальоновъ пѣхоты, саперная команда, 11 сотенъ конницы, 10 орудій и столько же ракетныхъ станковъ. 3-го декабря войска разбили лагерь въ верховьяхъ рѣки Гехи, въ пустынной мѣстности, окруженной лѣсами. На мѣстѣ лагеря должна была вырости крѣпость. Соединивши ее просѣлкой съ Урусъ-Мартаномъ, Слѣпцовъ закладывалъ новую Линію, впереди Сунжи: таконъ былъ смѣлый его шагъ. Когда началась рубка лѣса, чеченцы съ изумленіемъ глядѣли на присутствіе въ этихъ глухихъ, до сихъ поръ нетронутыхъ мѣстахъ цѣлаго городка-лагеря, гдѣ шумъ и смѣхъ не умолкали цѣлые дни; съ ужасомъ они помышляли о будущемъ, видя, какъ валятся съ трескомъ вѣковые исполины-чипары, какъ расчищаются спуски, устанавливаются козлы, готовятъ настилку...

Въ день чудотворца св. Николая въ русскомъ лагерѣ было отслужено торжественное молебствіе при громѣ пушекъ: войска праздновали именины Государя Николая I. Впервые еще въ дебряхъ Чечни раздалось священное гѣсногѣніе христіанскихъ

молитвѣ, и въ ужасѣ горцы спѣшили оградить завалами свои, теперь обнаженные, аулы. На правомъ берегу Гехи закинулъ работа. Они рубили безъ отдыха днемъ и ночью столѣтнюю чапару. Не прошло и трехъ сутокъ, какъ среди поляны возвышалось цѣлое укрѣпленіе, не казистое на видъ, но угрожавшее кровопролитіемъ; 2 тыс. конныхъ и пѣшихъ стояли въ сборѣ; съ часу на часъ поджидались новыя подкрѣпленія. Наибы получили приказаніе прогнать русскихъ во что бы то ни стало. Стѣпцовъ рѣшился ихъ атаковать.

Утромъ 10-го декабря лазутчики дали знать, что къ чеченцамъ прибыла пушка: въ 2 часа они откроютъ по рабочимъ пальбу; Стѣпцовъ сдѣлалъ распоряженіе, что первый выстрѣлъ изъ непріятельской пушки будетъ сигналомъ общаго нападенія. Послѣ полудня войска 1-й колонны, изъ охотниковъ Сунженскаго и Горскаго полковъ, подъ начальствомъ Предимирова, изъ батальона тенгищевъ съ Меркуловымъ, незамѣтно вышли изъ лагеря, пробрались въ глубину лѣса и залегли въ ожиданіи сигнала. Имъ предстояло броситься на ретраншментъ сзади. Войска 2-й колонны, которую составляли батальонъ эриванцевъ, 2 сотни сунженцевъ, 2 сотни милиціи и ракетная команда, подъ личнымъ начальствомъ генерала, спустились въ оврагъ рѣки, гдѣ засѣли подъ обрывомъ. Остальныя же войска, составлявшія 3-ю штурмовую колонну, вышли въ урочный часъ, какъ ни въ чемъ не бывало, на работу; два орудія стали на позицію впереди лѣса, казаки наблюдали переправу.

Непріятельское укрѣпленіе угодоблялось огромному сооруженію, сложеному изъ лѣсныхъ великановъ и растлупившюмуся на три версты въ длину, на версту въ глубину. Въ серединѣ его находился круглый заваль, или редутъ: онъ охватывалъ 16 хуторовъ, гдѣ хранились боевые запасы и продовольствіе. Вся опушка изъ-подъ вырубленныхъ деревьевъ была обнесена особыми завалами, за которыми стояла неподвижная стѣна урюмаго, попчатаго лѣса. Между непріятельскими верками торчали огромные пни, служившіе защитой для стрѣлковъ.

Ровно въ 2 часа впереди рабочихъ показался бѣлый клубочекъ дыма: то выпалила чеченская пушка; ядро пронеслось надъ головами и ударило въ землю. Охотники Предимирова,

заслышавъ выстрѣль, быстро поднялись въ лѣсной чащѣ и такъ же скрытно продолжали обходъ; изъ-подъ обрыва выскочила 2-я колонна; впереди ея понеслись казаки со Слѣпцовымъ во главѣ. Ихъ не утрашили смертельные залпы, не удержали малые окопы: непріятель былъ выбитъ шашками; Слѣпцовъ, упоенный успѣхомъ, остановился передъ брустверомъ большаго редута. Справа дружно работали навагинцы съ подполковникомъ Лукомскимъ, слѣва—эриванцы съ маіоромъ Шатиловымъ. Они очпщали длинныя фланги окопа отъ засѣвшихъ тамъ чеченцевъ. И 3-я колонна не отстала отъ первой. Рабочіе въ одинъ мигъ побросали топоры и стали въ ружье; казаки, не дождавшись пѣхоты, поскакали вслѣдъ за Слѣпцовымъ. Между тѣмъ навагинцы и эриванцы, покопчивъ съ флангами окопа, перебѣжали гребнемъ и окружили чеченцевъ, засѣвшихъ въ кругломъ редутѣ; часть спѣшенныхъ казаковъ присоединилась тотчасъ къ нимъ, а другая побѣжала навстрѣчу обходной колоннѣ. Не далеко успѣли казаки уйти, какъ услышали «ура!» охотниковъ въ тылу завала. Горцы сначала опѣшили передъ неожиданнымъ появленіемъ этой колонны, однако скоро опомнились, перебѣжали за заднюю сторону редута, чтобы во-время встрѣтить залпомъ. Бѣжавшіе впереди сунженцы, вмѣсто отвѣта, выхватили шашки, ворвались въ середину, при чемъ овладѣли хуторами. Чеченцы, изумленные такою отвагой, даже разступились передъ ними; потомъ ужъ, сообразивъ, какой опасности подвергалась ихъ единственная пушка, взялись за нее и потащили въ лѣсъ. Спрятавъ ее гдѣ-то въ трупобѣ, они засѣли у опушки въ малыхъ завалахъ. Туда бросился Меркуловъ со своими тенгинцами, которые послѣ короткаго боя очистили штыками всѣ завалы. Этой атакой было закончено хорошо задуманное и блистательно исполненное послѣднее дѣло Слѣпцова.—Въ минуту торжества пропеселась скорбная, потрясающая вѣсть, что его ужъ больше нѣтъ! Смолкъ веселый говоръ, побѣдные клики—горе сковало уста; омрачились лица, тоска сжала солдатское сердце.

Генераль, какъ сказано, стоялъ въ 50 шагахъ отъ большаго редута одинъ, на виду у всѣхъ, верхомъ на бѣломъ кабардинцѣ; красный верхъ его папахи мелькалъ, какъ мишень для выстрѣловъ. Онъ слышалъ «ура!» охотниковъ, потомъ вдругъ

пошатнулся на сѣдлѣ и, повернувъ коня, ухватилъ его за гриву. Все это видѣли конвойные. Когда они подскочили, Слѣпцовъ произнесъ глухимъ голосомъ: «Конецъ! Снимите меня!»—Пуля попала ему подъ сердце, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

— «Команду послѣ меня принимаетъ полковникъ Каревъ», проговорилъ умирающій отрядному квартирмейстеру барону Стало. Когда его несли въ лагерь, онъ успѣлъ еще спросить: «Взято ли непріятельское орудіе?» Ему отвѣтили, что завалы взяты, а насчетъ орудія ничего неизвѣстно.—«И за то слава Богу!» отвѣтилъ Слѣпцовъ едва слышно, при чемъ перекрестился. Это были его послѣднія слова: въ лагерь внесли уже трупъ.

Войска возвратились, замерцали огни, было темно, холодно и жутко. Среди глубокой тишины доносились изъ лѣсовъ жалобныя пѣсни въ честь убитыхъ, въ перемежку съ гиканьемъ и радостными воплями по случаю смерти русскаго витязя. На другой день лежала вся Чечня.

Населеніе Сунжи, отъ мала до велика, вышло навстрѣчу покойнику; плачь, надрывающій сердце, стоялъ стопомъ въ степи. Слѣпыхъ подводили къ гробу; матери сажали на крышку грудныхъ младенцевъ; старики съ укоризною въ глазахъ смотрѣли на сподвижниковъ Слѣпцова. Одинъ сѣдой казакъ упрекнулъ даже коня: «Ишь, волчья сыть! Не умѣлъ уберечь, а самъ-то цѣль!»

Главнокомандующій почтилъ память покойнаго особымъ приказомъ по Кавказской арміи: «Остаюсь вполне увѣренъ, что всѣ знали подвиги Слѣпцова и всѣ раздѣляютъ чувство горести, возбуждаемое утратой этого доблестнаго генерала, но въ особенноти Сунженскій казачій полкъ, которымъ онъ командовалъ съ 1845 года, который онъ устроилъ, поселилъ, воодушевилъ и прославилъ, съ которымъ сталъ грозой непріятеля и въ рядахъ котораго палъ на полѣ чести».—Когда родной братъ Слѣпцова просилъ, чтобы ему позволили перевезти драгоцѣнный прахъ на родину, въ Ярославскую губернію, князь Воронцовъ отвѣтилъ, что тѣло покойнаго принадлежитъ Кавказу. По его же ходатайству Государь Императоръ повелѣлъ впредь именовать Сунженскую станицу Слѣпцовской.

Ходила молва, что Слѣпцовъ ждалъ своей смерти. За мѣсяцъ онъ говѣлъ и приобщался св. Тайнъ, а передъ отъѣздомъ изъ Сунженской вручилъ своему старому слугѣ Якову письмо съ надписью: «Послѣднее» — для передачи роднымъ. — Да, смерть часто является желанной гостьей даже въ расцвѣтѣ жизни, въ блескѣ славы, среди братской пріязни и свѣтлыхъ надеждъ. Такъ палъ и Слѣпцовъ, одинъ изъ лучшихъ вождей Кавказа. Свою тайну онъ унесъ въ могилу, но среди живыхъ оставилъ по себѣ память, которая не умретъ въ пѣсняхъ казачьихъ, чеченскихъ: «Слава его высока и свѣтла, какъ вершина Казбека» — пость до сихъ поръ въ своей бѣдной саклѣ усмиренный имъ чеченецъ.

